

АННА БУНИНА • НЕОПЫТНАЯ МУЗА

АННА
БУНИНА
НЕОПЫТНАЯ
МУЗА

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Анна Бунина

Анна Бунина

**НЕОПЫТНАЯ
МУЗА**

Собрание стихотворений

Москва
Б.С.Г.-Пресс
2016

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)1
Б91

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»
(2012—2018)

Вступительная статья МАРИИ НЕСТЕРЕНКО
Составление и подготовка текста МАКСИМА АМЕЛИНА
Биографическая хроника и примечания
МАКСИМА АМЕЛИНА и МАРИИ НЕСТЕРЕНКО

Бунина А. П.

Б91 Неопытная муза: Собрание стихотворений / Анна Бунина; вступ.
ст. М. Нестеренко; сост. и подгот. текста М. Амелина; биогр. хроника
и примеч. М. Амелина, М. Нестеренко. — М.: Б.С.Г.-Пресс, 2016. — 560 с.

ISBN 978-5-93381-331-6

В книге впервые со всей возможной полнотой представлены разнообразные по жанрам и формам (от лирических миниатюр и эпиграмм до торжественных од и поэм) стихотворения первой русской женщины-поэта Анны Петровны Буниной (1774—1829).

Собрание снабжено вступительной статьей, биографической хроникой, пояснительными примечаниями и иллюстративным материалом.

ISBN 978-5-93381-331-6

© М. А. Нестеренко, 2016

© М. А. Амелин, 2016

© Б.С.Г.-Пресс, 2016

СОДЕРЖАНИЕ¹

<i>М. Нестеренко. Уроки «Неопытной музыки»</i>	11
<i>М. Амелин, М. Нестеренко. «Девница Анна Бунина».</i> Хроника жизни и творчества	27

НЕОПЫТНАЯ МУЗА. <ЧАСТЬ ПЕРВАЯ> (1809)

Циклоп. <i>Идиллия*</i>	61 492
Ливия. <i>Идиллия*</i>	66 492
Молитва Линданы*	68 493
К богине сновидений	74 493
На выступление российско-императорских войск*	77 493
При взгляде на гробницы великих: императора Петра I и императрицы Екатерины II в Петропавловской крепости.....	81 494
На смерть друга моего	
<1.> («Мир праху твоему!.. О друг души моей!..»)	82 494
<2.> Ей же («Так! Нет тебя!.. И та, которая блистала...»)	82 494
Ангел смерти*	83 494
Сумерки*	84 494
Видение Дамона.....	88 496
К портретам двух братьев Айю.....	92 496
Брату моему*	93 496
На случай смерти Николая Петровича Хлебникова.....	95 496
С приморского берега*	96 497
Юному Поллуксу*	98 497
Разговор между Аполлоном и музою бедного стихотворца	101 497

¹ Звездочкой (*) отмечены стихотворения, имеющие существенные различия (см. Другие редакции).

Разговор у общества со временем.....	103 497
Прохожий и господский слуга. <i>Басня*</i>	104 497
Вол, осел и конь. <i>Басня</i>	106 497
Ивану Ивановичу Дмитриеву, при посвящении ему следующих I сказки и III басен	108 498
Добрый человек и золото. <i>Сказка</i>	109 498
Смерть и ея придворные. <i>Басня*</i>	113 498
Чугунные и глиняные горшки. <i>Басня*</i>	115 498
Русская пословица. <i>Басня</i>	117 498
Тем, которые предлагали мне писать гимны.....	119 498
Мой портрет, списанный на досуге в осенние вет- ры для приятелей	120 499
При встрече весны.....	132 499
Наука о стихотворстве из г. Боало. Песнь I.....	135 499
Отречение.....	143 501

О СЧАСТИИ. ДИДАКТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ (1810)

Песнь первая*	149 503
Песнь вторая*	157 503
Песнь третья*	165 503
Песнь четвертая*	174 504

НЕОПЫТНАЯ МУЗА. ЧАСТЬ ВТОРАЯ (1812)

Песнь свободе, писанная к Н. Н. по случаю данного им на сие повода*	185 504
Песнь смерти	190 504
Похвала любви, сделанная по требованию Н. И. А<х- вердова>, желавшего, воспев самый же сей пред- мет, быть моим состязателем	192 506
<Послания к Леону> <I.> Послание к Леону («Не время ли, Леон! при- зраки броса лживы...»)*	197 506
II. Послание к Леону («Вчерась тебя, Леон! к заба- вам я склоняла...»)*	201 507
Майская прогулка болящей	206 507

Моим племянникам и племяннице, игравшим пролог на мой в деревню к ним приезд	210 508
Мише, десятилетнему моему племяннику.....	212 508
Пекинское ристалище. <i>Баснь</i>	214 508
Эпитафия супруге его превосходительства Ф. И. Ахвердова>, сделанная по его просьбе	
<1.> («Что разум? что краса? приятств совокупленье?..»)	216 509
<2.> Ей же («Восплачь и восстени, сын счастья, со мною!..»)	216 509
На случай детского пиршества, бывшего в Павловске 1810 года июня 16 дня*.....	217 509
На истукан Орфея	220 510
Клитандру, который предпочитал дурного певца хорошему.....	221 510
Обещание страждущему бессонницею.....	222 510
Рондо*	223 510
В альбом К. Д. Власьевой>	224 510
Экспромт на вопрос: кто из всего дышущего менее наслаждается жизнью?*	225 510
Петух-сторож. <Басня>*	227 510
Разговор между мною и женщин<ами>	229 510
Четыре времени года	
Весна.....	233 510
Лето.....	237 511
Падение Фаетона. <i>Баснословная повесть</i>	
Предисловие.....	241 513
Песнь первая*.....	248 514
Песнь вторая*.....	257 515
Песнь третья*	268 515
И. А. Крылову, читавшему моего «Фаетона» в Беседе любителей русского слова	278 516
Стансы. <i>Подражание лесбосской стихотворице</i>	279 516

**СТИХОТВОРЕНИЯ 1800-Х ГОДОВ,
НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В «НЕОПЫТНУЮ МУЗУ»**

Подражание Мадагаскарской песни.....	283 517
Неосновательной ропот противу осени.....	285 517

Глас горести.....	290	517
Меланхолическая прогулка одной молодой россиянки.....	293	517
«Не вся ли жизнь есть перемена?..».....	297	517
Два экспромта		
1. К Амуру.....	298	518
2. К парящему гению поэзии.....	298	518
Ответ на вопрос автора предыдущих стихов, можно ли их напечатать в «Московском зрителе».....	299	518
Философия бабочки.....	300	518
[Ответ Н. И. Ахвердову на его стихи в альбом].....	303	518

СТИХОТВОРЕНИЯ 1810—1820-х годов

[Куплеты Нины из повести «Вечер у камина»].....	307	519
На дачу его превос<ходительства> И. И. Кушелева.....	310	519
Графу Кутайсову, на сочиненные им в мой альбом стихи.....	312	520
Мерзлякову, на перевод Танкерда.....	313	520
Воззвание благочестивого мужа к Мариину уедине- нию*.....	314	520
На кончину графа Александра Ивановича Кутайсо- ва, в Бородинском сражении убитого 1812 года ав- густа 26.....	319	521
На смерть капитана гвардейской артиллерии Ро- стислава Ивановича Захарова.....	321	521
На истребление французов, нагло в сердце России вторгнувшихся.....	322	521
Мысль при гробе его императорского высочества Ге- оргия, принца Голштейн-Ольденбургского.....	334	522
[Стихи из письма к А. С. Шишкову] («Хоть бедность не порок...»)*.....	337	522
Песнь Александру Великому, победителю Наполеона и восстановителю царств.....	342	528
Усердное призвание Александра от верноподданных его, торжествующих в С. Петербурге взятие Пари- жа 1814 <года> апреля 15, 16 и 17.....	351	528
Поздравление ея императорскому величеству, импе- ратрице Елисавете Алексеевне, на радостное, по		

окончании войны 1814 года, июля 30 дня государя в С.-Петербург прибытие	353 528
Надписи на врата, воздвигнутые в 1814 году для вшествия Александра Победоносного	
1. «Не гордым именем Колосса...»	354 529
2. «Не памятник тебе воздвигнут...»	354 529
3. «Хотя б пирамиды воздвигли мы из злата...»	354 529
К П. М. Т<олст>ой, на ужин А. С. Ш<ишко>ва 23-го января 1815 года	355 529
Счастливый Меналк. <i>Идиллия</i>	358 529
Три друга	364 530
Сон с корабля	367 530
Призывание Мальвины из Брайтона в Бат, или <i>с при- морского берега в загородный дом*</i>	369 531
Песня в народном вкусе, из местечка Веил-Брук	375 536
В. И. Б<акунин>ой в альбом	377 537
В альбом 13-тилетней моей племяннице	
<1.> («В замену слов моих Альбом сей оставляю...»)	382 537
<2.> Ей же («Еще простой подам тебе урок...»)	382 537
В альбом 10-тилетнему Мар...нову	384 537
Эпитафия М. П. О...ну от его супруги	
<1.> «При взорах я твоих...»	385 537
<2.> Ему же («Прими сей кипарис...»)	385 537
Слеза (<i>Перевод с французского романса</i>)	386 537
Упрек другу	387 537
На разлуку	389 538
В альбом Писареву-Иванчину	392 538
Темпераментология А. П. Буниной	393 538
Долина (<i>Из Альфонса Ламартина</i>)	394 538
К. Н. П<учково>й	396 538
Гордость (<i>Подражание Царю Давиду</i>)	397 539
Ближним	399 539

НАУКА О СТИХОТВОРСТВЕ. ПЕРЕВОД ИЗ Г. БУАЛО (1821)

Песнь I	404 539
Песнь II	411 540
Песнь III	417 541
Песнь IV	430 542

СОМНИТЕЛЬНОЕ И ОТРЫВОЧНОЕ

Вечер	439 543
Польской (<i>Музыка г-на Козловского</i>)	441 544
Ночь	444 544
[Отрывок из перевода Сапфо] («Свет померк в моих утомленных взорах...»)	445 544
Стансы на болезнь и на выздоровление Д. А. Л. (<i>от- рывки</i>)	446 544
Званские виды на Волхове	447 545

ПРИЛОЖЕНИЕ

Другие редакции	453
Примечания	485
Алфавитный указатель стихотворений	547

УРОКИ «НЕОПЫТНОЙ МУЗЫ»

I

Если спросить современного читателя, какие русские поэтессы ему известны, то, скорее всего, названные им имена будут относиться к XX веку. Поэзия, созданная женщинами двух предыдущих столетий, по существу, остается непрочитанной. И прежде всего, это относится к стихотворному наследию Анны Петровны Буниной (1774—1829).

Она не была избалована вниманием современников, хотя в журналах и появлялись положительные отзывы о ней и ее поэзии, написанные другими поэтами: князем П. И. Шаликовым: «Вдохновение сильных страстей, впечатление великих предметов, живость чувства, пылкость воображения, высокость мыслей, парение ума: вот лучезарная печать прекрасного таланта, данного <...> Творческою природою! / Ни одна стихотворица не писала у нас с таким совершенством, как девица Бунина» (Об отъезде в Англию девицы Буниной и о сочинениях сей стихотворицы // Российский музеум. 1815. Ч. III. № 9. С. 355); А. Е. Измайловым: «Мы имеем у себя довольно хороших писательниц, но первое между ими место бесспорно принадлежит А. П. Буниной. В стихотворениях ея видно сильное чувство, и даже дар живописи, а кто сильно чувствует и живо изображает, тот настоящий Поэт» (Известия о новых книгах // Благонамеренный. 1820. Ч. IX. № 5 (март). С. 350—351); В. К. Кюхельбекером: «С удовольствием извещаем наших читателей о выходе в свет первой части *Сочинений* г-жи Буниной. Стихотворения ее заслуживают во многих отношениях внимание публики: г-жа Бунина — женщина-поэт, явление редкое в нашем отечестве, и сверх того поэт с дарованием, поэт-неподражатель. Подробный разбор лучших ее стихотворений принес бы словесности, по нашему мнению, истинную,

существенную пользу <...>» (Взгляд на текущую словесность // Невский зритель. 1820. № 3 (март). С. 78). Однако в большинстве откликов (даже самых сочувственных) прослеживается нехитрая мысль, что перед читателем женщина, сочиняющая хорошие стихи, и это уже само по себе явление неординарное.

Буниной не повезло и в первой четверти XX столетия, когда в литературу вдруг хлынуло небывалое количество поэтов, жаждавших выступать, издаваться, и на этой волне пробудился интерес к женской поэзии XIX века. Только Ахматова походя признается, что «<...> первая русская поэтесса Анна Бунина была теткой моего деда Эразма Ивановича Стогова», добавляя тем самым важный штрих к своему авторскому мифу (А. П. Бунина приходилась Э. И. Стогову лишь дальней родственницей¹). Между тем, это не только первая русская женщина-поэт в полном смысле слова, но и мощнейший автор своей эпохи, и сейчас поражающий широтой жанрового диапазона: от мифологической поэмы до философской лирики.

В XX веке Бунину изучали исключительно в контексте «творчества писателей и поэтов более скромного дарования», который необходим «для воссоздания целостной реальной картины развития литературы». Б. С. Мейлах называет ее «ничтожным стихотворцем», чьи стихи, «собранные в сборниках “Неопытная Муза” и “Сельские вечера”, написаны по всем правилам школьных “пиитик” классицизма и решительно никакой ценности не имеют» (Мейлах: 191). Для уважаемого филолога оказалось совершенно не важно, что «Сельские вечера» — прозаический сборник.

Литературная репутация Буниной противоречива: первая русская поэтесса, но при этом второстепенный автор. Как такое возможно?

Русская литература знает много случаев несправедливости, и пример Буниной в этом отношении более чем показателен. Ей не повезло дважды: женщина-поэт, оказавшаяся героиней литературной полемики архаистов и новаторов. А. С. Пушкин в «Послании к цензору» как будто навеки припечатал: «Хвостова, Буниной единственный читатель», и этого будет достаточно, чтобы последующие поколения читателей с презрительной ухмылкой отворачивались от Буниной. Еще бы, ведь Пушкин не

¹ Стогов был взят на воспитание семьей Б. К. Бланка, женатого на дочери Варвары Петровны Усовой, родной сестры Анны Петровны.

может ошибиться, и неважно, что в первой редакции эта строка звучала по-другому: «Василья Пушкина единственный читатель»². Вероятно, Пушкин решил пожалеть родного дядю и просто нашел ему ритмическую замену.

Бунина начинает свою литературную деятельность, когда женское творчество не воспринималось литературным сообществом всерьез, в лучшем случае оно представало очаровательным дамским умением, сродни вышиванию. В худшем — подвергалось осмеянию как занятие, недостойное матери семейства и хозяйки очага. В 1805 г. на страницах «Вестника Европы» появилось сатирическое «Начертание уложения для республики литераторов». В 10-й статье этого «Уложения» говорилось: «Мать семейства, которая часто отлучается и не радеет о своем хозяйстве, желая в республике литераторов блистать дарованиями, остроумием и глубокомыслием, и которая сочиняет метафизические и философические романы, осуждается на три месяца мыть белье и полоскать столовую посуду». Биограф Буниной К. Я. Грот отмечал, что «на женщину-писательницу как на явление аномальное <...> смотрели снисходительно и пренебрежительно» (Грот: 1).

Спустя 20 лет, в 1820—1830-е гг., вместе с профессионализацией литературных занятий меняется статус женщины-писательницы: «она перестает быть курьезом» (Савкина: 26). Без сомнения, в изменении статуса велика и заслуга Буниной, рискнувшей всем ради поэзии и послужившей примером для последующих поколений поэтесс. Н. В. Банников, составитель одной из немногочисленных антологий женской поэзии XIX века, писал, что А. П. Бунина и А. А. Волкова, «сумев отбросить стесняющие предубеждения, <...> стремятся печатать свои стихи, добиваются этого и даже прибегают к покровительству не только писателей, но и сановных, придворных лиц. Именно эти поэтессы первыми в России издают книги, <...> вступают в существовавшие тогда литературные объединения» (Банников: 7).

Бунина шла наперекор сложившимся обстоятельствам, проявляя завидное упорство в стремлении стать профессиональным литератором. Литература становится для нее делом всей жизни: именно с целью заниматься ею она переезжает в Петербург, изучает языки и литературу, наконец, пытается сделать сочинительство источником своих доходов. Последнее ей не уда-

² Записки Отдела рукописей РГБ. Вып. 50. М., 1995. С. 172.

ется, поскольку литература как социальный институт в этот период только формируется, и Буниной приходится прибегать к покровительству высоких сановников и вдовствующей императрицы.

В конце 1800-х гг. Бунина посещает литературные собрания у Г. Р. Державина, в 1811 г. оформившиеся в «Беседу любителей русского слова», почетным членом которой она становится. По точному замечанию Ю. Н. Тынянова, в отношении архаистов «в истории русской литературы учинена несправедливость, в ней сказывается влияние победившего литературного течения». На долгие годы за беседчиками закрепились репутация консерваторов и реакционеров, что было следствием смешения эстетической и общественной позиций. Беседчики стали заложниками сначала собственных консервативных взглядов, а потом и собственной репутации. Об искажении эстетической программы Беседы писал М. Г. Альтшуллер: «большинство из словечек подобного рода, приписывавшихся Шишкову и его последователям, выдуманы противниками адмирала (биллиард — шарокат, кий — шаропех, луза — прорездырие) и часто принадлежат к историко-литературному фольклору» (Альтшуллер: 57). Однако все это было позже. В 1811 г. «Беседа любителей русского слова» была единственным литературным объединением в Петербурге, в которое входили крупнейшие поэты и литераторы своего времени: Г. Р. Державин, И. А. Крылов, В. В. Капнист, В. А. Озеров, С. А. Ширинский-Шихматов, А. С. Шишков, епископ Евгений (Болховитинов) и др.

Старшие современники высоко ценили стихи Буниной, однако младшие (среди них «арзамасцы», А. С. Пушкин, К. Н. Батюшков) нередко избирали поэтессу как члена ненавистной им Беседы своей мишенью для насмешек.

Комплиментарная критика, использовавшая историко-литературные имена (Русская Сапфо, Северная Коринна и т. д.) оказала Буниной медвежью услугу. О. А. Проскурин отметил, что в начале века именование ее «русской Сафой» или «Сафо наших дней» было общим местом (Проскурин: 156). Однако того же «прозвища» удостоивалась едва ли не каждая женщина, решившая испытать свои силы на литературном поприще. Пародийность номинации «Сапфо» вытеснила комплиментарность и была, например, использована С. С. Уваровым 25 ноября 1815 г. на заседании «Арзамаса», где он прочитал «похвальное слово»

литературному покойнику — «Бедной певице» А. П. Буниной. Главным объектом осмеяния является «Седой дед» (А. С. Шишков), а «Бедная певица» в речи служит лишь предлогом: «У подошвы русского Пинда, посреди Беседы, цвела некогда нежная и скромная Певица. С самой колыбели она почувствовала влияние гениев и вздрагивала при имени седого деда. В зимний холод согревалась она у пламенника его поэзии. Собравшись к огонечку, вся семья внимала с восхищением истинно ребяческим повестям седого деда; а когда матки придут святки, то юная Сафо предавалась всем движениям пылкого воображения; но и тогда мысль о возлюбленном была с нею неразлучна; играя в снежки или в салазки, младая Певица твердила его неподражаемые стихи и, слава Богу, вкушала радость многу» (Арзамас: I, 307).

В ответной речи Д. В. Дашков пытался защитить Бунину: «<...> я бы лучше столкнул с Левкадского мыса сего ветхого деньми Фаона (А. С. Шишкова. — М. Н.) и сберег бы сию Сафу, не для него сотворенную. Он был виною преждевременной ее смерти. Он погубил Неопытную музу ее, и, подобно лукавому диаволу, насадил плевелы, кои подавили возрастающую пшеницу. <...> С каким бы удовольствием дали мы ей почетное место в мирном Арзамасе» (Там же: I, 312). Осторожная защита Буниной — частный случай, который позволяет, по замечанию В. Э. Вацуру, «уловить и разность литературно-эстетических позиций в среде самих арзамасцев» (Там же: I, 537). К. Н. Батюшков³, пожалуй, самый последовательный гонитель Буниной, в письме к Н. И. Гнедичу также признал, хотя и не без иронии, достоинства ее текстов: «Прочитай конец третьей песни, описание сельского жителя. Это все прелестно. Стихи текут сами собою, картина в целом выдержана, и краски живы и нежны. Позвольте мне, милостивая государыня, иметь счастье поцеловать Вашу ручку! / Клянусь Фебом и Шишковым, что вы имеете дарование» (Батюшков: II, 178).

К началу 1820-х гг. полемика между архаистами и новаторами перетекает в иное русло: Шишкова и его сторонников сменяет младшее поколение, в котором самым ярким и последовательным был Вильгельм Кюхельбекер. Он предпринял первую попытку серьезного критического анализа стихов Буниной в статье «Взгляд на текущую словесность» (1820). Интерес

³ Батюшков неоднократно обращался к биографическому мифу поэтессы: «Видение на берегах Леты», «Ты — Сафо, я — Фаон...», «Певец в Беседе словенороссов» и др.

Кюхельбекера к поэтессе не был сиюминутным или случайным, о чем свидетельствует новое обращение к ней спустя четыре года: «...еще только попытки, однако же... по сю пору одни, может быть, во всей нашей словесности принадлежат поэзии романтической. Таков был некогда Бобров — поэт, который при счастливейших обстоятельствах был бы, может быть, украшением русского слова, который и в том виде, в каком нам является в своих угрюмых, незрелых, конечно, созданиях, ознаменован некоторым диким величием. Такова, наконец, госпожа Бунина, которой “Прогулка болящей” есть произведение, исполненное живой, глубокой скорби». Формально Бунина принадлежала к кругу старших архаистов, однако ее поэтика, безусловно, была ближе к романтикам, чем и объясняется интерес к ней Кюхельбекера.

Не повезло Буниной и позже, когда демократическая критика заговорила о правах женщины и ее месте в литературе. «Анна Бунина и Зенеида Р—ва представляют две совершенные противоположности, не по одному таланту, но и по направлению и духу их произведений», — писал в 1842 г. В. Г. Белинский. С его точки зрения, «знаменитая в свое время» Бунина, как и другие писательницы, хороша лишь тем, что подготавливала почву для появления «серьезной» женской литературы, поднимающей «серьезные» вопросы. Новый тип писательницы, по мнению Белинского представляла Елена Ган (Зенеида Р—ва) — «русская Жорж Санд». Любимец советского литературоведения, «самый глубокомысленный из всех критиков», не мог по достоинству оценить наследие Буниной, соотнеся его с эпохой, в которой жила поэтесса, увидеть, что всей своей жизнью и образом мысли Бунина являла собой тот тип женщины, об отсутствии которого он так сокрушался.

II

В 1809 г. выходит первая поэтическая книга Буниной «Неопытная муза», а в 1812 — ее вторая часть. Повторив программное название, поэтесса манифестировала свою позицию, обозначила свои координаты в литературном процессе и очертила положение женской поэзии в целом. Мужчины уверены в своем даре, они на «ты» со «своенравным гением». Поэтесса как бы нащупы-

вает голос, она не уверена в своем таланте: ее муза видится ей неопытной, и потому «Неопытная муза» столь разнообразна. Бунина пробует себя в жанре идиллии, басни, эпиграммы, оды, дидактической поэмы, философской оды, и не уступает в этом авторам-мужчинам.

В 1810 г. выходит отдельным изданием дидактическая поэма «О счастье». Для философии Просвещения тема счастья, «фортуны» была одной из самых характерных. В дидактическом стихотворении Бунина полемизирует с одой Жана-Батиста Руссо «На счастье», в переложении которой некогда соревновались М. В. Ломоносов и А. П. Сумароков. Если у французского поэта Счастье слепо:

Доколе, счастье, ты венцами
Злодеев будешь украшать?
Доколе ложными лучами
Наш разум хочешь ослеплять? <...>
(Переложение М. В. Ломоносова),

то у Буниной счастье выбирает тех, кто живет естественной жизнью и выполняет свой долг, и в этом отношении ее поэма переключается со стихотворением Г. Р. Державина «На счастье». Поэтесса отдала дань нормативной поэтике классицизма и двинулась дальше, экспериментируя на стыке традиций легкой поэзии и басни в поэме «Падение Фаэтона». Обращение к «Метаморфозам» Овидия на рубеже XVIII—XIX вв. было явлением распространенным. Сюжет о Фаэтоне использовали и А. П. Сумароков в «Одноколке», и Г. Р. Державин в «Колеснице», но и в первом, и втором случае не было прямой мифологической мотивировки. Поэма Буниной испытала влияние жанра ирои-комической поэмы, прежде всего, «Энейды, вывороченной наизнанку» Николая Осипова, а также «Душеньки» Ипполита Богдановича, что проявляется на разных структурных уровнях текста: персонажи и сюжет заимствованы у Овидия, а элементы бытописания служат средством травестирования «высоких» героев». На переходах из фабульного в нефабульный план и жидется комический эффект:

В состав таинственный он омочивши персты,
Спешит горяще им лице свое омыть,
Чтоб юношу, лобзая, не спалить.

Читатель скажет мне: я встретил ложную вставку:

Нигде отец сей сына не видал;

То как незнаема узнал?

Прошу читателя с началом сделать справку <...>

Бунина прибегает и к ироническим отступлениям на литературные темы: например, при падении Фаетона запылала гора Парнас:

Затем что с низа до верхов

Была завалена стихами,

И что, будь сказано меж нами,

В соборе том стихов

Иные были суховаты;

Сухие же скорей зажгутся и стихи!

И так Парнас, подтопкою богатой,

За наши вмиг сгорел грехи!

Таким образом, появляется игра между уровнями повествования.

«Падение Фаетона» имело определенный успех у читателей. Судя по всему, поэма вызвала живой интерес со стороны беседчиков; Г. Р. Державин, по воспоминаниям, будто бы ее «усваивал себе» (Дамский журнал. 1831. № 9. С. 134). Позднее В. Г. Белинский отмечал: «Знаменитейшее произведение г-жи Буниной была нравственная поэма ее “Фаетон”».

Бунина выступала не только как поэт, но и как прозаик и переводчик. В 1811 г. вышел сборник «Сельские вечера», в который вошли две повести «Спасение Фив» и «Вечер у камина» — образцы поэтической сентиментальной прозы с ее характерным словарем и отсутствием сложной фабулы.

Бунина проявляла большой интерес к нормативной поэтике, и в этой связи весьма интересны ее переводческие работы. Она сделала краткое переложение «Правил поэзии» (в оригинале: *Cours des belles-lettres, ou principes de la littérature*) аббата Шарля Баттё, снабдив их примерами из русской поэзии, перевела «Науку о стихотворстве» (*L'art poétique*) Николя Буало. Однако и этот «<...> труд Буниной, хотя и был встречен одобрительными отзывами, оказался на периферии литературной жизни начала XIX века» (Песков, 71). В конце жизни она перевела с англий-

ского «Нравственные и философские беседы» шотландского проповедника Хью Блэра, изданные в конце 1828 г.

Такому разнообразию литературных интересов могли бы позавидовать многие.

III

У Анны Буниной впервые в русской поэзии звучит голос женщины-поэта. В ее стихах формируется тематический комплекс и словарь, которым будут пользоваться поэтессы следующих поколений. Круг возможностей поэтессы поражает: она разрабатывала разные жанры, но, возможно, главное в ее наследии — это философская и «страстная» лирика.

В статье «“Женские” стихи» В. Ф. Ходасевич отмечает две линии женской поэзии; одна, по его мнению, берет свое начало от Е. П. Ростопчиной, другая — от К. К. Павловой: «У нас это направление, которое трудно назвать вполне литературным, наметилось очень давно: его первая представительница (и может быть — самая яркая) была Ростопчина. Тогда же оно вызвало и протест: отчасти в критике Белинского, отчасти — в творчестве Каролины Павловой. Весьма вероятно, что именно отталкиванием от ростопчинской “женскости” вызвана “мужественность”» (Ходасевич, 210). Далее автор свел две эти линии в поэзии Анны Ахматовой. Однако, если мы внимательнее прочитаем в стихи А. П. Буниной, то обнаружим в них сосуществование означенных Ходасевичем линий, и тогда история русской женской поэзии предстанет совсем иной⁴.

А. П. Бунина не сопротивлялась писанию на *женские* темы, она сопротивлялась существующему положению дел в обществе, не соглашаясь с тем скромным местом, какое было выделено женщине-поэту в литературной иерархии, что и нашло отражение в ее стихах:

⁴ В XVIII в. заявили о себе примерно 50 писательниц, из них около двух десятков поэтесс, чьи произведения дошли до нас. Их стихи находятся в общем русле поэзии своего времени, в них пока нет попытки рефлексии по поводу своего творчества (первая такая попытка принадлежит именно Буниной). Женская поэзия складывается на фоне отхода от нормативной поэтики и формирования национальной поэтической традиции.

Подчас я подвиги мужей воспевала,
 В кровавый что вступая бой,
 За веру и царя живот скончали свой,
 И гулом ратное сотряси поле,
 Несла под лавром их оттоле,
 Кропя слезой.
 Подчас, от горести и стонов,
 Прейдя к блюстителям законов,
 Весельем полня дух,
 Под их Эгидою беспечно отдыхала.
 Подчас к пиитам я вперяя слух
 Пред громкой лирой их колена преклоняла.
 Подчас,
 Почтением влекома,
 Я пела Физика, Химиста, Астронома;

на что ее собеседницы отвечают:

Эге! какая ахинея!
 Да слова мы про нас не видим тут..
 Что пользы песни нам такие принесут?
 На что твоих скотов, комолых и с рогами? —

пишет Бунина в «Разговоре между мной и женщинами». Она использует диалогическую форму, характерную для произведений, выражающих взгляды автора на специфику творчества, введенную в русскую поэзию еще М. В. Ломоносовым («Разговор с Анакреоном»), но чаще встречающуюся в начале XIX в. Она пишет от первого лица — лица женщины-поэта, обращаясь к *современным ей* читательницам, чего не делала до нее ни одна поэтесса. «Разговор между мной и женщинами» — первая стихотворная рефлексия по поводу женского образования, и женского чтения в том числе:

Признаться Русскому не все мы учены;
 А Русские писанья мудрены;
 Да правда, нет на них теперь и моды.

В «Разговоре между мной и женщинами» Бунина выходит к одному из самых устойчивых конфликтов романтизма — между

поэтом и чернью. Показательно, что тема апробируется полукомически, в стихотворении содержится лишь намек на тот потенциал, который раскроют спустя время русские романтики. Бунина, в отличие от поздней романтической традиции, не проводит жесткую разделительную черту; она сочувствует им, и заканчивается стихотворение размышлением о положении женщины в обществе:

Всё правда, милые! вы их не ниже;
Но ах!
Мужчины, а не вы присутствуют в судах,
При авторских венках,
И слава авторска у них в руках;
А всякой сам к себе невольно ближе.

Стихотворение носит характер манифеста, поскольку в нем Бунина отстаивает право быть свободной в выборе тем и приемов. Она излагает своего рода программу, авторское кредо и очерчивает круг тем: «Пою природы я красы; / Рогами месяц в воду ставлю...»; «Подчас я подвиги мужей воспевала, / В кровавый что вступая бой...» и т. д. На этом фоне читательницы оказываются ничем не лучше читателей, судей-мужчин. Однако в конце стихотворения ирония у Буниной переходит в автоиронию, поскольку ее лирический субъект признает правила игры и, сетуя на положение вещей, все же соглашается с ним.

Если в «Разговоре между мной и женщинами» мы видим отношения «женщина-автор — женщины-читательницы», то в «Пекинском ристалище» сталкиваются женщина-автор и мужчины-авторы:

Хочу сказать в Китае небывалом,
Что жены тамошни сидят в нем по домам,
И к беганью у них все заперты дороги;
Что с детства нежного, едва изыдут в свет,
Тесьмами крутят им и стягивают ноги:
Без ног же в поприще стяжаться выгод нет.

Пожалуй, не нужно объяснять, что под «Китаем небывалым» понимается Россия, а тесьмы, которыми скручивают ноги, — это положение женщины в тогдашнем российском обществе, ее образование, которое, по большому счету, и не нужно:

Будь доброю женой, без прихотей, коварства;
По кротости души кажи всем кроткий взгляд;
    Пекись о благодравьи чад,
    О нуждах подданных и их забавах;
    Будь доброй дочерью, сестрой;
    Блуди семейственный покой,
И славу обретай в своих незлобных нравах:
    Вот поприще обширное для нас!

Используя приемы аллюзионной поэзии, Бунина превращает восхваление мудрости судей в «Китае небывалом» в сатиру, одновременно обращенную и на интеллектуальную дискриминацию женщины, и на женщину, проявляющую трусость из-за предрассудков.

Стихотворение посвящено «некоторым из почтенных членов Российской императорской академии», удостоивших поэтессу «лестного своего одобрения», и нетрудно угадать, что под бегунией Бунина подразумевала саму себя. Безусловно, это первый и уникальный случай в русской поэзии; более того, в этом стихотворении Бунина оказалась созвучна европейским протофеминисткам, как раз в это время выдвинувших концепцию «антиженского заговора». Удивительно, что эти стихи просмотрела демократическая критика, жаждавшая гражданской проблематики. Наиболее крупные поэтессы XIX в. осмысливали категорию творчества, но совсем иначе:

Но только я люблю, чтоб лучших снов своих
Певица робкая вполне не выдавала, —

писала Евдокия Ростопчина, и тем самым манифестировала совсем иной тип женской поэзии. Для нее писательство — это не дело всей жизни, а лишь язык, на котором женщина может объяснить в любви мужчине:

Умела намекать о чувствах слишком нежных...

«Мужественная» Каролина Павлова провозглашает поэзию своим ремеслом:

Моя напасть! мое богатство!
Мое святое ремесло!

Однако вплоть до начала XX века никто из женщин-поэтов не решится открыто и на равных говорить с мужчинами, как это делала Бунина.

Важным, темообразующим текстом является «Майская прогулка болящей», представляющая собой переработку более раннего стихотворения «Глас горести». Тематически «Прогулка» близка к элегии, но с большими оговорками. В своем исследовании о «Сельском кладбище» В. Н. Топоров выделил мотивы «юноши» и «смерти», варьирование которых составило основу «унылой элегии». В то же время толика болезни была распространена в любовной лирике, где использовалась в метафорическом плане. Бунина пользуется этими испытанными мотивами и приемами, только ее метафора заострена, усилена, отчего перестает быть метафорой, и болезнь впервые в русской литературе становится фактом поэтической биографии.

По своему мироощущению Бунина была ближе к поэтам барокко: то же понимание смерти, та же замороженность ею. Особенно ясно демонстрируют это стихи, выделяющиеся в своеобразный цикл: «Песнь смерти» — «Майская прогулка болящей» — «На разлуку»:

Хвала в тебе целебну хладу!
Он гасит пламень, жгущий кровь,
Берет из сердца вон любовь,
Кладет конец ея злу яду!
(Песнь смерти)

Она отступает от канонов философско-просветительской оды: смерть у Буниной — завершение земных страданий, «сон мертвых крепкий», в то же время и в земной жизни есть вещи, которые если не сильнее, то равны смерти по своей «страшной силе»:

Разлука — смерти образ лютой!
Нет! смерть не столь еще страшна!
С последней бытия минутой
Престанет нас терзать она.

Разлука — образ смерти лютой;
 Но смерти злее во сто раз!
 Ты с каждой бытия минутой
 Стократно умерщвляешь нас!

Смерть у Буниной — это избавление; здесь нет сдержанно-смирненного заключения о бренности земного существования (как в философской лирике позднего А. П. Сумарокова или М. М. Хераскова), что опять же сближает ее с поэтами барокко.

По своим философским устремлениям Бунина перекликается скорее с младшими современниками — Ф. И. Тютчевым и Е. А. Баратынским, которые проявляли к ней интерес. Стихотворения «На разлуку», «Песнь смерти» — ярчайшие примеры философской лирики, которые никак не могут принадлежать перу «эпигона классицизма»:

Хвала тебе, сон мертвых крепкий!
 Хвала лобзанью уст твоих!
 Ты прочный мир несешь на них,
 Путь жизни изглаждаешь терпкий,
 Сушишь горячих токи слез...

Сравним у Баратынского:

Смерть дочерью тьмы не назову я
 И раболепную мечтой
 Гробовый остов ей даруя
 Не ополчу ее косою.

О дочь верховного Эфира!
 О светозарная краса!
 В руке твоей олива мира,
 А не губящая коса.

Или вот, например, элегия Баратынского «Весна»:

Лишь я, как будто чужд природе и весне?
 Часы крылатые мелькают
 Но радости принести они не могут мне
 И мнится, мимо пролетают.

Было что-то такое у Буниной, что заставило автора философского шедевра «Последняя смерть», прошедшего сквозь соблазны пушкинского сладкозвучия, обратить на себя внимание. Оба прозрели страшную бездну, которая не там, а здесь, и лишь «сон мертвых крепкий» мог быть спасением от нее. Но разве можно сказать об этом «легким» слогом? — «аД в Душе моей гнезДиТСя /эТна ССоХШу Грудь палит // ВоДы! Хлыньте Дружно с моРя! / Вздуйтесь, синие бугРы! / ЗыБы! на ЗыБи наляГая, / ЗаХЛеСтни отважный чеЛН» — именно тяжелая аллитерация конструирует смысл.

Но Бунина умела быть и другой — ироничной по отношению к себе, и тогда то, что составляло предмет поэтической рефлексии, делалось объектом иронии. Так она поступает в стихотворении «Мой портрет, списанный на досуге в осенние ветры для приятелей»:

Безделица: иль кашель — иль угар —

Всех из дому гоню слезами.

Кричу: чахотка, бред и жар —

И сто смертей перед глазами.

Беда — кто слово вопреки!..

Всех с ног собою: сей час за лекарем скачите!

Потом: нет! нет! они болваны, дураки!

Ой, смерть пришла! — простите!

Мотивы болезни и смерти здесь представлены сниженно, иронически, а фигура говорящего, то есть фигура поэта (ведь Бунина максимально сократила эту дистанцию), предстает такой, какой она не была ни у Державина, ни у Дмитриева, ни у кого бы то ни было еще: она совершенно не заботится о сохранении возвышенного облика поэта.

Недоразумения преследовали Бунину: сперва она попала в «неподходящий» для начала литературной карьеры круг, затем поколения читателей, сменявшие друг друга, не желали прочитать ее непредвзято. Долгое время Бунина оставалась максимально непонятым «автором второго ряда», а не тем, кем она является на самом деле — первой русской поэтессой.

Настало время вернуть поэзию Анны Буниной читателю.

ЛИТЕРАТУРА

- Альтшуллер: *Альтшуллер М. Г.* Двести лет споров о русском языке // Новый журнал. Нью-Йорк, 2004. № 234.
- Арзамас: «Арзамас». Сборник: В 2 кн. М., 1994.
- Ахматова: *Ахматова А. А.* Сочинения: В 2 т. М., 1990.
- Банников: *Банников Н. В.* От составителя // Русские поэтессы XIX века. М., 1979.
- Батюшков: *Батюшков К. Н.* Сочинения: В 2 т. М., 1989.
- Бочаров: *Бочаров Д. В.* Творчество А. П. Буниной в контексте литературно-общественного движения 1800–1810: Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1991.
- Грот: *Грот К. Я.* Поэтесса Анна Петровна Бунина (К 100-летней годовщине ее смерти 4 декабря 1829 г.) // http://www.ostrov.ca/kgrot/ap_bunina.htm (дата просмотра 15.01.2015).
- Кюхельбекер: *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979.
- Мейлах: *Мейлах Б. С. А. С.* Шишков и Беседа любителей русского слова // История русской литературы: Литература первой половины XIX века. М., 1941.
- Проскурин: *Проскурин О. А.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000.
- Пушкин: *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937—1959.
- Савкина: *Савкина И.* Провинциалки русской литературы (женская проза 30—40-х годов XIX века). Wilhelmshorst: Verlag F. K. Gopfert, 1998.
- Свиясов: *Свиясов Е. В.* Сафо и русская любовная поэзия XVIII — начала XX веков. СПб., 2003.
- Тынянов: *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М., 1969.

«ДЕВИЦА АННА БУНИНА»¹

ХРОНИКА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА²

Анна Петровна Бунина (далее — Б.) родилась 7 (18) января 1774 г. в родовом имении — селе Урусово Рязжского уезда Рязанской губернии (ныне — Чаплыгинского района Липецкой области), расположенном на высоком берегу реки Рановы, в семье прапорщика в отставке Петра Максимовича Бунина³ (1746—1801) и Анны Ивановны (в девичестве — Ладыгиной⁴). Анна стала шестым⁵ ребенком после трех братьев (Петра, Ивана и Василия) и двух сестер (Марии⁶ и Варавары).

В марте 1775 г. Анна Ивановна скончалась от послеродовых болезней⁷. После ее смерти Б. отправили на воспитание сначала

¹ Так она подписывалась под деловыми письмами и бумагами; девица — официальный статус незамужней дворянки, не имеющей титула.

² Все биографические очерки о Б., составленные в XIX в., содержат множество противоречивых сведений и домыслов, не опирающихся на документы. Мемуарные источники (особенно «Записки» Э. И. Стогова (1797—1880), дальнего родственника Б. и деда А. А. Ахматовой) также не отличаются достоверностью. В хронике, стремящейся представить фактическую картину жизни Б., все эти материалы привлекаются с крайней осторожностью.

³ О деде и прадеде Б. см. в примеч. к стихотворению «Хоть бедность не порок...» («[Стихи из письма к А. С. Шишкову]») на с. 523.

⁴ Она была дочерью поручика в отставке Ивана Андреевича Ладыгина, помещика Раненбургского уезда Рязанской губернии.

⁵ Вероятно, у Буниных были и другие дети, умершие во младенчестве.

⁶ Мария была первым ребенком; она родилась в 1762 г., соответственно, отцу едва исполнилось 16 лет. Брак для того времени был крайне ранним; вероятно, родители Анны Ивановны противились столь раннему браку, и в этом, видимо, кроется разгадка той странности, что Б. нигде и никогда не упоминает родственников по материнской линии.

⁷ *Билевич Н. И.* Русские писательницы XVIII века и XIX века. М., 1848. С. 29.

ла к одной из теток, потом к другой — Усовой⁸, у которой уже находились старшие сестры. У нее Б. получила первоначальное образование: «русская грамота и четыре первых правила арифметики <...> шитье, вышиванье, плетение кружев и соломенных обоев»⁹. Каким был круг ее чтения и общения, можно только догадываться.

О пребывании у тетки в 1786—1787 гг. Б. оставила отрывочное воспоминание: «<...> сердце мое не было развращено, ниже в закоснении: безбожие вольнодумцев, изливающих ежедневно в присутствии моем адские, гибельные правила, перелил<о>сь чрез слух в юный, колеблющийся мой разум и ядом своим заразил<о> голову. Мне было от 11-ти до 12-ти лет, когда молодые господа, бегающие от этикета и принуждения, оставляли важную беседу разумной нашей тетушки и уходили в нашу комнату под покровительство моих братий, которое удалению их придавало вид благопристойности. Тут начинались жаркие споры. Философия и атеизм были тогда, по милости французских безбожных писателей, в моде. Лица спорящихся в нашей комнате гостей были: философы-деисты: Гаврила Осипович Белов¹⁰, умный, благородный и смелый юноша лет 22-х, заразившийся в Московском университете, и можайский стряпчий¹¹, редкого благородства; философы-атеисты: старик Жохов и юноши, которых назвать не желаю. Я слушала споры сии с неизъяснимою жадностью, боясь проронить единого слова. Не знаю, отчего стряпчий предпочтительно привлекал к себе мое внимание. Был ли он красноречивей, или только казался таковым, я теперь не берусь решить; но знаю, что принимала каждое его слово за

⁸ Степень родства установить не удалось; одни помещики Усовы проживали в д. Гулынки Раненбургского уезда Рязанской губернии, другие в с. Праслово под Можайском. В 1789 г. сестра Б. Варвара вышла замуж именно за можайского помещика Григория Яковлевича Усова.

⁹ Энциклопедический лексикон. Т. 7. СПб., 1836. С. 356.

¹⁰ Г. О. Белаго; в 1805—1812 гг. был судьей Можайского уездного суда. О нем вспоминает в «Записках» Э. И. Стогов: «Живя в Золотилове, я с отцом часто бывал в Федоровском <...> за рекой Калочей; там жил помещик Гаврило Осипович *Белаго*, он был двоюродный брат отцу. <...> Сам Белаго, должно быть, был образованный, а может, и ученый человек; я заключаю из того, что у него часто собирались и гостили мартинисты» (Русская старина. 1886. Т. 52. № 10. С. 106).

¹¹ Вероятно, Б. имеет в виду Ивана Дмитриевича Стогова, отца мемуариста, занимавшего в Можайске мелкие чиновнические должности.

убеждение. Он говорил внятно, чисто, ясно; толковал систему мира, тяготение тел, непреложный порядок природы, бессмертие души и отвергал все постановления церкви. Речи атеистов меня отвращали; он же, не ведая того сам, сделался моим учителем. В продолжение споров я не спускала с него глаз и на 12-м году начала тайно размышлять о системе мира, тяготении тел, бессмертии души и суетности церковных постановлений. Резвость и игры товарищей казались мне дурачеством, я искала уединения, была ленива к работе, и странностью своих поступков опротивела тетушке, которая и без того ко мне не благоволила»¹². Видимо, примерно тогда же Б., «<...> не зная даже правил грамматики, по одному внутреннему побуждению начала писать стихи на тринадцатом году своей жизни»¹³.

В 1798 г. Б. переезжает в Урусово, доставшееся при разделе старшему брату Василию, поручику артиллерии в отставке.

Летом 1800 г. умирает близкая подруга Б., имя которой неизвестно. Эта смерть стала для нее сильнейшим потрясением¹⁴.

В 1801 г. случаются два события, резко переменявшие всю дальнейшую жизнь Б. Печальное: в начале года умирает отец — Петр Максимович, после которого ей достается небольшое наследство — 600 рублей ежегодного дохода. Радостное: в осенних номерах московского журнала «Иппокрена, или Утехи любословия» впервые¹⁵ печатаются три ее поэтических сочинения: два стихотворения в прозе («Неосновательный ропот противу осени» и «Подражание Мадагаскарской песне») и написанный белым стихом «Глас горести» (ранняя редакция знаменитой «Майской прогулки болящей») ¹⁶. В том же году Б. переезжает в Москву к сестре Марии, вышедшей к тому времени замуж за секунд-майора Николая Петровича Семенова.

¹² Письмо П. Н. Семенову от 24 марта 1826 г. (РГАЛИ. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 2—3). См. также автобиографическое стихотворение Б. «Мой портрет, списанный на досуге в осенние ветры для приятелей» на с. 120—131. Энциклопедический лексикон. Т. 7. СПб., 1836. С. 357.

¹³ См. «Меланхолическая прогулка одной молодой россиянки» и примеч. к «На смерть друга моего» на с. 494.

¹⁴ Прозаический текст «Любовь» (Иппокрена. 1799. Ч. IV. С. 113—119), прославляющий брачные узы и приписываемый Б. на основании подписи (...а ...а), ни по духу, ни по стилю ей не принадлежит; все ранние тексты Б. были опубликованы анонимно.

¹⁵ Все три стихотворения были напечатаны без подписи, но с указанием места жительства Б.; см. примеч. на с. 517.

В 1802 г.¹⁷ вместе со своим свояком Н. П. Семеновым Б. отправляется в Санкт-Петербург, чтобы навестить своего старшего брата Ивана Петровича, дослужившегося к тому времени до капитана-лейтенанта флота, и, категорически отказавшись возвращаться, остается жить в столице. Б. снимает квартиру на Васильевском острове и начинает восполнять пробелы в образовании: она берет частные уроки французского, английского и немецкого языков, истории русской словесности, а также математики и физики. Ее учителем словесности становится Петр Иванович Соколов¹⁸. Обучение, судя по списку предметов, длилось не один год и было недешевым. Б. поиздержалась и даже влезла в долги¹⁹: позднее она жаловалась на то, что учителя ее разорили²⁰. Б. так характеризует сама себя через двадцать с лишним лет: «Совершенное невежество в правописании, областные наречия, испещряющие неплавный слог первых бумаг, неправильное словосочинение и необузданный полет мыслей обличают дочь природы, чуждую самонаименованного образования, которая не имела случая знать благовоспитанных обществ, ни даже понаслышке»²¹.

В 1803 г. в апрельском номере «Вестника Европы» выходит стихотворение в прозе «Меланхолическая прогулка одной молодой россиянки» с одобрителем отзывом Н. М. Карамзина²².

¹⁷ Грот К. Я. Поэтесса Анна Петровна Бунина (К 100-летней годовщине ее смерти 4 декабря 1829 г.) // ostrov.ca/kgrot/ap_bunina.htm

¹⁸ Выбор был неслучаен: П. И. Соколов (1764—1835) к тому времени уже был членом Императорской российской академии, награжденным золотой медалью за участие в составлении Академического словаря, автором «Начальных оснований российской грамматики» (1788), неоднократно переиздававшихся, и прозаического перевода «Одиссеи Омира» (1788), преподавателем российской грамматики, логики и риторики в Училище корабельной архитектуры. В 1802 г., когда Б. переехала в Петербург, он стал непререкаемым секретарем академии (и пребывал в этом звании до самой смерти); в дальнейшем выпустил перевод «Превращений» Овидия (1808), являлся действительным членом третьего разряда Беседы (1811—1816) и составил «Общий церковно-славяно-русский словарь» (1834). Вероятно, именно он познакомил Б. с кругом известных писателей и государственных деятелей того времени.

¹⁹ Энциклопедический лексикон. Т. 7. СПб., 1836. С. 357.

²⁰ См. автобиографическое стихотворение «Хоть бедность не порок...» («[Стихи из письма к А. С. Шишкову]») на с. 523.

²¹ Отдельный лист, приложенный к письму П. Н. Семенову от 9 декабря 1827 г. и датированный 16 декабря (РГАЛИ. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 6).

²² См. примеч. на с. 517.

И это событие окончательно убеждает Б. в том, что ее литературные способности незаурядны.

В 1805 г. Б. снова оказывается в Москве, где, вероятно, через поэта Бориса Карловича Бланка²³, заводит знакомства с князем Петром Ивановичем Шаликовым и его литературным кругом (В. С. Раевский, М. Н. Макаров, Н. Ф. Остолоповым и др.)²⁴. Тогда же, видимо, Б. знакомится и с Иваном Ивановичем Дмитриевым, о чем свидетельствуют его «Стихи на получение от неизвестной особы вышитого по канве гения», напечатанные в «Вестнике Европы»²⁵. К. Я. Грот писал даже о более тесных отношениях Б. с Дмитриевым: «Очень вероятно, что Бунина была влюблена или неравнодушна к Дмитриеву (она вообще была натура увлекающаяся, даже страстная), но, несомненно, прежде всего она была горячая почитательница его поэтического творчества и после его отставки послала ему однажды (анонимно) в дар вышитого на канве гения. На этот случай Дмитриев, наверно, догадываясь, от кого дар, написал известное шестистишие»²⁶. И. И. Дмитриев, вероятно, на несколько лет становится объектом ее любовного чувства. Однако никаких достоверных свидетельств не осталось²⁷.

²³ Его женой была Анна Григорьевна Усова, дочь родной сестры Б. Варвары.

²⁴ «Начальными ея руководителями в стихотворении, как она сказывала, были родной ея племянник Борис Карлович Бланк, известный в свое время стихотворец, и князь Петр Иванович Шаликов <...>» (М. <Макаров М. Н.> Анна Петровна Бунина // Дамский журнал. 1831. № 9. С. 129).

²⁵ Вестник Европы. 1805. Ч. XXII. № 16 (авг.). С. 303.

²⁶ Грот К. Я. Поэтесса Анна Петровна Бунина (К 100-летней годовщине ее смерти 4 декабря 1829 г.) // ostrov.ca/kgrot/ap_bunina.htm

²⁷ Косвенным свидетельством можно считать слова Г. Р. Державина из письма к Дмитриеву от 10 ноября 1808 г.: «Весьма ласкательно мне, что вы меня вспомнили, а более, что имели намерение заехать ко мне в деревню. — Как бы я был рад! несказанно вы меня бы одолжили! Сенатские и парнасские сослужебники сколько бы кое-чего наговорили! С Анной Петровной мы иногда видимся и беседуем о вас; и как она застенчива и скромна, то всякий раз при имени вашем заикается и дрожит: это, я думаю, оттого что столь нежного и приятного стихотворца, как вы, иначе невозможно вспомнить; но как теперь разобран через Неву мост, то и не могу я ее скоро видеть и поблагодарить за то, что она подала повод вам ко мне писать» (Сочинения Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. VI. СПб., 1871. С. 192). Судя по всему, Дмитриев собирался приехать к Державину в Званку вместе с Б. Вероятно, намерение осуществилось (см. примеч. к «Званские виды на Волхове»). См. также идилию «Ливия» (1806) и «Похвалу любви» (1811), а также примеч. к ним.

В 1806 г. именно в московских журналах «Вестник Европы», «Московский зритель», «Любитель словесности» и «Московский курьер» выходят сразу несколько стихотворений, включенных потом в «Неопытную музу». Из петербургских журналов стихи Б. публикует в том же году только «Лицей»²⁸. На Б. как автора стихов обращают внимание петербургские поэты и государственные деятели (Г. Р. Державин, И. А. Крылов, Д. И. Хвостов, А. С. Шишков, Н. С. Мордвинов, М. И. Кутузов, Н. И. Ахвердов и др.), а также члены императорской семьи, и прежде всего вдовствующая императрица Мария Феодоровна, мать Александра I. Все они становятся высокими покровителями Б.

В 1807 г. Б. снова в Петербурге. 27 марта в доме Державина Шишков прочел раннюю редакцию «Песни смерти»²⁹, а 30 марта во время литературного вечера в доме писателя и сенатора И. С. Захарова, будущего председателя IV разряда «Беседы любителей русского слова» (далее — Беседа), — еще несколько стихотворений Б.³⁰ К тому же году можно отнести работу над переложением отдельных мест из «Курса изящной словесности» (1747—1748) аббата Ш. Баттё, примененного Б. к современной ей русской поэзии. Стихотворные примеры были тщательно подобраны Б., почерпнувшей их из разных книг и журналов³¹.

В 1808 г. эта книга вышла «по имянному повелению ея императорского величества вдовствующей императрицы» под названием «Правила поэзии»³², без указания имени автора, с посвящением: «В пользу девиц». В предисловии к ней Б. писала о важности поэзии для образованных женщин: «К вам обращаюсь теперь, любезные мои соотечественницы! Не с тем посвящаю я книгу сию имени вашему, чтобы под эгидою оногo укрыться от справедливых стрел критики и отвлечь внимание ея от несправ-

²⁸ Князь П. И. Шаликов откликнулся на публикации восторженным стихотворным посланием «К А*** П*** Б—й, которая прислала мне в подарок *Лицей*, желая, чтобы я узнал стихи ея, напечатанные в сем журнале» (1806; опубл. в кн.: Сочинения князя Шаликова. М., 1819. Ч. 2. С. 24—28).

²⁹ См. примеч. на с. 504—505.

³⁰ См.: *Жихарев С. П.* Записки современника. М.; Л., 1955. С. 453.

³¹ Наибольшее число цитат — из Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина и особенно И. И. Дмитриева.

³² Правила поэзии. Сокращенный перевод из аббата Бат<т>ё, с присовокуплением российского стопосложения. [СПб.:] В Морской типографии, 1808.

ности слога. Нет! Ни мой пол, ни малая моя опытность, ни самые причины, сколь бы, впрочем, оне благонамеренны ни были, ничто не дает мне права на снисхождение публики; но истинная цель моего предприятия заключается в желании занять часы, оставшиеся от домашних трудов тех, кои из вас обременены хозяйственными попечениями, и похитить несколько минут от туалета праздных. Слишком почту себя вознагражденною, естли сия книга будет посредницею между вами и музами, доставя вам способ к союзу с сими нужными усладительницами наших горестей» (Правила поэзии. С. V). Книгу украшал гравированный титул работы Джозефа Саундерса³³. 225 экземпляров издания приобрело Главное правление училищ. В том же году Б. работает над переводом Первой песни «Науки о стихотворстве» Николая Буало.

Летом 1809 г. выходит первая поэтическая книга Б. «Неопытная муза»³⁴, составленная как из опубликованных в журналах стихотворений, так и прежде не публиковавшихся, в том числе перевод из Н. Буало. Титульный лист гравировал тот же Дж. Саундерс. Книга была встречена благожелательными отзывами критики, преподнесена императрице Елизавете Алексеевне, пожаловавшей Б. годовой пенсией размером в 400 рублей³⁵, и сделала Б. знаменитой; Главное правление училищ приобрело 500 экземпляров³⁶. Осень и начало зимы Б. проводит в Москве. В последних числах декабря заезжает в Праслово, имение И. Д. Стогова, и забирает с собой его двенадцатилетнего сына Эразма для определения в Морской кадетский корпус.

В первых числах января 1810 г. через Москву Б. «на долгих, в рогожной кибитке» возвращается в Петербург; по дороге останавливается в Твери, где встречается с великой княгиней Екатериной Павловной³⁷. 7 января, в день рождения, от кого-то из гостей (скорее всего, от Н. И. Ахвердова) получает в подарок альбом. 21 марта экспромт в альбом Б. вписывает Державин. В этом году Б. укрепляет свои литературные позиции, выпустив от-

³³ Англичанин, долгие годы работавший в Петербурге; резчик виньеток к «Анакреонтическим песням» (1804) Г. Р. Державина, «Лирическим сочинениям» (1806) В. В. Капниста и др.

³⁴ См. примеч. на с. 490—492.

³⁵ Энциклопедический лексикон. Т. 7. СПб., 1836. С. 357.

³⁶ Библиограф князь Н. Н. Голицын в «Словаре русских писательниц. 1759—1859» пишет, что «издание <...> доставило Буниной 400 руб. пенсии» (Русский архив. 1865. № 9/10. Стлб. 1151).

³⁷ См. «Записки» Э. И. Стогова (Русская старина. 1903. Т. 113. № 1. С. 134).

дельной книгой дидактическую поэму «О счастья», над которой работала в предшествующие два года. Это была первая оригинальная поэма (более 1000 строк), написанная на русском языке женщиной-поэтом. Книга вышла с гравированным титулом работы Дж. Саундерса. Главное правление училищ снова выкупило 500 экземпляров издания. 4 декабря Б. участвовала в собрании Российской академии, где получила от императора 500 р. пансиона и 5000 р. на оплату долгов³⁸.

В 1811 г. Б. публикует книгу прозы «Сельские вечера», состоящую из двух повестей: героической — «Спасение Фив» — и сентиментальной (с продолжением) — «Вечер у камина» (Главное правление училищ приобретает столько же экземпляров, сколько и двух предыдущих книг). Первая вышла одновременно еще и отдельным изданием. 14 марта состоялось официальное открытие Беседы, в которую Б. была избрана почетным членом³⁹. 26 мая на открытом заседании III разряда Беседы А. С. Шишковым было прочитано «Послание к Леону», а 11 ноября на открытом заседании IV разряда И. А. Крылов прочел ироикомическую поэму Б. «Падение Фаетона». Однако поэма была прочитана и потом опубликована в Чтениях, периодическом издании Беседы, в сильно сокращенном и искаженном виде⁴⁰. Б. осталась и довольна (тем, как приняла поэму присутствующая публика), и крайне возмущена (тем, что текст оказался изуродован). Есть сведение, что за «Падение Фаетона» Б. получила от императрицы «золотую лиру, осыпанную бриллиантами, <...> для ношения в торжественных случаях на плече»⁴¹.

Вскоре, не позже января 1812 г., выходит вторая часть «Неопытной музыки» — новая книга стихотворений, которую Б. рассматри-

³⁸ См. примеч. на с. 502.

³⁹ Беседа делилась на четыре должностных разряда, что, по мысли создателей, должно было повторять четырехдепартаментную структуру Государственного совета (см.: *Вигель Ф. Ф.* Записки. Ч. III. М., 1891. С. 152), поэтому женщин (и, кстати, священников) в действительные члены не принимали. Княжна Е. С. Урусова и девица А. А. Волкова также стали почетными членами.

⁴⁰ См. предисловие Б. к «падению Фаетона» и примеч. к нему на с. 513.

⁴¹ *Хмыров М. Д.* Русские писательницы прошлого времени: Анна Бунина, Мария Поспелова и Елисавета Кульман // *Рассвет*. 1861. Т. 12. С. 224. Там же, делая примечание, биограф пишет: «Изображение этой лиры А. П. Бунина внесла в свою гербовую печать, которая до сих пор хранится у Над. Ив. Буниной».

вадет как продолжение предыдущий. В ней «Падение Фаетона» было напечатано в первозданном виде и снабжено достаточно гневным предисловием. 12 июня французская армия под предводительством Наполеона вторгается на территорию России; начинается Отечественная война. 26 августа происходит Бородинское сражение, в котором погибает Александр Николаевич Семенов, племянник Б., и близкий приятель — граф Александр Иванович Кутайсов⁴². 2 сентября Наполеон берет Москву; начинается пожар. В середине сентября выходит отдельным изданием стихотворение Б. «Воззвание благочестивого мужа к Мариину уединению». 7 октября войска Наполеона оставляют Москву и начинают отход из пределов России. Во время оккупации сильно пострадал московский дом М. П. Семеновой, старшей сестры Б.

В начале января 1813 г. выходит отдельным изданием ода Б. «На истребление французов, нагло в сердце России вторгнувшихся», без указания имени автора. Тогда же Б. посылает экземпляр оды А. С. Шишкову, в то время занимавшему должность председателя Государственного совета и находившемуся при императоре Александре I в Польше. В конце января Шишков, при поддержке М. И. Кутузова, хлопчет перед императором о предоставлении Б. пенсии, и ему удается выхлопотать ей 2000 рублей годовых. Это спасает Б. от полного разорения: скудное ее имущество было заложено. Однако, если бы Шишков знал, что автором оды является Б., возможно, сумма была бы большей. В довершение ко всему императорский указ теряется фельдъегерем по дороге в Петербург, и Шишкову приходится заново просить императора о подписании указа⁴³. В февральском номере «Сына отечества» публикуется очерк Б. о судьбе разоренной французами смоленской помещицы Настасьи Петровны Буниной («однофамилицы», как пишет Б., или очень дальней родственницы) и помощи ей от императора, оказанной по ходатайству А. С. Шишкова; тогда же очерк выходит отдельным оттиском. В то же время Б. хлопчет о помощи от императрицы Елизаветы Алексеевны (через ее личного секретаря Н. М. Лонгинова) Авдотье Гуровне Куломзиной⁴⁴, лишившейся имущества и совершенно ей незнакомой. В середине февраля в Таганроге уми-

⁴² См. стихи на его смерть на с. 319.

⁴³ Подробности и хронологию этой истории см. в примеч. к «Хоть бедность не порок...» («[Стихи из письма к А. С. Шишкову]») на с. 525.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Ед. хр. 69, 661.

рает один из трех братьев Б. — Петр, оставив сиротой 13-летнюю дочь⁴⁵. В июне⁴⁶ Б., видимо, расплатившись с кредиторами, уезжает из Петербурга в Урусово, чтобы поддержать сестру Марию.

Во второй половине марта 1814 г. Б. возвращается в Петербург⁴⁷ и затем отправляется в Павловск, где находится при дворе императрицы. Там 14 апреля ее застают радостное известие о взятии Парижа союзными войсками. Б. участвует в торжествах по этому случаю и сочиняет в жанре торжественной оды «Песнь Александру Великому, победителю Наполеона и восстановителю царств», которая в мае была напечатана, и ряд других патриотических стихотворений. В июле на триумфальных воротах в Петербурге и в Павловске, воздвигнутых для встречи победных войск, помещаются ее стихи⁴⁸.

К промежутку между 1810 и 1815 г. можно отнести словесный портрет Б., оставшийся в памяти Эразма Стогова, бывшего тогда кадетом: «Она была небольшого роста, немного продолговатое лицо, черные волосы, но лицо белое, с прекрасным румянцем, очень живые, блестящие глаза, движения грациозны — была замечательно хорошенькою»⁴⁹. К тому же времени (позднее он уже не встречался с Б.) можно отнести и еще одно его воспоминание, представляющееся подлинным: «Говорила она прекрасно, почти всегда господствовала в гостиной и за обедом. Анна Петровна изредка представлялась ко двору; к туалету ее не допускались племянники-гвардейцы, я один имел дозволение прислуживать. Помню, раз, видя, что тетка белится и румянится, я в простоте заметил:

— Вы, тетенька, такая хорошенькая, беленькая и румяная, для чего же вы белитесь и румянитесь?

Она отвечала мне:

— Глупенький, это этикет двора, я могу сконфузиться, побледнеть или покраснеть, тем могу беспокоить царских особ, а набелившись — я не изменюсь в лице»⁵⁰.

⁴⁵ См. письмо Б. к Шишкову от 25—28 февраля 1813 г. в примеч. к «Хоть бедность не порок...» («[Стихи из письма к А. С. Шишкову]») на с. 525—527.

⁴⁶ См. письмо Б. к Д. П. Руничу от 22 июня 1813 г. (РО ИРЛИ. Ф. 263. Оп. 2. Ед. хр. 50).

⁴⁷ См. письмо Б. к нему же от 13 марта 1814 г. (Там же).

⁴⁸ См. примеч. на с. 528 и 529.

⁴⁹ Русская старина. 1879. Т. XXIV. № 1. С. 51.

⁵⁰ Там же. С. 52. С незначительными расхождениями в деталях Стогов воспроизвел этот эпизод и в другом месте (Русская старина. 1903. Т. CXIII. № 1. С. 146).

Однако и очевидные литературные достижения, и успех в образованном обществе, и заметное положение при дворе императрицы для Б. отходят на второй план, когда у нее обнаруживают какое-то хроническое заболевание. Что именно за болезнь причиняла ей тяжкие страдания на протяжении последующих пятнадцати лет, сломила психологически и в конце концов свела ее в могилу, теперь установить трудно. В те годы не было ни объективной диагностики заболеваний, ни эффективных методов лечения⁵¹, ни даже единой медицинской терминологии. С достаточной уверенностью можно только сказать, что это никак не мог быть «рак груди»⁵², который присутствует во всех биографических очерках о Б.; с ним бы она не прожила тогда и двух лет. Вероятно, это была какая-то более сложная болезнь⁵³, диагностировать и лечить которую тогда просто не умели. Тем не менее, к лечению подключились лучшие придворные лейб-медики, «из главной аптеки безденежно отпускались лекарства»⁵⁴. Поскольку положительного эффекта в лечении болезни Б. не было, тогдашние врачи порекомендовали ей испытать «чудодейственные свойства» целебных источников английского города-курорта Бата.

Первая половина 1815 г. ушла на подготовку к отъезду в Англию. Сама поездка и лечение были дорогостоящими, а пенсия, получаемый Б. из казны, был недостаточен. С этого времени у Б. начинается заметный творческий спад. 22 февраля на собрании Беседы была прочитана идиллия «Счастливый Меналк», написанная, вероятно, раньше; в апреле она была напечатана

⁵¹ Грубо говоря, от половины болезней прописывалось кровопускание, от половины — минеральные воды, вошедшие тогда в моду.

⁵² Э. И. Стогов пишет, что Б. вообще «<...> страдала какою-то нервной болезнью в руке» (Русская старина. 1879. Т. XXIV. № 1. С. 52.).

⁵³ Возможно, как говорят современные медики, у Б. была хроническая форма мастопатии, прогрессирующая на фоне повышенного гормонального фона (а Б. не была замужем и не рожала) и нервных потрясений (см. события предыдущих лет), сопровождающаяся открытием гноящихся ран и поражающая (при отсутствии лечения) нервные окончания верхней половины тела, или туберкулез груди — редкое заболевание, которое и сейчас может быть ошибочно диагностировано как рак. В обоих случаях водолечение, возможно, и приносившее временное облегчение, противопоказано. Все упоминания о течении болезни Б., имеющиеся в ее письмах и в упоминаниях современников, приводятся в хронике далее.

⁵⁴ Энциклопедический лексикон. Т. 7. СПб., 1836. С. 357.

в 19-й книжке «Чтений в Беседе». 29 июля Б. отправилась морским путем из Кронштадта в Лондон. Ее проводы в Петербурге, вероятно, проходили помпезно; в августовских номерах журнала «Сын отечества» появились приветственные стихи⁵⁵, а в сентябрьском номере «Российского музеума» вышла статья князя П. И. Шаликова⁵⁶. Известно, что Б., миновав острова Борнхольм и Эланд, останавливалась в Эльсиноре, где было написано стихотворение «Сон с корабля». Некоторое время Б. пробыла в Лондоне, затем отправилась в Брайтон — морской курорт на юге Англии, любимое место отдыха европейской аристократии того времени. Там она встречает петербургскую знакомую — Марию Васильевну де Бальмен, богатую 24-летнюю вдову погибшего на Отечественной войне флигель-адъютанта Александра I, и проводит время с ней⁵⁷.

В январе 1816 г. Б. переезжает в Бат, город на юго-западе Англии, известный своими горячими минеральными источниками еще с античности. Там она поселяется в самом дальнем доме Южного парада⁵⁸, ее угловые окна выходят на реку — Эйвон. В Бате русской публики нет, и Б. становится скучно. 6 февраля она заканчивает большое пригласительное стихотворение «Призывание Мальвины из Брайтона в Бат»⁵⁹, обращенное к де Бальмен. Бат был дорогим местом, и у Б. довольно быстро начинают заканчиваться деньги. Уже 25 февраля священник русской посольской

⁵⁵ «Анне Петровне Буниной, на отъезд ея в Англию» А. П. Степанова (Сын отечества. 1815. Ч. XXIII. № 32 (9 авг.). С. 245) и «Любезной путешественнице А. П. Буниной, при отъезде ея в Англию» Е. Н. Пучковой (Сын отечества. 1815. Ч. XXIV. № 33 (16 авг.). С. 26).

⁵⁶ «Об отъезде в Англию девицы Буниной и о сочинениях сей стихотворицы» (Российский музеум. 1815. Ч. III. № 9. С. 354—357), где сообщалось, что Б. отправилась «<...> в Англию, для поправления здоровья своего морским воздухом и батскими водами», и производился разбор ее творчества.

⁵⁷ Пока Б. находится в Англии, в Москве происходят бедения общества «Арзамас», совершающего одни за другими литературные похороны своих оппонентов — членов ненавистной им Беседы. На заседании 25 ноября 1815 г. «его превосходительство Старушка (С. С. Уваров. — *Сост.*) прочитал весьма колкую панихиду некоторой заморской покойнице, а его превосходительство Чу (Д. В. Дашков. — *Сост.*), бывший президентом сего собрания, отвечал ему очень замысловато <...>» («Арзамас». Сборник: В 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 305).

⁵⁸ См. письмо Б. от 1 марта 1816 г. и примеч. к нему на с. 532—535.

⁵⁹ См. примеч. к нему на с. 531.

церкви в Лондоне Я. И. Смирнов⁶⁰, видимо, получивший от Б. какое-то письмо, пишет к Н. М. Лонгинову, личному секретарю императрицы Елизаветы Алексеевны, следующее: «Наша Анна Петровна Бунина переехала из Брайтона в Бат, который ей лучше нравится. <...> Я не знаю, как она, бедная, здесь жить будет, а наименее, если брат⁶¹ не сделает ей пособия в скором времени: но, кажется, что он имеет много других забот и хлопот о себе, ибо к ней очень изредка отзывается и денег к ее приезду не перевел к ней, и если еще отложит его на некоторое время, то она, конечно, будет приведена в великую крайность»⁶². 1 марта Б. отправляет в Петербург письмо своей подруге В. И. Бакуниной⁶³, в котором подробно и живо описывает свою батскую жизнь⁶⁴. В нем она говорит и о своей болезни: «Со всем тем вы не должны упрекать меня, зачем я поехала. Здоровье мое с каждым днем разрушалось, и жизнь начинала быть в тягость. Мне необходимо нужно было предпринять что-нибудь. Да и теперь я не могу к вам возвратиться, не испытав последнего средства, то есть морских бань; ибо головные боли мучат меня нестерпимо. Как я бань сих еще не брала по причине холода, то имею всю на них надежду». В номере «Сына отечества» от 19 мая это письмо было опубликовано Шишковым, которому его показала Бакунина, вместе со стихами к де Бальмен. Перед тем, 6 мая, Шишков сам написал Б. после долгого перерыва⁶⁵. Летом, вероятно, деньги кончились, а помощь от императрицы еще не подоспела. Б. вынуждена искать более дешевое место и, вероятно, переселяется в новооткрывшийся благотворительный приют «Бэйлбрукский дом», неподалеку от Бата, где оказывается совершенно отрезанной от светской жизни⁶⁶. 28 июля Шишков, отвечая на ранее полученное письмо Б., пишет: «Вы жалуетесь на худое здоровье. — Я боюсь, чтоб вы не расстроивали его больше мечтанием и воображением о вашей болезни. Знаете ли, что излишнее о том мечтание приносит действительный вред. Итак, прошу вас,

⁶⁰ Конфидент и заимодавец Б.; сохранилось его письмо к ней от 27 февраля 1817 г. с расчетами.

⁶¹ Имеется в виду И. П. Бунин.

⁶² РО ИРЛИ. Ф. 158. Ед. хр. 2373. № 3. Л. 8. Отрывок из письма опубликован в книге: *Алексеев М. П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). Т. 91. М., 1982. С. 375.

⁶³ См. примеч. к «В. И. Б<акунин>ой в альбом» на с. 537.

⁶⁴ См. текст письма и примеч. к нему на с. 532—535.

⁶⁵ См. текст его письма и примеч. к нему на с. 535—536.

⁶⁶ См. примеч. к «Песне в народном вкусе, из местечка Веил-Брук» на с. 536.

ради Бога не предавайтесь мечтаниям и беспокойствам. Сочиняйте, пишите стихи, делайте что хотите, только всегда с веселым духом. Ежели и почувствуете болезнь, воображайте, что она пройдет, а не то, что она вас погубит. Последуйте сколько можно моему совету. Поверьте, что он лучше всех ваших вод и лекарств»⁶⁷. Видимо, стремясь лишний раз не расстраивать Б., Шишков умолчал о смерти Державина, последовавшей 8 июля. В сентябре из казны наконец-то были выделены 4000 рублей⁶⁸, но Б. их получила не раньше второй половины октября⁶⁹. Примерно тогда же она должна была получить и горестное известие: 7 сентября в Липецке скончалась А. А. Лобкова⁷⁰, троюродная сестра и ближайшая подруга юности Б. Конец осени и зиму она, скорее всего, провела в Бате, пытаясь вылечиться, но батские врачи и воды ей не помогли.

8 марта 1817 г. из Маргейта, приморского городка на юго-западе Англии, видимо, перед самым отплытием⁷¹, Б. отправила Вальтеру Скотту в его имение Эбботсфорд приветственное письмо (на французском языке), в котором восторгалась его романом в стихах «Мармион» и выражала желание со временем попытаться его перевести⁷². Вероятно, уже апреле Б. вернулась

⁶⁷ РО РНБ. Ф. 862. Архив А. С. Шишкова. Ед. хр. 7. Л. 11 об.

⁶⁸ В письме к Б. от 20 сентября 1816 г. Шишков сообщает: «О пожалованных вам четырех тысячах Гурьев сказал мне, что отправил их к Ливену» (РО РНБ. Ф. 862. Архив А. С. Шишкова. Ед. хр. 7. Л. 12). Граф Д. А. Гурьев был тогда министром финансов, а граф Х. А. Ливен — главой русского посольства в Англии.

⁶⁹ Арзамасец А. И. Тургенев в письме к князю П. А. Вяземскому от 20 ноября 1816 г. пишет: «Очарованный Челнок (П. И. Полетика. — *Сост.*) писал к нам из Лондона. Он осужден там спасать от бури заимодавцев Бунину, которой руку помощи (то есть 4000 р.) подала государыня чрез достойного мецената ея, Седого Деда (Шишкова. — *Сост.*)» (Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1812—1819. СПб., 1899. С. 62).

⁷⁰ См. примеч. к «Три друга» на с. 530. В Липецке она лечилась на водах (ох уж эти целительные воды!) «от расслабления нервов и глухоты».

⁷¹ Какую-то часть дорожных издержек покрыл великий князь Николай Павлович, находившийся в Англии. В списке его расходов есть запись от 27 февраля 1817 г.: «По приказанию его императорского высочества дано вспомоществование девице Буниной 50 фунтов стерлингов» (цит. по: Чехов Ал. П. Замечательные русские женщины: Анна Петровна Бунина // Исторический вестник. 1895. Т. LXII. № 10. С. 171—172).

⁷² См.: Алексеев М. П. Вальтер Скотт и его русские знакомства // Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века) // Литературное наследство. Т. 91. М., 1982. С. 258, 260.

в Петербург, где узнала, что после смерти Державина Беседа фактически прекратила свое существование⁷³. 28 мая она оказывается в Липецке⁷⁴, где перед службой в храме, в ожидании приезда императора, Б. знакомится с А. И. Михайловским-Данилевским, флигель-адъютантом Александра I, оставившим о ней такое воспоминание: «Беседа ея была занимательная, и разговор исполнен воображения, но суждения ея были нередко пристрастные, и она придерживалась крайностей; когда мы что-нибудь вместе читали или разговаривали о какой-либо книге или стихах, то она превозносила их до небес или совершенно унижала; во всяком случае, надлежало быть весьма осторожным в мнениях своих, потому что при противоречии она краснела от досады. Несмотря на то, она имела доброе сердце, которое заменяло телесную красоту, ибо она собою была дурна»⁷⁵. О том, где находилась и чем занималась Б. вторую половину года⁷⁶ и весь следующий, никаких сведений нет.

В 1819 г. у Б., вероятно, не без участия Шишкова, президента Императорской российской академии, появляется возможность напечатать собрание стихотворений «на академический счет», как тогда говорили; начинается работа над составом и текстами.

⁷³ Вдова Державина отказала беседчикам в помещении. Хотя официально Беседа не распускалась и среди существующих «особых заведений», проходящих по ведомству Министерства народного просвещения, числилась до 1825 г. См.: Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общій штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1825. Ч. 1. СПб., [1825]. С. 602—604.

⁷⁴ Вероятнее всего, Б. туда приехала не на воды, а навестить И. Ф. Лобкова, мужа умершей родственницы и подруги, как раз в это время на свои средства возводившего храм в честь преподобномученицы Евдокии, посвященный памяти его покойной жены.

⁷⁵ Из воспоминаний Михайловского-Данилевского // Русская старина. 1897. Т. ХСІ. № 8. С. 352. Там же мемуарист приводит и любопытную записку Б., в которой она говорит о положении современной ей литературы: «Вы слишком милостивы к моей бедной музе, и я не знаю, какими словами благодарить вас за снисхождение к ней, тем более что российская словесность не обращает на себя внимания ни русских, ни иностранцев, и жалкие наши писатели, хорошие и дурные, сами не знают, для кого пишут, потому что никто их не читает и не покупает» (Там же. С. 352—353).

⁷⁶ Нет достаточных оснований приписывать Б. перевод с французского одноактной драмы С.-Ф. Жанлис «Агарь в пустыне», напечатанный в «Сыне отечества» (1817. Ч. XL. № 37 (14 сент.). С. 170—186), и подписанный: *Перев. А..... а..... а.*

28 февраля, находясь в Петербурге, она посылает письмо М. Н. Семенову, сыну сестры Марии, где сообщает о себе интересные детали: «На сцене моего маленького театра перебивало много переменных кулис и действий. Сперва страдальческая постель — доктора и друзья кругом, страхи, вздохи, смехи, ожидание, удачи и неудачи разных родов. Потом выезды и суета, не для себя самой»; и далее: «Будь великодушен, мой милый, и прости, что так скверно пишу. Не выходя из порядка вещей и уступая природе, чувствую: руки дрожат, зрение притупилось, память изменяет и голова завирается»⁷⁷. 10 марта Б. в гостях у Н. Д. Иванчина-Писарева, вписывает ему в альбом экспромт. 28 августа I и III части «Собрания стихотворений» получили цензурное разрешение. Осенью они были отпечатаны⁷⁸. Но Б. столкнулась с проблемой, касающейся художественного оформления книг. Обе части собрания задержались в типографии на несколько месяцев. К этому году стоит отнести знакомство Б. с поэтом В. И. Панаевым, 27-летним красавцем, публиковавшим свои идиллии в «Сыне отечества», «Вестнике Европы» и других журналах; он стал последней (вероятно, платонической) любовью Б., в чем она в 1827 г. признавалась в письмах своим близким родственникам.

Только в марте 1820 г. книги вышли в свет. Задержку с их выходом Б. объяснила сама в послесловии к I части, напечатанном на отдельном листке: «Намерение сочинительницы было украсить книги свои виньетками искусного резца. Она имела уже готовых три доски превосходного мастера⁷⁹; но оне утратились⁸⁰. Несмотря на сей чувствительный убыток, сочинительница желала удовлетворить господствующий повсеместно вкус ставить в заглавии книги фронтиспис, виньет или картину; почему прибегала она ко всем лучшим здешним художникам; к сожалению, они, забрав прежде работу, ей отказывали. Однако она имела удовольствие найти одного, которой обещал ей вырезать все три доски, и уже начал. Но тут повстречалось новое несчастье;

⁷⁷ Из писем Анны Петровны Буниной к племяннику ея М. Н. Семенову / Публ. К. Я. Грота // Русский архив. Т. 126. 1908. С. 527.

⁷⁸ Тираж, скорее всего, составил не менее 800 экземпляров; из них только подписчики, поименованные в I и II части, заказали 483.

⁷⁹ Дж. Саундерса, в 1810 г. переехавшего из Петербурга в Вильно (ныне — Вильнюс), а в 1818 г. вообще на несколько лет уехавшего лечиться в Италию.

⁸⁰ Возможно, он увез оригинальные доски с собой в Вильно.

у художника заболели глаза, время протекло, работа не двигалась, и наконец доска не могла быть кончена в том совершенстве; которое обещало искусство художника. / Сочинительница просит извинения у публики в том, что выпускает в свет сочинения свои без сего принятого украшения⁸¹. Она просит также извинения в медленном издании книг. 1-я часть вышла из печати около двух месяцев, но не рассылалась для виньета, которого ожидали каждый день. / Две последние части последуют за сею в непродолжительном времени»⁸². Во второй половине марта в «Благонамеренном» появилась краткая рецензия А. Е. Измайлова на I часть⁸³ и объявление о подписке⁸⁴ на остальные. Чуть позже появляется разбор стихотворений Б., сделанный молодым поэтом В. К. Кюхельбекером и напечатанный дважды⁸⁵. Живя в Петербурге, Б. работает над новыми редакциями поэм «О счастья» и «Падение Фаетона», а также над завершением перевода «Науки о стихотворстве» Н. Буало. Работа идет медленно, выход II части собрания откладывается на год. Не позже 22 ноября Б. становится действительным членом Вольного общества любителей российской словесности⁸⁶. К 12 декабря, ко дню рождения Александра I, выходит отдельным изданием стихотворение «Молитва»⁸⁷ и удастаивается императорского рескрипта⁸⁸.

⁸¹ Через некоторое время выход был найден: к частям были приложены те же самые гравированные листы работы Дж. Сайндерса (к I части — титул «Неопытной музы» 1809 г., ко II — «О счастья», к III — «Правил поэзии»), но со снятыми заглавиями. То ли оригинальные доски нашлись, то ли были кем-то вырезаны заново, сказать трудно; однако качество гравюр было значительно худшим, чем в первых изданиях.

⁸² Этот листок прилагался не ко всем экземплярам, а только к тем, к которым еще не были приложены гравированные листы.

⁸³ Благонамеренный. 1820. Ч. IX. № 5 (16 марта). С. 350—352.

⁸⁴ Подписная цена собрания составляла 20 рублей (Там же. С. 350).

⁸⁵ «Взгляд на текущую словесность» // Невский зритель. 1820. № 3 (март). С. 78—89); «Собрание стихотворений Анны Буниной» // СО. 1820. Ч. LXI. № 16 (17 апр.). С. 166—174.

⁸⁶ Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1821. Ч. 1. СПб., [1821]. С. 71.

⁸⁷ См.: Николай Книжник <Голицын Н. Н.> Словарь русских писательниц. 1759—1859 (Русский архив. 1865. № 9/10. Стлб. 1151); Геннади Г. Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых и список русских книг с 1725 по 1825 год. Берлин, 1876. Т. 1 (А—Е). С. 116.

⁸⁸ Издание было утрачено еще в XIX в.; известны только упоминания о нем есть в различных библиографиях, а также в письме Б. к А. И. Михайловскому-Данилевскому (РО ИРЛИ. Ф. 527).

К сентябрю 1821 г. работа над II частью собрания закончена. 20 сентября получено цензурное разрешение на издание, которое до конца года вышло из печати. Литературные вкусы в обществе сильно поменялись буквально за несколько лет, поэтому откликов на завершение собрания не последовало. 6 ноября Б. в письме к М. Н. Семенову жалуется на свою болезнь: «Брат Иван Петрович три месяца беспрестанно болен; а я другую⁸⁹ неделю страдаю от грудной болезни⁹⁰. Думаю, от забот и тревог открылась тяжкая рана; а скука ее поддерживает»⁹¹.

16 сентября 1822 г. Б. делает в письме к неизвестному адресату подробный разбор его слабой романтической элегии «Вдохновение», где высказывает свои взгляды на поэтическое искусство: «Правила поэзии полезны малому только числу людей, для нее рожденных. Им более других нужна робость, осмотрительность и строгое к себе беспристрастие. Кто не сотворен для какого-либо художества, тот и усовершенствоваться в нем не может; пред тем расточать правила и советы было бы излишнее! / Ложные эпитеты и ложные мысли всего опаснее начинающему писать! Он может в них влюбиться, — и тогда уже никакое размышление не сильно будет очистить его от предрассудков и предубеждения. Посему-то начинающему упражняться в словесности обыкновенно советуют чаще и больше читать правил, руководств, глубокомысленных ораторов, философов и классических поэтов. Иностранные ораторы, философы и стихотворцы, научая мыслить, в то же время покажут силу слов и правильное их размещение. Многие, при величайших дарованиях, пишут дурно; от того только, что мало читают чужих произведений и мало размышляют над собственными»⁹². 26 сентября, будучи в гостях у архитектора В. И. Черная, Б. вписывает в альбом А. Е. Измайлова стихотворение «Темпераментология А. П. Буниной»; в октябре оно выходит в «Благонамеренном»⁹³. Вскоре Б. уезжает в Ревель (ныне — Таллин) для продолжения лечения.

⁸⁹ Т. е. вторую.

⁹⁰ «Грудной болезнью» тогда обычно называли то, что позднее стали называть «чахоткой», — туберкулез; но тут идет речь явно о чем-то другом.

⁹¹ Из писем Анны Петровны Буниной к племяннику ея М. Н. Семенову. С. 529—530.

⁹² РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 6091. Л. 17.

⁹³ См. примеч. на с. 538.

В письме оттуда от 10 декабря к М. Н. Семенову она жалуется: «Здоровье мое очень плохо: грудь делается хуже и хуже, и кажется, будто идет к развязке. <...> О моей поездке в деревню и полагать нельзя: ни денег, ни здоровья нет»⁹⁴.

Весной 1823 г. Б. возвращается в Петербург. В мае в последний раз она встречается с В. И. Панаевым⁹⁵, уезжающим на лето к родным в Казань, где он вскоре женится на дочери казанского вице-губернатора красавице П. А. Жмакиной. Об этом эпизоде Б. оставила такое воспоминание: «<...> из всех молодых мужчин, посещавших меня, я предпочтительно любила и уважала Владимира Ивановича Панаева. Не столько талант и скромная наружность, сколько степенность правил и скромные поступки расположили меня в его пользу. Посещения его были редки; я частых и не требовала; несмотря на то, обращение мое с ним было так просто, как бывает от привычки видеться ежедневно. Прощаясь с ним, при отъезде его в Казань, и ведая, что он по возвращении своим не застанет уже меня в Петербурге, я не стыдилась в присутствии его заплакать. Один странный разговор произвел толико сильное действие на разум мой и сердце, что на другой день я писала к нему письмо, исполненное доверенности, излишних чувств и открытия некоторых тайн моей жизни. Изумленный, не веря глазам своим, однако растроганный до слез, он бросился ко мне. Я приняла его на одну минуту. Сердце мое не могло перенести изустных излишних, и самолюбие страдало от многого, что прежде скрыто было покрывалом неизвестности. Я обещала ему открыть все после моей смерти <...>»⁹⁶. 11 июля Б. записывает стихи в альбом Е. Н. Пучковой. В журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» выходит перевод элегии А. Ламартина «Долина». Вероятно, в течение лета известным художником-портретистом А. Г. Варнеком⁹⁷ был написан единственный портрет Б., заказанный ему Императорской российской

⁹⁴ Из писем Анны Петровны Буниной к племяннику ея М. Н. Семенову. С. 530.

⁹⁵ В опубликованной части его воспоминаний никаких упоминаний об отношениях с Б. нет.

⁹⁶ Письмо П. Н. Семенову от 24 марта 1826 г. (РГАЛИ. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 6 об. — 7).

⁹⁷ Ныне хранится в Литературном музее Института русской литературы (Пушкинский дом) в Санкт-Петербурге. Несколько копий с портрета, сделанных позднее, находятся в разных местах.

академией⁹⁸. В сентябре Б. почувствовала себя крайне плохо и составила завещание⁹⁹. В письме от 21—26 ноября к М. Н. Семенову Б., выполняя его просьбу, кратко, но во всех подробностях описывает неделю своей петербургской жизни: «Что до меня, то хотя я обещала тебе вести мой журнал, но боюсь, что в нем не будет разнообразия; потому что все выезды мои ограничиваются одним только домом Николая Семеновича¹⁰⁰; ибо с самой нашей разлуки я нигде кроме его не бываю. Однако должно соблюсти условие, и так слушай. / В *воскресенье* поутру я проснулась часа два до света и слышала барабан, который отзвывался в моем сердце, потому что уведомлял о вашем уходе. В 12 часов привезли из колонии мои бюсты¹⁰¹; в час я пошла к Ивану Петровичу¹⁰², в 5 поехала к Мордвиновым, которые прислали за мной карету. Там нашла Бакунину, фре<й>лину, и Анну Семеновну. Обедали <...> День и вечер провели довольно живо. / В *понедельник* опять у Мордвиновых. Поутру бюсты мои отправились к Александру Николаевичу¹⁰³. Я стояла у окна и смеялась, как их укладывали в сани, пос<т>лали им постель и одели одеялом, оставя наружи все 7 лиц. Оне поставлены на 7 книжных шкапов в библиотеке¹⁰⁴. Генриет<т>а Александровна¹⁰⁵ мне сказала: *j'admire le courage de votre neveu, il me plait; il est résigné*¹⁰⁶. Обедала я одна, было очень весело; мы шутили и делали фокусы. Вечером все сели за работу; а Генриет<т>а Александровна начала нам читать вслух, как вдруг один за одним, и дом наполнился гостями, что нам очень было не по вкусу. <...> В 10 часов все разъехались. <...> / Во *вторник* карета у крыльца, и я опять у Мордвиновых. <...> В доме величайшая тишина, и все ходят на пальчиках: Николай Семенович нездоров и с нами не кушал. В 9 часов карета поехала за

⁹⁸ Достоверных сведений о том, была ли Б. почетным членом академии, найти не удалось.

⁹⁹ Текст не сохранился; о нем известно из завещания Б., сделанного в 1827 г.

¹⁰⁰ Мордвинова.

¹⁰¹ Дальнейшая судьба бюстов Б. неизвестна.

¹⁰² Бунину, старшему брату.

¹⁰³ Князь А. Н. Голицын, министр духовных дел и народного просвещения.

¹⁰⁴ Видимо, в Императорской публичной, подведомственной министерства народного просвещения.

¹⁰⁵ Жена Мордвинова.

¹⁰⁶ Я восхищаюсь мужеством вашего племянника, мне это нравится; он подал в отставку (*франц.*).

Натальей Николаевной и меня завезли домой. / *Среда*. Собираюсь к Рахмановым <...> была у Рахмановых. / *Четверг* у Мордвиновых. Обедал Глинка¹⁰⁷. <...> Вечером Глинка читал *La mort de Socrate par Lamartine*¹⁰⁸. / *Пятница*. Обедала и целый вечер провела с Натальей Николаевной у Ахвердовых, праздновали канун именин вместо именинного дня. Катерина Борисовна с Нинушкой поехали при нас на бал к Хвостовым. <...> *Суббота* у Мордвиновых. Наталья Николаевна обедала и целый вечер провела у кухни своей Корсаковой, а Анна Семеновна с нами. / *Воскресенье*. У Мордвиновых. По обыкновению Столыпины все, Катерина Борисовна с Нинушкой, Глинка с Аксеновым¹⁰⁹, Зыков. После обеда Марья Яковлевна играла на фортепьянах превосходную пьесу, с особенным мастерством. Пристали (за исключением хозяев) к Аксену; он послал за гитарой и усладил слушателей. / Вот, мой друг, тебе простой, мало любопытный и неразнообразный мой журнал»¹¹⁰. Б. собирается оставить Петербург и переселиться в деревню. 10 декабря она посылает М. Н. Семенову письмо на французском («*Par secret*»¹¹¹), в котором рассказывает о том, что к ней, к ее удивлению, явился посольный от императора и передал его настоятельную просьбу остаться в Петербурге, будто бы он в ней крайне заинтересован¹¹². Б. отказалась от аудиенции и пообещала изложить письменно свои причины к отъезду. В том же письме она сообщает и некоторые подробности, связанные с болезнью: «*Depuis votre départ je souffre des vapeurs de mon abominable logement et je cours continuellement pour me trouver un autre. Les fatigues, les vapeurs et le refroidissement m'ont donné des maux de tête si violents, que je n'ai pas pu écrire ce papier: même, je n'ai pas pu me rendre hier (Dimanche) chez les Mordvinoffs*»¹¹³; и в конце приписка по-русски: «Насилу могу писать, от того так

¹⁰⁷ Федор Николаевич, поэт.

¹⁰⁸ «Смерть Сократа» Ламартина (*франц.*).

¹⁰⁹ С. Н. Аксенов, композитор и гитарист-виртуоз.

¹¹⁰ Из писем Анны Петровны Буниной к племяннику ей М. Н. Семенову. С. 531—533.

¹¹¹ По секрету (*франц.*).

¹¹² С чем это было связано, неизвестно. Вероятно, Александр I хотел назначить Б. на какую-то придворную должность.

¹¹³ «С тех пор, как вы уехали, я страдаю от испарений в моей ужасной квартире и бегаю повсюду в поисках нового жилья. Усталость, испарения и охлаждение причиняют такие чудовищные головные боли, что не хватило даже сил черкнуть эту записку, я даже не смогла сходить

дурно написано»¹¹⁴. В следующем письме к М. Н. Семенову она пишет: «Остаться в Петербурге я не имею расположения, и что бы ни случилось, в половине февраля отсюда еду, и уже так устраиваю мои дела, и веду к одному концу. В записке к высокому моему покровителю прописала я причины моего отъезда и для себя самой ничего не просила. Когда увидимся, дам прочитать тебе сию записку; следствия по ней еще нет никакого. Кто внушил ему ко мне сожаление, Тот определит и развязку. Я разумею под сим Верховного Владыку и Творца миров»¹¹⁵.

20 января 1824 г. написано предпоследнее стихотворение Б. — «Гордость»¹¹⁶, редкий в русской поэзии образец переложения псалма, сделанного женщиной-поэтом. Скорее всего, Б. не уехала в деревню в феврале, а осталась как минимум до середины июня. В начале июня в Москве прошел слух, что Б. будет назначена куратором Московского университета¹¹⁷. В это время она жила в Тентелевой Деревне, дачной местности за Нарвской заставой, в трех верстах от Петербурга¹¹⁸. Там 13 июня ее застало письмо от князя А. Н. Голицына, доверенного лица Александра I, с вызовом ко двору. Б. ответила: «Ваше сиятельство удивит выражение мое, не соответственное обстоятельству, когда я скажу, что постараюсь быть. Ибо желание по духу и препятствие по телу причина, что не могу сказать решительно. Я сию минуту поеду в город; но как я еще не начинала выезжать и, к сожалению, сегодня на ночь брала ванну, то и не знаю, допустит ли здоровье. Но ради самого Бога не извольте о том докладывать государю. Я так сильно желаю быть, что соберу все силы. Не можно ли будет сделать милость прислать за мною придворную карету с лакеем в 10 ча-

---

вчера (в воскресенье) к Мордвиновым» (*франц.*). О каких «испарениях» речь, непонятно. Может быть, о печном угаре?

¹¹⁴ Из писем Анны Петровны Буниной к племяннику ея М. Н. Семенову. С. 534.

¹¹⁵ Там же. С. 534—535.

¹¹⁶ См. примеч. на с. 539.

¹¹⁷ Князь П. А. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу от 11 июня 1824 г. пишет: «Кто будет в Москву куратором? Говорят, Бунина. Правда ли?» (Остафьевский архив князей Вяземских. Т. III. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1824—1836. СПб., 1899. С. 54). Слух, вероятно, был связан с назначением А. С. Шишкова министром народного просвещения 15 мая 1824 г. Однако вскоре куратором университета был назначен А. А. Писарев.

¹¹⁸ Конец нынешнего Химического переулка.

сов утра, чтобы я могла в городе немного отдохнуть; ибо, не имея на рассылку человека, я боюсь опоздать и сама себя лишити счастья»¹¹⁹. Император распорядился выделить ей карету с придворным лакеем и слугой, лишь бы она приехала¹²⁰. 27 августа, перед самым отъездом в деревню, Б. просит Н. С. Мордвинова одолжить ей 133 рубля, боясь «занемочь дорогою и потерпеть нужду», в счет предстоящей 1 сентября выдачи из канцелярии императрицы: «Я была уверена, что в канцелярии не затруднятся выдать мне денег ранее тремя днями; однако мне отказали. Теперь я совсем готова к отъезду, но только остановилась по сей причине»¹²¹. Видимо, через день, получив от Мордвинова деньги, Б. уезжает из Петербурга навсегда. Почти через два года она напишет следующее: «20-летнее мое в Петербурге пребывание можно было бы назвать эпохой славы, почестей и сердечных наслаждений, когда бы сердце мое было к ним способно, и когда бы сама я не преграждала сей славы и сих почестей поступками, в которых беспрестанное и несообразное видимо было противуречие. Несмотря на то, я имела великое множество искренних, благородных, бескорыстных друзей во всяких степенях, которые любили меня, для меня самой, и были мною со всякою горячностью и с совершенным бескорытием любимы»¹²²; а еще позднее будет признаваться в утраченных возможностях: «С 1811-го по 1824-й год, то есть по самый день моего из Петербурга отъезда, я могла бы вести записки, любопытные для каждого: особенно в эпоху скорби и славы России. Ибо, находясь в тесной дружественной связи со многими из первейших государственных особ, я имела случай видеть, слышать и знать многое, что от других было сокрыто. Могла бы... Но, — прошедшее невозвратно!»¹²³

¹¹⁹ Николай Николаевич, вел. кн. Император Александр I. 2-е изд. СПб., 1914. С. 446.

¹²⁰ Там же. С. 445. Чем кончилось дело, неизвестно. Кстати, здесь уместно привести воспоминание Э. И. Стогова, относящееся к началу 1810-х гг.: «В высшем кругу Питера была как своя, часто являлась ко двору; я это говорю к тому, что такая особа ездилa тысячи верст без девушки, без лакея!» (Русская старина. 1903. Т. СХІІІ. № 1. С. 134).

¹²¹ Письмо Б. к Н. С. Мордвинову от 27 августа 1824 г. // Архив графов Мордвиновых. Т. 4. СПб., 1902. С. 350—351.

¹²² Письмо к П. Н. Семенову от 24 марта 1826 г. (РГАЛИ. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 6—6 об.).

¹²³ Отдельный лист, приложенный к письму П. Н. Семенову от 9 декабря 1827 г. и датированный 16 декабря (РГАЛИ. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 6).

1825 г. для Б. станет годом вынужденных разъездов: она живет то в Денисовке¹²⁴, «то в Скопине у зятя Семенова, то в Усмо-ни у брата И. П. Бунина; ездила в Воронеж»¹²⁵.

В феврале 1826 г. Б. лечится в Липецке на водах¹²⁶. 24 марта пишет пространное письмо (думая, вероятно, что оно прощальное) П. Н. Семенову из Елизаветина¹²⁷, в котором сообщает ему ряд биографических подробностей и запрещает кому бы то ни было показывать свои «тайные записки», которые, оказывается, вела на протяжении многих лет: «Записки сии позволяю тебе читать с теми из современников, которым известны главные происшествия моей жизни, но запрещаю передавать их второму поколению: то есть твоим детям, племянникам и проч. Хладные ко мне, будут они перебрасывать их из рук в руки с таковым чувствованием, с каковым обыкновенно доверяют повести и романы, не имеющиеся в продаже. Не должно пускать в скачку особы нам любезной или под каким-либо предлогом заслуживающей внимание света. Не должно также вооружать сердец и ополчать умов противу людей, которых несправедливости уже преданы забвению, и коих имена принадлежат потомкам, может быть, наидобродетельнейшим. Простя единожды врагам моим, не имевшим причины враждовать на меня и вредившим мне от суетности и недостатка христианских добродетелей. Я обратилась к ним всем сердцем и не хочу имя их беззащитно вдать суду людей. Но им также не принадлежит участвовать в записках сих, ниже о них ведать. Почто давать им повод вторично, и после смерти моей, погрешить противу меня»¹²⁸. Лето Б. проводит на Кавказе, где годом раньше открылся курорт Горячие Воды¹²⁹. Все это время она будет работать над переводом с английского проповедей шотландского религиозного мыслителя Хью Блэ-

¹²⁴ Имение Д. М. Бунина, двоюродного племянника Б.

¹²⁵ *Хмыров М. Д.* Цит. соч. С. 225. Автор в сноске пишет: «Эти подробности мы заимствуем из доставшихся нам случайно календарей Ив. Петр. Бунина, где он, на беглых листах, своеручно отмечал дни отправления писем к сестре Анне Петровне, прописывая место ея пребывания» (С. 226). Там же. С. 225.

¹²⁶ Там же. С. 225.

¹²⁷ Одно из имений Буниных-Семеновых под Липецком.

¹²⁸ Письмо П. Н. Семенову от 24 марта 1826 г. (РГАЛИ. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 5 об. — 6).

¹²⁹ Ставшие через четыре года Кисловодском. В 1825 г. в «Отечественных записках» П. П. Свиныным, побывавшим там, публиковались материалы о целебных свойствах местных источников.

ра¹³⁰. В последние годы Б. стала чрезвычайно набожна¹³¹. Болезнь от неправильного лечения только усиливалась, а с ней усиливалась и религиозность¹³².

Лето 1827 г. Б. снова проводит в Горячих Водах. 15 ноября 1827 г., по возвращении с Кавказа, Б. посылает письмо Шишкову с просьбой об ускорении процесса издания перевода, видимо, посланного ему раньше: «Многократные свидетельства милостивого расположения ко мне вашего подкрепляют мою надежду, что вы не отречетесь подать мне утешение при настоящих моих обстоятельствах. Посему приемлю смелость возобновить просьбу о напечатании перевода моего Блеровых проповедей. Двукратная поездка на Кавказ, домашние рассылки по случаю тяжкой моей болезни, аптеки и прочее, соединенные с положением моим издержки превышают мои способы, подобно как болезнь превышает силы к перенесению оной. Богу угодно посетить меня столь продолжительными, многосложными и беспрестанно возрастающими болезнями, которые можно назвать редким явлением. Я уже не владею левою рукою¹³³, и в то же время чувствую в ней нестерпимую боль; нет сил переносить совокупных болезней; изнурила и утомила состраданием друзей моих, оказавших мне в доме своем великодушное гостеприимство. Так как вы изволили милостиво обещать напечатание в пользу мою перевод<a> мо<его>, то низжайше ходатайствую о исполнении. Я не ишу для себя полного издания; останусь чувствительно благодарною, естли вы соблаговолите предоставить в мою

¹³⁰ Работа над переводом для Б. была мучительна физически: «Анна Петровна не могла лежать, она по необходимости становилась на колена, посвящала в таком положении бессонные ночи своему труду <...>» (Хмыров М. Д. Русские писательницы прошлого времени: Анна Бунина, Мария Поспелова и Елисавета Кульман // Рассвет. 1861. Т. 12. С. 226).

¹³¹ См. текст завещания ниже.

¹³² Э. И. Стогов в «Записках» вспоминает: «Мне рассказывали, что она избавлялась мучительной боли в присутствии известной Татариновой и будто чувствовала приближение вне дома этой сектантки» (Русская старина. 1879. Т. XXIV. № 1. С. 51). Е. Ф. Татаринова в конце 1810-х гг. основала в Петербурге религиозно-мистическое общество «духовных христиан», в деятельность которого была включена высшая аристократия, в том числе министр духовных дел и народного просвещения князь А. Н. Голицын (см. выше).

¹³³ Возможно, Б. писала левой рукой. Именно это письмо не собственноручное, а написанное, скорее всего, кем-то из родственников; Б. только поставила дату и подписалась под ним.

пользу часть оного с тем, чтобы академия не приступала к продаже моего перевода до тех пор, пока я не продам предоставленной в мою пользу доли. В присовокупление к тому покорнейше прошу сделать милость приказать отпечатать для меня 25 экземп<ляров> на веленовой¹³⁴ бумаге для поднесения императорской фамилии, всегдашних моих благодетелей и покровителей»¹³⁵. 28 ноября в Денисовке, Б. составляет завещание, нематериальная часть которого, опубликованная посмертно, многое говорит о внутреннем ее состоянии: «По соизволению правосудного Бога, протекло еще четыре года и три месяца болезненного моего на земле странствия от дня того, в который, поруча душу свою Святой Единосущной Троице, во имя Ея писала я духовное завещание. Сколь великое число событий, не возмогших войти в ум, ни в сердце мое, свершилось надо мною в течение сего времени! Непрозорливы очи смертного и все пути его во тьме. *Ушима нашими слушаста, а не слышали; очима нашими соглядаста, и не видели.* Витаю, где сени себе не созидала, почию, где ложа своего не стлала! Созиждимое мною не мне в виталище, и посланное мною не мне в упокой! Покой мой и брашна моя отыную. / Не до конца прогневается Господь, — ниже вовек враждует. Собравый на главу мою скорбь и болезнь уготовал для ран моих елей помазания. Веляя благость Твоя, Господи! Не по беззаконию моему сотворил еси мне; ниже по грехам моим воздал еси мне, но утвердил надо мною милость Свою! Но Ты, Господи, положил елей в руки четы, коей имена не были вписаны мною в число имен врачей моих: Ты прилепил их ко мне сердоболием и обшел меня состраданием. / Свидетельствуюсь Богом, к которому готовлюсь на суд нелицеприятный, что не было в сердце моем противу ближних и кровных моих ни злоумышления, ни лести, ни коварства. В простоте сердца любила я их; естли же кого озлобляла, то просто, по безумию моему, по суетности или запальчивости. Прошу их простить меня искренно во всех обидах, учиненных мною словом или делом, ведением или неведением, волею или неволею; подобно как и я их искренно, с непамятозлобием, от чистого сердца прощаю. Господи! кому, аще не Тебе, Всеведец, воздам благодарение за мир и тишину души моей! Нет у меня ни врагов, ни оскорбивших, ни опечаливших меня! Душа моя не питает досады: воспоминание

¹³⁴ Плотная, имеющая желтовато-кремовый цвет.

¹³⁵ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 6091. Л. 116—116 об.

о зле изглади в ней, яко соние *возстающего*. Я не завидывала преспеянию других и не искала препнуть его; позавидовавших же мне и препинавших путь мой с непамятозлобием прощала. / Не судите меня, ближние, во гресех моих, да и сами не будете судимы. Ослаби, ослаби прегрешения мои, Господи, и возведи от тли живот мой. Многомилостивый! в руце Твои дух мой предаю. *Аминь*»¹³⁶. Вскоре после завещания, 4 декабря, было написано сопроводительное письмо, обращенное к Д. М. Бунину, где Б. снова говорит о своих «тайных записках»: «Тяжко и бурно было бытие мое! Первые годы были исполнены душевных, последние телесных скорбей и недугов. <...> Оставляю тебе духовное свое завещание; прошу исполнить по нем неукоснительно и со всевозможною точностию. Сердце твое нежно и мягко, и я не боюсь пренебрежения!.. Оставляю тебе мои записки. Оне вовсе не приносят мне особенной чести: не хочу стяжать уважения, которого недостойна. *Кийждо от своих дел прославится и постыдится*. Хочу предстать перед вами без всяких внешних украшений. Сии тайные записки откроют вам, почему поступки мои не всегда были сообразны между собою и один другому часто противуречили. Но готовясь предстать на Судилище, чуждое лицепрятия, смело исповедую, что при других обстоятельствах я была бы гораздо лучше, нежели какова ныне. В сердце моем, по благости Творческой, насаждено благое семя правоты и чести, которые чтала я не только от юности моей, но и от самого еще младенчества. Орудия, служившие ко вреду моему, могли бы, при лучшем воспитании, быть направлены к единому благу. Что вело меня к напасти и погибели? — чрезмерная нежность сердца, пылкие страсти, мечтательное воображение и постоянство в избранных путях. Меняться я не могла, и невзирая на чудесные переходы от одного рода жизни к другой всегда в сущности оставалась одинаковою. Те же друзья, те же пристрастия, те же самые вкусы и то же влечение сердца. Сии свойства должны обратиться в достоинства человеку, если он не получил превратного воспитания. К несчастию, мне, можно сказать, не дано никакого воспитания. Я была попущена ловить дурные и хорошие примеры без указателя, который означал бы место для одних одесную, для других ошую. Если Богу угодно было посещать меня несчастьями, то я стенала безотрадно; если в душе моей возгорался ка-

¹³⁶ Отрывки из завещания Анны Петровны Буниной (Дамский журнал. 1831. № 2. С. 23—29).

кой-либо пламень, я думала: "Душа моя создана пламенною — охладить ее не в моей воле". Я даже не подозревала свободы человека. Мне никогда не приходило в голову, что человек, в особенности женщина, не должен стремиться ни к чему иному, кроме исполнения своих обязанностей. Я знала твердо, что надлежит обуздывать себя там, где необузданность наша может повредить ближнему; никому не вредила и даже не желала зла. Сим я думала исполнить все свои обязанности... между тем пала из бездны в бездну, ввергалась из напасти в напасть. / Все сие, мой милый и бесценный друг, увидишь в моих тайных записках. Прочти их внимательно с милейшею сердцу моему и ни в чем не искусившеюся твоею супругою. Когда прочтешь, вникнешь и сообразишь обстоятельства, то вручи сии записки П. Н. Семенову»¹³⁷. Еще через пять дней Б. написала письмо к П. Н. Семенову, которому и должны были быть переданы «тайные записки»: «Тайные мои бумаги и подаренный тебе в наследственное владение журнал из ларца вынуты мною. Ты все получишь после смерти моей <...> Сии тайные бумаги отдаю я тебе и супруге твоей, благоразумной и доброй. Но заклинаю вас обоих, чтобы третьего лица в чтении оных не было. <...> Над двумя тетратями найдешь ты имя Владимира Ивановича Панаева. Когда будешь в Петербурге, то прочитай с ним вместе сии две тетраты; копии же ему не давай. Случай иногда бывает превыше нас! Он случайно узнал главное; после чего обещала я ему сообщать подробно; но как сие случилось в день нашей разлуки, то исполнения и не последовало»¹³⁸. В приписке, сделанной 16 декабря, Б. снова возвращается к «тайным запискам»: «Прочтя мои записки, ты прольешь несколько слез, но будешь в некоторых местах смеяться. Не воздерживай себя от сего смеха: он не есть святотатство. Вникнув единожды в слог и в содержание записок, можно разделить меня на 3 различные особы, одна с другой не встречавшиеся, существование первой можно положить до 1804-го года. Второй <—> с 1804-го по 1815-й год. Бытие третьей начинается не прежде как с 1820-го. Недостающее от 1815-го по 1820-й год число лет составляет неминуемый переход единого лица в другое. Без сего перехода полное изменение не было бы естествен-

¹³⁷ Письмо Анны Петровны Буниной к Дмитрию Максимовичу Бунину (ДЖ. 1831. № 1. С. 13—15).

¹³⁸ Письмо к П. Н. Семенову от 9 декабря 1827 г. (РГАЛИ. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 9).

но. Самый почерк письма, трикраты разительно изменившийся, как бы представляет собою некоторого рода эпохи»¹³⁹. Текст записок Б., к сожалению, утрачен. Она строго-настрого запретила их дальнейшее распространение, и, видимо, родственники неукоснительно выполнили ее просьбу¹⁴⁰. В конце того же года, судя по общему настроению, было написано и последнее стихотворение Б. — «Ближним».

В январе 1828 г. Б. уезжает в Москву, где живет до конца весны, снимая сначала одну, потом другую квартиру на Сивцевом вражке, напротив церкви Афанасия и Кирилла¹⁴¹. 21 января снова пишет Шишкову по поводу издания перевода: «Та, которую Вы некогда любили, и которая имела счастье пользоваться приязнию и доверенностию Вашою, прибегает к Вам со смертного своего одра. Век мой достигает уже своего конца. По всей вероятности не увижу я более возобновившейся природы, и сердце мое не увеселится более образом расцветающей весны. Дайте ему, милостивый государь, веселие, доставя мне при жизни моей отраду видеть двухгодичные труды мои окончанными и пожать с них хотя малый плод, который подаст мне средство поправить несколько дела, приводимые беспрестанно в беспорядок тяжкою и продолжительной моею болезнию. Я говорю о переводе моем Блеровых проповедей, которые обещали Вы мне на академический счет напечатать. Знаю, почтеннейший Александр Семенович, что по великодушию Вашему и мягкосердечию Вы сами будете скорбеть, еслии удовлетворение моей просьбы не застанет меня в живых. / Поручаю себя в любезнейшее для меня и лестное за гробом воспоминание Ваше. Купно приношу нижайшую благодарность мою за все милости, которые в течение 20 лет я от Вас имела»¹⁴². Шишков не смог помочь Б. с изданием перевода «на академический счет»¹⁴³. В результате она решается на издание за свой счет и подает рукопись в московский цензурный комитет. В марте—апреле ведет хозяйственную пере-

¹³⁹ Отдельный лист, приложенный к письму П. Н. Семенову от 9 декабря 1827 г. и датированный 16 декабря (РГАЛИ. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 6).

¹⁴⁰ В 1832 г. П. Н. Семенов умер, и в чьи руки дальше перешли записки, неизвестно.

¹⁴¹ См. письмо Б. к М. П. Погодину, написанное не позднее конца марта 1828 г. (РО РГБ. Пог/П. П. 47. Д. 14).

¹⁴² РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 6091. Л. 132—132 об.

¹⁴³ См. переписку Б. с Шишкову об этом (РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 131).

писку с М. П. Погодиным, которому жалуется: «<...> тяжкая моя болезнь ведет за собою ежедневные разорительные издержки»¹⁴⁴. 14 апреля Б. получает цензурное разрешение на издание. Вероятно, летом она вернулась в Денисовку. В конце года¹⁴⁵ книга¹⁴⁶, содержащая 17 бесед-проповедей¹⁴⁷, наконец-то вышла.

14 мая 1829 г. Б. надписала экземпляры книги двухлетнему внуку ее сестры Марии, ставшему в будущем знаменитым путешественником и ученым географом: «Любезнейшему моему внуку и крестнику Петрушеньке Семенову, в чаянии его достославной возмужалости»¹⁴⁸. 3 августа в петербургской «Северной пчеле» появилась довольно язвительная рецензия на сам перевод и на оформление книги, подписанная Л.: «Подлинник сей книги признан в числе образцовых, классических произведений в своем роде. Известная наша писательница, Анна Петровна Бунина, трудилась в переводе и сим облегчала скорбные минуты страданий своих в тяжкой болезни, желая, чтоб сие отрадное занятие послужило в пользу юной отечественной публики¹⁴⁹. Цель благородная, средство достойное всякой хвалы! При появлении произведений сего рода рецензент кладет перо, и критика безмолвствует пред несчастием и добродетелию. — Впрочем, надемся, что краткие, благонамеренные замечания не повредят книге и не огорчат автора. Жаль, что почтенная переводчица слишком придерживалась славянских оборотов: они сильны и выразительны в слого мужественном, совершенно правильном, но ослабляют и затемняют мысль под пером женщины, изучившейся сему языку только по слуху и малому навыку. Пора оставить нам обветшалые формы Феофана и Гедеона¹⁵⁰. И ду-

¹⁴⁴ См. письмо Б. к М. П. Погодину от 8 апреля 1828 г. (РО РГБ. Пог/П. П. 47. Д. 14).

¹⁴⁵ Хотя на титульном листе обозначен 1829 г.

¹⁴⁶ Нравственные и философические беседы. Из сочинений доктора Блэра. Переводила с английского Анна Бунина. М.: В Типографии Н. Степанова, при Императорском театре, 1829. Оригинал: *Blair H. Sermones: In 5 vols. Vol. III.* New ed. London, 1814. Книги, вероятно, Б. привезла с собой из Англии еще в 1817 г.

¹⁴⁷ Всего Б. перевела все 20 проповедей Блэра из III тома; остальные остались неопубликованными.

¹⁴⁸ *Семенова-Тян-Шанская В. Д.* Забытая Муза // *Работница*. 1974. № 12. С. 24.

¹⁴⁹ В книге было посвящение: «Российскому юношеству от трудившейся в переводе».

¹⁵⁰ Имеются в виду архиепископ Феофан Прокопович и епископ Гедеон Криновский, церковные ораторы и проповедники первой половины XVIII в.

ховные особы наши ныне пишут чистым русским языком. Странно, после Карамзина (который, впрочем, не отвергал славянских и старинных русских оборотов, а пользовался оными с умом и вкусом), читать книги, в которых как бы с умыслом набраны периоды тяжелые, неправильные и не-русские. Но есть люди (и весьма умные, и почтенные), которым, по привычке и любви к старине, сей слог преимущественно нравится: им рекомендуем перевод Бесед Блера. Книга сия напечатана красиво и четко. Жаль, что каждая беседа обезображена нелепою гравированною виньеткою. Что может быть страннее заглавия 17-й беседы, в котором буквы расставлены не в прямой и даже не в косвенной линии, а в каком-то странном и неприятном хаосе. Такие ребяческие замашки граверов не должны быть терпимы в издании книг важных. Благородная простота есть лучшее наружное (как и внутреннее) украшение таковых творений¹⁵¹. Скорее всего, Б. эту рецензию не читала. 4 декабря она скончалась в Денисовке, месяц и три дня не дожив до 56 лет, и была похоронена в родном Урусове, в фамильном склепе у стен новостроенной Никольской церкви¹⁵². Н. П. Грот¹⁵³, бывшая тогда 4-летней, в старости вспоминала: «Отец мой заботливо за ней ухаживал, и она скончалась на руках его. Помню, как он раз, вернувшись от нея, позвал нас всех троих, поставил перед киотом на колени и велел помолиться за упокой рабы Божией Анны»¹⁵⁴. 24 декабря в «Северной пчеле» был напечатан некролог, подписанный инициалами В. С.: «Рязанской губернии, Раненбургского уезда, в сельце Денисовке скончалась 4-го сего декабря знаменитая стихотворица Анна Петровна Бунина. С самого вступления ея на поприще отечественной словесности она была предметом постоянных щедрот августейшего императорского дома и внимания благосклонной публики. — Последние 6 лет жизни ея, проведенные в непрерывных страданиях, не могли, однако, угасить в ней искры великого дарования. — Перевод Блеровых проповедей, вышедший в свет в конце прошлого 1828 года, был последним трудом почтенной стихотворицы, в течение 25 лет

¹⁵¹ Северная пчела. 1829. № 93. 3 авг. (суббота). С. 1.

¹⁵² Она будет освящена в 1830 г.

¹⁵³ Дочь П. Н. Семенова, жена филолога Я. К. Грота.

¹⁵⁴ Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков Наталии Грот. Издание семьи. СПб., 1900. Там же она пишет, что Б. умерла «от рака в груди».

дарившей словесность нашу произведениями, исполненными глубоких чувств и чистейшей философии. — Мы постараемся в непродолжительном времени сообщить читателям нашим подробнейшие известия о жизни и трудах г-жи Буниной»¹⁵⁵. Однако никаких известий не последовало.

Могила Б. к концу XIX в. пришла в запустение. Еще при ее жизни, в 1822 г., село Урусово перешло во владение князя П. Н. Кропоткина и его потомков. В 1902 г. К. Я. Грот, первый достоверный биограф Б., писал: «Могила Буниной (вместе с могилой отца ея, прапорщ<ика> Петра Макс<имовича> Бунина), бывшая доньше в довольно запущенном виде, будет скоро приведена в порядок, и к ней сооружен новый памятник заботами ея родной племянницы Над<ежды> Ив<ановны> Буниной и члена Госуд<арствен-ного> совета П. П. Семенова<-Тян-Шанского>, крестника ея и внука ея родной сестры»¹⁵⁶. Вскоре на могиле был поставлен новый памятник. Однако в 1930-е гг. Никольская церковь была закрыта, прочие церковные постройки взорваны, а кладбище сильно пострадало. Надгробный памятник был снят с могилы и перевезен в Липецкий краеведческий музей, а сама могила потерялась. В настоящее время Никольский храм восстановлен, памятник (вернее, только фрагмент, оставшийся от него) возвращен в Урусово и находится неподалеку от здания местной школы, центральная часть¹⁵⁷ которой и есть тот самый дом, где родилась и жила Б.

МАКСИМ АМЕЛИН, МАРИЯ НЕСТЕРЕНКО

¹⁵⁵ Северная пчела. 1829. № 154. 24 дек. (вторник). С. 1.

¹⁵⁶ Альбом Анны Петровны Буниной / Публ. К. Я. Грота // Русский архив. 1902. Кн. I. № 4. С. 500.

¹⁵⁷ Боковые флигели, вероятно, пристроены Кропоткиными.

Неопытная муза

<Часть первая>

ЦИКЛОП

Идиллия

(Вольной перевод Феокрита)

Любовь! всесильная любовь, где средства в мире,
Могущие твой яд из сердца истребить?
Их нет... закон судеб: томиться и любить;
Но таинство у муз сокрыто в стройной лире,
Питая страсть, ея жестокости смягчать.
Люби — и пой, чтоб менее страдать.

        Так Полифем, циклоп несчастный,
        С свирелью соглася свой голос страстный,
        Уединясь от всех, любовь свою певал.
10 Свирепый рок ему, к напасти, предписал
        Во цвете лет своих увидеть Галатею,
        Прелестную из нимф морских ближайших вод,
        И сердце мирное воспламенилось ею...
        Текут дни — месяцы — проходит год:
        А Полифем, живя одною страстью,
        Забыл себя, друзей;
        Спокойно предает стада свои ненастью
        И лютоści лесных зверей.
        Не розы для него любовь приготавлила,
20 Не миртовы венки в награду мук сплетала;
        Но тернием свила его несчастны дни,
        Но, адским фуриям подобно, дух терзала,
        И вздохи вечные готовила одни.
        О Полифем! ужель отчаянье, напасти
        Удел чувствительных? Ужель переменять
        Нельзя суровой части?
        Нельзя... Но Полифем умел ее смягчать.

От утра раннего до поздняя авроры
Вперя унылые на море взоры,
30 Как будто страж его, вседневно он сидел,
На каменных верхах высокого утеса,
Нося в груди стрелу, месть злобной дщери Зевса,
И так свои страданья пел:

О ты, прелестная! Краса и чудо света!
Которой милые уста алей
Пылающей зари средь лета,
Которая сыров моих белей,
Нежней ягнят, тельцов быстрей,
Резвящихся под тенью леса,
40 И непреклоннее кремнистого утеса.
Люблю тебя... а ты меня бежишь,
Бываешь здесь, как сон глаза мои смыкает,
Едва проснусь, к волнам спешишь.
Столь агнца робкого волк хищный не смущает,
Как я тебя собой пугаю всякой раз.
Увы, жестокая! еще в тот самый час,
Когда ты с матерью моею приходила
На этот холм венки из гиацинтов вить,
Еще тогда меня краса твоя пленила;
50 Я провожал тебя — взглянул — и стал любить.
Умру, не изменюсь... а ты пренебрегаешь...
Но что бесчувственной?.. ты жалости не знаешь,
И вот за что моя отвержена любовь,
И вот причина вся столь жребия дурного,
Что чрез чело мое, от уха до другого,
Проходит длинная щетинистая бровь,
Под коей глаз один — а над губами
Навис широкой нос: в том вся моя беда.
Но с сими малыми красами,
60 Послушай, я пасу несчетные стада,
И в каждое годично время
Пью сладкое млеко — ем вкусные сыры;
Все ко́шницы мои погнулися от бремя,
К тому ж имею я природные дары;
Могу нелживо похвалиться,
Что ни один циклоп со мною не сравнится

Приятностью в свирель играть:
Нередко мне тебя случалось воспевать,
Средь мраков ночи темной.
70 Я для тебя кормлю одиннадцать ягнят,
Волной покрытых испещренной,
И четырех еще питаю медвежат.
Приди, прелестная, в сей грот уединенной
Принять из рук моих готовые дары;
Пуškai о каменья утесистой горы
Ярся волны ударяют,
Ничто уже тогда твой не смутит покой.
Сей грот, украшенный природою одной,
Со всех сторон деревья осеняют:
80 Где лавр растет, где плющ, где зреет виноград,
Где кипарис благоухает;
А где для неги и прохлад
Божественно питье струяся истекает
Из белых, Этною растопленных снегов;
Все ручейки мои воды той полны.
Ужели сим местам, достойным и богов,
Кто может предпочесть морские волны?
Когда ж тебе чресчур косматым я кажусь,
Неугасаемый под пеплом огонь имею,
90 Иль, мыслишь, оробею?
Скажи, о милая! — на всё решусь...
Хотя бы ты сей глаз единственной, бесценной
Сожгла в забаву для себя,
Я всяку жертву для тебя
Почту — бездельной.
Ах! для чего мне рок свирепый не судил
Родиться с жабрами: тогда б с тобою был;
Тогда б, не зная разлуки горя,
Последовал тебе в средину моря,
100 И стал бы там твои я руки целовать,
Когда бы лобызать уста ты возбраняла;
Ты б всё из рук моих единых получала;
То б иногда тебе цветистый мак достал,
То бы принес душистую лилею.
Я знаю, к горести, — и прежде знал,

Сколь море мило вам прохладою своею;
Но только бы пловец к брегам моим пристал,
    В минуту плавать научуся,
И более с тобой вовек не разлучуся.
110 Приди ко мне, приди, бессмертных нимф краса!
Приди, чтоб позабыть клубящиеся воды:
    Как я — узнав тебя — с того ж часа
    Забыл весь мир, и не ищу свободы.
Приди со мной моих овечек охранять,
Мы станем вместе сыр с тобою выжимать;
С любящим, милая, мелькают годы...

Тебя, жестокосерда мать!
Тебя в своих бедáх я должен упрекать;
Тогда как от любви я сохну — увядаю —
120 Ты знаешь и молчишь,
И в нимфе жалости ко мне не поселишь.
Страдай, жестокая, когда и я страдаю;
Скажу тебе, что я готовлюсь умирать,
Что голова болит, что не владеют руки,
Что будто на ногах не в силах устоять;
Пускай и ты со мной мои разделишь муки.

О! ты, циклоп, циклоп, игра судьбины злой,
Что случилось с тобой? — где делся разум твой?
Ты счастливее был в своих трудах вседневных,
130 Начни кормить ягнят, начни корзинки плести;
    Не лучше ль то любить, что есть,
И не мрачить тоской часов уединенных,
Чем каждый миг тебе гоняться за мечтой,
Которая тогда ж — мгновенно улетает?
Как знать, где счастье!.. быть может, что с другой
    Оно циклопа ожидает.
Так! гордая! и мне случалось замечать,
Что нимфы сельские хотят со мной играть,
И глядя на меня, с приятностью смеются;
140 Их также строен стан — их также кудри выются,
С такою ж легкостью мелькают на холмах,
Почти есть столько же приятности в устах;

Почти тебе во всем подобны красотою:
Так видно, что и я чего-нибудь да стою!
К чему ж мне верное на мнимое менять,
И — непреклонную любя — томиться?
Опомнись, перестань за призраки страдать...
Нет! лучше с жизнью, чем с ними разлучиться.

150 Так страсть свою циклоп питая воспевал:
Равно любил; но менее страдал.

<1806>

ЛИВИЯ

Идиллия

(Перевод)

КАМИЛЛА

Что делаешь ты здесь, с открытой головою,
На солнечном жару — одна — томясь от зною,
Средь камней и песков?

ЛИВИЯ

Ломаю сей утес.

КАМИЛЛА

5 Не видишь ли, что он касается небес,
И весь из мрамора?

ЛИВИЯ

Всё вижу — и ломаю.

КАМИЛЛА

Что сделал он <тебе>? — за что?..

ЛИВИЯ

Себя карая.

10 Тогда как Эзилай беды мои узнал,
Презрел — стенанием и горестями играл;
С душою, полною любви и напасти,
Томясь в мучениях несчастной, лютой страсти,
Я, потеряв весь ум, скиталась в сих местах,
И ложь отчаянну сплетая на устах,
Сказала: «Ливия не любит Эзилая,
Не думает о нем — мила ль ему другая —

- 15 Аминта ль, Дафна ли, мне всё теперь равно;
Спокойствие свое я берегу одно».
Тут эхо между гор, слова те повторяя,
Твердило: *Ливия не любит Эзилая!*..
Тогда, с улыбкою прилегши на утес,
20 Внимала я, как гул слова мои понес
В деревни, в города, в окрестные пределы,
И мня исторгнуть тем вонзенны в сердце стрелы,
Я льстилась, что могу с словами разлюбить,
Могу окаменеть — напасти прекратить.
25 Я льстилась — и лице веселием покрылось;
Но пламя лютое в груди моей таилось:
Палит ее... и ах! не гаснет от речей!..
Весь ад с любовью ношу в груди я сей.
Вчера мне Сильвия сказала, здесь гуляя:
30 «Похвально, что любить не хочешь Эзилая!
Пастушки наших стран твердят между собой:
Возможно ль то любить, что губит наш покой?
И Эзилай не бог — подруга справедлива...»
Нет, Сильвия! нет, нет! подруга ваша лжива.
35 Гнушаюсь клеветой, хочу ее открыть,
Чтоб с истинной себя и с вами примирить.
Не бог он... но уж ли равны ему *Тирсисы,*
Меналки, Дафнисы, Милоны, Алексисы? —
Знай, Сильвия! — любить его и перестать
40 Есть то же для души, что жить и не дышать.
«Так эхо в сих скалах нас все оболестило?»
Оно вам ложные слова лишь повторило.
Иду сей час его за то отсель изгнать;
В себе отмстить обман, с ним вместе пострадать.
45 И вот уж две зари здесь Ливия встречает,
Дыханьем пламенным утесы согревает;
А камни целы все...

КАМИЛЛА

Но не руке твоей,
Несчастлива Ливия, свершить труд тяжкий сей;
Умрешь... и жизнь твоя во цвете прекратится...

ЛИВИЯ

- 50 А с ней минет напасть, престанут слезы литься.

МОЛИТВА ЛИНДАНЫ

(Перевод)

В одной прелестнейшей из милых Фебу стран,
Между яворами — где лавр, где мирт, каштан
Мешают запах свой с лимонным, ананасным;
Где самородные вверх водометы бьют;
Где воды светлые по янтарям текут;
Где эхо бледное унылым гласом, страстным
Лишь арф невидимых и лир звук вторит... там
С начала мира был каким-то зодчим чудным
Перуну грозному построен пышный храм,
10   Средь мраморных столпов, со треном изумрудным.
Туда печальная Линдана путь нашла:
        Одна с несчастьем пришла.

Спустилась ночь, рукой на землю сыпля сны;
И свет катящейся по яхонтам луны
Проник сквозь мрачные, высокие яворы;
На мрачное лицо стоящей девы пал,
На поднятые вверх отчаянные взоры;
И в капле как росы, в слезе ее играл;
20   Склоняясь на помост, потом скользнул вдоль берега
Через чистый ручеек, где ванны нимф стоят
Рубина алого под тению гранат,
Через купол золотой, и там белейши снега
Он мраморны столпы лучом своим белил:
        В себе самом и в них светил.

От храма в двух шагах, туманами покрытый,
Как черной мантией, муж летами маститый,
Приставя перст к устам, задумчиво сидел.

Нескромность, буйство, шум у ног его в печали,
Цепями скованны, томились и молчали:
30 От перста грозного язык их онемел.
Близ светлого ручья у корней пальм ветвистых,
На груди книг дремал голубоокий бог;
И девять сестр, вия венки из лавр душистых,
Хранили спящего. Три грации у ног,
На лиру опершись, блюли ее в молчаньи:
Над местом тем носилися сияньи.

Вдали мелькала тень, как будто из паров,
Чуть легкою стопой касаяся лугов;
Без шороху, тайком весь остров обтекала,
40 Прикрытая едва хламидою одной,
С мечем при поясе, с мерцаньем над головой:
В одной руке весы, в другой огонь держала.
По ту страну реки, на высоте холмов,
Фортуна, облегшись челом на рог алмазный,
Страшася близкого присутствия богов,
Как строгий судия, правдивый, беспристрастный,
Готовила дары по качествам людей:
Повязки не было на ней.

Бессмертными полны те были все пределы;
50 Везде раскиданы колчаны, шлемы, стрелы.
На лилиях, а где на розовых кустах,
С улыбкой кроткою амуры почивали.
Зефиры резвые прохладу к ним свевали,
Летая утомясь, на алых их устах,
И в светлых локонах беспечно отдыхали;
Спускалися на грудь, еще смелее став,
В их пламенных сердцах биение считали.
Но сей всеобщего молчания устав
Вдруг стоном прерван был молящейся у трона;
60 Все боги от того вздрогну́ли стона.

«О ты, которого едино мановенье, —
Линдана начала, — мирам дает движенье;
Который, бросив взгляд, им солнцы засветил;

Драконам, кроликам, змиям и мне влил душу;
Связал невидимым узлом моря и сушу,
И в мрачном хаосе стихии разделил;
Облек несчетные планеты атмосферой;
Провел рукой черту, велел им течь по ней,
И держишь тяжесть их тебе известной мерой;
70 Желаньем лишь одним и волею своей
Творишь миры — потом в ничто их обращаешь:
Грозами смертных поражаешь.

Который грозен, благ — и строг, и милосерд;
Бросаешь молнии, и избавляешь бед!
Внемли!..» Тут грудь ее три раза сотряслась,
И тяжкий вздох, как гром, во сводах загредел.
Фортуна сильная вдруг с места поднялася;
Дохнул борей — исток взмутился, закипел;
Плеснули из воды наяды и тритоны;
80 Поднял главу дельфин, сатир от сна вспрынул;
Разнесся гул в горах — молчанья бог вздохнул;
А лира издала сама собою звоны.
Фемида на весы взглянула с быстротой:
Светóч ко храму устремила свой.

«Внемли мольбе моей, — Линдана продолжала, —
Простерла к небу взор, и на колена пала:
Не вечной юности, не долгих жизни лет
Просить я притекла у твоего здесь трона,
Молю... пролей любовь ты в душу Ариона,
90 Смягчи сурового — и сердце дай... Ах! нет!..
Пусть будет он, как был — ему ль переменяться?
Пускай и грубость чувств останется при нем;
Ни с гордостью его я не хочу расстаться;
Хочу его принять за образец во всем;
Хочу, чтоб самые пороки Ариона
Служили вместо мне закона.

Едва Пигмалион ум страстью омрачил,
Ты для безумного статую оживил;
Чрез Леду рек: *я жизнь даю не для мученья.*

100 За что же я, о Дий! не жизнь вкушаю, ад?
Ах! жалься, премени судеб определенья,
Иль смерть ко мне пришли, возьми свой дар назад.
Жизнь — пагуба в бедах. — Тронись моей тоскою,
И благодсти своей пример на мне яви; —
Скажи: *я внял тебе, для счастья живи;*
Нельзя того... пусть гроб нас примирит с судьбою.
Когда томится дух, тогда постыл весь свет:
Несчастному и рай жилище бед.

Ты в тайные сердец изгибы проникаешь,
110 И смертных слабости в душах у них читаешь;
А кто их чужд?.. и тот, кем вяну и томлюсь,
Чей взор один судьбу мою определяет,
Природу для меня мертвит и оживляет,
Кому как мощному я божеству молюсь,
И тот, как ни велик... а всё имеет страсти.
Прошу тебя, Перун! устрой меня по ним.
Тебе ль, который всё в своей имеешь власти,
Тебе ли дивно то? — Коснись жезлом своим —
И яд в груди моей престанет разливаться:
120 В блаженство скорби превратятся.

Когда, химерами прельстясь Арион,
Светящей пыли блеск, призра́к, металла звон
В припадках разума всему предпочитает;
С богатством лишь одним находит счастье, мир;
Когда душа его лишь злату цену знает:
Сей призрак и моей тогда души кумир.
Эдема не хочу в селениях небесных;
Сто царств земных хочу во власть я получить,
Чтоб скипетры от них руке его вручить.
130 Прошу — дай силу мне тогда волшебств чудесных
Презренну грязь — прах ног преобращать в металл;
Кремни́ в жемчуг, в алмаз, в опал.

Коль любит Арион лишь прелести наружны:
Прошу одной красы — богатства мне не нужны.
Зажги во взорах огонь, устам улыбку дай,

В лице, по коему теперь лиются слезы,
В лице лилеи брось, вмешай в них свежи розы,
И пепельны власы кудрями раскидай;
Стан, рост, походку, глас — красы все знамениты
140 Прелестных трех богинь во мне соедини;
Да яблоко Парис, отняв у Афродиты,
С почтеньем мне вручит. — Как Фебов луч во дни
Мрачит блеск звезд, луны, так я красой своею
Затмила б смертных и Психею.

Когда он холоден к заразам красоты,
Когда за славою парят его мечты:
Хочу ума... хочу быть чудом совершенства,
Вселенну изумить, царям давать закон,
150 Быть тем, что есть теперь, — и взглядом рушить трон,
Быть тем, что есть теперь, — и избежать равенства,
Хочу вдруг всё иметь: премудрость, слова дар;
Хочу вдруг всех привлечь к себе на поклоненье,
Не таинством волшебств — не средством темных чар,
Но силой разума. — Услышь мое моление!
Клянусь, не обращаю во зло щедрот твоих:
Губить не стану даже злых.

Тогда, как дальние страны, иноплеменны
Воздвигнут мне в хвалу пира́миды нетленны;
Как музы для меня венки из лавр сплетут;
160 Созиддут с надписью: *Линдане мудрой*, храмы;
Как грации мой бюст цветами обовьют;
Как гордый воскурит мир должны фимиамы;
Сложу величие с себя, ему скажу:
Смотри, гордец!.. и я свою имею славу..
Трофеи, почести присвоила по праву;
Но знай!.. не в них, в тебе всё счастье нахожу,
Чтоб сделать твой триумф, ищу с высот паденья;
Меняю славы дань на униженья.

Но естели Арион, познав химер тщету,
170 Не ловит, как дитя с игрушками, мечту,
И радости свои берет не от искусства;

Когда любовь пред ним не звук речей пустой;
Когда душа его не умерла для чувства:
То сердце верное ему мое открой...» —
С сим словом страстная Линдана замолчала,
И руки на груди с смирением сложа,
Как бы преступница — бледнея и дрожа,
Решения небес безмолвно ожидала:
Но твердь небесная вдруг тучей обложилась,
180   Ударил гром, — и Цинтия сокрылась.

<1806>

К БОГИНЕ СНОВИДЕНИЙ

(Перевод)

Всегда на мраках возлежаща,
Из туч имеющая трон,
Быстрее крылатых птиц паряща,
Пременна, как хамелеон!
О дивная царица ночи!
Благих посланница небес,
Мать радости — нередко слез!..
Родитель твой смыкает очи,
Мирит несчастного с судьбой:
10 А ты — волшебною рукой
Виденья чудны рассыпаешь,
Друзей умерших воскрешаешь,
Из тартара эдем творишь:
Снимаешь с узников оковы,
Для скудных строишь дома новы,
Раба порфирию даришь;
Румянишь старикам ланиты,
Погасший огонь даешь очам,
Их груди греешь ледовиты,
20 Бросаешь кудри по плечам;
Для пышных замки строишь,
Фарфоры ставишь на столах;
На гордых ордена влагаешь,
Ведешь их к почестям в чинах.
Подчас вражды решишь и споры,
Мечты нам кажешь за мечты.
То, вид приемля юной Флоры,
Среди зимы растишь цветы;

То ум присвоишь астронома;
30 То свойство изъясняешь грома,
Рисуешь планы небесам:
То вдруг помчишь с собой — взовьешься,
Превыше сферы вознесешься:
Твоим нет счету чудесам!
Как Лета — бедства изглаждаешь;
Как машинист — рукой своей
Новейши виды расставляешь;
Берешь все лица как Протей.
К тебе, любимая судьбами!
40 К тебе взываю я мольбами:
Сойди, посланница богов!
Обвившись мглою иль туманом,
Спустись к Леону с облаков;
Со свойственным тебе обманом
Взлети сквозь ставни — сквозь замки,
И сон его смуги виденьем...
Но чтоб не утратить явленьем,
Разбрось букеты и венки
Вокруг *беспечного* постели;
50 Зефиров майских собери,
Вдали везде расставь свирели;
Вблизи ручью журчать вели.
Душе дай сладко упоенье;
Потом, изгладя обольщенье,
Возьми мой образ на себя;
Представь *спокойному* меня:
Как я — не зная сна отрады,
При свете дремлющей лампы,
С склоненной об руку главой,
60 Ужасны ночи провождаю,
Природы стройность нарушаю
Стенаньем, вздохами, тоской;
Как я — с померкшими глазами,
Одна, среди холодных стен,
Покрыта бледностью, слезами,
Не чая горестям премен,
Завидую в гробах лежащим,
Спокойно — крепко спящим...

70   Как я — между ночных теней,
Не сделав зла — но как злодей,
Пустые своды обтекаю,
Упряму парку умоляю,
И — ах! живу, к тоске своей;
Живу... чтоб только вторить стон;
Как я — постой!.. когда Леон,
Хоть раз один вздохнет невольно —
Исчезни, дивная!.. довольно!..

<1806>

НА ВЫСТУПЛЕНИЕ РОССИЙСКО-ИМПЕРАТОРСКИХ ВОЙСК

Вспряну́л от краткия дремоты,
Исчадье зависти — раздор,
И адски пробудя работы,
Багровый устремил к ним взор.
Едва взглянул — уж яд питает,
Едва ступил — уж зло творит;
Как хищный зверь, добыч алкает,
Как хищный зверь, всегда несyt.
Его нектар — ручьи кровавы,
10 Трапеза — горести и стон;
Из бедства черпая забавы,
На трупах основал свой трон.
Тот миг погибшим в жизни числит,
Который без злодейств протек:
«Живу ли я?..» — тиран сей мыслит,
Когда слез новых не извлек.
Быстрее пламя протекает,
Ему подобно всё палит;
Столицы в пепел превращает,
20 Искусств, художеств не щадит.
Упали зданиев громады,
Не видно в храмах алтарей;
Погасли теплые лампы,
Возженные Царю царей.
Но тигр несyt... и в думы мрачны
Свирепу душу погрузил,
Свои кровавы взоры, алчны
На тихий север обратил.

30 Склонясь под прочный щит Беллоны,
Не слыша бурь внутри и вне,
Приемля кроткие законы,
Вели жизнь россы в тишине.
Науки чуждые сзывали;
В искусствах, в знаниях цвели;
Согласные стихи слагали;
О благе внутреннем блюли.
Подчас в забавы погружались,
Из чаши пили золотой;
40 Но звуки трубные раздались,
Росс внял — восстал — и всяк герой.
Всяк жизнь свою ничем считает,
Идет отечеству служить;
Один к другому восклицает:
«Не жить — иль жизнь ценой купить.
Наш лавр: неколебимость трона,
Бессмертье: за Россию пасть;
Щитом быть истинны, закона,
Тиранску обессилить власть».
Ни дружбы, ни родства союзы,
50 Ни даже пламенна любовь
На храбрых не скрепляют узы;
Семейству вздох — отчизне кровь.

Здесь негой сладкой воскормленной
Роскошная фортуны друг,
Забыв о благах всей вселенной,
Что он отец, что сын, супруг,
К ним сердце затворя: «Я воин, —
Подруге страстной говорит. —
Тот жизни, счастья недостоин,
60 Кто о себе едином мнит.
Хочу подпорой быть державы,
Хочу врагам ужасен быть;
Хочу, собрав трофеи славы,
К ногам монарха положить.
Когда ж — сражен врага рукою,
Похвальный получу конец,
Мой сын не будет сиротою,
Умру — монарх ему отец».

70 Сто жизней лучше бы желала
Супруга за него отдать,
Сто раз сама б охотно пала,
Чтоб каждый раз его спасать:
Но благу общему внимая,
Тоску свою умеет скрыть,
И чувства долгом побеждая,
Ни даже слез не смеет лить.

Здесь муж, согбенный целым веком,
На посох облегшись, дрожит,
80 Почти престав быть человеком,
К России ревностью горит.
Ведом сынов своих сынами,
К ним простирает тихий глас:
«Друзья! мой гроб отверст судьбами,
Но я возобновлюся в вас...
Свершите старцевы надежды;
Клянитесь царя любить;
Спокойно затворю я вежды,
Клянитесь — пасть, иль победить».
Умолк... Взор тусклый обращает
90 К подпоре ветхих дней своих:
«Клянемся, — каждый восклицает, —
Не мыслить о себе самих;
Служить отечеству нелживо,
Любовь к царю хранить в сердцах». —
Как утро майское красиво
При первых солнечных лучах;
Как юные древесны лозы
Приятны свежестью листов;
Иль как полурасцветши розы
100 Блистают посреди кустов:
Так юноши красой блистали,
В Палладин облекшись наряд,
Сверкающей воинской стали
Светлее был их ясный взгляд.
Зарю лет шлемом прикрывая,
Вид мужества лицу дают,
В последни старца лобызая,
Бестрепетно на брань текут.

О смерть! взгляни, сколь сановиты...
110 Взгляни на младость их, красу,
На их румяные ланиты,
Взгляни — и уклони косу!

Там руки к ближним простирает
Покрытый знаками герой,
Ступил — и сердце не дерзает
Для милых биться под звездой. —
А там... но все ль дела геройски
Сынов России исчислять?
Где кротость собирает войски,
120 Там нет желанья изменять.
Как капли быстрых вод в паденьи
Одною правятся волной:
Так тысячи в соединеньи
Одною чувствуют душой.
Как быстрый водопад стремится,
Что встретит, истребляет вмиг,
Найдя оплот, шумит — крутится,
Оплота нет — и он утих...
Так росс, в душе неустрашимый,
130 Зрит адской гидры алчный зев:
Летит к врагу — но пал бог мнимый,
И в агнца претворился лев.

Монарх! почто скудельны силы
Есть общая жен нежных часть?
Почто, ступя на край могилы,
Я не могу любезных спасти?
Сынов России прославляю,
Их жребий благом, счастьем чту,
В тебе доброты обожаю,
140 Душевных качеств красоту,
И не могу ценою жизни
Малейших польз твоих купить,
Чтоб, жертвуя собой отчизне,
Иль пасть — или счастливой быть!

ПРИ ВЗГЛЯДЕ НА ГРОБНИЦЫ ВЕЛИКИХ:
ИМПЕРАТОРА ПЕТРА I
И ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II
В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

О ты, могуществом и славою надменный,
Гордящийся умом иль титлами почтенный!
Колена преклони, смирись в душе своей
И пламенной слезой омой сию порфиру.
5 Здесь прах покоится великих двух царей,
Которые закон и мир давали миру.
Премудрость среди их, на свой склоняся щит,
Бледна, задумчива, стесненная тоскою,
Как Меланхолия с поникшею главою,
10 Вперя на гробы взор, в унынии сидит.
Увы!.. что ж жизнь, когда великие не вечны?..
Что смертных радости?.. мгновенья скоротечны.

НА СМЕРТЬ ДРУГА МОЕГО

<1>

Мир праху твоему!.. О друг души моей!
Пусть сон твой будет тих, спокоен, безмятежен!
Ах! что теряем мы в прелестной жизни сей?
Мечту!.. ко счастью путь так скользок, безнадежен...
5 Бежим за благами — и мысля: *достигаем*,
Объемлем дым пустой, а благ не обретаем.

<1806>

<2> ЕЙ ЖЕ

Так! Нет тебя!.. И та, которая блистала
Способностями ума, душой и красотой,
Как роза ранняя, подсечена косой,
5 Упала в прах; — и *та* теперь ничто уж стала.
Неситесь, жалобы, к престолу Бога... «Стой! —
Вдруг кроткий, тихий глас, повея, как в зефире,
Мне в слух приятно рек. — Почто жалеть о той,
Которой рок судил обрести темницу в мире?
Умолкни — и взгляни, как тихо я лежу!
10 Тоска не давит грудь — и сердце не страдает:
Оковы спали с рук... а друг о мне рыдает!
Тужить ли, что себя мечтами не вяжу?»

<1806>

АНГЕЛ СМЕРТИ

Прелестное дитя, порхая, стоны слышит;
Склонил из мака скиптр — и вдруг всё тихо стало:
Напастей, горестей как будто не бывало!
Скорбеть ли, что для мук страдалец где не дышит?

<1806>

СУМЕРКИ

Блеснул на западе румяный царь природы,
Скатился в океан — и загорелись воды.
Почий от подвигов! усни, сокрывшись в понт!
Усни!.. и не мешай мечтам ко мне спуститься!

Пусть юная Аврора веселится,
Рисуя перстом горизонт,
И к утру свежие готовит розы;
Тогда как добрый чародей,
10 Рассыпав мак, отрет несчастных слезы,
Тогда отдамся я мечте своей.
Вдруг настоящее сменяя ложным,
Из дыма храм сооружу,
Со счастьем союз свяжу,
Блаженством упиясь возможным.
Взгляну — и снег согреется в полях,
Страхнется иней на кустах;
Дохну — и льдины распадутся,
Как воск, кремни погнутся,
20 Содвинется смягчась металл.
Иль вырвавшись из стен пустынных,
В беседы преселюсь великих, мудрых, сильных:
Усни, царь дня! тот путь, который описал,
Велик и многотруден.

Откуда яркий луч с высот ко мне сверкнул,
Как молния, по облакам скользнул?
Померк земный огонь... О! сколь он слаб и скуден!
Средь сумраков блестит,

При свете угасает..
30 Чьих лир согласный звук во слух мой ударяет?
Бессмертных ли харит
Отверзлись мне селенья?
Сколь дивные явления!
Где ночь в окрестностях, а здесь восток,
Златым лучем весення утра
Мне кажет чистых вод поток;
Вдали, — из перламутра
Сквозь пальмовых дерев я вижу храм,
А там —
40 Средь миртовых кустов, склоненных над водою,
Почтенный муж с открытой головою
На мягких лилиях сидит,
В очах его небесный огонь горит,
Чело, как утро ясно,
С устами и с душой согласно,
На коем возложен из лавр венец;
У ног стоит золотая лира;
Коснулся, — и воспел причину мира;
Воспел, — и заблистал в творениях Творец.
50 Как свет во все концы вселенной проникает,
В пещерах мраки разгоняет,
Так глас его, во всех промчавшихся местах,
Мгновенно пролетел из царства в царство:
Согнулось злобное коварство,
Рассеялось неверие, как прах,
Открылись в будущем для скорбного надежды,
Расчистился туман в понятии невежды,
И каждый возгласил: велик в твореньях Бог!
Умолк певец... души его восторг
Прервал согласно песнопенье;
60 Но в сердце у меня осталось впечатленье,
Которого ничто изгладить не могло.
Как образ, проходя сквозь чистое стекло,
Единой на пути черты не потеряет:
Столь верно истина себя являет,
Исшед устами мудреца:
Всегда равно ясна, всегда умильна,

Всегда довѣдами обильна,
Всегда равно влечет сердца.
70 Певец отер слезу, — коснулся вновь перстами,
Коснулся, загремел,
И сладкозвучными словами
Земных богов воспел;
Воспел великую из смертных на престоле,
Ея победы в бранном поле,
Союз с премудростью — любовь к благим делам,
Награду ревностным трудам,
И лиру окропя слезою благодарной,
Во мзду щедроте излианной,
80 Он вновь умолк, восторгом упоен.
Но глас его в цепи времен
Бессмертную делами
Блюдет бессмертными стихами!
Спустились грации, переменили строй,
Смягчился гром под гибкою рукой,
И сельские слышались напевы,
На звуки их стеклися девы.
Как легкий ветерок
Порхая чрез поля с цветочка на цветок,
90 Кружится, резвится, до облак извиваясь:
Так девы юные, сомкнувшись в хоровод,
Порхали по холмам у тока чистых вод,
Стопами легкими едва земле касаясь,
То в горы скачучи, то с гор.
Певец веселый бросил взор.
(И мудрым нравится невинная забава.)
Стройна, приятна, величава,
В одежде тонкой изо льна,
Без перл, без пурпура, без злата,
Красою собственной богата
100 Явилася жена;
В очах певца под пальмой стала,
Умильный взгляд к нему кидала,
Вия из мирт венок.
Звук лиры под рукой вдруг начал изменяться,
То медлить, то сливаться;
Певец стал тише петь — и наконец умолк.

Пришелица простерла руки,
И миртовый венок за сельских песней звуки,
Едва свила,
110 Ему с улыбкой подала;
Все девы в тот же миг во длани заплескали.
Где я?..
От изумления к восторгу преходя,
Спросила я у тех, которы тут стояли?
«На Званке», — со всех стран ответы раздались.
Постой, мечта... продлись!..
Хоть час один!.. но ах! сокрылося виденье,
Оставя в скуку мне одно уединенье.

<1807>

ВИДЕНИЕ ДАМОНА

Увидя некогда Дамон
Славнейшего поэта,
Сказал в душе своей: ужели это он?
Пожалуй верь всегда пустым рассказам света!
Кричат: поэт, поэт, — а я и оробел;
Когда ж поближе посмотрел,
Тогда нашел, что всё пустое,
И дальнего ума передо мной в нем нет.
10 Вся даже речь его сплетенье столь простое,
Что маленькой дитя до слова разберет;
А я как говорю — так вряд поймут большие;
С такую тонкостью, искусством, остротой,
Что умные со мной
Подчас стоят как бы глухие!
Так что же мешкаем? начнем стихи писать.
Всё таинство их в том, чтоб рифмы подбирать
С возможным сходством,
И к слову — например — где встретилось бы: *да* —
Сказать: *беда*.
20 Ну — примемся ж — и сим столь легким превосходством,
На зло завистников лихих,
В творениях себя прославим,
Потомству памятник оставим:
Жить мертвые не перестанем в них.
Все Академии, узнав нас, изумятся!
Но чтоб с счастливецом сим сравняться,
Чтоб превзойти его
Ни перьев — ни чернил — ни рук не пощажу,

И следуя ума паренью своего,
30 На каждую мысль рифм сто, иль боле, привяжу.
    Вся трудность в том, чтобы начать.
О слава лестная! великих душ отрада!
    Трудов, бессонницы награда!
    Сойди мой подвиг увенчать!
Тут с словом сим Дамон из комнаты уходит,
С надеждой верною, что он уже поэт,
    Летит в пустой свой кабинет,
Где сутки целые сон глаз его не сводит:
Как будто бы к столу прикован был,
40 Сидит — и пишет,
    Ни ест, ни пьет, о всем забыл —
    Почти не дышит,
    Бояся тем *идеи* растерять,
По счастью, главную предосторожность взять
    Он как-то вымышляет:
    Все двери запирает.
Другая ночь — Дамон не спит —
    Сидит
    Усердно пишет,
50 Рассудка голосу не слышит;
    А сделал только две строки...
И то нечаянно — в счастливую минуту.
    «Почто, — кляня судьбину люту, —
    Почто не три имею я руки!» —
Усталый мой герой со гневом восклицает;
Стирая крупный пот с угрюмого лица.
    «Увы! достигнуть до конца
Потребен важный труд». Тут бедный обвиняет..
    Кого ж? конечно не себя:
60 Бумагу, перья и чернила,
    И славу возлюбя,
    Он снова напрягает силы.
    Но вдруг приятный некий свет
Незапно комнату Дамона озаряет,
    Свеча угасла — и поэт
    Чудес в восторге ожидает;
    И в этом не ошибся он:
    Крылатый юноша, прелестной

С улыбкой ангельской, небесной,
70 Имея под собой из облак трон
Прозрачных, светлых, серебристых
К нему спустился наконец,
А над челом его в власах струистых
Из ярких звезд блистал венец.
Он кротко, мило улыбнулся,
К Дамону начал говорить:
«Узнав, что вздумал ты поэтом быть,
Олимп весь содрогнулся.
Тебе ль, Дамон, тебе ль стихи писать?
80 На что читателей ко сну средь дня склонять?
Ты о бессмертии мечтаешь...
Увы! но в чем же успеваешь?
Трудисься для того, чтоб быть глупцом,
Вралем — а не творцом».
Тут слезы полились у автора неволью
А гений сжался рек: «Наказан ты довольно
Двухсуточным трудом;
К тому ж читаю в сердце я твоём,
Что славы ты отрекся добровольно,
90 И ближнего готов спасти от скуки,
И так я замолчу...» — «Кто ты?» —
Спросил Дамон у сей мечты,
Сложив крестообразно руки.
«Пиита гений я того,
Которого в бреду припадка ты сего
И в слабости ума смешал с другими;
Кому ты вздумал подражать,
Кого дерзнул с собою поравнять».
Мечта отвечает — и с сими
100 Словами вдруг,
При звуке арф и лир невидимых, согласных,
При песнях важных, стройных, внятных,
Сокрылась от него. — «Мой друг! —
Потом раздался глас, — не в том поэта слава,
Чтобы стихи свои тиснением предавать,
И од по десяти всечасно созидать.
Ах! не ищи, Дамон, столь горестного права

Собой забавою другим служить.
Поэт — и труженик — не могут вместе быть:
110 Он рифм, как ты, искать не станет,
И на перо лишь взглянет,
То сотнями оне садятся на него:
Не он их раб — оне рабы его.
Для слова мысли он вовек не переменит,
Одну другою не заменит,
И слова не пошлет туда,
Куда
Послать не метит, иль не должно.
Педантов не страшась, страшится молвить ложно».
120 Тут гений в воздухе златым блеснул венцем,
Дамон пред ним пал ниц лицом,
И в то ж счастливое мгновенье
Престав о славе помышлять,
Благому гению, рассудку в угожденье,
Клялся стихов вовеки не писать.

<1809>

К ПОРТРЕТАМ ДВУХ БРАТЬЕВ АЙЮ*

Здесь братьев двух Айю стоят изображенья;*
Природа, братский в них ведя дарам раздел,
Дала им сходные способности в удел,
И сходные нашла в сем мире назначенья;
5 Один для зорких глаз с предметов туск снимал,
Другой слепцам глаза в их персты заключал.

<1808>

* Г. Айю, славный естествоиспытатель, живущий в Париже, издал превосходный физический курс. Брат его, профессор Айю, находится в Петербурге при заведенном в пользу слепых институте. Он обучает сих несчастных не только работам, музыке, но читать, писать и разбирать географические карты.

БРАТУ МОЕМУ

Скажи мне, милый Джон, кто дал тебе искусство
Всегда равно счастливым быть,
Одно и то же чувство
И в ясный день, и в облачный хранить?
Как сделал ты союз и дружбу с Провиденьем?
Слепым ли случаем, иль хитростью — уменьем?
Природа ничего нам даром не дает,
И пошлину на всё тройную налагает,
10 Берет, как ростовщик, за всё большой процент,
Кого душою наделяет,
Велит тем слезы лить — страдать,
Любить чувствительность — и вместе проклинать.
С тобою ж у нее совсем не те расчёты,
Ты душу получил исполненну доброты;
А счастлив — и блажишь судьбу свою.
Всегда так весел, жив, как пташечка на воле;
Но что я говорю?
Одну ли душу?.. боле.
20 Едва лишь только ты помыслишь, что сказать,
Их с каждым словом две мгновенно вылетают;
Одна спешит в глазах свой вечный трон занять,
Другая на устах — и обе вдруг сияют —
А третью еще передаешь рукам,
Когда, касаяся струнам,
Перстами гибкими аккорды пробегаешь,
Согласны тоны извлекаешь,
Как мощный чародей
Дашь им жизнь — язык... дивлюсь судьбе твоей!

30 Чувствительным с одной беда... с одной накладно —
А ты с тремя живешь
Без ссор — раздоров — ладно,
И слез не льешь.

<1806>

НА СЛУЧАЙ СМЕРТИ
НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ХЛЕБНИКОВА*

Средь сумраков nocturnal — чей слышен стон унылой?
Чьи вопли, жалобы, рыдания разнеслись?*

Увы! то сирые, то бедные стеклись
Горячи слезы лить над свежую могилу

5 Того, кто другом был гонимого судьбой,
Законы рока кто смягчал своей рукой,
Кто скорби страждущих целил иль облегчал,
Убогим был отец — гонимым покровитель.

10 Судьбы рекли: вот гроб... и скорбных утешитель,
Как майский гиацинт, расцвел — и вмиг опал.

<1806>

* Я никогда не знала сего молодого человека; но много раз слышала, как прославляли его великодушие, щедрость, сострадание, и почувствовала желание принести праху его слабую дань должной признательности.

С ПРИМОРСКОГО БЕРЕГА

(Перевод)

Светлое море
С небом слилось,
С тихостью волны
5 Плещут на брег,
Кроткие зыби
Чуть-чуть дрожат.

Солнце погасло,
Месяца нет;
Заревом алым
10 Запад блестит,
Птицы на гнездах,
В куцах стада.

Всё вдруг умолкло,
Все по местам.
15 В комнате тихо,
Шороху нет;
Дети прижались
Скромно в углах.

Лина коснулась
20 Арфы струнам:
Арфа золотая
Глас издала;
Звуки согласны
С Линой поют.

25   Розовым пламенем
      Светит камин;
      Скачет по углям
      Ясный огонь;
      Дым темно-серой
30   Вьется столбом.

      Пламень лютейший
      Душу палит;
      Сердце томится,
      Высохло всё:
35   Яд протекает
      В жилах моих.

      Слезы иссякли
      В мутных глазах;
      Вздохи престали
40   Грудь воздымать;
      Синие губы
      Смерзлись — молчат.

      Море, взволнуйся!
      Гробом мне будь!
45   Арфа золотая!
      Громом ударь!
      Пламя, разлейся,
      Бедну сожги.

<1806>

ЮНОМУ ПОЛЛУКСУ

(Перевод)

Среди угрюмой тишины
Добычей став тоски душевной,
Как яркий блеск авроры дневной,
Явясь тмить бледный луч луны:
5 Так ядом горести темню свои надежды.
Для радостей сомкнулись вежды.

Поллукс! мой юный друг! где ты?
Тобой редет мрак могилы,
Слабеют призраки унылы:
10 Как в поле скошенны цветы
Увянут, — но живут небесною росой:
Так я, Поллукс, живу тобою.

Колико мил твой кроткий взор,
Порука внутренней доброты!
15 Как узника среди работы
Прельщает нежный птичек хор;
Как юной сосною зефир шумя, льстит слуху:
Так голос твой приятен уху.

Поллукс! почто тебя здесь нет!
20 О! сколь красы соединенной
В улыбке зрю твоей я нежной!
Как утра летнего рассвет
Не ослепляет глаз, — но в душу льет отраду:
Так ты, Поллукс, приятен взгляду.

25   Зачем притек, послушный друг!..
              Здесь ад в моем уединенье;
              В нем горесть вечная, — томленье, —
              В нем фурии терзают дух..
Нет! возвратись, Поллукс! и пользуйся весною;
30   Тебе ль мрачить себя тоскою! —

              Спеш к возлюбленной своей,
              Спеш! — Камилла за клавиром
              Поет любви власть над миром;
              Любовь тобой знакома ей.
35   Поет, — и томный вздох из груди вылетает;
              Слабеет голос, исчезает.

              Ты вял... и бледный цвет ланит
              Румянцем легким отделился;
              В них огонь души твоей разлился.
40   Как Сириус во тьме блестит,
              Так кроткие твои вдруг взоры засверкали:
              Слова рождались, умирали.

              Поллукс! я не зову тебя..
              Ужасен вид моей темницы!
45   Сюда, — ни даже луч денницы
              Не проникал согреть меня,
От хлада стынет кровь... не верь! мой ум блуждает:
              Увы! здесь пламя протекает.

              Где я? чья видится мне тень?
50   Прелестна, — с русыми власами,
              Одета легкими парами,
              Светла, — как майский день,
С улыбкой нежною мне руку простирает;
              Как ангел, с кротостью вещает:

55   «Оставь мечты своей предмет,
              Теки со мной в мои чертоги;
              Печалям нет туда дороги,
              Ни фурий там, — ни пламя нет.

60 То божество, кому из слез приносишь дани,
Век не прострет к несчастной длани.

Теки со мной... наш сладок сон!
Доколь тебе влачить оковы?
Иль жертвы вымышляя новы,
Иль горестный пуская стон,
65 Ты мыслишь пременить судеб определенье?
Увы! удел твой: заблужденье».

Рекла... и скрылась в небесах.
О юноша! то образ друга,
То нежных лет моих подруга
70 Ко мне спускалась в облаках,
То та, которая беды со мной делила,
И ах! покой одна вкусила.

<1809>

РАЗГОВОР МЕЖДУ АПОЛЛОНОМ И МУЗОЮ БЕДНОГО СТИХОТВОРЦА*

А П О Л Л О Н

Что ты, муза, бессловесна?*

Я за леность накажу —

И в таланте откажу:

Ты лишь песнями прелестна.

5   Дай мне лиру — или пой!

М У З А   Б Е Д Н О Г О   С Т И Х О Т В О Р Ц А

Слаб от глада голос мой!

Нет амброзии небесной;

Нет хламиды на плечах,

Хлад объял меня телесной!

10   Мерзнут песни на устах!

Персты гибкость всю теряют.

Тщетно в замки прихожу,

Крова в них не нахожу:

С белых крыльц меня гоняют.

15   Злато нужно на банкет;

Злато нужно и в бостоне:

Музы у вельмож не в тоне,

Им до них и дела нет.

Где мне пища?.. Где одежда?..

А П О Л Л О Н

20   Замолчи! — О стыд! позор!

* Его превосходительство Гавриил Романович Державин оказал в моем присутствии немаловажное пособие одному бедному стихотворцу, что самое было поводом к начертанию следующего разговора.

Муза ты, — и ты невежда!..
Нужно ль из двора во двор
За амброзией таскаться?
Иль во прахе пресмыкаться
25 Муза может без стыда,
Пыль сметая с барских крылец?
Вам покров здесь мой любимец...

МУЗА БЕДНОГО СТИХОТВОРЦА
Кто? Державин?..

АПОЛЛОН

Да, да, да!
Он амброзией питает,
30 Он хламидой согревает:
Так издавна он живал.

Аполлон и не солгал.

<1809>

РАЗГОВОР У ОБЩЕСТВА СО ВРЕМЕНЕМ

ОБЩЕСТВО

Как, время, ты могло промчаться столь мгновенно?
Вчера ты тише шло, и тише несравненно.

ВРЕМЯ

Крылов мне крылья дал,
Тогда как басенки тебе свои читал*.

<1808>

* Иван Андреевич Крылов, читая в некотором доме свои басни, так сократил время, что я, по расположению своему, никуда не успела съездить.

ПРОХОЖИЙ И ГОСПОДСКИЙ СЛУГА*

Басня

Шел некто близ палат, через господский двор,*
И видит, что слуга метет в том доме сени.
Подмел — и с лестницы потом счищать стал сор;
Но только принялся не с верхней он ступени,

А с той,

Которая всех ниже.

Чиста ступень — слуга с метлой
На ту, которая к сметенной ближе:

И та чиста.

10

Слуга мой начал улыбаться;

«Без двух, без двух!» — кричит спроста, —

И ну за третью приниматься.

Подмел и ту — еще убавилось труда:

Глядь вниз — нежданная беда!

Уж чистых двух опять не видно из-под сора.

«Эк! сколько всякого накидано здесь вздора! —

Слуга сквозь зуб ворчит, — гну спину целый час,

А не спорится и с трудами,

Как будто сеют на заказ».

20

Пошел бедняк обратными следами

Метеное вторично подметать.

Вот вподлинну пылинки не видать!

Но только чистота недолго та продлилась,

И нижняя ступень

Опять от верхней засорилась.

Слуга стал в пень:

*

Следующие две басни удостоились быть представлены Императорской российской академии.

Устанешь поневоле,
Раз десять вниз сошел, иль боле.
«Дурак! дурак! —
30 Прохожий закричал тут, выдя из терпенья, —
Да ты метешь не так».
Ну естли бы какого где правленья
Желая плутни истребить,
Кто начал наперед меньших тузить,
Сперва бы сторожа, привратных и копистов,
Потом подьячий род, канцеляристов,
Потом секретарей;
А там-то бы взялся и за судей:
То скоро ли бы он завел в судах порядки?
40 Судью подьячим не уймешь;
Подьячего хоть в трут сожжешь,
Судья всё станет грабить взятки.

<1809>

ВОЛ, ОСЕЛ И КОНЬ

Басня

Однажды вол, осел и конь между собою
О первенстве вступили в спор.
Осел, вы скажете, то сущий вздор!
Уродине такой и гордостью пустою
Прилично ль мысли надувать?
Но гордость никому, по правде, не под стать,
Однако же встречаем и меж нами,
Что голову иной наполня пустяками,
Всех ставит за ничто...

10

И даже то
Не только *с умными* — бывает *с дураками*.

Итак, осел стал утверждать,
Что вряд полезнее его где приискать.
Тут вол, сколь ни был тих, умерен,
Но все свои дела по пальцам разочтя,
Сказал: «В том целый мир уверен,
Что всех полезней я».

Взмахнул красивый конь волнистой гривой —

20

И с выступкой манежной, горделивой:
«Молчите! — закричал... —
Не я ли с воином победы разделял?
Не я ли был от века
Всем предпочтен скотам?

Но чтобы в пустяках не спорить нам,
То спросимте о том решенья человека».

- А человек как тут — и не один;
Их трое в ряд — и все различных состояний:
Цыган, да мельник, да поселянин.
Осел, без дальних разысканий,
30 Кто ближе был, тому поклон:
«Пожалуй, рассуди: полезней я, иль он?
О первенстве у нас размолвка меж собою». —
«Ты подлинно, — сказал цыган, —
С пустою головою!
Такой ли склад коню и образ дан,
Какой имеешь ты, безумная скотина?
На взгляд он суцая картина;
А пользы от него... так вдруг и не сочтешь...» —
«Нет, брат! ты врешь! —
40 Тут мельник закричал. — Ослиная порода
Полезней всей
Скотины для людей.
Ну где бы с мельницы нам ждать дохода,
Когда б ослы перевелись?..» —
«Пожалуйста, остановись, —
Прервал поселянин, — могу на всех послаться,
Что первенство должно быть отдано волам,
И чем бы нам
Без них питаться?»
50 «Так наш, — сказал тут конь, — напрасен труд.
Как вижу, у людей на всё своя причина,
И их пристрастен суд».
«Да, польза частная есть общая пружина, —
Цыган ему в ответ, —
Не ею ль движется издавна свет?»

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДМИТРИЕВУ,
ПРИ ПОСВЯЩЕНИИ ЕМУ СЛЕДУЮЩИХ
I СКАЗКИ И III БАСЕН

«Умолкни, соловей! спорхни с высокой ивы, —
Сказала стрекоза, стрекóча под травой,
Певцу, гремящему у ней над головой, —
Умолкни — перерви раскаты, переливы:

Послушай песенок моих,

Я у тебя перенимала их». —

Искусные певцы нигде не горделивы,
И то замечено, не только средь людей,
Но даже и среди всех разных родов птицы;

10 Слетел учтивый соловей

Послушать ученицы.

Экзамен кончился: «Ну что ж, изволь сказать, —
Жужжала стрекоза, — не сходны ль наши трели?» —

«Когда о сходстве рассуждать,

Так нужно нам, чтоб вместе мы пропели», —
Пернатый отвечал. — «Пусть так: начни же сам». —

Взвился пернатый к небесам,

И звонкий глас его, в утесах вторя звоны,

Из дола в дол, из леса в лес

20 Помчался вихрем без препоны.

Певицын гимн исчез —

Напрасно криком истощает силы,

Исчезли все и виды горделивы!

Боясь, что сказку в быль мою ты обратишь:

Тогда пою, как ты молчишь.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК И ЗОЛОТО

Сказка

Жил за морем старик; он не был знатен,
Провел, как говорят, свой век в глуши;
Но был за доброту души
От всех почтен, всем мил и всем приятен:
Совета ль попросить, иль с нуждами, с бедой
К нему бежал и малой и большой,
И всякой от него спокойным возвращался.
Он не был и богат, однако жил без нужд;
Быв также гордости безумной чужд,
10 За слабость на людей не слишком раздражался,
Умел от ней делить порок;
«Найдите, — говорил, — такого, кто бы мог
Собой представить совершенство!
Один горбат, тот глух, тот хром,
Другой картав; а тот с бельмом,
И недостатки их суть общее наследство.
Природа на пути,
По коем каждому назначено идти,
Рассыпала различные каменья;
20 Итак, чтоб избежать паденья,
Пойдемте, братцы, мы рука с рукой». —
И подлинно он то оправдывал собой,
Всем простирая руку!
С печальным грусть делил, с унылым скуку:
С убогим серебро; когда ж копейки нет,
То, дав по крайности благий совет,
Утешив, обласкав, с словами лил надежду.
Случалось ли найти невежду,

Иль вертопраха, иль лжеца;
30 С такую ж кротостью, не затевая ссоры,
Их просвещал умы и исправлял сердца.
Там прекращал семейные раздоры,
Здесь с юными девицами шутил,
Искал супругов им достойных;
Для всех был нужен, мил,
И видел вокруг себя одних довольных.

Когда-то добрый сей мудрец
Нашел несметное червонцами именье:
«Вот новое убогих всех наследье! —
40 Найдя, он вдруг вскричал; но под конец
Задумался — и взял другие меры. —
Нет, лучше деньги те пушу я в рост;
Войду в чины, займу хороший пост:
Ужель министры все, судьи и кавалеры
Достигли службою высоких столь честей?
Ну много ль бы нашлось на степенях людей,
Когда бы степени за службу раздавались?
И графства с молотка нередко продавались;
50 А простенькой, судейской чин
Безделица!.. куплю и не один!
Тогда в достоинстве сем новом
Могу для каждого я пользу оказать:
За притесненного горою стать;
А сирому служить покровом.
Притом — и сам уж сделаюсь не тот;
Не буду никаких домашних знать хлопот.
Куплю побольше слуг, сострою дом огромный,
Прибавлю пашней и садов,
И буду в них владелец полный». —

60 Сказал и за́ десять замков
Любезные червонцы замыкает.
Когда же снова он о почестях мечтает,
Тогда пришли ему сказать,
Что в праздничном наряде,

Как по воскресным дням то исстари в обряде,
Крестьяне юные сошлись поплясать
И ждут его прихода.
«Как будто я живу для них и хоровода!
Вели одним начать», —
70 Хозяин отвечал и спрятался подалей,
Чтоб лучше жертвой быть забот, мечты, печалей.
Потом придумал он
Участок золота, назначенного бедным,
Сложить с тем золотом найденным;
Но вдруг за дверью слышит стон:
То бедный был из ближнего селенья;
Знав благодать мудреца, пришел к нему
Просить в напасти вспоможенья.
80 «Меня, — он говорит, — влекут в тюрьму,
За то, что не плачу оброка,
Недели не дают поправиться мне срока!
Ах! сжался, помоги беде моей!
Скот, рухлядь, хлеб — всё выпродано в доме;
Лишь шестеро детей осталось на соломе».

«Ей-ей, —
Наш Крез сказал, — нет ни единой
Копеечки наличными теперь».
Проситель затворяет дверь,
Без подозрения ко лже постыдной,
90 Вздохнул — и вон ушел, ни слова не сказав.

Тут сердце у себя богатый отыскав,
Бежит к крестьянину, бросается на шею,
Дает сто золотых и кается в вине;
Потом собрав народ, живущий в той стране:
«Друзья! — им говорит, — врага я здесь имею!
Спасите от него! — с тех пор, как он со мной,
Я сделался ни ваш, ни свой:
Душа моя черствее камня стала.
Сей враг: куски металла!..
100 Пусть всяк из вас возьмет единую их часть
И сердцу моему даст прежнее веселье.

В руках у одного — они влекут напасть;
По многим разойдьясь — приносят утешенье».

Излишек золота, равно как нищеты
Всегда покоя враг, нередко — правоты.

<1809>

СМЕРТЬ И ЕЯ ПРИДВОРНЫЕ

Басня

Когда-то смерть, правительница света,
К любимцам всем своим отправила указ:
    «В такой-то день, в такой-то час
Собраться вам ко мне во аде для совета.
    Любя отечество как мать,
    Для польз его, не ради славы,
    Чтоб всё цвело вокруг моей державы,
Хочу себе из вас наперсника избрать;
    Но не вскружитесь мечтами!
10   Сей почести нельзя искать
    Пронырством, родом иль чинами;
    Она тому достанется в удел,
Кто славных более в свой век соделал дел;
Кто подвигов своих покажет мне таблицы;
Чьей более рукой наполнились гробницы».

Прочтен указ, — отправился отряд;
    Бегут: подагра, водяная,
Завал, чахотка, сплин, зараза моровая,
    А с ними в ряд
20   Мигрени, спазмы, флюс, — лихой простуды дети.
    Всяк льститися быть наперсником у смерти:
    Но смерть на легкую всю сволочь ту
Едва ли обратить изволила вниманье.
«Я вас, — сказала им, — орудиями чту;
Вы исполняете чужое приказанье;
Я не машин ищу, — мне нужен машинист».

Пустилось тогда другой породы зелье:
Предстал дантист, цирюльник, окулист,
Учитель, ученик, езель и подмастерье,
30 И словом, весь почтенный факультет,
Которого, за грех, и счету членам нет.
А там пороки все единою толпою:
Злость, зависть, мщение с лютейшею войною,
Опустошавшею нередко свет.
Возвеселилась смерть, взглянув на их станицу,
Осклабя синие уста,
И подняла иссохлую десницу,
Да перстом каждому определит места.
Уж всяк из докторов восторгом полон мнит,
40 Что примет царского наперсника названиее,
Уж всякой с радости дрожит:
Но, — о судьба!... взошло *невоздержанье*,
И смерть, им сделав всем учтивейший поклон,
С *невоздержанием* свой разделила трон.

ЧУГУННЫЕ И ГЛИНЯНЫЕ ГОРШКИ

Басня

Какой-то мещанин, ведя горшками торг
И накопя от них изрядное именье,
    По силе, сколько мог,
    Им вздумал сделать награжденье.
Собрал последушки — и говорит:
    «Мне исстари ваш род благотворит,
    Я вами сыт, одет, доволен.
За предков ваших труд — и в память их заслуг,
Хочу, чтоб всяк из вас: их внук, их сын, их друг —
10   Отныне был бы волен.
    Вот две дороги вам:
Хотите ль счастья искать по городам,
    Сей час в возы — и сам отправлюсь с вами;
    На родине ль останетесь меж нами,
    Живите в неге, без трудов,
    Как будто бы у вас, горшков,
    Хозяина и не бывало».

Довольны тем горшки — и стали рассуждать,
    Кому какой удел избрать.
20   «Нам жить в глуши ни мало не пристало, —
    Чугуны в голос все, — желаем видеть свет!» —
    «А мы, — сказал горшок, — по слабости сложенья,
    Должны искать уединенья.
Останемся, друзья! в нас столько силы нет,
    Чтоб по свету таскаться,
    Их милость может прогуляться;
    Такая ль крепость в них!
    Их кожа всóтеро плотнее,

- 30 Им будущи лета вернее,
Чем нам единый миг;
От первой неприятной встречи
Из нас останется лишь прах...» —
«Когда вас держит только страх, —
Прервал чугуны горшковы речи, —
То мы вам верный щит.
Везде, во всех бедах укроем вас собою;
Напрыгнет ли буян — мы тотчас к бою,
Из вас же всякой пусть спокойно спит».
- 40 Горшок поклон — и в воз к чугунам завалился.
Хозяин тут же к ним — и в путь пустился.
Известно, что в пути во всех местах
Без трудности не достигают цели,
И наши путники узнали то на деле;
Где должно проезжать овраг,
Где горы, где мосты, где вязкие болоты,
Где даже каменны оплоты,
Горшку невмочь, хотя буянов не видать;
Соседи прыгают, как будто бы хмельные,
Иль угорелые, шальные;
- 50 Тот в бок его, тот в грудь — не знает, что начать.
Толчки приятельски, равно как от врагов,
Всегда толчки — от них не меньше больно.
Соседи рады бы покой взять от прыжков;
Но прыгают невольню.
Едва усядутся — как новая беда!
Там пни перескакнут — там кочки;
Друг друга толк — и без вреда,
А хрупкого горшка остались черепочки.
- 60 Блажен, кто с равными свой жребий съединил!
Союз тот гибелен, где нет равенства сил.

РУССКАЯ ПОСЛОВИЦА

Басня

Везде к пословицам имеют веру;
Некстати, кстати ли всё ставят их к примеру:
    Таков введен обряд!
    А кто ему не платит дани?
    У нас, у русских, говорят,
Что будто мир худой полезней доброй брани.
Напротив лучше век с коварным весть войну,
С ним менее враждой, чем дружбой потеряем:
Врага мы стережем, а другу доверяем.
10 Хочу к тому сказать вам сказочку одну.

Соскучилось овцам всегда быть настороже:
    Вчера, — сегодня, — завтра то же,
    Всё бегай от волков, —
    Нельзя и поиграть свободно;
Отправили оне за миром к ним послов:
«Нам, — волки говорят, — и миролюбье сродно.
    Согласны с вами мы в союз вступить;
Но чтоб доверенность взаимно сохранить,
То сделаем трактат в порядке самом строгом
20 И укрепим двойным залогом:
    Мы вам дадим родных своих сынов,
    Волчаток без когтей и без зубов;
    А вы нам дайте ваших псов».

Овечки добрые от радости чуть дышат:
Ну, думают, навек спаслися от врага;

Дают собак, трактаты пишут
И, прыгая, бегут в луга
Свободой полной наслаждаться.

Но вышло всё не так!

- 30 Бывало волки к ним начнут лишь подбираться,
Ан вдруг на лай собак
Бежит пастух с дубинкой:
Вряд поживиться где одной скотинкой;
Теперь, как псы молчат,
А от волчат
Летают к ним гонцы с вестями,
Теперь они, став прежними врагами,
На стадо невзначай набросились толпой
И всех покушали овечек до одной.

<1809>

ТЕМ,
КОТОРЫЕ ПРЕДЛАГАЛИ МНЕ
ПИСАТЬ ГИМНЫ

Отвсюду бедством утесненна,
Могу ль воспеть Творца миров?
Из дерзновенных скорби слов
Была бы песнь та соплетенна:
5 Покорность страждущих есть гимн Творцу миров.

Отвсюду бедством утесненна,
Могу ль слагать хвалы царям?
Идя по терновым стезям,
Я мню, что в тернах вся вселенна:
10 Народа счастье есть лучший гимн царям.

Отвсюду бедством утесненна,
Могу ль утечи петь родства?
Я знаю скорбь лишь сиротства,
Быв с детства чуждыми вскормленна:
15 Семейны радости есть гимн в хвалу родства.

Отвсюду бедством утесненна,
Могу ль петь сладость нежных уз?
С напастью утвердя союз,
Хлад душ я ведать осужденна:
20 Улыбка милых нам есть гимн для нежных уз.

Отвсюду бедством утесненна,
Хочу блажить могильный свод:
К нему отраден, мирен вход!
С ним сон и тишина священна!
25 Он с бедством примирит... блажу могильный свод.

МОЙ ПОРТРЕТ,
СПИСАННЫЙ НА ДОСУГЕ
В ОСЕННИЕ ВЕТРЫ ДЛЯ ПРИЯТЕЛЕЙ*

Помыслить — было чем со скукою сражаться,*

Чем свист осенний заглушить:

Сиди как взаперти, не только прогуляться,

Нельзя и в комнате окошка отворить,

Ни даже уголка безмолвного найти;

В трубáх, под кровлей — среди карнизов,

Везде певцов незваных тьма —

Ну — право сноснее зима!

У этой в каждый час десяток есть капризов:

10 То ливный дождь — то с севера борей,

А с юга аквилон, сорвавшись с цепей,

Средь улиц меж собой вступают в споры,

То вдруг опять попрячутся все в норы

И солнышка проглянет луч;

То в самой сей же миг из белых туч

Посыплет снег пушистой,

Потом покроется корою льдистой,

Иль растопившись сберется в ток;

А там... Но что считать! незапны перемены

20 Одной ли осени порок?..

От бури и дождя меня скрывают стены;

Займемся ж чем-нибудь... да чем? — Вот та беда!..

«Здесь пальцы и с канвой!» — Нет, нет, глазам

накладно...

* Осмеливаясь напечатать здесь столь маловажное обстоятельство, я сделала сие в удовлетворение моим ближним, которые одни только могут найти в нем нечто заслуживающее внимание; почему, читатели весьма справедливо поступят, пропуская сии стихи, как белые листы.

«Так книгами — вот шкаф! лишь шаг сюда».
От них уж в голове, ей-ей, туманно.
«Ну вот чернилица!» — Прекрасно! точно так!
Пуускай о кровлю дождь стучит, дробится,
Пуускай на стекла снег ложится
И в полдни спустится сумрак;
30 Иль ветер один спешит другим навстречу —
С пером в руках авось того и не примечу.
Но что же мне писать — и что возьму за цель?
Труды смешны, когда им нет предмета!
Эклогу б сочинить, хотя в забаву света.
Да к ней приятная нужна свирель;
А их нигде здесь нет продажных.
Так я, исполня мысль сражений страшных,
На поле марсовом останова свой взор,
Летая в лагерях крылатыми мечтами,
40 Рукою смелою — и резкими чертами
Изображу двух царств кровавый спор.
Но как мне то воспеть, чего не знаю!..
Геройства нет в душе — и мнением не пылаю;
К тому ж кровавых битв смертельно я боюсь..
Нет, лучше устремлюсь
К хвале великих в мире!
Перстами беглыми на лире
Я громки тоны извлеку:
Царей благих исчислю;
50 Вельмож — судей правдивых нареку.
Не нужно в дальние летать пределы мыслью,
Отечество мое обильно ими.
Воспламенясь похвальными делами,
Их имена спасу между веками
Я песнями своими.
Внемлите, поздные потомки!
Се добрый, кроткий царь!.. «Но где тимпанов звон?
Хвалы твои несильны и негромки.
Для редких, славных дел — такой ли строй и тон!
60 Хотя б *Державина* похитила ты струны;
Но важность, сладость и перуны
От рук его не перейдут к тебе....
Оставь, когда угодно так судьбе,

Оставь лишь одному ему влиянья
Столь дивные в умах производить,
Чтоб смертных имена бессмертными творить,
Всех прелестей собрав очарованья». —
Покорствую — к тому ж и в голове моей
Родились вдруг желаньям перемены.
70 Я к музам обращаюсь — и лестью речей
Склоню — да чистого потока Иппокрены
Дадут вкусить мне сладких вод.
Напившись их, начну учить народ:
Представлю следствия порочной страсти,
Покорность должную верховной власти,
Семейны радости — обязанность детей —
Утеху добрых дел — раскаянье коварства,
И в золоте найдя отраву для людей,
80 Спасу их низкого корысти рабства;
Сорву ту грубую повязку с их очей;
Ко ближнему любовь пролью в их чувства;
Все знания свои — и все искусства,
Собрав, к их пользе обращаю:
То в *кита* вдруг себя — то в *птицу* заключу,
И даже в *комаре* я буду им полезна,
А с пользою любезна.
Вот подлинно предмет!..
О вы, отрада душ! — прелестные, молодые!
Оставя своды голубые,
90 *Спуститесь с арфами...* «Их дома нет —
Оне...» *О! ты, с блестящей колесницы...*
«И он туда же позван на совет». —
А что там делают их божеские лица?
Диктуют все... что час — то лист...
Э! э! — Да тот-то что ж? — Копист!
Ну право не завидно...
Одно лишь то как будто бы обидно,
Что хвалят без заслуг.
Вот мы — так век одни — и подлинно трудимся,
100 Нам музы не в свойстве — и Аполлон не друг;
А счетом рифм хоть с кем сравнимся.
Кураж! — терпением строят города!
Однако что-то не клеится...

Куда ни кинуся — везде беда!
Что ж Бога мне гневить! Вить с рифмою ложится!
Одно препятствие: идей не соглашу;
    Быть может, что спешу;
    Быть может, от погоды.
Подчас мрачат умы густые облака!
110 «Быть может, что берешь ты слишком свысока...
    К чему поэмы все — да оды!
Что познакомее, так то и попростей!
Похвально б с пользою учить народы;
Но проповедники родятся без *страстей*.
    Начни-ка ты с себя — себя изведай,
    Потом и проповедай». —
    С себя! как будто это труд!
    Такой себе дам суд,
    Какой бывал в Ареопаге;
120 Извольте хоть к присяге —
    Пристрастье прочь —
    Портрет с себя вам дать вернейший:
    Со всеми слабостями — точь-в-точь,
    Не скрыть и малости самонаименьшей.
    Надеюсь — я не из дурных —
    И кажется, могу учить других.
Известно, например, что раб и что владетель
Нередко в мире сем из той же чаши пьют,
Что люди не в одних пеленках слезы льют,
130 И что терпенье есть большая добродетель.
    А я, в превратной жизни сей,
    К немалой похвале своей,
    В замену брэнного имения
    Представлю горы вам терпенья;
    А что не лгу —
    Примером доказать могу.
Случается бедой, как тучею, покроет,
Падет на мысли грусть, и сердце всё изноет;
Куда ни кину взор — везде одна беда —
140 Ни крошки к счастью — ни слабого следа;
Уже и гром гремел — а небо всё мрачится,
Готовясь каждый миг над бедной разразиться.

Ну, чем бы стали вы грусть сердца облегчать?
Наверно б, начали стенать, роптать, вздыхать.
А я так напротив иначе поступаю,
Роптаньем, думаю, судьбы не испугаю;
    Так лучше же уметь
    Терпеть.

- 150 Чтоб люди от меня не прятались за стены,
Я время разложу на две различны сцены:
    Для дня запру от вздохов грудь,
    На сердце скорби скрою,
И мертвое лицо улыбкою покрою;
    А ночью току слез открою путь.
Ужель, вы мыслите, легко владеть душою!
    Но всё ли тут..
Однажды на беду тех, кто со мной живут,
Припала к музыке мне страстная охота,
    Таланта же ни капли нет!
160 «Пожалуй не учись». — Друзья дают совет. —
И слушать не хочу! — не день — не два — три года
    Сижу и бью в набат;
    Учитель мой и деньгам уж не рад..
    А я и по ночам тружуся!
    От всех уйду — запруся —
    И труд не в труд!
    Подчас насмешники придут:
Я умысла же их ни мало не смекая,
Прошу: пожалуйста, ударьте мне *каданс*.
170 «Извольте, хорошо, вить это *контраданс*,
    Иль просто *плясовая*». —
    Возможно ли! — какие пустяки..
    Адажио играю!
«Да мы в музыке-то не слишком далеки». —
Насмешка не тонка — к несчастью, понимаю;
    Обидно — так и быть — молчу..
    Вооружусь терпеньем,
    И с новым рвением
    То ж самое *адажио* учу.
180 И то не всё — еще вам рассказать хочу:
Случится иногда в холодную погоду,
Иль так из шалости — иль уважая моду,

Платки с себя — солопы прочь,
Потом и занемочь.
Как иглы острые по всей летают;
То лед почувствую, то пламенем палит;
Едва сижу — все видят, замечают:
«Иль голова болит?» —
190 Ни крошечки! — с чего вы взяли? —
«Бледна как смерть, — хоть в зеркало взгляни!»
О нет! я так сижу в тени.
А в истинну боюсь, чтоб не пеняли;
Сама причиною, так что ж, как не молчать!
Ну — право бы иной стал голосом кричать;
А я терпением везде вооружаюсь:
Хоть смерть в глаза, и той не испугаюсь.
Равно как иногда...
Но вот внезапная беда!
Противность вдруг терпенью повстречалась!
200 Когда бы клятвой не связалась,
Во вред себе отнюдь не стала б говорить;
Теперь пришлось всё наружу выводить.
Не чудо ли!.. Всё точь-в-точь справедливо,
Но нечто — да не то прибавлю вам за диво:
Терпение во мне и есть — и нет —
Оно как солнечный сегодня свет,
То в ярких вдруг лучах прольется,
То мрачной тучей обовьется.
210 Безделица: иль кашель — иль угар —
Всех из дому гоню слезами.
Кричу: чахотка, бред и жар —
И сто смертей перед глазами.
Беда — кто слово вопреки!..
Всех с ног собою: сей час за лекарем скажите!
Потом: нет! нет! они болваны, дураки!
Ой, смерть пришла! — простите!
Клеон всех посмелей,
С советом подойдет: «Ах, матушка! ей-ей,
220 Ты более себе вредишь сомненьем;
Вооружись хотя на час терпеньем».
Спасибо за совет!
Другому боль моя, конечно, не во вред.

«Эх, матушка! тебе ж добра желаю!»
Конечно... знаю...
А сами, думаю, не любите страдать!
«Вот два года простудю страдаю!»
Угодно вам и мне того же пожелать?
Но мне ни малой нет к тому охоты...
230 «Да ты словам даешь иные обороты,
К примеру я себя сравнял с тобой». —
Вы человек — а я другой.
Во мне столь странного нет чванства,
Чтобы любить не мочь;
К тому ж примеры — не лекарства!
Клеон вздохнул... поехал прочь.
Когда по склонностям к красам природы,
Осмелясь им иглою подражать,
Темиру вздумаю к совету приглашать:
Как мыслишь, милая, в сем гроте своды
240 Не более ли скрыть от солнечных лучей?
«И! нет, нет, хорошо! по чести лес, ручей
И даже хижинка, как будто из-под кисти.
Одной небрежностью вредишь;
Скажи, к чему спешишь?
Хоть несколько *пуан* почисти,
Какой неровный шов!»
Ну стоит ли то слов!
«Как стоит ли? — смотри: прегадко!
Один стежок сюды — другой глядит туды...»
250 Ужель страдает вкус, что вышито не гладко?
Оставим тяжкие труды!
Они в работах лишь, а не в искусствах нужны;
Пусть рабские им головы послушны.
«Но вкус один без чистоты ничто».
Я мышлю иначе... а в истинну не то:
Не достает терпенья. —
Оно везде мне камень преткновенья...
Примусь ли за перо,
260 Иль прежние стихи достану из бюро,
Чтобы прочесть их с знатоками —
И их суждение узнать?

С поклоном к ним: прошу мне истину сказать,
Я беспристрастными считаю вас судьями,
Не должно ли чего в стихах сих отменить,
Или, по крайности, иными заменить?
Усядемся читать — пойдут разборы.
«Вот это б отменить...» — да рифма пропадет!
«Другую поискать», — и стоит ли хлопот!
На мелочи такой кто остановит взоры?
270 «Однако лучше бы здесь речи быть другой;
Но как погрешности в том нет большой,
То далее пойдем, вить это не поэма —
К тому ж вы пишете, чтоб скуку сократить».
О! без сомнения — лишь время бы убить,
А лира — не моя эмблема.
И рада — рада, что нашла
Хоть малый повод к оправданию,
Со всем тем от хлопот не далеко ушла:
«Помилуйте! здесь место ли вздыханью?
280 Вскричал мой рецензент, — прилично ли, что вы
Сюда поставили *увы?*» —
Теперь отнять, так стоп и не дочтемся!
«Однако же для стоп,
Без бед не плачем мы — без смеха не смеемся.
А это что? *упал как сноп...*
Какое низкое сравненье!
Нет, здесь пощада — снисхожденье —
Вам обратится в вред!»
Всё чувствую — но я, признаться,
290 Теперь уж не могу опять тем вновь заняться.
«Да это сущий бред!
Прилично ли к орлу парить послали муху?
Спросите хоть кого!» — Я верю вам;
Но, право, исправлять теперь нет духу.
Ужель крылатый конь всегда подвластен нам?
Вы знаете, труды веселых муз пугают;
Оне от них, как призрак, убегают.
Конец рецензии... и верный мой портрет
О двух лицах; но ах! таков весь свет!
300 По крайности, хоть тем могу я похвалиться,
Что не люблю кружиться,

Гоняясь за мечтой,
 И суетных забав, как язвы моровой,
 Вседневно убегаю;
 Что прочное люблю, а тленность презираю;
 Что тихих, уединенных дней
 На царскую корону не сменяю;
 Что не наружностью пленяюсь вещей;
 Что *шали, гребни, сантиметры*
 Не действуют на мой ни мало ум;
 310 Что полны ль — пусты ли мои карманы;
 Что тихо вокруг меня, или есть шум;
 Что светят ли огни, блистают ли каменья;
 Что, что... «Постой: и выдь из заблужденья,
 Подчас иль длинный *шлейф*, иль головной убор,
 Войдя с рассудком в спор,
 Как труса, бедного гоняют из сраженья».
 Но то едва
 Случится в круглый год иль раз, иль два,
 А кто же так, как я, в желаниях умерен!
 320 Красам природы болей верен,
 И меней в бедности находит зла,
 И меней требует гремушек?..
 Убога хижина — два блюда для стола,
 Вкруг стен скамьи простые без подушек
 Меня собой не устрашат!
 Когда светило дня, склоняясь на закат,
 Сквозь тусклое мое стекло ко мне блистает —
 И радужным лучем блеск в блеске отражает;
 330 Когда в замену арф — клавиры, —
 В замену златострунных лир,
 Звучащих под искусными перстами,
 Крылатые певцы, вися под облаками,
 Восторги в трелях льют:
Мажоры, моли, тоны, полутоны
 Ко мне с зефиром шлют;
 Когда дочь горестной Латоны
 С лазуревых небес,
 Свет томной из очес
 Струей серебристой проливает,
 340 Заместо лампами утáенных огней

Чуть-чуть сквозь гипс светящихся лучей,
Предметы вокруг меня едва лишь освещает:
Тогда, от нежности переходя в восторг,
Забыв различные людей степени,
Готова, пред Творцом простершись на колени,
Вскричать: колико благ для тварей Бог!
«Изрядно — но всегда ль ты столь великодушна
И року мощному всегда ли столь послушна?»
Конечно, не всегда...

350 Как кто ограблен без суда,
То как не хмуриться тому на Провиденье!
Неволей иногда в нас сердце закипит.
Сидишь ли с красотой, а что-то говорит:
Ну эти б прелести — румяный цвет ланит;
Во взорах нежное томленье;
Ну эту б стройность — рост и белизну лица
Правдивей было для Творца
На части равные меж нами разделить.
За что ж одну, как Креза, наградить?

360 С какую легкостью она танцует,
Какой для пения орган!
В других природа все таланты образует,
Ко мне как мачеха — нет пуще: как тиран!
А этот ум... дар стройно изъясняться,
Способность всё мгновенно понимать,
Ловить изящное: ему уподобляться,
Не лучше ли бы мне отдать?
Прошу, однако же, излишне строго
Одной наружностью меня не обвинять:

370 Причины есть пенять...
Оне не только нам — и мудрым значат много!
Какой же мещете вы строгий взор!
Уже у всех уста к упрекам растворились,
Улыбки хитрые явились
И всяк спешит затеять спор.
Спокойтесь — хорошо! согласна вам признаться,
Что року не всегда умею покоряться.
Зато еще в запасе есть
Одна души доброта:

- 380 Я не переменчива, и в мыслях оборота
Ничто — ни ад, ни рай не в силах произвести.
    Как днёвное светило
    В назначенном часу,
Привыкши освещать хрустальную росу,
В мгновении одном еще не изменило,
И там, где триста лет назад тому всходило,
    Оно вошло подобно и вчерась;
Так я, наклонностям однажды покорясь,
Ко всякой новости питая отвращенье
390 И даже в малостях страшася перемен,
    Одно и то же ощущение
Храню в душе своей всегда — и без измен.
Лишь то люблю — лишь то считаю драгоценным,
На чем глаза мои привыкли отдыхать,
О чем душа моя привыкнула мечтать,
Что сердце нарекло единожды священным.
Та чашка — тот стакан, который мне служил,
    Не быв хорош — привычкой мил,
    И без цены имеет цену.
400 Не только вещь, люблю ту стену,
Которая меня из давних лет блюла
    И мне защитой была,
    Хотя она не из богатых...
Люблю животных тех, собачек и пернатых,
    Которых я от юных дней
    Сама рукой своей питала...
«Да будет ли конец у *эпистолы* сей?
    Сочти-ка, сколько насказала!
    А проку нет — всё дрянь!
410 Пожалуй же отстань
    Неверные давать сравненья!
    Тот час и к солнцу обращенья...
Ну что в вас общего? — вся та хвала,
    Все сказанны доброты,
Которые себе столь громко придала,
    Суть глупости оплоты!
Смотри! — такие ли у разума весы?
Не зная химии — он знает то наверно,

Что золото нетленно,
420 Что весит с тяжестью... что всех вещей красы
Лишь в их находятся доброте;
Что чашка, что стакан лишь ценны по работе.
Он царь пристрастия — закон душе, всему. —
Привычка слабому страшна уму;
Рассудок же пред ней колена не сгибает,
И ига нового себе не вымышляет...»
Он лю... молчу — молчу —
И болей ни писать, ни слушать не хочу:
И так уж многие от рифм моих вздремали.
430 «Так те за сном в аптеку не пошлют,
И с целью труд: ...
Таких стихов немало мы читали».

<1809>

ПРИ ВСТРЕЧЕ ВЕСНЫ

Сердце, сжатое тоскою,
Слило всё в один предмет.
Цель одна ему к покою,
Тамо — на краю сует.

5 Там, где слабому сильнейший
Не счисляет своих прав;
Там, где Нэрона лютейший,
Ярый укротился нрав.

10 Где за деньги не обидят,
Не чертят земель в куски.
Из чего их дом, не видят,
Из металла иль доски.

15 Не гремят где цепи рабски
И не брызжут слезы — кровь.
Где не носят с видом ласки
В сердце яд — в глазах любовь.

20 Где вельможа строгим взглядом
Страх в душу не прольет;
Тихо-кротко с нищим рядом
Спит как брат. — Где власть минет.

Крест на шее — звезды, лента
Где рассудков не темнят,

Графа — пастуха — агента
Времена где прах смешат.

25 Где мечты покой не рушат,
Страсти сердца не томят:
Не палят его — не сушат;
Где всё спит — и страсти спят.

Я завидую покою,
30 Для меня его, ах! нет:
Сердце, сжатое тоскою,
Слило всё в один предмет.

Веют ли кругом зефиры,
Травки ль ароматы льют,
35 Звуки ли согласной лиры
Нежны тоны издают.

Иль любимицы природы,
Верные друзья с весной,
Дети счастья, свободы,
40 Птички выются надо мной.

Пестра ль бабочка летает,
Рыба ль плещет из волны;
Солнце ль надо мной сияет,
Или кроткий луч луны.

45 Речка ль тихо протекает,
Иль блестит в кустах роса,
Или ветер завывает,
С треском вниз клоня леса.

Черны ль тучи разовьются:
50 Грянет гром — померкнет свет;
С градом ли дожди прольются,
Гнев в них творческий блеснет.

Я смотрю холодным оком
С равною на всё тоской,

55 И убитый злобным роком,
Дух везде томится мой.

Вся природа оживилась;
Жизнь весна всему дала;
Я лишь с жизнью простилась,
60 Я... живая умерла.

Время мощною рукою
Исцелит ли раны? — Нет!
Сердце, сжатое тоскою,
Слило всё в один предмет.

<1809>

НАУКА О СТИХОТВОРСТВЕ ИЗ Г. БОАЛО*

ПЕСНЬ I

Вотще стихами мнит писатель дерзновенной*
Достичь до высоты Олимпа освященной;
Коль слова дар с небес в него не вдохновен,
Когда он под звездой пиитов не рожден;
То в скудном разуме, как узник сжат, неволен:
Пегас пред ним строптив, — Феб глух и непреклонен.

Вы, кои, мня в себе парнасских дар богов,**
Сквозь терны мчитесь на поприще умов!
Над рифмами себя бесплодно не томите,
10 И страсть стихи слагать за знание не чтите.
Бегите лживых сих, приманчивых сетей:
Советуйтесь с умом и с силою своей.

* Сей слабый, наполненный погрешностями и недостатками отрывок произведен тогда, когда не был еще известен полный его сиятельства графа Дмитрия Ивановича Хвостова перевод всех четырех песен «Науки о стихотворстве». Не находя в себе столько сил, дабы состязаться с стихотворцами, я останавливаюсь на одной первой песни.

** Здесь осмелилась я сделать от подлинника отступление. Переводя из слова в слово речь: *qui, brûlant d'une ardeur périlleuse, courez du belle esprit etc.*, должна была бы я сказать: *О вы, которые, сгорая гибельною страстью, пробегаете усеянное тернами поприще умов и проч.* Что показалось мне весьма неопределенным. Не знаю, вразумительно ли выражают сочинителю мысль слова *ardeur périlleuse* на французском языке; но знаю, что слова *гибельная страсть* имеют обширное значение и заключают в смысле своем не одну охоту к стихотворению, а вообще все вредные наклонности человека.

Природа, славными обилуя умами,
 Блестит в писателях различными красами:
 Один огонь любви с пера умеет лить,
 Тот эпиграммою насмешливо язвить.
 Геройски подвиги Малгерб умел прославить,
 Ракан петь пастушков — луга, леса представить;
 Но часто гордый ум, себе ласкать любя,
 20 Не знает сил своих, ни самого себя.
 Так некто на берегах величественной Сены,
 Стихами исчертя домов питейных стены,*
 В пустыни дикие бестрепетно потек
 Евреев соглядать славнейший древле бег,
 И силясь то воспеть кичливым лиры тоном,
 Погиб в пучине вод с надменным фараоном.

Высокой иль смешной предмет желаешь петь,
 Смысл с рифмою в связи всегда учись иметь.
 Напрасно нам оне быть кажутся врагами:
 30 Ум должен рифмами так править, как рабами.
 Быв раз им найдены, оне, смирясь пред ним,
 Несут ему дары обилием своим.
 Но быв презренными, становятся мятежны;
 Ум гонится им вслед — оне едва с ним смежны.
 Любите здравый смысл! старайтесь от него
 Весь блеск и цену взять творенья своего.

Иные, буйному предавшись стремленью,
 Вне смысла здравого берут мысль к сочиненью,
 И в страшных мнят стихах унизиться своих,
 40 То ж мысля, что возмог кто мыслить и до них.
 Бежим сих крайностей. — Пусть те алмазы лживы
 Дают в Италии дурачеств блеск игривый.
 Всё с здравым разумом должно лишь быть в связи;
 Но труден ход к тому и скользки все стези!
 Кто мало сбился с них, мгновенно утопает:
 Ум часто к шествию один путь предлагает.

* Сент-Аман, творец поэмы «Спасенный Моисей».

Иные, в свой рассказ все мысли углубив,
С предмета не сойдут, всего не истощив.
Находят ли дворец, тотчас снимают планы.
50 «Тут зала, тут крыльцо, там спальня, там диваны,
Вот здесь среди столбов с решеткою балкон,
Там рѣзьба разная видна со всех сторон».*
Начнут потом считать полы и потолки,
Сколь окна высоки, гардины как широки.
Я двадцать вдруг листов переложу назад,
И чтоб достичь конца, скорей бегу сквозь сад.
Блюдитесь сих творцев бесплодного обилья;
Бегите тщетного в подробностях усилья:
Всѣ, в чем излишек есть, несносно и томит:
60 Не зная в пределах быть, не будешь век пиит.

Страшась нередко зла, встречаемся с сугубым:
Сначала стих был слаб, ты сделал оный грубым;
Желая кратким быть, стал темен и стеснен;
Один не столь кудряв, но слишком обнажен;
Другой, боясь поползть, исчез под небесами.

Хотите ли владеть читателей сердцами?
Меняйте звук своих напевов каждый час.
Всегда подобный слог — один и тот же глас
Вотще блестит очам: он вмиг нас усыпляет.
70 Едва ли кто того писателя читает,
У коего всегда один стихерный строй.

Блажен, кто, легкою в стихах своих рукою
Из шуток к важному, из нежного в угрозы,
Умея пробегать, бросает терн и розы.
Его творения угодны небесам
И в дорогой цене на пользу продавцам.

Бегите низких слов — то буйной черни свойство:
И самый слог простой имеет благородство.
В насмешку разума, вдруг шутовской язык
80 Среди писателей, к бесславию их, изник,

* Скюдери, французской писатель.

И новостью своей всех обольстивши взоры,
Храм муз преобразил в базарны, шумны сборы.
Сам Аполлон, себя обрядам покоря,
Явился на Парнас в наряде шинкаря,
И вольности в стихах никто не знал предела:
У всех поэзия вид площадной имела.
Сей яд сперва обтек губернки города,
Подьячих и мещан, потом и господа,
И графы, и князья, и все им заразились:
90 Для каждого враля читатели явились,
И каждый шут тогда бессмертьем льститься мог.
Но двор впоследствии, сей презирая слог,
Наскуча мнимою стихов тех остротою,
В них разницу найдя с невинной простотою,
Оставил низости провинцию смешить.
Да не дерзнут оне ваш слог собой сквернить!
Пусть балагур летит блистать в толпе народной,
А вы с приятностью шутите благородной.

100 Не меньше пагубны гигантские следы,
Как некто воспевал фарсальские беды:
«Ста гор побитых тел стенанья слышу страшны».

Старайтесь быть всегда без пышности изящны,
Искусны в простоте — приятны без прикрас;
Того, что нравится, читатель ждет от вас.

Имейте строгий слух в размере ударенья,
Чтоб смысл оконча речь и делав пресеченья,
В две доли каждый стих для роздыха делил,
Чтоб в размещеньи букв вас тот же слух водил:
Есть выбор счастливый речений доброгласных.

110 Блюдитесь, чтоб букв не свесть двух рядом гласных,
Иль грубых звуками стечения речей.
Ни благородна мысль, ни связью стих своей,
Хотя все правила поэзии вмещает,
Не нравится уму, коль ухо раздражает.

Когда во Франции Парнас известен стал,
Тогда им произвол один лишь управлял.
Тогда вся прелесть муз из рифмы состояла,
Она и чистоту и меру заменяла,
120 Вильо в сей грубый век первейший был поэт,
Во мраках древности искусств нашедший свет.
Маро ввел стройное баллад образование,
Составил триолет, о рондах дал познание:
Их сложность правильным законам покорил,
И новые следы к поэзии явил.
Ронзар, за ним идя, иначе путь направил:
Всё спутал, всё смешал, на лад свой переладил.
Желал, как властелин, быть правилом для всех,
И всякой раз имел желаемый успех.
Но музы у него по воле, без разбора,
130 Афинским языком средь галльска разговора
И римским говоря, чрез оборот умов,
Паденье зрели вдруг высокопарных слов:
Кичливый сей поэт столь быстрым низверженьем
Депорту и Берто служил нравоученьем. —

Малгерб потом, нашед в поэзии размер,
Дал первый Франции изящного пример,
Слов силу ей открыл прилично размещенных
И муз ввел, истинным законам подчиненных.
Исправленный тогда им тщательно язык
140 Щадить разборчивый слух каждого привык.
Он стансы научил приятному паденью
И мысль в стих из стиха не прыгать по хотенью;
Всему дал правила — и поздних лет певцы
Творения его берут за образцы.
Последуйте ему в своих произведениях,
Как слога чистотой, так ясностью в реченьях.
Когда замедлит смысл мне сам себя казать,
Я разума тогда не силен напрягать,
Сквозь кучу слов пустых уставши пробиваться,
150 Нейду с писателем, чтоб с ним не потеряться.

У некоторых мысль, обвитая корой,
Мрачна, как в хаосе день, смешанный со тьмой;

Ни яркий луч ума сей тьмы не мог расчистить.
Не бравшись за перо, учитесь прежде мыслить.
По мере ясности в понятия о вещах,
Та ж ясность самая блистает и в речах.
Тому, что понял сам, найдешь и объясненья,
И речи потекут рекой без затрудненья.

160 Умейте в чистоте всегда держать ваш слог;
Не портьте языка чрез выпренный восторг.
Вотще музыкой мнишь ольстить мое вниманье,
Коль ложен оборот, неточно где названье.
Я звуком не прельщусь и не сплету похвал,
Когда ты мне слова без правил накидал,
Иль, правильно сложа, не то дал ударенье;
Не знаяши языка, придешь у всех в презренье.

Кто б как ни понуждал, трудись, как время есть,
И глупой спешности не ставь себе за честь,*
Твой быстрый виршей ток порывистым паденьем
170 Мне кажется, что в вражде ты с здравым рассужденьем,
Я более люблю сей маленькой ручей,
Который тихую, прозрачную струей
По мелкому песку катит журчащи воды,
Чем быстрый водопад, который в непогоды,
Стремясь шумно с гор, всё рвет — всё мчит, крутит,
И мутною волной по рытвинам бежит.
Спешите медленно и бодрости не тратьте!
Сто раз одни стихи прочтите и исправьте;
Потом старайтесь их снова вычищать,
180 Прибавить изредка — но чаще убавлять.

Нет славы, где кишат погрешности листьями,
Подчас сверкнут умом, рассеянным местами.
Всё должно по своим местам распределить,
С серединой и с концем начало согласить.
Чтоб разны отросли обширного творенья
Входили в целое, как части в составленья,

* Скюдери, в извинение своих погрешностей, говаривал, что он имеет повеление окончить поскорее свои сочинения.

Чтоб повесть, брося вдруг для острых слов предмет,
От цели вдалеке им не гналась вослед.

190 Страшитесь светом быть в стихах своих судимы,
И будьте сами вы к себе неумолимы;
Во всем себе ласкать есть страсть одних невежд,
Дурачество всегда исполнено надежд.

Вверяйтесь друзьям готовым на сужденья,
Пусть судят вас во всем, не зная снисхожденья;
Умейте спесь в себе пиита побеждать;
Но также и льстеца от друга отличать:
Тот часто хвалит вслух, кто шутит тайно вами,
Прельщайтесь более советом — не хвалами.

200 На каждой льстец строке находит тьмы красот,
Всё нравится ему: связь слов, их оборот,
То счастьем упоен, то слезы проливает,
В восторге плавая вас лаврами венчает
И в будущих веках гремит о вас молвой:
У скромной истинны язык совсем иной.

Разумный друг всегда и строг и непреклонен;
Едва сошли с стези, он тотчас неспокоен, —
Одной погрешности не хочет вам спустить,
На каждой малости готов остановить:
210 То речи по местам приличным расставляет;
То пухлые слова чернит и выгоняет;
Там кажется ему мысль главная темна;
Там слог шероховат, завязка не одна;
А далее стих нашел иль вялым, иль небрежным.
Но стихотворец сей, как к чадам мать, быв нежным,
Всегда и каждую речь с горячностью любя,
Берет обиженных защиту на себя.
«Возможно ли, — кричит, — и это выраженье
Вам низким кажется? Какое заблужденье!» —
Здесь слово холодно, не лучше ли отнять?
220 «Напротив — в нем весь дар согласием пленять».
Вот эти бы места... «Все ахают над ними».
Итак, прельстяся сам способностями своими,

Ни в чем себя никак не может осуждать,
Любимый навик в нем — ни слова не марать.
А ищет быть судим судьей беспристрастным,
И с лирою своей вам хочет быть подвластным.
Но все сии слова есть хитрой сети нить,
Дабы вас к слушанью стихов своих склонить.
Потом, раскланявшись лицом самодовольным,
230 Бежит их прочищать глупцам себе подобным,
Которых, по грехам, везде, всегда не нет!
Не менее теперь вралями полон свет,
Как и ласкательми их подлыми обилен:
Не только в городках, их голос так же силен
У графов, — у князей, — и даже у дворов.
Несноснейший поэт несноснейших стихов,
При каждом времени в своих твореньях вздорных,
Поддерживаем был толпою лир придворных.
Свершу сатирую: и самые глупцы
240 Глупей себя найдут, виющих им венцы. —

ОТРЕЧЕНИЕ

(Перевод)

Увянь, душистый лавр зеленый,
Вплетенный вновь в мои власа!
Спади, — как молнией сожженный, —
Не ты главе моей краса!
5 Спади! — да с прахом ног тебя моих смешаю!

Иссякни для меня, прозрачный
Кастальских, сладких вод ручей;
Пусть славою упиться алчный
Прохладой манится твоей:
10 Я вод твоих вкусить не жажду.

Порвитесь струны на цевнице!
Почто мне глас созвучный дан?
Почто мне почесть как певице?
Почто хвалы далеких стран?
15 Как эхо в пустоте, оне во слухе гибнут.

Что мне вселенной удивленье?
Что цепь веков? Потомства глас?
Мне мир — единых уст движенье;
Мне цепь веков — единый час:
20 А почести, — а слава... дым.

Вон там, — на твердом основаньи
Воздвигнут из алмаза храм;
Его сверкающи сияньи,
Подобно Фебовым лучам,
25 Из края в край вселенну озаряют.

- Вокруг его сонм игр, — веселья;
Внутри поставлен мой кумир:
Туда хожу на поклоненья,
Там звуки извлекаю лир
- 30 И глас прерывистый с перстами соглашаю.
- Кто легки облака перловы
От жертв ко храму воссылал?
Кто свежие венцы лавровы
К стопам кумира полагал?
- 35 Кто розы, мирты нес, — лилеи и жасмины?
- Не я ль, роскошной Флоры ткани,
К нему перенесла на трон?
Но что кумиру почесть, дани? —
Изваян из металла он:
- 40 К мольбе, — к куренью, — к фимиамам хладен.
- Вотще мастики благовонны
На жертвенном я жгу огне;
Вотще, слагая гимны стройны,
Пою хвалы ему одне:
- 45 Ни уст движенья нет, — ни вежд в неблагодарном.
- Что смертных степени? что слава?
Что гром похвальных, пышных слов?
Надменных хладная забава:
Мечта помешанных умов!
- 50 Гордец чужд радостей, — средь славы часто стонет.
- Взгляни! Мидас златолюбивый
Томится, золотом окружен;
Пал с высоты Икар кичливый,
За буйный замысл поражен;
- 55 Рвут дерзкого грудь Прометея враны.
- Орфей не гнался за мечтами,
Не ставил в славу сердца хлад;
Взгляни! Он помещен с богами:
Его любовь почтил сам ад, —
- 60 И Флегетон кипеть, — и псы зиять престали.

Претят ли боги к ощущениям,
Претят ли сердце отверзать?
Ко гласу лирному, к молениям,
Претят ли смертным слух склонять?
65 Не искра ль божества их грудь блюдет от мраза?

Умолкни, лира тихозвучна!
Почто твой слабый глас? — Престань...
С металлом твердость неразлучна;
С кумиром — жертв мастичных дань;
70 Со мной — могильный мрак и тишина усопших.

<1809>

О счастьяи

Дидактическое стихотворение

Ея императорскому величеству,
императрице Марии Феодоровне
с благоговением посвящает
сочинительница

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Где ты, невидимый, в красах неистощимый,
Крылатый, пламенный, то светлым Фебом чтимый,
То музой, гением, то силою умов,
Пареньем в высоты, иль просто даром слов,
Где ты? — Слети ко мне под кров мой безызвестной!
Да с громом уст твоих и сладостью небесной
Цевницу согласи незвучную мою,
Я счастье смертного достойно воспою!
А ты, которо мне к подножью Провиденья
10 Нередко воссылать велишь благодаренья;
Которо иногда незапно вижу я
Спокойно дремлющим на шуйце у меня,
О счастье! предстань в своих переменных лицах:
В алмазах, в рубищах, в веригах, в багряницах,
И начертась моей во глубине души,
Языка моего ты узы разреши;
Дай внятное ему, некосненно сказанье:
Хочу я возвестить твое существованье.

Но как, — и где обрести твой истинный чертог?
20 Кто град столичный твой определить возмог?
Рубеж где твоего владенья беспредельна?
Чертог твой: шар земный; — столица: вся вселенна;
Поклонники: в градах, средь дебрей, средь полей.

Нередко об руку сидишь ты у царей
В их храминах, трудам и думе посвященных;
По временам к ним в пир средь игр идешь переменных,

И даже иногда, облекшись в виссон,
Народа с кликами к ним всходишь и на трон.
30 Нередко, слепоты незапной устраниаясь,
Ты блеска дворского бежишь не озираясь.
Иль, смрада устрашась злоторных тех мастик,
Что лютым Нэронам дымят бесстыдно в лик,
Ты в скудных шалашах скрываешься и темных,
Где в воздухе паров нет ядом зараженных;
А чаще и того ты путь склоняешь свой
К веселым домикам в союзе меж собой,
В безвестности, в трудах, умеренно живущих
И радости души в самой душе имущих.

Все смертные, тебя твердя в своих устах,
40 Текут, бегут к тебе, несутся на крылах;
Но все ль в порывах сих достичь к тебе удобны!
Здесь тают крылья Икаровым подобны,
Там слепота очес, там пропасти в стезях,
Изрытые умом, погрязнувшим в страстях,
Ползущим, скачушим, средь бега, на полете
Переграждают путь, найденный ими к мете.
Тебя ли в том дерзнем, благое! обвинять?
Твое ль тем бытие посмеем отвергать,
50 Что, имя твоего значенье искажая,
Усталы, алчущи, — и в мраз, и в зной блуждая,
Мним там тебя найти, где не бываешь ты.

Иной, осетя ум приманками мечты,
Дает тебе свой вид, свои все страсти милы;
В извивисты тебя включая хладны жилы,
Текущи в рудниках, средь мрачных недр земных,
Как новый Геркулес, он сходит в ад для них.
Иль, блеском ослепясь бразильской твердой персти,
Мнит гранями ея врата к тебе отверзти.
Иль, нежну белизну восточных перл любя,
60 Готов меж гадами весь век искать тебя.
По синим он зыбям шумяща океана
Летит на добычу, сквозь влажный мрак тумана,
Навстречу молнии — чрез хлябь разверстых волн:
Жмет пенисты бугры, отваги буйной полн;

На углу дерева со смертью скачет рядом;
То с ветром борется, с безветрием иль с голодом;
То реется меж туч — глотает пар густой;
Претерпевает хлад, болезни, жажду, зной.
70 «Все скорби, — говорит, — заплатятся сторицей!
Звук злата двигает и счастья колесницей».
Прошед он наконец сквозь тысячи смертей,
Хватает добычу, — и ты, он мыслит, с ней;
Но ты, во мзду тогда снесенной им напасти,
Витаешь в тишине, не зная к злату страсти.
С отшельцем на берегу спокойного ручья,
Где вместо крупных перл и граней хрустала,
Рассыпанна роса блестит семью цветами,
И ароматы трав зефир несет крылами.

Алкая скипетров, земель, рабов, — иной
80 Через ужасы к тебе достигнуть мнит войной.
Кипит в груди его паляща душу Этна;
Не дремлет ни на миг секира в дланях смертна.
Как дикий мчится тигр, точа из жертвы кровь,
Когтями рвет ее — и крови просит вновь.
Горят глаза его, в устах клубится пена,
На трупах и костях взвываются знамена;
Влачит по жнивам глад, пожары по градам;
По стогнам носится, по дебрям, по степям, —
90 Везде бросает гром из медяных гортаней:

Вселенна для его тесна завоеваний.
Как путник, изнурясь и трудностью стезей,
И током пламенным полуденных лучей,
И жгущей жаждою, при входах вертограда
Незапно слышит рев биюща водопада:
Бодрится, позабыв снесенные беды;
Летит, восторга полн, к исходищу воды;
Пьет, алчно погрузя уста и лик багровый:
Пьет, — горе путнику! — и огонь с водою новый,
И жажду жгущую, и нову сердца боль,
100 Не зная, что водомет растворну цедит соль;
Так алчный воин сей, победою вновь каждой
Сугубя к зверству страсть, к ней вновь томится

жаждой.

Не знает ни на миг даров он сладка сна, —
Всегда душа его угрюмых дум полна.
Смежа усталостью век бдящие зеницы,
Он зрит мечи живых, побитых бледны лица;
Он слышит жалостны стенанья из гробов,
И треск, и стук, и гром валящихся домов;
Повсюду пламень зрит, пожарами разлитый:
110 К трофеям мечется, ждя верной их защиты;
Но те шипят к нему, мгновенно став змией,
И краткий сон его уходит от очей.
Страдалец он в ночи, — тиран с лучами света!
Нет друга у него, советника, клеветета;
Нет сладких уз родства, — он самых даже чад
Для выгоды своей готов низринуть в ад;
Всех ненавидя вдруг и каждого робея,
Совместника с собой зрит всюду и злодея.
Вотще мнит гордый дух под лавром отдохнуть!
120 Пройдя по терниям кремнистый жизни путь
И к лону старости невольно приникая,
Болезни, дряхлость, скорбь никем не услаждая,
Из чаши бедства он пьет до капли яд.
На подвиги ль свои смущенный кинет взгляд,
На парку ль бледную, на суд ли правый Бога, —
Везде ему к тебе преграждена дорога!
А ты, возрастая тогда оратаю плоды,
От всех украдкою делишь его труды:
В лугах стрежешь с ним скот, на ниве плуг вращаешь,
130 Шлешь сладкий сон ему и пищу приправляешь.

Иной, за славою вода повсюду взор,
К всему, что не она, хранит в душе презор.
В кичливых умствнях он смертным быть страшится:
Из пепла чаёт вдруг как феникс возродиться.
«Кто славы не стяжал, тот, — мыслит он, — не жил,
И с счастьем сладкого союза не вкусил.
Среди семейных нег не будем мы велики!
В нас свычка и любовь суть слабостей улики». —
Так мысля, выю он возносит к небесам!
140 Не внемлет на земле ни стонам, ни мольбам,

Ни гласу нежности, ни красотам природы:
В борьбе с заботами проводит мрачны годы.
Он раб незапностей, — а мнит: я силой Бог;
Он слезы льет, — а мнит: я скорби превозмог;
На сердце, на уста, на ум взложил оковы, —
А мнит: к свободе я стези соделал новы.
Он сходный с фениксом лишь тем стяжал удел,
Что в мрачном сиротстве один весь век провел.
Так, гнавшись за тобой, гонялся он за скукой!
150 А ты, союза быв семейного подругой,
Без блесков, почестей: сам-пят или втроем
Сидишь под тению, не думая о нем.

Но буду ль излагать одних я бедств начало?
О муза! опусти на взор мой покрывало!
Иль к пенью загради навеки мне уста,
Иль счастьем красимы позволь воспеть места!
К чему столь многих зол нам служит исчисленье?
И станет ли на то всей жизни мне теченья!

Удобнее в морях сочешь все капли вод,
160 Чем трудны те стези, по коим смертных род
Всечасно шествуя, средь воплей, слез и стопа,
Мнит счастья достичь до лучезарна трона.

Уже я мрачное зрю юношей чело:
Сведем их на брега, где б всё вокруг цвело, —
И розы с миртами рассыпав им посменно,
Возбудим в их уме веселье укосненно;
Уйдем строптивые их жалобы в устах.
«Нас, юных, — говорят, — объял невольный страх!
На жизни поприще, во всем еще нам новом,
170 Почто ты дуешь в лик бореем столь суровым!
Ужели навсегда златый Сатурнов век
К Олимпу светлomu от скорбных нас утек?» —

Но что есть век златый? — Он есть иносказанье.
Вот как о нем гласит язычников преданье:

Тогда, как шар земный был в юности своей
И люди роскошью не множили страстей,
Сатурн, отец богов, по басне знаменитый,
Скитаясь, рубищем и брением покрытый,
180 В лацийских областях, где Янус был царем,
Обрел спокойну сень и скорби сверг ярем.
Притекшу оному изгнаннику небесну,
И образом своим, и родом безызвестну,
Властитель Лации, простря союзу длань,
Обильну разделил своих земель с ним дань.
Потом, прозря души в нем доблесть сокровенну,
Вручил ему свою державу многоценну
И дал во власть его тьмочисленный народ.
Поверит ли сему веков позднейших род:
190 Пришлец — и чуждых царств наследует кормила?
Толико-то в царях души любезна сила!

Сатурн был прозорлив, — несуетствен, благ;
В забавах не тонул, но им и не был враг;
Не возжигал войны, но не бежал Беллоны;
Хранил, в пример рабам, сам изданны законы;
Все радости свои в их счастье почерпал,
А счастье с нрава им невинностью сливал.
Внушая к суетным в них думам отвращенье,
К трудам он поселить старался в каждом рвенье.
200 О праздность! скуки мать, а чаще свар и бед!
В твой храм тогда еще не проложен был след!
И под беспечною еще твоею сенью
Не вымышляли зол вселенной к погубленью!
Не совещалися, как брата обмануть,
Чтоб к трону Плутуса кратчайший выбрать путь.
Всяк собственным трудом и собственной стопою
Искал себе стезей к довольству и покою,
И степень, данную в удел ему судьбой,
Сносил без ропота, не требуя чужой.

Тогда не мерили земель на десятины,
210 На паствах метами не своили скотины,
Не делали в своих владеньях рубежей,
К домам из лютых псов не брали сторожей,

Обильные сады не обносили рвами,
Хранилища казны не стерегли замками,
Затем что не свое всяк почитал чужим,
Свое же радостно делил всегда с другим.
Благая ли земля в минуты своенравны
Поглотит жито чье и плевые даст нежданны,
Всяк к полным закромам того своим ведет;
210 Одежды ль у кого прикрыть рамена нет,
Всяк лучшую тому дает свою хламиду.

Тогда не ведали несть жалоб за обиду,
Затем что никого никто не обижал
И буйны замыслы в себе сам подавлял.
Содружные четы, как чада меж собою,
Истока одного вспоенные водою,
Друг друга приучась с младенчества любить,
Один за одного готовы кровь пролить:
И радость чувствуя, и горести едины,
220 Блаженства своего в себе хранят причины,
В святом содружестве, в святой любви своей
Отраду черпая ненастных жизни дней;
Так целый сей народ, в любви живя взаимной,
Единою виной своей был жизни мирной.

Тогда не знали клятв, свидетелей, улик:
Всяк с сердцем соглашал и взор свой, и язык;
А сердце честностью и должностью правил.

Тогда убожества никто в порок не ставил,
Избытков временных не причитая в честь:
230 Всяк качеством души почтенье мог обрести.

Тогда супружество не тяжкими цепями,
Но благом числили, ниспосланным богами,
Гнуснейших из него не выводя торгов.

Тогда не страшен был и внешних меч врагов:
Где действуют равно и чувствуют содружно,
Там царств предупреждать падение не нужно:
Держава их крепка и трон неколебим.

О! вы, внимаючи незвучным песням сим!
Косненьем моего не препинаясь гласа,
240 Не пений сладостных двухолмого Парнаса,
Но истины словес ищите в них одной,
И естли благами вас век прельстит златой,
Прельститесь сих благ прозрачностью истока!
Да сердце отчуждя от гибельна порока,
Бессмертной доблестью украсим мы себя!
Да счастье праотцев нелестно возлюбя,
Их нравов мы простых наследим непорочность,
И с ней наследуем златого века прочность.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Блажен любящий труд смиренный селянин!
Страшась безвестного, из собственных долин
По крыльцам мраморным он зданий многовечных
Не бегаёт искать утех себе сердечных;
Не пресмыкается вкруг идолов златых,
Не бьёт о прах челом, как в храме лишь святых,
Не рыщет стогнами с простертою вдаль дланью,
Не мещет алчный взор к чужих богатств стяжанью,
Не ищет счастья на дне бурливых волн:
10 Оно всегда при нем, — доволен малым он.

Бегущи звезды в понт, гоня с небес рядами,
Едва румяная дочь Феина перстами,
Чертога солнца златых коснется врат,
И вязи сыпля роз, левкоев, амарант,
Дает востоку вдруг различные отливы,
Как он, вспрянув от сна, спешит уже на нивы.
Его сталь зёркальна, вращаясь по браздам,
Подобно острых скал гордящимся хребтам,
Иль на восток ключам, бьющим сквозь граниты,
20 Сретаёт первый луч, царем светил излитый:
То реет вспять его, то в нем сугубит свет,
То быстрых молний стрел даёт ему полет,
То Фебов нескольких вдруг лики представляет,
То пурпурным огнем, в пожаре как, пылаёт
И перлы росные влечёт в пути с листов.

Летят часы его быстрее всех часов!
 Уж солнце пламенно кидает луч с зенита;
 Бежит на землю пот с чела его открыта:
 30 О! сколь почтен сей пот в очах прямых людей!
 Не ярость буйственных влечет его страстей,
 Не роскошь, введшая во нравы развращенье,
 Не алчность золота, не к почестям стремленье;
 Но нужды, данные природою самой
 И умеряемы желанья простотой.

Настал трудами час трапезе посвященный.
 О! сластолюбия питомец расслабленный,
 От смерти крившийся и упреждавшей смерть!
 Желаешь ли двойный при здравье век иметь?
 В руках оратая хранится та наука.
 40 Смотри: здесь серый дым, искрящийся от тука,
 Не вьется у него из кухни вверх столбом;
 Из кубков не летит воздушна пыль с вином;
 Чугунны для него, как огонь разженны, плиты
 Не кипятят всяк час в похлебках яд сокрытый,
 И прихотей твоих не знает он затей!
 Но он и немощи не ведает твоей!
 Здоров, проворен, бодр, непразден день единой;
 По силам юноша, хоть старец он сединой.
 Вскормленных им самим телиц его удой,
 50 С наследных снятый нив хлеб собственной рукой
 Достаточны к его бывают насыщенью;
 Но естли некогда и чувства к услажденью
 Прозрачный, как янтарь, сотов он вкусит мед:
 «Колико, — мыслит он, — обилен мой обед!»—
 Труды рождают глад; а глад сластит все яства!
 Тот наслаждения не ведает приятства,
 Кто мало ожидал и скоро получил.

Когда же, ощутя усталость крепких сил,
 Дремотой чувствует он вежды отягченны;
 60 Тогда беспечности товарищ неизменный,
 Покой его души, тотчас смежает их.
 Не зная страшных грез, что в спальнях золотых

Толпáми носятся, вельмож для пробужденья,
Он спит без трепета, тревоги, подозренья.
Ему не нужен пух пафосских лебедей;
Нередко засыпал средь чистых он полей,
Главу под солнечным на плуг склонивши зноем:
Что снедь ему дает, то ж служит изголовьем.
70 Индейской ткани он не требует сквозной,
Чтоб, в ложе пропустя зефиров резвых рой,
Крылатых упредить доуки своевольны:
Он спит под песни их и шорох беспокойный.
Он спит, — но счастье, над ним простершись, бдит;
Приосенив собой, от бурь его хранит.

В сем дни его текут порядке безмятежном!
Как дева, в матернем живя надзоре нежном,
За пряслицей, в гульбáх, на сходбище подруг
Не видит, как мелькнул годичный целый круг,
И встретя первый снег, упавший на долину:
80 «Иль прошлый, — мыслит, — год был меньше
вполовину?» —

Так стада к югу птиц он усмотря полет:
«Ужели осень к нам, — мнит, — скоро так течет!» —
Но се, по раменам с струящимися власами,
С высокой грудию, с златыми очесами,
И класы распустя косматы по лицу,
Течет с богатствами к его она крыльцу.
С ней юношей толпа бежит в веселье шумном,
За нею кошницы, несомые Вертумном,
Приятный в воздухе льют запах от плодов.
90 С ней Тьмола нежного с сосудами сотов
При криках радостных сопровождают дети.
Пред нею скачетъ Вакх, влача хмелины плети,
В которых спутавшись с трудом идет Силен,
И Пан вторичное несет руно овен.
Кто погребы его, кто закром наполняет,
Кто стол обильною трапезой уставляет;
Но вкупе радость все в его приносят дом:
Нам мнится то вдвойне, что снискано трудом!

100 Как предводитель войск, победами надменный,
На время положи меч, кровью упоенный,
Объемля добычей несметное число,
Орудие ему которы принесло,
И войско, снесшее и брань, и переходы,
В ряды расстановя, считает их на взводы;
То бегают по ним, то окликают их,
То требует коней, то всадников одних,
И видя, что урон добыча превышает:
«Мой труд вознагражден!» — надменно восклицает.
110 Так земледелец сей, восторгом полня грудь,
Кладя на время плуг и косу отдохнуть,
Считает радостно хлеб, сложенный скирдами,
И пробежав его блестящими рядами:
«Сугубо, — говорит, — вознагражден труд мой!» —
Но в сем-то лишь они и сходны меж собой!
Как с ночью разны день, так сердца их движенья:
Тот ищет беспокойств, — сей ищет наслажденья.

Блажен законов страж, творящий правый суд!
Кого ни кровные, ни злато не препнут!
120 Кто права общего поставлен быть главою,
Как твердая стена, щитит его собою!
Кто чужд пристрастия, средь гроз неколебим;
Кем немощный всегда от мощного храним!
Тяжел на раменах ярем его лежащий!
Как в баснях небеса Атлант плечьми держащий
Подъемлет тяготы всех более богов;
Так смертных превзошел он тягостью трудов,
Подъемлючи сосуд и мзды и наказанья.
Как тот, наскуча быть подпорой мирозданья
И мысля от трудов на миг почить един,
130 Мгновенно б испроверг природы стройной чин:
И солнце, и земля, и спутники планетны,
И ясных в небе звезд созвездия несчетны, —
Все б с треском рушились, друг друга истребя;
Так он, бездействуя, покой свой возлюбя
И чаши у весов на миг оставя праздны,
К народу бедства бы привлек разнообразны.

Нет лишних у него, ни собственных минут:
Не для него оне — для сограждán текут!
И даже самого он сна всемогущей власти
140 Не смеет уступить четвертой века части.
Он с боем часовым на мысль не приведет,
Что в зрелище идти его товарищ ждет,
Что в пышную его вельможа звал беседу,
Что первым приглашен банкиром он к обеду,
Что за город гулять дал слово он друзьям,
Что дружба, что любовь, что вся природа там
Готовят чувствам их роскошны наслажденья;
Ему не до того — сам ждет он посещения!
Уж зрит под сень свою молителей он сбор,
150 Рыданье гладных чад, пониклый сирых взор,
Невинность, страждущу от буйной власти мощных,
Обиженных вдовиц, напасти беспомощных,
И движим жалостью, он в миг же хочет сей
Отнять у кровопийц их жертвы из когтей.
Вот зрелища его, беседы и гульбища!
День каждый внемлет он стесненна, сира, нища.
Тяжел безмерно сей для смертного ярем!
Но сладко счастье, хранищееся в нем!
Без примеси оно земной забавы брэнной, —
160 Небесных радостей есть образ несомненной.

Нередко острый меч блестит в его руке,
И сердце оцута в мучительной тоске,
Он втайне слезы льет над строгим приговором,
Но, буйности следы окинув зорким взором,
Он сердцу замолчать пред истиной велит.
«Ты жало змия стер! — к нему она гласит. —
Ты спас меня! — гласит, — невинность притесненна,
Без помощи твоей я гибла пораженна.
Уж с голодом в жилы мне втек люгый смерти хлад,
170 Уж юных я своих, томяся, зрела чад
Под вретисцем, в пыли, с запекшимись устами,
И на распутиях презренных богачами.
Всё алчный у меня похитил мой сосед! —
Тот дом, где первый я узрела солнца свет,

Та пажить, что отец оставил мне в наследье,
Достались лютоги врагов моих в возмездье!
Но ты, снисшед ко мне, свел ясные мне дни —
И дети все мои в домашней спят тени. —

180 Без помощи твоей, увы! я пала б ныне,
Как гибкий, юный вяз, подсеченный в долине,
И кровию б земля насытилась моею!
Уже секирою блеснул ко мне злодей;
Но ты воззрел — и в миг убийцы онемели! —

Без помощи твоей проклятия б гремели
Над гробом, кроющим отверженный мой прах,
И имя бы мое потомству было в страх,
А кровным всем в позор и брань между собою.
Уже под черною я крылась клеветою;
190 Но руку ты простер, и спала клевета:
Бесславию, презор забылись, как мечта:
Ты их с меня совлек, жезлом твоим касаясь!
Как волны, об оплот незапно ударяясь,
Ярятся, пенятся, но вспять бегут с стыдом;
Так козни, пред твоим рассыпавшись судом,
Бегут, — где лютая глотает их геенна!» —
Так вопиет к нему невинность, им спасенна! —
И чистых радостей пресытятся, он от ней
Парит в лик ангелов восторженной душой.

200 Блажен монарх, как чад, рабов своих любящий,
О доблести их дел и благе купно бдящий!
Горячности к нему их опыты одни,
Их в бранях мужество, их кротость в мирны дни,
Во нравах чистота, законам подчиненье,
Держав соседственных невольню к ним почтенье,
Возделанных полей цветущий всюду вид,
Участок каждого, изъятый от обид,
Недремлющи его заботы награждают,
И тяжесть на главе короны облегчают.
Он зрит в землях своих быстрейший ход наук;
210 Зрит подданных ему изделия он рук

На торжищах, в домах, зыбями преносимых.
Изникши грады зрит пространств необозримых.
Повсюду зодчества, чарующие взор;
Везде полезного с приятным явный спор.
Там воды бьют столпом и, слуху льстя вперенну,
В разженном воздухе прохладу льют целебну.
Там спелым гроздием манят к себе сады.
Машины дивны там вершат людей труды.
Там реки, на путях взяв новое течение,
220 Промышленность несут, торговли в приращенье.
Мятежны волны там, окованны в брегах,
Не смеют, вырвавшись, носить по стогнам страх.
Там каждое гласит прозрачное устройство:
«Блажен народное стрегущий царь спокойство!» —

Возмнит ли он свои владения обтечь,
Повсюду радостных внимает клики встреч!
Се дети нежные отца чадолюбива
Во сретенье бегут свиданья с ним счастлива:
Теснятся, мечутся, коснят друг другу ход.
230 Им день разлуки с ним есть скучный, долгий год.
Как нежной горлицы птенцы неоперенны,
Продленным быв ея отсутствием смятенны,
Вдруг видят милых крыл маханье над собой,
И, с радости начать не зная что, таковой
Несвязный, громкий крик по воздуху пускают;
Так веси кликами в восторге оглашают
Пирующи приход благого из царей.
Как волны синие, вдруг хлынув из морей,
Неволью правяся гонящим их стремленьем,
240 На низкий вместе брег все мечутся с смятеньем,
И токов тысящи в едино ложе слив,
Пространный из себя все делают залив;
Так жители градов, и кущ, и сел несметных,
Притекшие в толпах, очами необметных,
Единой вокруг его сливаются толпой.
«Хотим, — гласят к нему, — узреть все образ твой!
Улыбки уст твоих, не дара мы алкая,
Одежды твоя хотим коснуться края:

Да в славу некую нам сей вменится час!
250 Да чада наших чад, кругом восседши нас,
Из наших примут уст торжественны преданья,
Как мы лицом к лицу, без страж и препинанья,
Любовь свою к тебе осмелились явить,
Как ты почтил ее улыбкой наградить». —
Объемлют тут его колена и десницу;
Лобзают ткань одежд, и даже колесницу,
Котора принесла монарха в их предел.
Почто Омира дар не послан мне в удел!
Почто в Овидия слог быстрый, животворный
270 Облечь я не могу глагол мой непокорный,
И в красках столь его естественных, живых
Героев не могу представить я моих!
Колико сладостей в царей премудрых доле!
Где радость под луной их радости есть боле!

Но менее ли той блаженна в мире часть,
Которая делит со страждущим напасть!
Болящим кто бальзам на раны изливает;
Кто длань невидиму со трона простирает
280 В убоги хижины, сквозь мрак, сквозь дым и смрад,
В них жаждущих поит и утоляет глад!
Кто с добродетелью, как со вредом, таится;
Везде творит добро — сама никем не зрится;
Подобясь божеству, сокрытою рукой
Незапны среди бедств кто блага льет рекой!
Блажу в безмолвии твой лик я невидимый!
Да Тот, кем будут раб и царь равно судимы,
Устелет розами путь жизни твоя,
И терны острые отклонит от нея.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Колико губельно стремленье буйной воли
К тому, что мощный рок изъял из нашей доли,
Иль гневно отнял вновь, пославши нам в удел!
Вотще упорный мнит препнуть судьбы предел:
Бунтует, злобствует, лъстясь зреть ее попруну, —
Он в сердце тем себе стократ сугубит рану.
Вотще вступает он с землей и небом в брань!
Сотрется рог его и изнеможет длань.
Мудрец, назло судьбе, в мечтаниях упорных
10 Не соплетаёт дум, к событию неудобных.
Пристрастий суетных страшась он, как вериг, —
То подавляет их, то в первый гонит миг,
Одно пристрастье тем всечасно насыщая,
Стяжать спокойствия сокровища благая.
Не так безумец мнит, — он раб мечты своей:
Он зрит весь яд ея, — и гибнуть рад для ней.

Не менее бежит душевна тот покоя,
Кто, блага все себе мечтанием присвоя,
Упитья всеми вдруг в единый мыслит час.
20 Алкая многих благ, мы гоним все от нас!
Желанья каждого поспешно исполненье
К желанью новому родит в нас побужденье,
И усыпляемых воздержностью одной
Мятежных всех страстей боренье меж собой.

Полезно ль юноше, развратом расслабленну,
Что времени его, от праздности продленну,

30   Средь шума, суеты, ход быстрый он дает,
           И, часа не живя, во мрачный гроб сойдет?
           Достаточны ль ему минутны те забавы,
           С примесом желчныя несытости отравы
           За скорби жизни сей в размерности воздать?
           Увы! враг собственных он радостей и тать!
           Как чадо хладных стран, льдом круглы крытых годы,
           Зрит, к югу пресеясь, волшебный блеск природы;
           Зрит чуждое ему обилие садов,
           И сладостью прельстясь различных вдруг плодов,
           Всех купно соки их в сосуд смешав единый,
           Возмнил, его б испив, вкусить приятства дивны; —
           Возмнил бы, — но нашел невежества обман;
 40   Так он, забавами безумно обуян,
           Вотще ждет сладостных для сердца восхищений:
           Оно томится в нем и мрет от пресыщений.

          Так некто в древности фортуны из сынов,
           Погрызши средь ея бесчисленных даров,
           Во цвете сил своих стал гаснуть очевидно.
           Ни областей его владенье безобидно,
           Ни блеск сокровищей, ни лесь несчетных слуг
           Сей дивный не могли уврачевать недуг.
           Он немощи изъят — но весь изнемогает;
 50   На пиршествах молчит, от брашен убегает;
           Томится в здравии, — вздыхает средь утех.
           Мерк блеск очей его, от уст скрывался смех,
           Увянул цвет ланит, грудь пламенна остыла,
           И жизнь безбедственна соделалась постыла.
           Супруга, кровные, невинны ласки чад,
           Сугубя в нем тоску, льют новый в душу хлад.
           «О смерть! — взывает он, — исхить меня из света!
           Для сердца без надежд, — для жизни без предмета,
           Как узник я томлюсь под тяжестью оков!
 60   Как серна робкая дрожит от лая псов,
           Так с каждым трепещу я нова дня явленьем!» —
           Но смерть, не трогаясь ни плачем, ни моленьем,
           По воле Вышнего чредой идет своей.
           Волхвов прибегши тут к искусству и врачей,

Он скорбну жизнь свою со златом им вверяет,
Которо лихвою целенья обещает.

- Текут несчетны дни, — бежит за годом год;
Изведен каждый злак, целенья каждый род;
Болящий всё болит, томится, изнывает.
- 70 Незапно новый волхв с востока притекает,
И слава дел его предшествует пред ним.
«Ты будешь, — он сказал страдальцу, — исцелим,
Когда, покорствуя моей беспорно воле,
Уклонишься один в мое со мною поле,
Где станешь труд нести со мною заодно.
Под чуждым небом мне сил в чарах не дано.
Шесть крат рога луны к востоку обратятся,
В седмый души твоей недуги исцелятся.
За истину словес ответствую главой.
- 80 Да родшие тебя, отмщая надо мной,
Наследственный мой дом до сама рушат прага;
Чад в рабство заточат, отца оставят нага,
На нежну грудь жены возложат тяжку цепь
И в гроб мне обратят обширну, чужду степь». —
Изрек, — все слышавши боляща окружают,
Бестрепетно волхву предаться увещают.
Надежд исполнясь, он сопутствует врачу.
Подобно Фебову осеннему лучу,
Блеснувшу сквозь туман и в мрак сокрывшусь новый,
- 90 Улыбкою блеснув, уста его суровы
Сомкнулись скорбью вновь, — вновь мрачен он, уныл.

Прибыв под сень свою, волхв к чарам приступил.
Едва приход зари начнут гласить пернаты,
Боляща очертя вседневно он трикраты
И трав таинственных росую напоя,
Иль с плугом, иль с косою трудиться шлет в поля.
Потом в полдневный зной ведет его к жилищу,
Где сельскую пред ним становит легку пищу.

- Еще четырежды рога взошли луны;
100 Но, мыслью пресеаясь в отечески страны,

Болящий к своему простер семейству руки,
И впервые ощутил всю цену с ним разлуки.
«Дай, — молит он врача, — мне чад моих обнять!
С супругой слово мне едино дай сказать;
Родителей узреть в уныньи их глубоко». —
Но волхв упорствует, не упреждая сроком.
Пождем еще, — он мнит, — невдалеке успех!
Да цену сведает лишением он утех.
Кто к ближним не остыл, к ним чувствует влечение,
110 Тот сердцем здоров, тому и жизнь не в удрученье.

Меж тем, о дивная восточных сила чар!
Болящий вновь обрел бесценный здравья дар.
Согрелась грудь его, исчезла уст свирепость,
Взыграл во взорах огонь, влилась во члены крепость;
Познал он мирный сон, без бед престал вздыхать;
Как роза майская стал снова расцветать.
В семействе мнит своем не скукой быть томленный,
Но щедро бы воздал, за час с ним проведенный;
От брашен не бежит, не злобствует на свет,
120 И сам в премене сей себя не узнает.

Едва желанный час к его настал возврату,
Врачу он принеся условленную плату,
Упал к его ногам, признательности полн.
«Сверши свой дар благий! — к нему взывает он. —
Поведай, в чем твое таится чарованье?» —
«Умеренность забав, труды и воздержанье —
Вот чары все мои, — на просьбу волхв изрек. —
Не парка терны в наш впрядает краткий век!
Мы сами для себя с обилием их сеем:
130 Спокойствия бежим, о здравье не радеем.
Ты к счастью рожден, но счастлив не был миг:
Средь нужд и нищеты я счастья достиг.
Под игом роскоши ты пал, собой повержен:
К забавам бережлив, от неги я воздержен.
Унылой праздностью ты скучны длишь часы:
Трудами крылья им даю я и красы.
Ты стонешь среди бедств: мне совесть в них отрада,
В нас сила, немощи суть воли нашей чада».

Блажен стократно тот, кто навик мог стяжать
140 Кипучих власть страстей над сердцем умерять!
Порывов жизни кто мог уклонясь мятежных,
Средь воя страшных бурь, средь громов неизбежных,
Смирненное себе убежище обрести,
Где алчность золота, коварство, злоба, месть
Стезей не ведают к его душе спокойной.
В союзе с совестью, собой и всем довольный,
Прилива не страшась житейских ярых волн,
Улыбку светлую где счастья видит он.
Где суетность глупцов, завистливых наветы,
150 Яд сильного врага, льстецов зловредны меты,
Веселию к нему не возбраняют вход,
Где чистых нравов он вкушает сладкий плод.

Доволен тем, что есть, — чужого не желая,
Не обтекает он вселенной в край из края,
Чтоб дивные собрать стран чуждых новизны.
Ни снежной мрамора паросска белизны,
Ни вечной прочности гранита искрометна,
Ни хрупких чаш драгих фарфора разноцветна
Для замков он своих не силится скупить:
160 Всё пользой он обык, не прихотью ценить.
Покойный, светлый дом, опрятность в нем уборов,
Сосуды, нужные к потребе, не для взоров,
Устройство всех вещей, порядок, чистота:
Вот прихотей, — он мнит, — едина красота!

Он вкусам общества не рабствует переменным:
Страшится в собственном своем быть доме пленным.
Там окна делает, там ложе ставит,
Там лестницу, там стол, там дверь рубить велит,
Хозяйственные где потребуют их нужды:
170 Удобрства ищет он, — не вкусы тешить чужды.

Под окнами его тенистый сад шумит:
Он сам его сажал и сам его растит.
Едва восточный Феб, вспрыгнув златой главою,
С блистательных власов посыплет свет струёю,

И хор порхающих почтит зари приход,
 С семейством тут своим, возросшим средь работ,
 В возлюбленный сей сад стопы он направляет.
 То кору черствую с деревьев очищает;
 То мази делает и раны их целит;
 180 То сук болящий он от здорового делит.
 Иль гнезды на листьях зловредных вида гадов,
 Вьет вокруг их черный дым из едких разных смрадов.
 Бесплодными ль найдет которы из древес —
 Тогда он, лозы их склоня под перевес,
 Теченье соков тем взять нудит на свободе,
 И помощь подает ослабнувшей природе.
 Здесь с заступом в руке, — там с острою пилой;
 Здесь кладезь рыть велит; — текущей там водой
 Искусственный ручей средь злаков извивает,
 190 И дол болотистый от влаги осушает;
 Здесь тук дает земле, — там месит с ней песок:
 По нуждам почвы он сушит иль множит сок.

Как Флора быстрая трудом неутомима,
 С сосудом то воды, то с кошницею зрима;
 Везде присутствует, лелеет всё, живит,
 Дает смеющийся и дикой степи вид;
 Так дщери юные его неутомимы:
 То сеют им цветы и деревья любимы,
 То пушат землю, их питающе собой,
 200 То орошают сад прохладною водой,
 То гряды овощей с вниманьем обтекают,
 И былие из них зловредно исторгают.
 Забыв незрелость лет, все с ним оне в трудах:
 Их пляски он делит, забыв о седилах.

Как в бурю охраним щитом дубравы злачной,
 Не пенит, — не шумит: всегда струей прозрачной
 Спокойно, с кротостью течет в берегах ручей;
 Так нежная их мать, его подруга дней,
 На должности свои не сетуя обширны,
 210 Им охраняясь, ведет дни светлы, мирны.
 Ея вседневна цель: во нравах кроткой быть;
 Наклонности: союз в семействе водворить.

Упреками она за мнимы недостатки
Не станет отравлять покой супруга сладкий.
Роскошна гордецов желания в ней нет,
Чтоб вполу скраденный с высот лампада свет
По образу луны к ногам ея бросала;
Чтоб снизками из перл, алмазов иль коралла
Возвысилась ея природна белизна;
220 Чтоб прелести свои мгновенно все она
Узрела в зеркале, во всю стоящем стену;
Чтоб тканям Турции и Персии в замену
Брюксельски, аглински явились кружева;
Чтоб в сводах длинных зал терялися слова.
Не к комнатным она убранствам пламенея,
Оковы на себя взложила Гименея!
Не перлы, не хрусталь, не ткани, не фарфор,
Но обращенный к ней супруга нежный взор
В ней сердце трепетать восторгом заставляет,
230 И к роскоши любовь из мыслей изгоняет.
Всё, — всё он помрачил ценой своей руки!
И слава, и чины, и злата рудники,
И (думать так дерзну) короны даже царски
Скудней в ея глазах его малейшей ласки.

Не попирая роз, расцветших из шелков,
Средь зыблющихся он их любит зреть кустов.
В полях его есть луг, весь дерном покровенный
И сребровидных струй потоком орошенный:
240 Там око манится красой древесных куп.
Там стройная сосна, величественный дуб,
И липа, в воздухе лиюща ароматы,
И гладки тополы, и ельники косматы
Природы дивною размещены рукой.
Тот смотрится в струи, нагнувшись над водой;
Тот с дланей на траву кидает тень пространну;
Тот гибку ветвь свою, с соседом сочетанну,
Вкруг выи у него приязненно обвил;
Кичась собою, сей, один, без чуждых сил,
Прям, строен, величав, стоит отвсюду зримый
250 И режет облака, Бореем наносимы.

Сюда-то ходит он, на сей роскошный луг,
 Роскошествовать и сам в часы своих досуг.
 На сем-то берегу, красой своей богатом,
 Он тихим солнечным любит закатом.
 Воссев на мягкий дерн с супругой, среди чад
 В един питает миг и сердце он и взгляд.
 Здесь мчит ему Зефир вечерни ароматы,
 Порхают с песнями игривые пернаты,
 И рыбы, гóлоса лишены красоты,
 260 Среброчешуйчаты подъяв из волн хребты,
 В восторгах плещутся без завидости к пенью:
 Всё дышет роскошью и манит к наслажденью.

Но что сковало взор и слух его собой?
 Малюток чад своих увлекся он игрой.
 (В нас громче сердца глас среди сельския свободы!
 Сквозь стены градские коснят стопы природы.)
 Вот носится один за быстрым мотыльком:
 Застиг его — поймал — облек вокруг платком,
 Кричит: «Ты пленник мой!» — но он исчез от взора.
 270 Другой из ландышей и мелкого чебора
 Родителям своим пучки готовит в дар;
 А те, построясь на несколько вдруг пар,
 Незрелые свои изведывают силы.
 О, сколь для рождших нас и игры наши милы!

Сюда, — на сей же луг, — в час общей тишины
 Идет безмолствовать при свете он луны.
 Он смотрит, как, прейдя лазурны неба своды
 И взоры обратя на трепетные воды,
 Царица ночи в них свой полный кажет лик.
 280 Он слышит, как, в траве чиликая, травник
 В журчаньи тихих струй свой слабый глас теряет,
 Как общий топот их с прерывом заглушает
 Таящийся в лесах трелистый соловей.
 Он видит бледный свет блуждающих огней,
 Рассыпанну росу, трепещущу с листьями,
 И светлых червячков, блестящих меж кустами.
 «Сколь кротко всё!» — он мнит; но вдруг кипит река;
 Свод чистый облегли шумящи облака;

Нет более луны, ложатся всюду мраки:
290 Едина молния, в черты вьясь двояки,
Его переменчивый осиявает след.
Гремит раскатный гром... «Мой разум познает
Глас Бога моего! — он мыслит, умиленный. —
Блажу судьбы твои непостижимы, темны!
Блажу всемогущую денницу я Твою,
Воззвавшую меня от праха к бытию».

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Блажен, кто, естества завесу вскрыв священну,
Проникнул дел его пружину сокровенну
И с ним беседует, от шума уклонясь!
Блажен, кто, с лирою соединяя глас,
Поет величие Небесныя державы,
Поет земных царей, геройство, честны нравы,
В награду льстясь обреть веселый взор друзей:
Неведом в свете он, но чтим в семье своей!

10 Тебя ль, взлелеянный во храме Эрианы*,
Природою себе в совместники избранный,
Честь, слава городов! тебя ль забуду я?
Тебя ль не воспоет поклонница твоя?
Ты прост в душе своей, — но хитр воображеньем;
Мал светской степенью, — велик ума пареньем;
Ты в чувствах рóскошен, — но с негой не знаком:
Трезв, тих, трудолюбив, к согласию влеком,
Златого века жизнь являешь мне собою.
Природы шествуя стезей всегда прямою,
Ты нужды с ней свои умеешь соглашать.
20 Привычка ей во всем изящном подражать
Очистила твой вкус и сердце умягчила.
Не действует в тебе корысти мощной сила:

* Греки и римляне поклонялись Минерве в различных обстоятельствах, и соображаясь с различными ея свойствами, придавали ей для каждого свойства особенное имя. В Палладе почитали они Минерву — покровительницу военных действий; в Эриане — покровительницу художеств.

Искусством перст своих ты в бедности богат.
Несметных золота не примешь ты громад
За дар художества, тобой толико чтимый.
Приветствую тебя, Минервы сын любимый!
Приветствую, — и чту завидным жребий твой!
Нет времени тебе гоняться за мечтой,
Иль, пламенник вражды тряся в руках свирепый,
30 Расторгнуть мятежей спасительны заклепы:
Твой разум творческий к иным трудам парит.
Пусть сладким чтит покой роскошный сибарит; —
Он знает только сна и пресыщенья цену!
Ты искру Божества, в душе твоей зажженну,
Постыдной леностью страшишься угасить.
Ни сердцу радостей не можешь находить
Средь грубых ты забав невежественной черни,
Быв свыше чувством их, ни с нижней ты ступени
На верхнюю прейти не напрягаешь сил:
40 Тебе смиренный твой, безвестный жребий мил.
Не мысля покупать себе пронырством чина,
«Доволен, — говоришь, — я званьем гражданина!
Кто степень свыше мог заслуг себе стяжать,
Сокровищ чуждых тот презренный всеми тать.
Незаслужённый чин, украденно сужденье,
Заемна красота блестят одно мгновенье.
Всё внешнее — не мы! и светлая луна
Мрачится, солнца быв лучей удалена!
Достоинство заслуг вельможей возвышает;
50 Но купленная честь в позор их облакает:
Едины подвиги нас к знатности ведут;
А к счастью — кроткий дух, мир совести и труд!»

Так, добрый гражданин! прейдут хищенны чести,
Погибнут имена в истлевшей хищных персти:
Но звучная молва, носяся по градам,
Позднейшим передаст с хвалой тебя векам.
Потомство — судия заслугам беспристрастный!
Его не увлекут собратий виды частны:
Единый дар оно в художнике ценит.
60 Ты смерть переживешь и будешь знаменит!

Пусть точат желчный яд завистники шипучи:
 Орлу не страшен змий — делит он горни тучи.
 Падут завистники от собственных их жал:
 Тебя в потомстве ждет плеск громких, лестных хвал.
 Мужайся! не скорби от хлада современных!
 Летая в вымыслах, изящным воскрыленных,
 Сугубо ты души восторгом награжден!
 От неба токмо тот к искусству вдохновен,
 Кого не устрашат ни трудность, ни преграды;
 70 В успехе за успех сретает кто награды,
 По торжищам свой дар за лихву не возя;
 Едина метою кем избранна стезя;
 Кто дар стяжав к резцу, палитры не желает,
 И в славу ведать всё безумно не вменяет.

Глупец всего вдруг ждет от силы своея:
 Он воин, он пиит, он химик, он судья, —
 Художник, астроном, плясун и систематик;
 Он всё, — но он, увы! блуждающий лунатик:
 Без страха шествует, — без страха и падет.

80 Излишне на себя надеянье во вред!
 Сей шут стал чрез него, а тот снизшел в могилу.

Так в Риме, положась на мышц крепчайших силу,
 Привыкши в поприщах венцы побед срывать,
 Милон, перстами дуб ласкаясь разодрать,
 Принес на жертву жизнь любви ко мнимой славе.
 По дикой некогда гуляя он дубраве,
 Чуть видимый расщел в столетнем дубе зрит,
 Напрягши крепость мышц, Милон к нему летит,
 И руки в язвину влагая жиловаты,
 90 Как отрок класы рвет, на пажитях пожаты,
 Мнит древо разделить от корня до вершин.
 Как в тонких нитей сеть надменный исполин
 Детьми опутанный, ничем непредваримо,
 Смутясь незапностью, миг пребыл недвижимо;
 Но броса взоры вокруг, сменил улыбкой страх,
 И мрежи сотряхнул спокойно, будто прах;

Так дуб, усилиям атлета уступая,
И дерзкого рукам ход к сердцу дозволяя,
Сжал с ними язвину и стал неколебим.

100 Где кисть, покорная желаниям моим!
Кто краски мне подаст нелживы и ужасны,
Да муки, вопли, стон и жалобы напрасны
Милона изложу, уловленна собой!

Два дни в очах его махая смерть косою,
Лила свой в жилы хлад и жизнь для мук держала,
Два дни борьбу его дубрава оглашала,
И скалы вторили замолкший дебрей рев.
Вотще то молит он, то изрыгает гнев:
Никто несчастному не подает отрады!
110 Вкруг стоп его и чресл виясь, несыты гады
Сосут из сердца кровь и множат лютость мук.
И гады, жажда, глад; и боль увязших рук,
И враны, грудь его терзаючи, нахальны,
И трепет новых зол, по жилам разлианный,
Страдальца наконец повергли в вечный мрак.

Так кончил жизнь Милон, иль мог он кончить так!

О! красноречие, щедроты дар небесный!
Удел неблещущий, смиренный, безызвестный;
Но сладостный душе, к тебе взываю я!
120 Как тощий рой, спустясь в бесплодные поля,
Алкает встретить луг, цветами испещренный;
Так дух мой, в немоте языка истощенный,
Алкает встретиться с тобой, дитя небес!
Втеки в мой слабый глас, — дай точность мне словес:
Хочу забавы петь я некоей царицы.

А ты, что взорами объемлешь все столицы,
Без траты что горя льешь, не скудея, свет,
Младое образом и ветхое от лет,
Которо, шествуя из края в край вселенны,
130 Читаешь смертных все деянья сокровенны;

Почто ты суждено быть, солнце, без устен!
 Восстав над сонмами грядущих ты племен,
 Почто забав ея поведать им бессильно!
 Сугубой пользою ты было бы обильно,
 Из рода в род глася деяния благих:
 Мы зрим их часть, — ты все осияваешь их.
 Но нет! малейшие не снидут в мрак забвенны, —
 Все пишутся они Правителем вселенны!

Куда мой смелый дух парит, восторга полн!
 140 К властителям, к царям, к земным богам на трон,
 Певица робкая — и дерзки мечет взоры!
 Тебе ль, пустынные привыкшей видеть горы,
 Тебе ль сей вынести блеск!.. страшися слепоты!
 Нет, стой бестрепетно! средь хижин будешь ты:
 Сама царица в них сведет тебя с собою.

Велики мощию и мощные душою
 На время любят их величие слагать,
 И в кущи мрачные сокрытно проникать.
 Там, сведав взорами народные напасти,
 150 Законы дремлющи, властей зловредны страсти,
 Державну длань они к правлению крепят:
 Для смертных низяся, — к бессмертию парят.
 Кто свой стережет престол, сидя на нем бессходно,
 Тому неведомо злосчастье народно!
 Как майский ясный день, красив царей чертог:
 В нем рог обилия лежит простерт у ног;
 Мастики издают куренья благовонны,
 И Плутус преклонил колена непокорны.
 Подпоры трона там всяк час пресыщены —
 160 Ни с гладом не ведут, ни с мразами войны.
 Эвтерпа, струнами гремя клавир согласных,
 Глушит робеючи вздыхания несчастных;
 А смелые льстецы (где льстец не проползет?)
 Твердят всегда царю в коварственный привет:
 «Их нет у нас во всей державе благодатной!» —

Ты, солнце! ты одно свидетель многократной,
 Как трон был для забав царицы празден сей!

Пою не все, — им счет: годичных числа дней.
Но в чем оне?.. но где?.. но как вкушались ею?
170 Будь, сердце пламенно, цевницею моею, —
Хочу поведать их: да внемлет мне весь мир!

Во граде некоем уготовлялся пир
В честь князя юного, в честь отрока прелестна,
Что лепотой лица, с красой души совместна,
Подобен ангелам, стрегущим рая вход.
Отвсюду радостный тек сонмами народ,
Везде торжественны блистали украшенья,
И князю пышные неслися приношенья.
Царица той страны, мать отрока сего,
180 Несла дары ему по склонностям его:
Она читала их, как будто сквозь кристалла;
Сама все свойства в нем садила и возвращала:
Утехам ли его не ведать ей причин?
На пажитях своих, средь жатвы и долин,
Дает веление соорудить многи дома,
Скупить сокровища, Церерою несомы,
Сосуды, кошницы, домашний нужный скот,
И всё изъемлюще в хозяйстве от забот.

Возникла светла весь под острою секирой.
190 Как баснословные Девкалион вдруг с Пиррой,
Бесплодные кремни бросая за хребты,
Зрят их, смененных в чад умильной красоты;
Так взор царицы сей, за словом обращенный,
Зрит чистые поля, вдруг стогнами смененны,
Зрит паства, житницы и сельску миру сень.

Настал торжественный, толико жданный день.
Не ткани хитрые ума замысловата,
Не дань художества, не дивны слитки злата
В дар князю юному монархиня несет:
200 С десницей праздною к нему она идет!
Воссев в блестящей с ним сапфиром колеснице,
В весь править новую дает приказ вознице,
И слитков краше дар в ней чаает зреть златых.
Став в сонме сирых там, убогих, немощных,

Увечных, старцев, чад, вдовиц и угнетенных,
 Ея велением отвсяду приглашенных,
 Прибегших, как стада на звонкий глас рогов:
 «Вот, дети! — говорит, — вам снедь, одежда, кров;
 Вот дома, пажити: владейте самовластно.
 210 Да каждого из вас в нашествие ненастно
 Надежна сень своя от бурь и гроз щитит.
 Владейте, дети, всем... но кротко, без обид!
 Храните Божий страх в сердцах, его достойных.
 Живя между собой, как дом единокровных,
 Несите заодно друг друга тяготы!» —
 Там, к князю обратясь, рекла ему: «А ты,
 О юноша! учись напасти знать народа!
 Стезя к любви его нам благодать, не порода.
 Се дар, что нежна мать в сей день тебе блюла!
 220 Блаженна, коль твое им сердце потрясла!
 Что золото хладное?.. что перлы молчаливы?
 Слеза, упавшая в восторг души счастливый,
 Ценнее крупных перл и пурпурных хламид!
 Да блеска дворского влекущий, светлый вид,
 Мой сын! очей твоих не отвратит от скорбных!
 Да с мягких лет своих, невинных и незлобных,
 Познаешь сладость ты деяний благих!
 Да средь обилия даров всегда земных
 Ты станешь вспоминать убогих недостатки,
 230 Им в жертву принесешь пиров утехи кратки». —

Как бездыханные, недвижимы, без слов
 Владельцы новые вновь строенных домов
 Стоят, незапностью восторга пораженны;
 Но токи сладких слез, щедротой извлеченны,
 Обрато наконец им дали слова дар,
 И в кликах излился признательности жар.
 Воздевши к Небесам трепещущие длани,
 Мольбы, — единые, по скудным силам дани,
 Мольбы за нежную их мать к Творцу несут.
 240 «Простри, — в единый глас на Небо вопиют, —
 О Царь царей! руки Твоей благословенье
 На ней, на чад ея, на дальне поколенья!

За благо благом ей сторицею воздай:
Да горний и земный в награду вкусит рай!
Не дай сим пламенным слезам упасть бесплодно,
И счастье к ней пролей за счастье народно». —

Монархиня, деля восторги чад своих,
За уготованну ведет трапезу их:
Сажает, чувствует, как братий угощает;
250 Вкушая с ними снедь, их счастье вкушает.

Так празднован был пир, краснейший из пиров.
Се торжество, земных достойное богов!

Неопытная муза

Часть вторая

ПЕСНЬ СВОБОДЕ,
ПИСАННАЯ К Н. Н. ПО СЛУЧАЮ
ДАННОГО ИМ НА СЯЕ ПОВОДА

Оплот противу злых гонений;
Страж мира, здравия, забав;
Вождь к славе, мать изобретений!
Молю, к стопам твоим припав,
Да детской песни лепетанья
В вину певиче не вменишь,
И слуха ты не отвратишь
От лирного ея бряцанья!
Не чтить мню доблесть тем твою:
10 Себе в отраду я пою.

Тебя, о дар небес, свобода!
Мой тихий глас не вознесет;
Твой гимн, — спокойствие народа,
Который длань твоя блюдет.
Орлица как неоперенных
Птенцов лелеет под крылом,
Так, сладким усыпляя сном,
Твоею сенью осененных
Хранишь, благая! чад своих,
20 Готова радости для них.

Не стены, тканями убранны,
Не золотом кованный наряд,
Не чаши, дивно изваянны,
Не мраморных героев ряд,
Не гласы мусикийски стройны,
Не грань заморских хрусталей,

Не блески голубых огней,
Не вод падения невольны ‘
Творят спокойствие людей:
30 Оно есть дар руки твоей!

К тебе приникнувши беспечно,
Убогий, окончав труды,
Со днем прешедшим скоротечно
Забыв и нужды и беды,
Спит крепко, сладко на соломе;
Он не смущается мечтой,
Что вдруг прервут его покой;
Нет стражи на дворе, ни в доме,
Но нет равно в них и властей:
40 Сам власть он в хижине своей.

Ни волжских, ни донских, ни днепрских
К нему на стол не ставят рыб,
Ни пряных вин токайских, рейнских,
Ни сахарных замерзлых глыб:
Укруг простого, черна хлеба,
Стяжанный за свои труды,
Кувшин соседственной воды,
Дар щедрого к убогим Неба,
Суть брашна дня ему всего;
50 Но он тем сыт, — они его.

Он к ним течет, когда алкает,
И глад их сладкими творит;
Он бодрствует, когда желает;
Склонясь ко сну, спокойно спит.
Верша работы без роптанья,
По силам предается им;
Здоровье неразлучно с ним,
Быв плод труда и воздержанья:
Веселие в его душе,
60 Когда ты с ним, и в шалаше.

Но естели час от дел досужный
Бог в благости пошлет ему,

И гость, с тобой одной содружный,
Гость милый сердцу и уму,
Воображение крылато,
Слетя со свитками веков, —
Не к пагубе изроет ров, —
Не алчность возбудит на золото;
Но к пенью в нем состроит глас:
70 Сугубо он блажен в тот час!

Он не скорбит, что водомета
У ног не видит чистых вод;
Что яркого полудней света
Гранитный не скрывает свод.
Красы поддельныя явленьем
Не возбуждает к песням дух;
Воссев в тени на мягкий луг,
Доволен он ручья теченьем;
80 Когда ж его и не найдет,
Он песни в скорби не прервет.

Обильная в красах природа
И скудного равно очам
Премены те же кажет года,
В каких являлась богачам.
Он ризы, из цветов сотканны,
Гор крытые вершины льдом,
Пернатых разноцветный сонм,
Ручьи, в долинах разлианны,
90 Пожаты класы, злаки паств
Те ж созерцает без богатств.

Покорствуя властей веленью,
Он скорбно храмин не стрежет;
От сна отторгшись по хотенью,
Во сретенье зари грядет.
Зрит алыми ея перстами
Ведомый по востоку день,
И скачущу за холмы тень,
И со золотыми как власами

Из огнеметных Феб очей
100 Горящи искры льет струей.

Иль запад усмотря багровый,
Скользнувший с гор последний луч,
Цвет рек и поля пурпуровый,
Иль бьющий в дебри слыша ключ,
Восторг в душе он ощущая,
Воссесть захочет на холму;
Нейдет с поклоном ни к кому,
Тобою быв ведом, драгая!
110 Воссядет, и за лунный вид
Приставам пошлин не дарит.

Иль в сердце возлюбя науки,
Возмнит себя им посвятить;
Ты выбором не свяжешь руки,
За плугом не пошлешь ходить;
Не дашь ему челна для тканей
Наместо кисти иль резца,
И не сорвешь с главы венца,
Дар юный усыпя заране.
120 Не любишь в маски ты рядить:
С тобой всяк то, чем должен быть.

Себя тобою ограждая,
Невтон, Коперник, Галилей,
Объяв вселенну в край из края,
Парят до вышних областей:
Из туч перуны исторгают,
Закон на тяжесть пишут тел,
Дают движению предел,
Мирам пути определяют;
И в веки светлы письма
130 Передают их имена.

Тобою разум возмужалый
Природы в таинства проник;
Тобой, мужаяся, и малый
Нередко делался велик.

И самые тобой Декарты,
Умчавшись с вихрем средь планет,
Нам кажут истину сквозь бред.
Ты мышцы укрепила Спарты,
Тобой быв росс руководим,
140 И есть и был непобедим.

Я мрачных стен своих, темничных,
В которых ты одна со мной,
Часов в течение трехгодичных,
Как друг присутствовала мой,
На светлу не сменю неволю,
И блеском злата и честей
Не соблазню души своей.
Без ропота на скудну долю,
В убожестве глаза смежу;
150 Но цепь на выю не взложу.

Тебя мне Бог дал в соблюденье
Моих скудельных, малых сил;
Тобой в благое царь правленье*
Меня законом оградил.
За груды злата взгроможденна
Не уступлю одной мечты,
Которой управляешь ты,
С которой я средь зол блаженна,
Которою и нужд и бед
160 Я скорбный изглаждаю след.

<1810>

* Великая Екатерина изданием указа о вольности дворянства, который ту же имеет силу и при благих ея преемниках.

ПЕСНЬ СМЕРТИ

Хвала тебе, сон мертвых крепкий!
Хвала лобзанью уст твоих!
Ты прочный мир несешь на них,
Путь жизни изглаждаешь терпкий,
Сушишь горячих токи слез;
Ты пристань бурею носимых, —
Предел мятущих душу грез;
Ты врач от язв неисцелимых;
10 Сынов ты счастья ложный страх:
Зло, в их рожденное умах.

Хвала твоей всемогущей длани!
Она связует месть врагов,
Ведет гонимого под кров,
Вселяет тишину средь брани:
Коснется слабого очей, —
И зев не страшен крокодила,
Не остро лезвие мечей,
Не мощна власти грозной сила:
20 Ни скудость, ни враги, ни труд
В могиле спящих не гнетут.

Хвала в тебе целебну хладу!
Он гасит пламень, жгущий кровь,
Берет из сердца вон любовь,
Кладет конец ей злу яду!
Втечет, — и жалость отбежит;
Не нужны чада, братья, други;

Ни их жестокость не крушит,
Ни их напасти, ни недуги:
Заботы ль им, иль дальний путь,
30 Не ляжет камнем скорбь на грудь.

Пусть к мертвым мещут взор угрюмый,
Пусть гордо их проходят прах,
Неся презренье на устах;
Пусть память их сотрут из думы,
Киченьем нежность воздадут;
Скрепят сердца неблагодарны;
В суровстве — тигров превзойдут;
В бесчувствии — металлы хладны;
Не нанесут удара им:
40 Их крепок сон, неколебим.

Тебя ль, о скорбных друг! со славой,
Со властью, с богатств красой,
Тебя ль, со звуком слов, с мечтой
Поставит в ряд рассудок здравый?
Нет, нет! не слава мой кумир!
Я к ней не припаду с обетом.
Не плески рук, — твой прочный мир
Мольбы я избрала предметом.
Как ветры развевают дым,
50 Так зло полетом ты своим.

Когда друзья неблагодарны,
Презрев законы правоты,
Сбирая чужды клеветы,
Хулы о нас гласят коварны, —
Ужели звучны плески рук
Глубоки уврачуют раны?
Ужели славы скудный звук
Прольет нам в сердце мир поправный?
Нет! яд сей жгуц, неугасим!
60 Он стихнет под жезлом твоим.

ПОХВАЛА ЛЮБВИ,

*сделанная по требованию Н. И. А<хвердова>, желавшего,
воспев самый же сей предмет, быть моим состязателем.
Победителю назначался венок из свежих, душистых березок,
свитых руками побежденного*

Не в Риме было то и не в Афинах,
Не там, где с лирами катались на дельфинах,
Не там, где лирами вздвигались города,
Где сладкая текла кастальская вода,
И тигров музыкой смирялись люты нравы;
То было в Севере, в морозы и метель:
Пармен, победами искать привыкший славы,
И как-то Панову похитивши свирель,
10   Стал всех перекликать с собой в единоборство.
Нейдут: он жребии, — и жребий выпал мой.
      Я просьбы, — я упорство:
      Помилуй! — говорю... — «Нет, пой». —
      Да как с свирелью мне стязаться Пана?
      То спор с дитятей великана!
      «Пой, пой!» — Но что же петь? — «Любовь». —
      Речей не тратя вновь
      С унынием, с тоскою,
      И зная, что паду средь бою,
20   Пошла нестройную я песнь свою слагать.
Пускай бы сельские картины воспевать!
Как в мoря смотрятся кремнисты, дики скалы,
Как западны лучи дрожа по них скользят;
Как пахарь, песнями приветствуя закат,
Увозит с пажитей блестящие оралы;
Как тучные стада по злакам разбрелись:
      Чрез холмы скачет лань, — в пустынях рысь, —
      По делям хищный волк, — в опушке заяц робкий;
      А девы резвые, чрез крытый дерн росой

30 Пусться в горелки меж собой,
Чертят извивистые тропки;
Как месяц катится, завив себе рога;
Как мягким бархатом оделися луга;
Как речка, крадучись в берега отлоги,
Чуть-чуть журчит,
Иль прядая, чрез острые пороги
И брызжет, и ревет, и слепит, и глушит:
Подобны зрелища для каждого не новы!
Их петь гораздо посходней!
40 «Нет! пой, — кричит Пармен, — сердечные оковы; —
Любовь, всеобщую владычицу людей!» —
Пусть так: пою любовь к родителям детей!

*

Приветствую тебя, посланница небесна!
О сколь ты сладостна, кротка, полезна!
Ты нежишь, — не крушишь:
Как вешне солнышко тихонько согреваешь!
С тобою никогда в накладе не бываешь!
Напасть ли встретится, — к родителям спешишь,
Унять на их груди души изнеможенье,
50 И горести поведав им свои,
В умильном взоре их испить от бед целенье.
Но ах!.. то песни не мои!
Гонима, гневно небесами,
Для имя матери не дwigла я устен!
И слабыми руками
Из крепких вырвавшись пленен,
Не обвивалась вкруг ея драгого стана!
Иная участь мне судьбой моей послана!
Еще я взоров к ней не знала обращать,
И чуждых от ея улыбки отделять,
60 Как рок изрыл для ней довременну могилу.
Прочь песни!.. Прочь хвалы!.. Напев ваш слишком жив!
Мне завыванию надгробному, унылу
Шлет эхо стон в отзыв,
И ужасом власы вздымает на челе!
Как гибнут призраки в густой, полнощной мгле,

- Так мысль о счастье семейном,
 В уме моем, тревогой омраченном,
 Носящем сиротства угрюмую печать
 Теряется, о скорби преломится.
- 70 Пармен! позволь мне о любви молчать!
 Пусть дева светлая, чело венком украся,
 И скачуца вокруг родителей своих
 Поет любовь свою и их;
 А я пускай молчу.
- Какую петь любовь могу и захочу!..
 Иль ту, что Ливия питает к Эзилаю?
 Нет, нет! я Ливии беды не проклинаю;
 Но петь ее не движутся уста.
- Пармен! видал ли ты, как червь всечасно алчной,
 80 Изникнувший из недр долины злачной,
 Пиет последний сок растерзанна листа?
 Зефир прохладу ль шлет, — земля ль удвоит силы,
 Иль Феб лиет свой огонь листа в иссохши жилы:
 Зефиры, Феб, земля его не воскресят!..
 Он вянет, блекнет и свалится.
- Пармен! кто пламенем объят томится,
 Ни разум сил того, ни дружба не скрепят!
- Не так средь диких скал ягненок позабытый
 Беспечную свою повсюду ищет мать;
 90 Тоскует, мечется, не знает, что начать;
 То вдруг взбирается на острые граниты,
 То в пропасти бежит, не мысля о себе,
 И, робким быв рожден, бесстрашным становится:
 Как Ливия, с отчаяньем в борьбе,
 Искать беспечного повсюду мчится.
- Не так, прижавшись в кустах,
 Преследуема вдруг и грозными стрельцами,
 И легкими в ловитве псами,
 Испуганная лань свой смертный множит страх;
 То вся как лист дрожит, то в членах цепенеет,
 То мерзнет, то горит,
 100 То, смерти не прияв, от ужаса мертвеет
 И быть себя в живых не мнит;

Как Ливия, увидя Эзилая,
С минутой каждую свой множит страх,
Смертями тысячью мгновенно умирая!
Зачнет ли говорить, немеет глас в устах;
Слагаются слова без связи, — перерывны;
В очах темнеет свет, — родятся виды дивны;
110 Всяк кажется не тем, каким кто прежде был,
Всяк мил вдруг и постыл...
То, словом, полное ума и чувств смятенье!
Такую петь любовь придет ли в мысль кому?
И нравится ль, Пармен! такое песнопенье?
Позволь мне о любви молчать!
Меж ней и счастьем враждующая сила.

Нет, нет! и я от ней приятства дней вкусила!
И я хочу ее блажить и прославлять!
Да веют надо мной вовек ея знамена!

*

120 Не к тщетным призракам, не к славе, не к серебру,
Пою к добру
Горячую любовь Пармена!

Как путник, челноком носимый средь валов,
Смеется их грозе, ушед в домашний кров,
Ни бури не дрожит, ни камней подводных;
Так страждущи от бед,
От злобы иль сердец холодных
Мнят: горестей и злобы нет,
К Пармену скрывшись в объятия надежны,
130 Тебя, виновница утех,
Дающа радости Пармену безмятежны,
И слезы скорбного меняющая в смех, —
Тебя блажу своей цевницей тихозвучной!
Да длится власть твоя, сколь станет длится свет!
Да будешь смертных ты подругой неразлучной!
Да злобой наносимый вред
И ветреной фортуны перемена
Исправятся, о кроткая, тобой!

Не ты ли нежною рукой
140 Прижала чуждых чад к груди Пармена!*
Не ты ли в дом его меня с собой свела!
Смотри! теперь я в нем, как в собственном, смела:
Кричу, шумлю, повелеваю;
То лучшую себе светлицу избираю,
И в ней живя, смеюся иль тружусь;
То, свой переменный теша вкус,
В другой себя хозяйкой назначаю;
То слова не хочу промолвить я ни с кем,
Сижу задумчива, мрачна, грустлива;
150 То делаюся вдруг безмерно говорлива, —
И доброй мой Пармен доволен всем!
С супругою его умильной, благонравной,
Как с кровною живя сестрой,
Я их смиренный дом, земному раю равный,
На пышный не сменю дворец золотой!

*

Пою любовь к добру счастливого Пармена,
Да веют надо мной вовек ее знамена!

<1811>

* Н. И. А<хвердов> собственных детей не имеет; но со всюю родительскою нежностью воспитывает племянников.

<ПОСЛАНИЯ К ЛЕОНУ>

<1.> ПОСЛАНИЕ К ЛЕОНУ

Не время ли, Леон! призра́ки броса лживы,
Соскуча странствием, склониться под оливы!
Не время ль в терниях пожаты лавры снять,
И опочив на них, боль данных язв унять!
Год в беге не коснит, — течет своей чредою;
В сей миг ты мне внимал: где миг сей? — за тобою.
Давно ль ты, веселясь, встречал весны приход?
Се новая!.. спеш! — и ту поглотит год!
10 К восходу солнечну едва простер ты взоры:
Мы в вечери теперь! — стопы у время скоры,
Не медлят на пути по прихотям твоим, —
Ни дряхлость скучная не угрожает им.

Я зрела: юный май, носяся над Невою,
О светло облако опершейся рукою
Фиялы, ландыши кидал к ней на берега.
Стезей ему была семи цветов дуга;
Рубины на венце, на крылиях сапфиры;
За ним и перед ним толпилися зефиры;
Во сретенье к нему парил пернатых полк;
20 Сам шумный аквилон пал ниц пред ним, — и смолк.
В пуки фиялы рвать пылала я охотой;
Приникла ко берегам, склоненная дремотой:
Уснула, — и увы! фиялок боле нет;
Увяли ландыши, пожелк их снежный цвет.

Я зрела роскошью дышáщи вертограды;
Там грозды сочные, — здесь рдеючи гренады, —
Под пухом персики, душистые айвы;
Согбенны от плодов древесные главы:
30 Но вдруг раздалися зола в дебрях свисты;
Завыл борей; сшел хлад, легли туманы мглисты, —
И алчущий ноябрь, хватая с древ плоды,
Клочками сыплет снег с кудрявыя брады.

Так всё одно другим сменяется в природе!
Не ждет природа нас в своем ретивом ходе;
Без лености и мы пойдем с ней дружно в ряд.
Вперя насытый свой мы в будущее взгляд,
На воздухе дворцы блестящи созидаем;
Но час сей будущий, наверно ль наш? — не знаем!..
Лишь тот, в котором я дышу, есть точно мой.
40 Как ведаешь ты здесь, что скрыто за стеной?
Твой зоркий, острый взор: взор смертного, — не боле!
Ты села закупил, стяжал обширно поле;
Но кто с него пожнет? — Быть может, — и не ты.
Увы! почто же нам крушиться за мечты?
Леон! почто с судьбой как буйным век сражаться?
Что не дано, — желать; дано, — не наслаждаться,
Как будто юность нам в подруги суждена!
Нет, нет! и наша век не станет цвeсть весна!
И наша хладная зима не отдыхает!
50 Бежит, осклабяся, — как исполин шагает:
Едва у входа мы, — мчит быстро на закат;
И в очи, и в уста свой встречным дует хлад;
Рвет розы с их ланит, дает хребты согнуты;
На легкие стопы бросает тяжки путы;
Лишает зрeния, тмит память, тупит слух.

Вотще я оживить мой прежний силуюсь дух!
Не тот уж он, что был!.. мысль, память, дух слабеют;
И черные, как вран, власы мои белеют.

Леон, ты ведаешь: закон у время свой!
60 Как феникс снова мы не расцветем душой!

Престанем мудрствовать, — искать в призраках
счастья;

Пока сияет Феб, почто дрожать ненастья!
Есть скорби, — и прейдут; есть радость, — улови!

Сам Бог к утехам в нас не осудил любви:

Отворим сердце им, когда оне безгрешны!

Богатство, слава, сан суть жизни блага внешны,

И истинна душе блаженства не дадут.

Когда обиженну явил ты правый суд,

70 С убогим разделил трапез твоих избытки,

На выкуп пленного сменял металлы слитки,

Дал ложе страннику, бескровому покой,

Скорбяща облегчил советом иль слезой, —

Ты в бедности богат, и в низкой доле славен!

Числом чертогов ты пусть Крезу и не равен:

Щитят ли нас они от горестей и бед!?

Везде угрюмая проложит скука след,

Коль ты в душе от ней не соорудил ограды.

Идет без робости в огромны зданьем грады,

В беседы пышные, сквозь ряд стоящих слуг,

80 Сквозь мраморны столпы, к вельможам в тесный круг,

На ложа штофные, за вкусные трапезы,

И в чаши сребрены роняет горьки слезы:

Придверник твой от ней тебя не охранит!

Собой довольными не злато нас творит:

Мы в выборе забав должны искать сей тайны.

Скупой с сокровищами и скудный — оба равны;

Но кто ненасытим, тот скуден паче всех.

Нас к счастью ведет умеренность утех:

Веселье чистое — ей Небом данна плата.

90 Памфил и Теокрит, два негде жили брата.

Щедроты равные с небес на них текли;

Но разны склонности их к разному влекли.

Безвестну Теокрит избрав смиренно долю,

Считал излишество за тайную неволю.

Как светлый ручеек его катились дни,

Средь скромных сердца нужд, у разума в тени.

(Мы реже скрытых благ должны страшиться траты.)

Когда ж порывы бурь и рока коловраты

Трясли, свирепствуя, его укромный дом,
 100 Любовь Лавинии была ему щитом.
 Две силы ставил вдруг противу он напасти,
 И бремя разделя на равные две части,
 Не ведал тяжести носить его один:
 По скалам шествуя, мнил быть среди равнин.

Памфил, в желаньях с ним и нравах столь же разной,
 Гнушаясь тишины всегда единообразной,
 Затейливым умом взносился на луну.
 «Как можно, — мнил он, — знав лишь родину одну,
 Коснея здесь в глуши, рассудком умудриться?
 110 Рассудок наш трудом и опытом крепится.
 Всё в свете суета; всяк раб своих страстей!
 Тот алчет золота; сей славы иль честей.
 Пойду за мудростью в пределы отдаленны,
 На Зороастров гроб, веками сокрушенный,
 Среди священных мхов искать ея знамен!»
 Напрасно Теокрит, разлукой сокрушен,
 Под дружескую сень бегуща приглашает:
 «Ищу премудрости! — сей гордо отвечает. —
 На гробе мудреца постигнув суету, —
 120 Там прочны радости я тленным предпочту!»

Дхнул пламенный июль, разжег пески сыпучи;
 Бежит в кусты овен; волк скачет в лес дремучий;
 Под хворост, кольцами вивясь, ползут змии;
 Засел в пещеру лев; легли стада в ручьи;
 Олени прядают скалы под дики своды,
 Нагнув рога, дробят в жерло биющи воды;
 Конь ржет, — несется в сень, копытом роя луг;
 Оратай, изнуясь, прилег под праздный плуг:
 Единый роздыху Памфил не предавался;
 130 За счастьем гонясь, от счастья уклонялся.
 Средь зноя, в бурю, в мраз, по суше, по морям
 Летит, кляня мечты, к избранным вновь мечтам.
 Два раза был в плену; пять лет провел в темнице;
 На Зороастровой не умудрясь гробнице,
 Стерег, влачивши цепь, в Аравии коней;
 Изведал ужасы, близ многих был смертей,

И в скорби поседев, средь нужды беспокойной
Прибыл на родину в дни старости преклонной.

Леон! в пределах ли нас чуждых мудрость ждет?
140 Кто духом бодр, тот к ней везде стезю найдет.
Не внешностью тот тверд! в себе, в поступках вольный,
Не станет вопрошать гробницы он безмолвны,
Ни мхи бесчувственны, ни хладный стен гранит;
Что скажет прах кому? что скажет персть?.. молчит.
Ты ведаешь сие, — ты мудр, и за слепцами
Не бродишь темными ко счастью путями.
Летяща ль времени забыть ты мог закон?
Наш век в юдоли сей есть смутный, краткий сон;
150 Всяк час видение сменяется виденьем;
За благом скорбь идет, спокойство за волненьем:
Нет прочного ни в чем! — прейдут и наши дни...
Ты с утра странствуешь, — се вечер, — отдохни.

<1811>

II. ПОСЛАНИЕ К ЛЕОНУ

Вчерась тебя, Леон! к забавам я склоняла;
Не слушайся меня! — живи, как жил сначала.
Увы! из вольных мы, для прихотей своих,
Алкая сих забав, рабами стали их.
В отраду ль нам оне, коль меры в них не знаем,
И радость самую излишеством притупляем.
Боюсь и за тебя! — И ты как человек, —
С потока быстринной, — и ты чтоб не утек!
10 Нет, нет! носи ярмо, борись всегда с собою;
Не будь постыдною страстей своих игрою!
Мне легче зреть тебя, согбенного трудом,
Чем бурных склонностей услужливым рабом.
Дай волю раз страстям: увидишь их властями;
Сулят тебе цветы; — но окуют цепями!
По сердцу сколь ни добр, — затмят добро в тебе!
Радеешь ближнему; работаешь... себе.

Как кедр безлиственный ты будешь и бесплодной!

Эльвира рождена с душою благородной;
Добра, чувствительна, с богатством, с красотой;
20 Блещет разумом и сердца правотой;
Состраждет каждому, не ведая притвора.
Сиротку ли найдет, бродяща без надзора,
Больного ль, бедного, гонима иль в бедах, —
Товарищ им она во вздохах и слезах;
Товарищ; но увы! без пользы и непрочной!
Потоком уносясь Эльвира моды мочной,
Влечется против сил за шумною толпой.
Начнет убогими; но кончит-то... собой.

Однажды к ней прибегнул за помощью увечный.
30 Эльвира с горестью действительно сердечной
Внимает пришлеца о бедности рассказ.
Из полных пламени Эльвиры <доброй> глаз
На свежее лице горячи слезы пали:
Ея печаль его равняется печали.
«Утешься, говорит, не сетуй! я могу!...»
Но вдруг, нечаянно взор бросаю ко врагу,
К уборному столу, — Эльвира вся смутилась,
И к щедрости душа невольно затворилась.
40 Тут нужды собственные в уме ея стеклись,
И то, и это ей купить пришло на мысль:
С собою борется, не знает, как решиться;
Копейка каждая ей нужной становится.
«Я после, — думает, — могу его снабдить;
Теперь же вряд ли рубль под силу отделить.
Годичное ему дала бы пропитанье;
Но быть условилась я завтра на гулянье:
Все в новых шляпках там, — ужели я одна!..
Поистине теперь я в деньгах так скудна;
А нуждам счету нет, — и все необходимы!
50 Невольно в обществе мы нуждами теснимы!
Охотно б отреклась пустых издержек я:
Все станут пальцами указывать меня.
И ныне вот на бал к графине обещала...»

Но что ж? Эльвира там весь вечер прозевала!
Эльвира! хочешь ли на балах не зевать?
Ты реже, реже их старайся посещать.

Ах! балы ли одни нас вводят в заблужденья!
Везде излишество есть камень преткновенья!
Богатства ль ищет кто? — всё мало, что ни дай.
60 За славой гонится ль? — всяк тесен к звукам край.
Желает ли честей? — всё мнит: от многих близко!
Уж падают пред ним: нет, кажется, — не низко!
Чтоб быть умеренну, всего для нас трудней;
А для чего б не быть? — Большая ж часть, ей-ей,
Умеренности той лишь только носят маску.
Хочу тебе, Леон, сказать в забаву сказку.

Стоял в реке журавль, как будто часовой,
И удил носом рыб едину по другой;
Вдруг видит в лодочке плывуща рыболова;
70 Скрывается в камыш, — прижался и ни слова.
Вблизи не видывал людей он на реке;
Всё ново для него и чудно в рыбаке;
За каждую того поступкой примечает.
Рыбак с добычею на берег выступает,
Рассыпал по траве плотву, лещей, сигов
(На этот раз ему хорош был, видно, лов).
Веревкой прикрепил ко сваям легку лодку;
А сам ушел домой, таща свою находку.
Приподнялся журавль. Туда, сюда он глядь!
80 В воде видна ему вся журавлина стать:
Смотря на лодку, он от зависти трепещет:
То к ней, то на себя свирепы взоры мечет,
И шею вытянув, с собой так начал сам:
«Плохая очень жизнь нам, бедным журавлям!
Людей ни в чем, ничем, ни мало мы не хуже!
И ноги длинные, и шею носим ту же:
Походкой, поступью, — мы сходны всем на них;
А корм у нас трудней и хуже, чем у них!
Возможно ль? — Я! — журавль! являюсь здесь
с зарями;
90 Но чем довольствуюсь?.. дрянными пискарями!

И тех не вдруг тащу, — один по одному;
 Двуногой и рыбак, а выгащил вдруг тьму.
 Я должен на судьбу жестокою сердиться!
 Да правда, есть теперь с ней случай примириться». —
 Тут прыгнул раз, другой; курлыкнул, гордо стал,
 Нагнул сутулину, на лодку зашагал,
 И начал над узлом веревочным трудиться;
 Трудями до того умел потом добиться,
 Что, лодку отвязав, плывет где глубина,
 100 И жадно ловит рыб, лишь вынырнут со дна.
 Но вдруг в зыбях Эол горой валы содвинул, —
 Ветр дунул в журавля и с лодкой опрокинул.

Пусть тонут журавли от лишних прихотей;
 Лишь Боже упаси их участи людей!

Но прихоти ль одне нас, бедных, в мире мучат!
 От них и бедствия подчас собой отучат,
 К несчастью, мера нам всему трудна равно,
 И редким, редким в ней познание дано!
 Тот каждый час во всем желает перемены;
 110 Другой одно да то ж заладит век без смены.

Мне к пению дан глас в забаву для себя,
 Я, пение свое без меры возлюбя,
 Твержу о песнях всем, усталости не зная:
 В домах, по улицам, прохожих всех хватая;
 Профессора, дьячка, разносчика, солдат,
 Подьячего, попа, — кто рад и кто не рад,
 Кто в силах разуместь, — и тех, кому не в силу,
 Кричу: «Читали ли мою вы “Эврифилу”?» —
 Там дети с азбукой; а я, их похваляя:
 120 «Учитесь! подарю вам “Эврифилу” я!» —
 Увижу ль с сумкою бродящего по свету,
 Тут вместо, чтобы дать на хлеб ему монету,
 Умильно на ухо спою ему сонет.
 И в церквах от меня пощады даже нет!
 В них славят Господа, зовут к Его закону,
 А я молебщикам в стихах твержу «Дидону»,

И дерзостно глушу Евангелие сим;
Хоть слушают, хоть нет, мой жар неугасим!
130 Поверят ли тому? — На самом погребенье
Прочла я полное в стихах мое творенье!
Леон! в утеху ль мне такая пылка страсть?
На скуку ближнему; себе — увы! — в напасть.

Но тише! не суди меня ты слишком строго!
По свету таких, поверь, довольно много.
Одной ли только мне известен сей порок?
Быть может, что найду товарищей пяток.

Аминтову игру на лютне я хвалила:
И что ж? хвалю сей беду себе купила.
Проходу не дает мне лютнею Аминт!
140 Едва проснусь: пришел, — уж с лютней, и звенит.
Бегу из дома вон, — иль двери на запоры;
Дрожу, как будто бы средь дня нагрянут воры.
Так уши назвенел, что ночью, в сладкий сон,
Вдруг чудиться начнет мне колокольный звон.
Уймешься ли когда, трубач неутомимый?..

Как счастлив ты, Леон! кастальдами любимый,
Для пользы и забав лишь строя лирный глас!
В твоём велении и Пимпла и Парнас;
На злочных ты берегах взлелеян Иппокрены;
150 Вкушал амброзию, нектаром упоенный;
Но всех на Геликон неволей не тащишь:
Где кстати, — ты поешь; некстати, — там молчишь.

МАЙСКАЯ ПРОГУЛКА БОЛЯЩЕЙ

Боже благости и правды!
Боже! вездесущий, сый!
Страждет рук Твоих творенье!
Боже! что коснишь? воззри!..

Ад в душе моей гнездится,
Этна сохшу грудь палит;
Жадный змий, виясь вокруг сердца,
Кровь кипучую сосет.
Тщетно слабыми перстами
10 Рву чудовище... нет сил.
Яд его протек по жилам:
Боже мира! запрети!

Где целенье изнемогшей?
Где отрада? — где покой?
Нет! не льсти себя мечтою!
Ток целения иссяк.
Капли нет одной прохладной,
Тощи оросить уста!
В огонь дыханье претворилось;
20 В острую стрелу каждый вздох;
Все глубоки вскрылись язвы, —
Боль их ум во мне мрачит.
Где ты, смерть? — Изнемогаю...
Дом, как тартар, стал постыл!

Мне ль ты, солнце, улыбнулось?
Мне ль сулишь отраду, май?
Травка! для меня ль ты стелешь
Благовонный свой ковер?
30 Может быть, мне там и лучше...
Побежим под сень древес.

Сколь всё в мире велелепно!
Сколь несчетных в нем красот!
Боже, Боже вездесущий!
К смертным Ты колико благ!

Но в груди огонь не гаснет;
Сердце тот же змий сосет;
Тот же яд течет по жилам:
40 Ад мой там, — где я ступлю.
Нет врача омыть мне раны;
Нет руки стереть слезы;
Нет устен для утешенья;
Персей нет, приникнуть где;
Все странятся, — убегают:
Я одна... О горе мне!

Что, как тень из гроба вставша,
Старец бродит здесь за мной?
Ветр власы его взвевает,
Белые, как первый снег;
По его ланитам впалым
50 Из померкнувших очей
Чрез глубокие морщины
Токи слезные текут;
И простря дрожачи длани,
Следуя за мной везде,
Он запекшимись устами
Жизни просит для себя.
Нá копейку, старец! скройся!
Вид страдальца мне постыл.
«Боже щедрый! благодатный! —
60 Он трикратно возгласил, —

Ниспошли свою ей благодсть,
 Все мольбы ея внемли!» —
 Старец! ты хулы изрыгнул!
 Трепещи! ударит гром...
 Что изрек, увы! безумный?
 Небо оскорбить дерзнул!
 Бог отверг меня несчастну!
 Око совратил с меня,
 Не щедроты, — и не благодсть, —
 70 Тяготее зло на мне.

Тщетно веете, зефиры!
 Тщетно, соловей, поешь!
 Тщетно с запада златого,
 Солнце! мещешь кроткий луч,
 И Петрополь позлащая,
 Всю природу веселишь!
 Чужды для меня веселья!
 Не делю я с вами их!
 Солнце не ко мне сияет, —
 80 Я не дочь природы сей.

Свежий ветер с Невы вдруг дунул:
 Побежим! он прохладит.
 Дай мне челн, угрюмый кормчий!
 К ветрам в лик свой путь направь.
 Воды! хлыньте дружно с моря!
 Вздуйтесь, синие бугры!
 Зыбь! на зыби налягая,
 Захлестни отважный челн!
 Прохлади мне грудь иссохшу,
 90 Жгуций огонь ея залей.
 Туча! упади громами!
 Хлябь! разверзись, — поглоти...

Но всё тихо, — всё спокойно, —
 Ветр на ветвях уснул;
 Море гладко, как зеркало;
 Чуть рябят в Неве струи;

Нет на небе туч свирепых;
Облак легких даже нет,
И по синей, чистой тверди
100 Месяц с важностью течет.

<1801; 1811>

МОИМ ПЛЕМЯННИКАМ И ПЛЕМЯННИЦЕ,
ИГРАВШИМ ПРОЛОГ
НА МОЙ В ДЕРЕВНЮ К НИМ ПРИЕЗД

Как взоры ясные невинных вы очес
С умильной кротостью возведши до небес
И падши на помост в преддверьях мирна храма,
С незлобьем Авеля, с усердьем Авраама,
    Благому в дар Творцу миров
    Несли сокровища, стяжанны вами:
    Тот ветвь, одетую цветами,
Тот птичку, словенну заботливо с кустов;
Та праздничный убор, тот лучший сбор плодов, —
10 Избытка малого последнее богатство!
Привлечь Всесильного ко мне тем око мяя;
Как на уста собрав весенних лет приятство,
Вы косным языком, но внятным для меня,
Молили жизни мне спокойной, безмятежной,
    Молили светлых, долгих лет;
Как увлекаемы ко мне любовью нежной,
Сугубой дали вы Предвечному обет,
    За то, чтоб он невидимую дланью
20 Мне в душу пролил вновь желанье видеть вас,
Дав свыше способы, покорные желанью;
Тогда ваш детский сей нелжеприемный глас,
До сильно-бьющегось мне сердца достигая
И слез невольные потоки исторгая,
Исторгнул чистые к Всемощному мольбы:
    Да непорочные в вас зреют нравы,
    Да нежность к рождшим вас, надежда на судьбы,
    Желанье в целости святые блюсть уставы

МИШЕ,
ДЕСЯТИЛЕТНЕМУ МОЕМУ ПЛЕМЯННИКУ

Всегда, везде равно любовь к тебе храня,
Как майскою зарей, прельщаюсь я тобою!
Скончав ли свой урок, ты с детской простотою
Бежишь обнять меня

И на груди моей забыть науки бремя,
Прелестной пользами, но тяжкой по трудам;

В беседе ль старцев ты проводишь время,
Смешишь ли всех собой, смеешься ль сам;

Остро ли умствуешь, речь смыслом украшая,

10 Иль связи в мыслях не храня,

Нескладнее лепечешь попугая, —

Во всем, всегда ты мил подобно для меня.

Кружишься ль в вальсе ты, как вихри аравийски,

Вия столбами пыль и ног быстрейших прах,

Иль гибкостью в перстах

Рождаешь звуки мусикийски, —

И с ними нежный свой соединяешь глас;

А с гласом томное во взорах умиленье:

То смехи на устах, — дань юных, детских лет, —

20 То трепет вдруг на них, то роз живейших цвет:

Души невольное волненье,

Я ум теряю от тебя,

И надо мной твоя победа несомненна!

Чистейшим быв тогда восторгом упоенна,

Все мрачны помыслы из думы прогоня,

Невинны радости тобою я вкушаю:

Вопль сердца заглушаю.

Но ведаешь ли ты,
30 Что держит в дивном столь меня очарованьи?
Ужель наружны красоты?
Твой стройный стан? твои умильны лепетаньи?
Дары, рассыпанны щедротою небес?
Нет! — далее ищи начала сих чудес!
Прельщаясь звуком струн иль пений сладкогласных,
В театр упиться б шла восторгов я всечасных:
Проворство ног любя,
В балете б тьму нашла любезнее тебя.
Души твоей меня пленяет добротство!
Ах! естли ты сие утратишь превосходство:
40 Сей лучший дар даров земных!
Магнит, влекущий к ним преступных и благих!
Неволею к тебе тогда я охладю
И сердцем вмиг осиротею.
Желаешь ли ты хлад изгнать навеки сей?
Немногого прошу любви моей в замену:
Будь честен, справедлив, чти братьями людей;
Не злату, но добру умеи возвысить цену,
И славой ослепясь блистательных умов,
В самонадеянье не ввергнись дураков.

ПЕКИНСКОЕ РИСТАЛИЩЕ

*Баснь,
посвященная некоторым из почтенных членов
Российской императорской академии,
удостоивших меня лестного своего одобрения*

Когда-то в Пекине вельможны старшины,
В часы народной тишины,
Желая по трудах вкусить отдохновенье,
Стеклись в ристалище своих изведать сил.
Не злато получить там победитель мнил,
Но плески дланей в награжденье;
И бескорыстных столь наград
И сами мудрецы отнюдь не возгнушались.
10 Две меты в поприще пекинцев назначались:

Одна для малых чад,
Другая юношам и возмужалым.
Бег начался, — и вдруг жена явилась там.
Хочу сказать в Китае небывалым,
Что жены тамошни сидят в нем по домам,
И к беганью у них все заперты дороги;
Что с детства нежного, едва изыдут в свет,
Тесьмами крутят им и стягивают ноги:
Без ног же в поприще стязаться выгод нет.
20 Но счастьем их чрез то, казалось, нет утраты.
Других забав, другой и платы
В награду чаяли оне своих трудов.
Да и к чему в краю нам царства
Искать того, что внутрь находится домов?
Будь доброю женой, без прихотей, коварства;
По кротости души кажи всем кроткий взгляд;
Пекись о благодетельности чад,
О нуждах подданных и их забавах;
Будь доброй дочерью, сестрой;

Блюди семейственный покой
30 И славу обретай в своих незлобных нравах:
Вот поприще обширное для нас!
Однако в Пекине на этот раз
В ристалище жена возмнила состязаться.
То, видно, праздная иль сирая была,
Иль, дома не найдя полезней чем заняться,
За славою от скуки притекла,
Иль мнила милого увеселить тем взоры.
Не знаю в истину, для нужд она каких,
Но знаю, что, забыв скудельность ног своих,
40 С мужами вздумала войти в неравны споры.

Знак к бегу дан трубой.
Коснея трепетной стопой,
Бежит сподвижница, шатаясь с каждым шагом,
И сил не ощутя, считает благом,
Что меты детская достигла не упав,
Ждет общего презора,
Угрюмого от старцев взора,
От резвых юношей насмешек и забав;
Ждет, — и с стыда главу на перси преклоняет..
50 Но что ж?... всё сонмище во длани ей плескает!

*

Мир судит в нас дела и подвиг лишь единой;
Знаток их меряет со способом и с силой.

<1810>

ЭПИТАФИЯ
СУПРУГЕ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА
Ф. И. А<ХВЕРДОВА>,
СДЕЛАННАЯ ПО ЕГО ПРОСЬБЕ

<1>

Что разум? что краса? приятств совокупленье?
Прешли... и боле нет!
Едино не прейдет
Супруга сокрушенье.

5 О друг души моей! часть жизни моя!
Возри на скорбь с тобою разлученных, —
Услышь птенцов своих, еще неоперенных, —
Восстань!.. пусть лягу я.

<1811>

<2.> ЕЙ ЖЕ

Восплачь и восстени, сын счастья, со мною!
И я был радостью богат, как ты!
И ты, подобно мне, быть можешь сиротою!
Ни добродетели, — ума, — и красоты
5 Смерть хладная в жене сей не почтила:
Супругу, мать и дочь в одной, увы! сразила
При самом цвете юных дней.

Где радости? — и где надежды мира?
Нет прочного для нас в юдоли сей!
10 О Боже, Боже! умудри и призри сира!

<1811>

НА СЛУЧАЙ ДЕТСКОГО ПИРШЕСТВА,
БЫВШЕГО В ПАВЛОВСКЕ 1810 ГОДА
ИЮНЯ 16 ДНЯ

Что за виденье?..
Что за восторг?
Прелесть Эдема!
Сонмы красот!
5 Где я витаю?..
Чье торжество?

Сон ли мне сладкий
Вежды сомкнул?
Грезы ли дивны
10 Думу влекут?
Чары ли мочны
Взоры слепят?

Вижу богиню
В смертных лице;
15 Лели бескрылы
В купы свились,
Плавно навстречу
К ней потекли.

Душу во взорах,
20 Смех на устах,
Дружбу неживу
Чистых сердец
Лели богине
В дар принесли.

25 С поступью важной
Кротких богов,
Матери нежной
С лаской в очах
Манит богиня
30 Лелей к себе.

Тешит, ласкает,
К персям прижав;
Сладки нектары
В чашах златых
35 Сребряной дланью
Делит меж них.

Лели взыгрались,
Прядают вокруг;
Все к ней прижаться
40 К персям хотят:
Персты лобзают,
Ткани одежд.

Глас мусикийский
Воздух потряс;
45 Парами Лели
Гордо плывут:
Вдруг запорхали
С звуком цевниц.

Вижу прелестных
50 Отроков двух,
В плясках размерных
Вихрем летят;
Статны, умильны;
Взглянут, — дарят.

55 Сколько лилея
Стебля белей,
Сколько блистает
В звездах луна;

60 Так отменилась
В купах чета.

Феб изумленный
Пира красой
Дышит зефиром,
Светит ярчей;
65 Смотрит умильно,
Взором не жжет.

Ветры затихли,
Птицы молчат,
Рыбы в истоках
70 Плесом не бьют,
Листья древесны
Замерли все.

Что за виденье?..
Чье торжество?
75 В рае ли горнем
Я средь духов? —
Ты у Марии
В рае земном.

<1810>

НА ИСТУКАН ОРФЕЯ

О, сколь гармонии чудесна сила!
Здесь лев смирясь к ногам твоим упал;
Там ада страж блюсть входы забывал,
И жертву смерть свою обратно возвратила.

<1811>

КЛИТАНДРУ,
КОТОРЫЙ ПРЕДПОЧИТАЛ
ДУРНОГО ПЕВЦА ХОРОШЕМУ

Алцей, ты говоришь, поет Фадея хуже! —
Потише говори! Услышит Аполлон
И шуточку с тобой сыграет ту же,
Сыграл какую он
5 С Мидасом, за его суждения кривые:
Ослиные тебе даст уши иль свиные.

ОБЕЩАНИЕ СТРАЖДУЩЕМУ
БЕССОННИЦЕЮ

о н
Я ночи все не сплю, — томлюсь, — изнемогаю...

я
Уснешь, — не унывай! Поэму я слагаю.*

<1811>

* Сия мысль повстречалась мне тогда, как я писала дидактическое свое «О счастья» стихотворение.

РОНДО

«*Капризы* не беда! — твердит философ Сава, —
Милой обладать кто ищет права,
Тот может видеть их сквозь пальцы, сквозь лорнет:
Тому они, ей-ей, не слишком в дальний вред.

- 5 О красоте ея гремит по свету слава;
А денег! — счету нет... ужель при них до нрава?
Оне лицу, душе и разуму приправа.
Запью шампанским я и в ужин и в обед

Капризы.

- 10 Червонцы нам в бедах пристанище, забава». —
И вот уже он раб супружеска устава;
И вот с Милеюю живет уже пять лет;
И вот шампанского, красот, червонцев нет.
«Но что ж осталось?..» — спокойствия отрава:

Капризы.

В АЛЬБОМ К. Д. В<ЛАСЬЕВОЙ>

Полине что бы мне в альбоме написать?
Скажу ль: она мила, добра, веселонравна,
Малютке дочери нежнейша мать?
Всяк знает то издавна.

5 Прибавлю ли: она приятного лица?
Такие новости лишь нужны для слепца.

<1811>

**ЭКСПРОМТ НА ВОПРОС:
КТО ИЗ ВСЕГО ДЫШУЩЕГО
МЕНЕЕ НАСЛАЖДАЕТСЯ ЖИЗНЮ?**

То Бога лучшее творенье,
Умом снабженный человек!
То сей, кому Предвечный рек:
«Тебе, тебе на услуженье
И твердь, и землю я создал,
Моря на сушу пролиал,
В эфире утвердил светила,
Что несгораемым огнем
Дана чудесна мною сила
10 Гореть всегда в ночи и днем.

Тебе, тебе на услуженье
Сей мир я тварью населил;
Зверей свирепых научил
Покорно чтить твое хотенье.
Велел, по гласу твоему,
Скоту без смысла умудриться;
Изрек ему: да подчинится...
Изрек, — и ты глава всему!

Тебе, тебе на услуженье
20 Велел я злакам прозябать,
Цвести очей в увеселенье,
Плодами тучну снедь давать.
Велел, да в стройном вставши чине
Послужит вся тебе земля, —
И самы недра чтоб ея
Твоей работали гордыне.

Велел, — и вняв земля приказы,
Послушна се Творца словам:
30 Течет серебро к твоим ногам,
Из персти зиждуются алмазы,
Кипит с пучиною земчуг;
Чтоб твой увеселить досуг,
Родятся мраморные горы,
Златый скопляется песок,
И самы древ тончайши поры
Точат тебе полезный сок.

Благих даров моих щедротой
Тебя снабдивый до конца,
Хощу, да дел своих добротой
40 Восхвалишь ты во мне Творца, —
Восхвалишь и души весельем:
К судьбам моим благоговеньем!» —
Но что?.. сей мира властелин,
От первых счастья изменений,
Из сонма всех земных творений
Не хвалит лишь Его один!

ПЕТУХ-СТОРОЖ

<Басня>

На то журавль, чтоб не дремали щуки!
Когда в овчарню волк зайдет от скуки,
Не волк в том виноват, — пастух!

Ученой был у барина петух,
И барин петуху стеречь велел пшеницу.
«Дам жита, — говорит, — овса тебе, пшена;
Пшеницы ты не клюй лишь ни зерна,
Да прочую от ней гони исправно птицу.

10 Услужишь мне: счастлив; а нет: смотри!» —
Так строго пригрозя, — ну как не быть беспечным.
Стал сторож на часы: стоит день, два и три;
Ни встречным от него, не только поперечным,
Роденьке петухам,
Когтистым коршунам, нахальным воробьям,
Смиренной голубице —
Нет, словом, никому пощады на пшенице,
Всех носом клёв, да клёв, кто к ней ни подойдет.
С ползущих, хóдящих, летящих не смигнет.

И сам не трогает ее ни мало.
20 Конец бы тот же был, какое и начало;
Но жадность, корень злу всему,
Надев приятную личину,
Сказала так ему:
«Петух! тебя совсем не видно господину;
Клюнь зернышко, хоть раз!
Ну клюнул, и прошло... подальше, в добрый час.
Что ново, то страшит; изведено — уж шутка!

Ужель от твоего малюточки желудка
Господский будет пуст амбар?» —

30   Советчика в доводах дар
                Пришел по мысли петуха.
«Конечно, — думал он, — не много в том греха!
                Сим маленьким носком
                Не разорю я барский дом».
Петух мой прав! и мысль его неспорно права!
Обеды одного не сделают вреда.
                Но вот беда:
                С кого пример берут? — с пристава.

                Случилось точно так и тут.
40   Увидя, что петух пшеницу начал кушать,
                Все стадом на нее летят, бегут
                И сторожа не мыслят слушать.
                Он слово им; они в отпор словам:
                «Не кушай сам».
                Ну что пустым поможешь спором!
                Ходить по-прежнему дозором
                Охота в нем прошла; —
Да как из сытного всё вскакивать стола!
Таким-то способом пшеничка убыла:
50   Едва, едва ее осталась половина.
                Дошла та весть до господина.
                Бежит он к петуху, — шумит и кажет прут:
                «Уж я тебя достану! —
                Кричит ему, — ах, плут!
Изрядно ты радел господскому карману!»
А тот в ответ: «Не дай напраслины терпеть;
                Одне глаза, — всего не углядеть!»

И впрямь у петухов *одне* у всех глаза!
                Хозяину б давно...
60   Я не скажу: нужна лоза,
                Но чаще взглядывать в окно.

РАЗГОВОР МЕЖДУ МНОЮ
И ЖЕНЩИН<АМИ>

ж е н щ и н ы

Сестрица душенька! какая радость нам!
Ты стихотворица! на оды, притчи, сказки,
Различны у тебя готовы краски,
И, верно, ближе ты по сердцу к похвалам.
Мужчины ж, милая... Ах, Боже упаси!

Язык, — как острый нож!

В Париже, в Лондоне, — не только на Руси, —
Везде равны! заладят то ж да то ж:

10 Одне ругательства, — и всё страдают дамы!
Ждем мадригалов мы, — читаем эпиграммы.
От братцев, муженьков, от батюшков, сынков

Не жди похвальных слов.

Давно хотелось нам своей певицы!

Поёшь ли ты? скажи иль да, иль нет.

я

Да, да, голубушки-сестрицы!
Хвала Всевышнему! пою уже пять лет.

ж е н щ и н ы

А что пропела ты в те годы?

Признаться русскому не все мы учёны;

А русские писанья мудрены;

20 Да, правда, нет на них теперь и моды.

я

Пою природы я красы;
Рогами месяц в воду ставлю;
Счисляю капельки росы;
    Восход светила славлю;
Лелею паства по лугам;
Даю свирели пастушкам;
Подругам их цветы вплетаю в косы,
    Как лен светловолосы:
30 Велю, схватясь рука с рукой,
Бежать на пляску им с прыжками,
    И резвыми ногами
Не смять чтоб травки ни одной.
Вздвигаю до небес скалы кремнисты;
Сажая деревья ветвисты,
    Чтоб старца, в жарки дни,
    Покоить в их тени.
Ловлю по розам мотыльков крылатых;
Созвав певцов пернатых
    Сама томлюся я
40 В согласной трели соловья.
Иль вдруг, коням раскинув гриву,
Велю восточный ветер перестигать,
До облак прах копытами взметать.
Рисую класами венчанну ниву,
    Что вид от солнечных лучей
    Прияв морей,
    Из золота растопленных,
Колышется, рябит, блестит,
    Глаза слепит,
50 Готовясь наградить оратаев смиренных.
Природы красотой
Глас робкий укрепля мой,
Вдруг делаюсь смелея! —

женщины

Эге! какая ахинея!
Да слова мы про нас не видим тут...
Что пользы песни нам такие принесут?

На что твоих скотов, комолых и с рогами?
Не нам ходить на паству за стадами!
Итак, певица ты зверей!
60 Изрядно!.. но когда на ту ступила ногу, —
Иди в берлогу,
Скитайся средь полей,
И всуе не тягчи столицы.

я
Нет, милые сестрицы!
Пою я также и людей.

ж е н щ и н ы
Похвально! но кого и как ты величала?

я
Подчас я подвиги мужей вспевала,
В кровавый что вступая бой,
За веру и царя живот скончали свой,
70 И гулом ратное сотрясши поле,
Несла под лавром их оттоле,
Кропя слезой.
Подчас, от горести и стонов,
Прейдя к блюстителям законов,
Весельем полня дух,
Под их эгидю беспечно отдыхала.
Подчас, к пиитам я вперяя слух,
Пред громкой лирой их колена преклоняла.
80 Подчас,
Почтением влекома,
Я пела физика, химиста, астронома.

ж е н щ и н ы
И тут ни слова нет про нас!
Вот подлинно услуга!
Так что же нам в тебе? на что ты нам?
На что училась ты стихам?
Тебе, чтоб брать из своего всё круга;
А ты пустилася хвалить мужчин!
Как будто бы похвал их стоит пол один!

90   Изменница! сама размысли зрело,
              Твое ли это дело!
              Иль нет у них хвалителей своих?
Иль добродетелей в нас меньше, чем у них!

я
      Всё правда, милые! вы их не ниже;
              Но ах!
Мужчины, а не вы присутствуют в судах,
      При авторских венках,
      И слава авторска у них в руках;
      А всякой сам к себе невольно ближе.*

<1811>

* Да простится мне шутка сия из снисхождения к веселонравным музам, которые любят мешать дело с бездельем, ложь с истиной, и невинной резвостию увеселять беседы.

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

ВЕСНА

На легких крыльях воздушных,
Со связкой ясных, долгих дней,
Сняв взором льдины с рек, морей,
Спорхнул с меридианов южных
Роскошный, юный, резвый май;
Едва дохнул из края в край,
Вмиг скрылись тучи белоснежны,
Расчистился лазурный свод,
И нордовы сыны мятежны
10 Мутить не смели светлых вод.

В одеждах чистых, домотканых,
Заплетши ландыши в волосах,
Плясавицы селений разных
Сошлись на мягких муравах
Меж пестрыми скакать холмами:
Сцепились белыми руками;
Пустились по лугам стрелой;
Зарею пышут их ланиты,
И груди, тканью обвиты,
20 Вздываются под пеленой.

В жерло зернистого граната
Бьет с шумом чистая вода;
На злаках горного поката
Пасутся тучные стада.

В различных купах под кустами,
Со светлыми как день очами,
Сидят беспечно пастушки.
Их снедь: млеко с суровым хлебом;
Но кто счастливей их под небом!
30   Забота их: свирель, — рожки.

Как бархат, отливают травы;
Блестят древа, как изумруд;
Оделись дубы величавы;
Березки благовонье шлюют.
Кружатся бабочки толпою.
Там собран мед с цветов пчелою;
Здесь малым, будущим птенцам
Пернатые готовят дома:
Пушинки, — былия, — соломы
40   К тому достаточно певцам.

Стеклись под сень с работой жены;
Работа их: веселый пир.
Млеком все чаши наполненны;
В сосудах не вместился сыр.
Но в том ли только паств их дани?
Они ж несут и мягки ткани.
Летит волна с несчетных стад;
Объяты агнцы ложным страхом,
Ждут смерти с каждым длани взмахом:
50   Столь юным им сей нов обряд.

На заступ грудью налягая,
Крестьянин роет огород:
С чела его катится пот;
Но Реи дочь, в дарах благая,
Сулит ему взрастить плоды, —
И легки тяжкие труды.
Под плугом вол сгибает шею,
Вотще ярем тряся с рогов;
Оратай с раннею зарею
60   Сменял на ниву мирный кров.

Он первый зрел те пышны виды,
Как светлый, златовласый бог,
Оставляя отдыха чертог,
Ишел из влажных царств Фетиды,
Бросая искры из очей.
От ярка блеска их лучей
Покрылись златом башни, домы,
Горят верхи бесплодных скал;
Легла финифть на лес, на холмы,
70 Огнем сверкает сталь орал.

Как дым от жертвенна кадила,
Столпом посланный небу в дар,
Несется так к лицу светила
Из недр земли исшедший пар,
Льют в воздух травы ароматы;
Запели гимн певцы крылаты;
Сбежались малые зверки
Умыться свежую росю:
Прельстяся Феба лепотою,
80 Забыли хищну власть руки.

О, сколь обилен мир красою!
Пременных вкупе сколь в нем благ!
Но кто с поникшею главою,
Как странник мира, — паче: враг,
Сидит на мшистом пне средь ночи?
Чей мрачный вид, — чьи грозны очи
В душе сокрытый кажут ад;
Как тать, таится под скалами!
Власы его свились с кустами;
90 Чело покрыл смертельный хлад.

То узник воли самонравной,
Что самый рок осилить мнил;
Но, в бой вступая с ним неравной,
Сильнейшей воле уступил.
Не столь бросаем челн волнами,
Колико он борим страстями!

От ярости в нем глас дрожит;
Как уголь разженный, блещут взоры;
Как вихри, мчатся мысли скоры,
100 И каждая друг друга тмит.

Вотще, катясь по лазури,
Льет светлый луч к нему луна!
Вотще молчат полнощны бури,
В объятиях покоясь сна!
Вотще, у ног его мелькая,
Лик полный Фебы отражая,
Журчит серебряный ручей;
Над розами Зефир порхает,
И тихий воздух потрясает
110 Трелистой песнью соловей!

Он чужд всего: не зрит, — не внемлет;
Лишь рок предерзостно клянет.
Скорбь мысли, ум его объемлет;
Грудь скрытый пламень жжет.
Как Этна лаву извергает,
Так он Творцу хулы рыгает:
«Почто, — почто, — он говорит, —
Сей стройный чин природы
Текущи не глотают годы!
120 Почто сей лепый мир стоит!

Почто не упадут светила!
Увы!.. луч солнца не погас,
И вечна ночь земли не скрыла!» —
Так персти сын гласит, ярьсь.
Тебе ль, о смертный! ведать ропот!
Склонись под краткий скорбей опыт:
Ты царь красот несметных сих!
Ты стихиям даешь законы;
Громам извне воздвиг препоны;
130 Но — ах!.. ты раб страстей своих!

ЛЕТО

Упал палящий луч с зенита!
Бегут стада под тень развесистых лесов,
Не раздается клик веселых голосов,
Мрет роза, пылию покрыта.

5   Поблек в долинах тучный злак;
Разженная земля огнями в воздух дышит;
Любимого ручья в лугах пастух не слышит:
Испитый Фебом, он иссяк.

10   Не скачут серны с скал на горы;
Томится жаждою блестящий червячок;
Чуть дышит стрекоза, согнувшись под листок;
В кустах Зефир не ищет Флоры.

15   Бегут наемницы с полей;
Пал селянин лицом на тощие посевы;
Сокрылись под навес веселонравны девы;
Не видно на траве детей.

20   Всё с злаком вместе увядает!
Умолкли струны арф, — вздремал сонм игр, утех,
И тварь словесная, в них не терпя помех,
Уста для жалоб отверзает.

Но се... Глас Бога: трепещи!
Ударил гром, — и треск по скалам пробежал, —
И гул скатился в дол, — и дол тот задрожал, —
И скрылось солнце, как в ночи.

25   Бегут отвсюду черны тучи;
Встречаясь в воздухе, друг друга с шумом прут,
Облегши небеса, природе страх несут,
И вержут серный смрад горючий.

30   Вспрянул Эол, — расторгнул цепь,
Завыл, помчался в бор; гнет к корням дубы с свистом,

Столбами веет прах, — крутит древесным листом,
Кавылом воздымает степь.

Воссел на хлябь, содвинул воду,
Вертит со дна песок, бьет в брег седой волной,
35 Покрыл лице морей угрюмой синевой;
То с норда мечется, — то к норду.

Спустилась тьма средь сама дни;
Лишь молния, вясь змией, из туч зияет,
Всеобщи ужасы природы озаряет,
40 Перуном мещучи огни.

Уходит скот в различны страны;
Гадатель-ласточка переменным в небе прям
То дол крылом метет, то вьется к небесам;
Вскричались зловещи враны.

В сомкнутых ужасом устах
45 Не имеют жалобы у твари дерзновенной;
Смирясь, она мольбой пред Господом вселенной
Лобзает раболепно прах.

И се... молчат громов удары!
50 Погасли молнии, — проникнул дневный свет;
Эол в пещеру сшел, согнув под цепь хребет;
Дождем сниспали тучи яры.

Как быстрый вержась водопад,
С верхов высоких гор лиет реку из урны;
55 Так твердь разверстая дожди пустила шумны,
Чтоб взятое отдать назад.

Мгновенно хлынувшие воды,
И глыбы глиняны, и прах влача с землей,
По стогнам потекли нечистою струей,
60 Как будто бы копившись годы.

Как топи сделались луга;
Прияли вид ручьев бразды несыты,

Что ралом пахаря на пажитях изрыты,
И хлыщут в реки чрез брега.

65 Но се... О радость! истожились!
Редает ливный дождь, на части раздроблен;
Стал воздух травами приятно окурен;
Птиц пеньем рощи огласились.

70 Согбенны гибким стебельком,
И стройный василек, и колосы осисты,
Подъяли, распрямясь, головки кверху чисты:
Пьют жадно воду корешком.

75 Летят зефиры легкокрылы,
Садятся на листки, — прильнули там и тут;
То с них омыту пыль, то капли вниз трясут
И дуют изо всей в них силы.

80 В кружок собравшись без вождя,
На шалость скорые малютки ребятенки:
«Эй, маминька! — кричат, смочивши волосенки, —
Постой! я вырасту с дождя!» —

Окно крестьянин открывая,
Большой с чела на грудь усердно крест кладет:
«Мой труд, — он говорит, — теперь не пропадет,
И нўжда не грозит мне злая!» —

85 У входа старец седши врат,
Склонясь седидами, дождя внимая шуму,
Мирскую суету себе приводит в думу
И быстрый счастья коловрат.

90 «Как падши, — мнит он, — капли водны
С рожденьем купно мрут, дробясь в самих себе,
Так бранный человек: исшел... и се не бе!
Увы! что ж почести народны!

Почто, расставя братьям сеть,
Он сладко дружество несет на жертву лести, —

95 Почто кипит в нем желчь, и яд свирепой мести?
На то ль, чтоб, зло вкусив, умереть!

Почто из недр семейства мила,
От ложа мирного, надежный бросаю кров,
Безумно мечется меж зыбких он валов,
100 Где смерть вчера ему грозила!

Утехи тамо видит он,
Нередко мнимые, — всегда со злом сцепленны, —
И бросаю назади утехи сердца верны,
Игрою стал мятежных волн!

105 О суетность! дщерь горькой славы!
Коликой платим мы за тень твою ценой!
Как идолу тебе мы в дань несем покой
И жизни тихие забавы!» —

Так старец рек с собою сам,
110 Болезнуня в душе о каждом лживом шаге,
О трате счастья, — и гроба он на праге
Познал, чем жертвовал мечтам.

Продолжение двух следующих времен будет впредь.

ПАДЕНИЕ ФАЕТОНА

Баснословная повесть

Почтенному моему благодетелю,
ревностному покровителю отечественного просвещения,
питомцу муз и поборнику Фемиды,
мужу достойно уважаемому,
Николаю Семеновичу Мордвинову,
в знак душевного почтения посвящаю

ПРЕДИСЛОВИЕ

Самое предисловие сие показывает уже, сколь малую имею я к себе доверенность и сколь велика при издании «Фаетона» моя робость. Самым предисловием сим сознаюсь уже я в несчетном множестве погрешностей, — или справедливее, — в слабости и недостатке моих сил. Ибо к чему служит оно, как не к единому только ходатайству себе пощады, а кто ходатайствует ее, тот уже говорит: я виноват.

Правда, бывают вины, которым, невзирая на выгодное обыкновение ставить в заглавии слабых сочинений плодовиные предисловия, трудно сыскать благовидную в ходатайстве пощады причину. Точно в таких и я нахожусь теперь обстоятельствах! Скажу ли, что сочинение «Фаетона» было столь же быстрое, как и самое его падение? Буало и здравый разум торопиться запрещают; следовательно, оправдание мое послужит поводом к сугубому меня обвинению. Возложу ли вину на строптивость муз? тот же Буало и здравый разум осудят лиру мою на вечное молчание.

«Падение Фаетона» есть почти первое стихотворение, в котором не руководствовалась я советами просвещенных моих наставников; почти первое, которое не было подвержено предварительному их разбору; которое соблюло все данные ему мною погрешности, и которое вдобавок может назваться *скороспелым* и неисправленным.

Председатель должностного разряда Беседы любителей русского слова, по личному ко мне снисхождению, желал непременно в чтении своем иметь мое стихотворение; я, по личному к особе его уважению, обещала повиноваться. Время протекало. Он непрестанно повторял мне свою волю; я колебалась в выборе содержания, не умела, на чем остановиться, — мешкала, — и чтение приблизилось. Тогда-то баснь Фаетона представила воображению моему обширное поле для искусного сподвижника. Силы мои казались мне слабы и несоразмерны столь великому подвигу. Едва обнимала я несчетное множество красот, таящихся в сокращенном и так сказать эпизодическом неподражаемого Овидия повествовании, которое по свойству своему отвергало всякую подробность. Места наиболее у него распространенные, будучи догматами или веры идолопоклонников, или ложной системы обращения небесных тел, не могли служить перу моему образцами. Важное современным читателям Овидия не могло быть ни любопытно, ни занимательно для моих. Я видела опасность моего предприятия; чувствовала, сколь великая потребна разборчивость в выборе сих красот, которые толпою бросились навстречу моему воображению, и которые могли увлечь меня за предполагаемые мною пределы; понимала, что баснь Фаетона ожидает пера гораздо искуснейшего, нежели мое, но прелесть предмета перевозмогла. Почту себя награжденною и тогда, естли слабый опыт мой внушит кому из новейших стихотворцев наших желание предложить баснь сию в том совершенстве, к принятию которого она способна. Пускай неискusstvenное произведение мое помрачится искуснейшим! пускай-де же передастся оно забвению; лишь бы словесность русская сделала чрез то выгодное себе приращение.

«Падение Фаетона», целою половиною сокращенное, удостоилось быть читано в Беседе любителей русского слова и в том же почти виде напечатано в четвертой книге ея чтения. Таковое сокращение, как я слышала, было сделано в некоторых местах за вялость или неблагородство слога; в некоторых за ненужную плодovitость; а в некоторых для того, что определенные для чтения два часа были предоставлены двум сочинениям, гораздо моего превосходнейшим. Выпущенные в подлиннике моем места объявляли о себе естли не ущербом смысла, то, по крайней мере, недостатком сочетания рифм. Почтенный председатель должностного разряда Беседы любителей русского слова соблаговолил обременить себя и сими поправками. Он взял на себя труд во всех

выпущенных местах ввести приличные строки, и возобновить разрушенное рифм сочетание. Я слушала и читала собственное сочинение свое приятно преобразившимся. Немалое число стихов были переставлены с места на другое; еще большее — пояснены полезными вставками как то: наречиями, местоимениями и проч., некоторые даже заменены вновь сочиненными.

Намерение мое было не объявлять себя за автора «Фаетона» и не предавать его тиснению до тех пор, пока не приведу в лучшее по силам моим состояние. К сему потребны были годы. Мне хотелось забыть его совершенно и потом приступить к поправкам. Но некоторые причины заставили меня напечатать его в том точно виде и с теми же самыми погрешностями, с которыми вышел он из-под моего пера. Во все времена и у всех народов частные обстоятельства вредили успехам словесности.

Большого труда, большого над собой насилия стоило мне отречься от тех ученых поправок и прекрасных стихов, коими «Фаетон» мой был украшен при чтении. Знаю, сколь много теряю, представляя его в первобытном, грубом состоянии, но присвоивать себе чужое благоразумие почитаю хищничеством, всякое воровство превышающим. Да и можно ли без упреков совести захватывать чужое имущество под предлогом, что оно красиво и выгодно.

Осмеливаюсь, однако же, признаться, что в следующих ниже сего строках мнение мое с поправкою несогласно. У меня сказано:

*Но естли дух к правленью сей
Ты высшим благом чтить над благами земными,
Начни с своих страстей,
И будь правителем над ними.*

Поправлено:

*Коль править солнечных коней
Ты высшим благом чтить над благами земными,
Начни с своих страстей,
И будь правителем над ними.*

Я мыслю, что Фаетон, сколь ни безрассуден был, не мог почитать верховным благом *править коней*. Ему хотелось управлять судьбою мира; ибо каждому известно, что свет и теплота суть единственные источники жизни целого земного шара. Боюсь, не под-

вергается ли даже некоторому сомнению и самый смысл сей речи, и не постраждет ли логика от выведенного в поправке заключения. Заставим кого-нибудь сказать другому: *Естьли ты считаешь благом управлять солнцевыми коньми, то управляй своими страстями*. Наставляемый, кажется мне, может ответить своему наставнику: *Естьли я считаю благом управлять солнцевыми конями, то мне кони его и нужны; а страсти мои суть нечто иное*.

Еще осмеливаюсь мыслить, что в слове *иней* нельзя сделать ударения на втором слоге. В поправке сказано:

Из уст дыхание инеев вместо слов.

Сверх неправильного ударения тут не находится смысла. Может быть, оттого что слова речи сей не связаны никаким глаголом.

Изъявляя сожаление мое о том, что не могу воспользоваться чужими красотами, спешу признаться в равном же сожалении, что принужденною нахожусь печатать повесть сию без выпусков, сделанных при чтении в Беседе. Таковый поступок мой происходит от неведения, которые из них за недостойнством слога, которые за ненужным обилием и которые за недостатком к прочтению времени учинены. Кажется, сожжение градусов, четырью строками описанное и составляющее сущность повести, ни к одной из сказанных причин принадлежать не может. Тем более что в изложении повествования почтено было за нужное его ввести: а обещанное в изложении необходимо должно находиться и в самом повествовании.

Равно недоумеваю я, почему исключено краткое умствование Юпитера? Мне сказали, будто бы умствование сие, сколь ни кратко, имеет две погрешности: первое, что невместно величию бога как бы изумляться непрочности вещей собственного его творения; второе, что неприлично рассуждать там, где должно действовать. В том и другом обвинении взываю я к наилучшим языческим писателям. Ни один из них не упускал случая вложить в уста богов, особенно же Юпитера, краткие философические умствования. Да и кому приличнее постигать преломимость счастья человеческого и непостоянство земных вещей, как не божеству! Близость напасти не могла быть тому препятствием. Чем гибель ближе и знаменитее, тем повод к умствованию кажется мне законнее. Что же до времени принадлежит, то почему не время было Юпите-

ру, шедшему в свой с громами арсенал, предаться на пути краткому философическому умствованию.

Естьли следовать Юпитера по смыслу человеческих законов, в таком случае ему давно надлежало бы уже действовать, и он гораздо более потерял времени бездействием своим, нежели умствованием. Перун, брошенный в возницу при самом первом его шаге, предварил бы бедствия, толико по-видимому несправедливо землю претерпенные. Но язычники таким образом рассуждать не смели. Они страшились следовать тайны божеских судеб, покорялись промыслу, не предписывая ему законов и не роптали, видя, что за одного виновного страдает тысяча невинных: ибо думали, что премудрость божеская свыше слабого понятия смертных.

Не могу также не пожалеть и о том, что почтенный издатель «Фаетона» не взял на себя труда пополнить сделанных им выпусков. Выпуски сии, невзирая на очевидную пользу, вредят сочинению, ибо сближают места, требующие некоторого расстояния. Читатель раздражается, встретя рядом два параграфа одинакового состава и ничем не разнящегося между собою образования. Дело не о красноречии: трудно уже того отыскивать! но он требует, чтобы пощадили его слух. Ему неприятно видеть два О! на четырех строках невольно шедшиеся (смот. 90 стран. Чтения в Беседе любителей русского слова, книга 4-я). В сем обстоятельстве страждет его вкус, в другом рассудок. Он читает поставленные рядом *отец* и *Феб* (там же 84-я и 85-я стран.); воображает одно лице двойственным — и, усмотря потом ошибку свою, негодует, зачем его обманули.

Но все таковые мелочи без сомнения были уже одуманы почтенным издателем «Фаетона». Может быть, своими малыми погрешностями соблаговолил он искупить мои большие.

Пояснение, сделанное мною в первой песни, после описания Солнцевой столицы, казалось мне нужным для того, дабы не приняли столицы сей за Пафос, многократно и подобным образом стихотворцами описанной.

Пояснение, сделанное мною во второй песни после первой Солнцевой к гостю своему речи, также казалось мне нужным по причине, которую я там и предъявила.

Не знаю, справедливо ли мнение, будто бы «Падение Фаетона» должно быть писано слогом важным и единообразным. Некто сказал: «Овидий не шутил. Каждое лице повести его действует и говорит прилично своему состоянию: в отце виден отец, в сыне сын.

Он идет к цели своей просто, быстро, не обременяя сказания излишне плодovitостью и не совращаясь с пути ненужными шутками».

Верю. Но цель Овидия и новейших писателей в басне сей одною быть не может. Овидий не только не шутил, но даже не смел, и не должен был шутить происшествием, которому верил или которому принужден был казаться верующим. Совсем иное с писателем новейших времен. Не связываясь местными предрассудками и не храня уважения к басне язычников, может он почерпать в ней самые знаменитые случаи, дабы направлять их к той же цели, к какой направлял Эзоп свои иносказания; — или, дабы сделать из них то же употребление, какое делают комические писатели из слабостей человеческих. Он может без всякого опасения унижить героя своего, которой для того только им и избирается; может обнаружить в нем не только странности его, но и самые дурачества и, шутя ими, произвести в читателе желаемое впечатление. Лягушка, старающаяся сравняться с быком, и Фаэтон в небесах ведут его к одной цели. Кажется, отец не перестанет быть отцом, а сын сыном от того, что сей последний безумен, — ни даже от того, что сочинитель примешается к ним третий. Публика соблаговолила принять без удовольствия два последние стиха второй песни моего «Фаэтона», но никто, разборчивый вкус имеющий, не простил бы их Овидию. Ибо Овидий не мог предполагать, чтобы Солнцев сын удобен был произнести толь глупое признание, потому что и самые суетные гордецы таким образом только что мыслят, а не говорят.

Из сего следует, что писатель истинного происшествия должен держаться и правдоподобия истинного; а писатель вымыслов может довольствоваться правдоподобием только предполагаемым. Он не заботится, мог ли сказать герой его приведенную им речь, — сказал ли ее действительно, или только что помыслил. Ему довольно, когда он мог таким образом помыслить и когда поступки его не противуречат единожды уставленному в нем характеру.

Впрочем, я весьма нетвердо полагаюсь на мое мнение, и не осмеливаюсь выдавать его за неоспоримое.

Собственный рассудок мой убеждает меня в том, что издаваемое мною теперь сочинение наметано, так сказать, вчерне и представляет собою грудку неупотребленных еще материялов. В немногих только одного местах видна посильная отделка; иные, может быть, охлаждены отступлениями, в которые увлеклась я невольное, в иных недостает надлежащей быстроты и силы. К сему последнему вся первая песнь принадлежит.

Без всякого прекословия признаюсь я в шероховости слога. Признаюсь в допущении бедных рифм. Признаюсь, что многое обременено излишнею плодовитостию. Признаюсь и в том, что в четырех местах не соблюдено даже сочетания рифм. В сию последнюю вину впала я по неосмотрительности.

Очистя совесть мою столь искренним признанием, осмеливаюсь я просить у почтеннейших моих читателей снисхождения, представляя ходатаями за себя не спешность, с каковою писала, и не краткость времени (запрещения строгого Буало мне памяты); но покорный обет исправиться и впредь не издавать ничего, недовершенного до степени того совершенства, которое состоит в возможности малых моих сил.

Снисхождение публики, принимающей благосклонно слабые мои труды, не только не делает меня самонадеяннее, но усугубляет даже мою робость. Во всех взаимных отношениях чем снисходительнее бывает один, тем осторожнее должен быть другой, — тем менее может он себе позволять, — и страх, дабы не употребить во зло делаемого ему послабления, должен заключить его в самые тесные границы.

Будучи при чтении «Фаетона» в Беседе любителей русского слова и имея счастье заметить ему почтенных посетителей одобрение, я чувствовала в одно время и полное удовольствие, и невольное смущение; и достигнутою видела цель, и купно удаленною. Цель моя состояла в увеселении соотчицей: казалось, будто бы оно было ими ощущаемо. Но выполнила ли я все мои обязанности? соблюла ли величие стихотворного языка? поддержала ли достоинством его нехитрое мое сказание? Ах, нет! Сие публики одобрение, — сие неоцененное для меня сокровище принадлежит к тем наградам, в которые вмешивается благосклонная снисходительность! Но я первейшим поставлю себе долгом засвидетельствовать ей признательность мою тем, что не премину трудиться над исправлением «Фаетона», — не премину просить совета у просвещенных моих наставников: буду радостно принимать замечания каждого и, воспользовавшись ими, постараюсь вновь представить «Фаетона» моего в лучшем образе.

Примечания: В третьей песни «Фаетона», по сделанному при мне от одной просвещенной особы замечанию, выпустила я два эпизода, в 30 строках состоящие: одно о превращении Илияд в древа, точащие янтарь; другое о превращении Цигна в лебедя. После та-

кового выпущения необходимо было нужно мне переменить *изложение*, в котором находилось:

Сестер его и друга превращенье.

В первой песни переменяла я слово; а во второй стих за неправильное ударение.

Три сряду мужеские или женские рифмы ставила я, полагая, что в вольных стихах вольность сия не нарушает должного сочетания.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Хочу продерзость петь младого Фаетона.

Одну

Премногих бед вину,
Причину отческого стона,
Неправого роптанья на богов,
Погибели градов,
Земле грозяща разрушенья
И собственна его паденья.

О, вы! которы здесь, не знаю, есть иль нет,
10 С моим что Фаетоном сходны!
Возницей, кормчим быть, — на подвиг, — на совет, —
На всё которы сродны!
Сберитесь ко мне, — для вас пою.
Но ах! такие вам противны сказки!
Вы делать ищите привязки
На песнь мою:
За грубость, сухость содержанья,
За мрачну тень картин,
За множество причин,
20 И стоящих, и нет пииту нареканья.
Быть так! счастливый путь, — я вас и не держу!
Ни вас, любящие борьбу любовной страсти!
Угрюма песнь моя различной с тою масти:
Я милых сердцу мук ей в узел не вяжущу.

Сюда! покрытые седьной,
Которы отжили век сладостных химер!
Любви родительской пример
Представлю вам единой.
30 Вы сердцем чутче к ней!
Вас пылких яд страстей
Не напояет боле,
И цепи розовы не завлекут к неволе.

Воззри, воззри ко мне, о! дневное светило!
И коль намеренье, поведенное мной,
Тебя не раздражило,
Пролей свой яркий луч на темный разум мой,
И возблестай ярче.
А ты, что силой уст громов громче,
Кротче ручейка, текуща средь лугов,
Страстнее горлинки, в глухом лесу стнящей,
40 Лезбийска меда слаще,
Приятней ветерков,
Эльвири, в знойный день прилегшей к водопаду,
На грудь свевающих прохладу
И резвые вокруг ней сбирающих мечты, —
Назон! тебя я призываю!
Твои преданья петь желаю;
Творец их ты...
Ты мне и дай созвучность гласа!
50 Да с миртовых верхов двухолмого Парнаса
Харит не двигну я на гнев,
И робкой песни сей нехитростный напев
Соотчичей моих получит одобренье!
Венец мой: их хвала; а цель: их утешенье.

Во мраке древности седой,
Как скифски, гречески, египетские боги
Езжали в дальние с мирянами дороги
И с ними пищею питались одной;
Как всякой мог ласкаться
Иметь честь божеской побиту быть рукой
60 И сам взаимно с ним подраться;

Как боги у людей, и порознь и толпой,
На пир изволили собираться:
Кто в дрожках, кто пешком,
Со всяким говоря понятным языком;
Тогда невдалеке от мест, покрытых льдом,
В стране смеющегося востока,
Стоял блестящий Солнцев дом.
Вода прозрачного потока
Подножный холм его из трех ручьев поила.
70 В одном пророческа хранилась сила,
В другом — дар к пению и мыслей чистота,
А третьим немощей целилась тягота.
Читатель ведает богатство стран восточных;
Но сей каков был уголок,
Чтоб дать о нем исправный толк,
И слов не приберу я точных;
Да в русском даже их не сыщешь словаре:
Затем что здесь, по разности климата,
Вещей подобных нет и при дворе,
80 Какими та земля из края в край богата;
А естли мы чего не можем знать,
Не можем и назвать.
Но чтоб не дать во лжи и места к нареканью,
Припомню то, что Феб, по греческу преданью,
Считался стройности общественной виной
И назван зримого союза был пружиной;
Что Солнце и у нас считается причиной
Растительности тел, бездушных и с душой;
А Феб и Солнце суть одно между собой.
90 Теперь уразуметь, считаю я, нетрудно,
Колико Солнцев был столичный град
Состроен чудно,
И с прочими на разный лад.
Итак, читателю не в гнев и не в досаду,
Преиду молчанием сбор дивных всех вещей,
Представя взгляду,
Что только попростей;
Но вкратце, мимоходом.

- 100 Там юная весна,
В союзе с круглым годом,
Повсюду зрелась одна.
Там розы, ландыши, лилеи и жасмины,
С зарею каждою рождаясь на долины,
Цвели чрез все годичны дни;
И плющ, лобзая повилику,
Венчал угрюмы пни,
Их скудости в покров, а не в улику.
Там легки бабочки, виясь в кругах,
Со золотом на крылах,
110 Лазурных, серебряных, — иной, как здесь, породы,
Каких теперь и на востоке нет,
Хозяину в привет,
Водили в воздухе веселы короводы.
Там малые зверки
Содружно бегали с долин на бугорки,
Как все одной семьи, хоть были разнородны.
Там токи водны,
В прозрачных областях своих,
Питали рыб цветных,
120 Большой и малой меры,
Которы, стаями гуляя по волнам,
Являлись там,
Те с алой чешуей, сии голубоперы;
Одне как в радуге, другие как в звездах.
Повсюду в рощах и лесах
Согласно пение пернатых раздавалось,
Слухмяным эхом повторялось,
С журчаньем ручейков сливалось,
И не глушило их.
130 Природа в ужасах немела там своих.
Там самый водопад шуметь не смел.
Там звонкий голос филломел
Был тише голоса поющих здесь на ветках,
И даже в клетках.
Но был ли оттого дурней?
Нет, нет! он был приятнее, милей;
Он сердце, — так сказать, — не явно брал, украдкой;
Разнеживал, томил,

Унынье, трепет лил,
 140 Восторг мешая с ними сладкой,
 И внятно выражал: люблю, — люблю тебя!
 Там лозы, к лозам приклонясь, шептали;
 Друг друга листвя ласкали,
 Как будто бы любя.
 Там ветры с ветрами свивались,
 Пред Солнцем падши, усмирялись;
 Там, словом, негой всё и кротостью дыша,
 В холодной даже ум вливая умиление,
 Являло, что во всем творенье
 150 Одна согласия хранилася душа.

Сюда, — в сии-то области счастливы,
 Неся постыдный на челе упрек,
 Младый, неопытный, кичливый
 С продерзким Фаетон намереньем притек.
 Что Фаетон был горд, властителен, отважен,
 Да будет несколько читателем уважен
 Его к тому предлог:
 Он был породой полубог; —
 Породе ж и у нас не изменились цены.
 160 Сей Фаетон рожден от Солнца и Климены,
 Взятой из ефиопских дев,
 Котора, по словам писателей всех строгих, —
 Российским девам не во гнев, —
 Была из них белее многих,
 И редкой красоты.
 Известно, что и все арабски поколенья
 До Фаетонова паденья
 Не знали черноты.

Итак, раненько Фаетон
 170 Уведал, что его родитель
 Есть светлый небожитель;
 Раненько ж он
 И приобык гордиться,
 Содомить и браниться,
 В ничто соседей чтить;
 А кто поспорит, и побить.

Привычка та была им не находка.
Один царёк того же околотка,
По имени Эпаф,
180 Юпитеру обязанный рождением,
Был Фаетона сам повыше поколеньем,
И наглый выносить его не смогши нрав,
Однажды так сказал ему и всенародно:
«Ты мыслишь, юноша, быть Солнцев сын,
Но так лишь мыслишь ты один:
Иное небесам во славу их угодно!
Отец твой есть Меропс, супруг смиренный сей
Климены, матери твоей;
Не тот, что яркий свет на землю проливает, —
190 Нас греет, озаряет, —
Но что подчас борим сам холодом и тьмой;
Не тот, что в горних мчится над луной,
Но с нами что ходить изволит долу». —
Умолк, — и речь свершил улыбкой злой;
А Фаетон, как будто бы немой,
От гнева и стыда, подобно женску полу,
Потупя в землю взор, безмолвно покраснел.
Он знаков своего рожденья не имел;
То что же мог сказать в отпор сей бранной речи?
200 О Фаетон! забудь неправедный укор!
Нам собственны дела, — не чужда брань в позор!
Но ах! и гнев и спесь, — зол будущих предтечи,
Отважна юноши похитили покой!
Грызomый лютою тоской
И в думу мрачну погруженный,
Внутри храмин он своих скрывается один.
Там гнев, — сей слабых властелин,
Сварливостью возженный,
Как пламенник в груди его горит;
210 С покрытых бледностью ланит
Надменность падшая льет горьких слез потоки;
Стыд раны сердцу вновь дает глубоки,
А месть ослабший дух бодрит.
«Пойду, — он говорит — вонжу кинжал злодею...
Но смерть Эпафова не смоем стыд с чела!
Омыть его возмогут лишь дела!

Породу доказав, оправдан буду ею:
Принужу!.. но, увы! несчастный я...
220 Что станется со мной, когда Климена,
Прелестна мать моя...»
Тут мыслей новая родилась в нем премена:
Не к мести, — к подвигам стремится мой герой.
Наполнясь мыслью той
Идет к Климене он в ея чертоги царски,
И падает на выю к ней.
Когда же истощил, как водится, все ласки,
Которых каждая мать желает от детей:
Как в перси, и в уста, и в очи, и в ланиты
Он рождшую его несчетно целовал,
230 Тогда он так со вздохом ей сказал:
«Я Фаетон, и выношу обиды!..
О, мать моя! твой сын покрыт стыдом!
Смирен, унижен я врагом, —
И стыд мой кровию врага сего не смою!
И враг сей презирает мною!
Позор! позор!
Почто толико посрамленной
Я не был поглощен геенной?
Почто еще к тебе могу возвесть я взор?
240 Почто не на берегах я мрачного Коцита?
Но ах! бесславью край
Не может положить ни Лета знаменита!
То Фаетон ли был? — Внимай:
Постыдным я молчаньем,
Как будто бы признаньем,
Бесчестью собственну сам истины дал вид!
Войдя в сообщество с моими сам врагами,
На отражение обид
Я двинуть не посмел устами,
250 И жду, когда их ты изволишь разрешить!
Эпаф, что мнит себя от Дия быть,
Язык свой изощря злословной,
Не только Солнце мне в родители не дал;
Но даже из его блестящей родословной
Как чуждого меня изгнал!
Что ж сделал я тогда? — смолчал...

Но ты, коль подлинно обязан жизнью богу,
Яви, о мать моя! того неложный знак!
И с небожителем свой ясным сделав брак,
260 Открой к отмщенью мне дорогу!
Представь меня сему сомнительну отцу,
Да ўзрю раз хотя лицом его к лицу». —

Тут слез два теплые потока
Из глаз у юноши пустилися рекой.
Климена, мягкою отерши их рукой,
И видя, сколь печаль его жестока,
Взведя на Солнце взор, так слово начала:
«Светилом сим, блистающим с чела
270 Венцем лучистым, огненосным,
Лиющим свет
К благим и злостным;
Сим верным мерилом часов и лет,
Которо от веков течет, не утомляясь,
Дробится на струи, не умаляясь,
И несгораемо горит!
Светилом миру равноденным,
Но юным в образе, и в сущности нетленным,
Которо с высоты на нас ничтожных зрит!
280 Светилом сим клянуса:
Оно твоих виновник дней!
Коль истину скрываю лжей,
Да, слова не сверша, я зренья лишусь,
Богов неправдой оскорблю,
И казнь себе устрою скоро.
На просьбу я твою благоволю.
Иди, — предстань отеческому взору:
Пусть сей сомнительный отец,
Сомненьям положи конец
290 Во славу для тебя, — Климене для защиты,
Твой род откроет знаменитый,
И свяжет клевете язык.
Иди! сей путь велик;
Но прост, известен и нетруден.
К востоку от полуден
Предел моей земли

Граничит с Солнцевой столицей.
 В умеренной дали
 За сей границей
 300 Стоит от века Солнцев дом,
 Рукою Диевой созданный.
 Туда отец твой лучезарный,
 Авророй предыдом,
 По тягостных трудах склоняется к покою.
 Иди, мой сын! иди, благословимый мною!» —

Свершила, — и еще единый раз,
 Два перла выроня из глаз,
 У сердца юношу в объятиях стеснила;
 К устам его свои горящи прилепила
 310 Еще единый раз:
 Единый, — и увы! последний!

О мать! несчастна мать!
 Когда б могла познать
 Безумство ты его хотений;
 Когда б его постигший рок
 Твой ум предвидеть мог,
 На сердце, где его так крепко прижимала,
 Ты б долей удержала!
 И как произошел обман такой,
 Что сердце матери родной,
 320 Которо исстари болтливое бывало,
 На ту беду смолчало:
 Из вещего неведшим стало?
 Но видно, было так угодно небесам!
 Читатель! ведаешь ты сам,
 Что часто к собственной стремимся мы напасти,
 И в равной два пути имея власти:
 Один ко счастью, — другой к бедам,
 Берем с веселостью, который худших хуже.
 Климена в участь пала ту же,
 330 И милова сынка пустила погибать.
 А он, на ту же бывши стать,
 Не помня сам себя от радости безмерной,
 И руку матери забыв поцеловать,

И в дружбе с ним возросших верной,
И кровных всех из памяти изгнав,
Бежит к погибели путями славы шумной,
Прощальных никому поклонов не отдав,
Как будто полоумной.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

На мелких, как песок, сыпучих хрусталях,
О равных четырех боках,
Чертогу Солнцеву служащий основаньем,
Лишь Солнца одного скудней блистаньем,
Из золота был помост искусственно слиян,
С семью ступенями, со всех четырех стран
Ведущими в присены.
От самого помоста до верхов,
Слонова чиста кость, белейшая снегов,
10 Чертога составляла стены,
И лоском Солнечный ломая луч,
Бросала то в хрусталь, то в бьющий близко ключ,
Глядясь в прозрачны тока воды.
Из золота вылитые своды,
Без резьбы, выпусков, в возможной простоте,
Вершили стены те
Подобно полушару.
Ступени на конце, один другому в пару,
Шестнадцать каждой бок в ряду имел столпов,
20 Из цельного алмаза иссеченных;
Но гладких, неграненых,
Минервы хитрия трудов.
Такою зримою повсюду простотою,
Которая трудней всех вычур и затей,
Я мышлю, право, так, что, смолвясь меж собою,
Художники, для выгоды своей
Потворствуя друг другу,
Дабы друг другу не вредить,
Старались просты быть,
30 Взаимную себе творя услугу.
Иль, может, предприяв искусство утаить,

Надеялись они подделаться к природе,
И выпустить молву в народе,
Что стены, свод, столпы, ступени и помост
Не суть работы рук, но есть игра случая;
А случай и в игре всегда бывает прост.
Один лишь там себя, от прочих отличая,
Казал на выставку Вулкан
В прехитростной работе.
40 За тем ли, чтоб вознесть кузнечный сан,
За славою ль гонясь, иль просто по охоте,
В досаду ли врагу, —
Я ведать точно не могу;
Лишь знаю, что не все, кто славою гремели,
Ко славе пламенели:
Их кисти, молоты, резцы
Для разной избирались цели;
И зодчие, ваятели, певцы,
Каменосеки
50 Во все, как в наши, веки
Для множества трудились причин.
Стремясь прославиться, один;
Другой — от скуки;
Иной — любя науки;
Иной — металла звуки;
Тот стал художником, чтоб многих превзойти;
А тот, чтоб милой угодить,
Иль несколько ея прибавить славы:
У всякого свой вкус, свои и нравы!
60 Но время речь опять к Вулкану обратить
На дивные его работы.

К чертогам на восток сей бог сваял
Серебрены врата толика доброты,
Что вещь низшею считался в них металл.
Вселенная, с земным богатым шаром,
С луной, с звездами в небесах,
Ваятеля пречудным даром
Была на тех представлена вратах,
Как будто мир двоякий.

- 70 Полшара правая казала врат страна:
Над ним склоненна твердь, луна,
Небесна Зодияка знаки,
Числом раздельным шесть;
Полшара левая, — в таком же чине.
Людей, пернатых, скот, и самых рыб в пучине
Рука художника умела произвести.
Там зрелись все земные царства,
Бессмертных олтари, в величии своем,
Едины смертного незыблемы богатства,
80 Курились жертвенным огнем:
Народ толпился к ним чрез разные дороги.
В лесах и по полям,
С приличной важностью богам,
Повсюду сельски заседали боги.
У ног их в кошницах поставлены плоды
И с медом соты.
Средь рощей с нимфами резвились эроты.
Протея ложный лик казался из воды
И силился принять различны виды.
90 Гадательный Нерей, Дорида, nereиды,
Которых Греция считает болей ста,
Там были собраны на зыби океана.
Сих видны лишь главы; те зрелися в полстана;
Те в дальни плавали места,
Где громогласные служили им тритоны;
Те к рыбам на хребты садились без препоны.
Иные, кроясь в камышах,
Сушили волосы, лежащи на плечах.
Борей, Эол, зефиры, звры, ноты
100 Стрегли скалы и гроты, —
И каждый в собственном изваян был лице.
- Клименин сын, по странствии премногом,
Явился на крыльце
Пред Солнцевым чертогом.
Сей бог, готовясь в путь, средь храмины сидел
На троне алого рубина;
Все боги, меньшего по свойству чина,

Которым рабска часть дана в удел,
Для разных вкруг его стоящи дел,
110 Хранили в старшинстве порядок некий.
Стояли тут: часы, день, месяц, год и веки,
С заботой на челе и крыльями у ног.
Стояла осень полногруда,
Держа обилья рог
И бьющий пену сок из полного сосуда.
Единственна по юной красоте,
В венце из роз весна стояла,
И с детской простотой пучками трав играла.
Стояло лето в наготе,
120 Снопы имевше за плечами.
Как уголь с горящими очами,
Стояла сгорбившись зима,
Несуща хлад другим, — дрожащая сама;
Суровый лик ея угрюмили морщины,
Косматые волосы скрывали льдины;
Из уст валился снег наместо слов.

Седяще в сонме сих служителей богов,
С блистательного трона
Узрело Солнце Фаетона;
130 А Фаетон, дивясь двору отца,
Чертогам и вратам,
Себя не помнил сам;
Но света от его не могли снести венца,
На дивны те явленья
Смотрел из отдаленья.
В лице у юноши желанье, радость, стыд
Румянец с белизной мешали:
То рдяным пламенем ланит,
То робостью себя очей казали.
140 Он все имел родителя красы:
Волнами светлые волосы,
Приятность уст, — поступку величаву;
Как тот, голубоок,
Прям, статен и высок;
Как тот, любил он славу;

Уставить лишь себе цены,
Как тот, не мог он настоящей.

- Отец, с умильностью на юношу смотрящий,
Пришествия его не ведая вины,
150 Когда насытился любезным сердцу зреньем,
Так начал говорить потом:
«Что привело тебя в мой дом,
О гость! достойный быть моим рождением?
Иди! вина какая б ни была, —
Объятия отца тебе отверсты!» —
Тут огненны лучи сложа с чела,
В состав таинственный он омочивши персты,
Спешит горяще им лице свое омыть,
Чтоб юношу лобзая не спалить.
- 160 Читатель скажет мне: я встретил ложну вставку:
Нигде отец сей сына не видал;
То как незнаема узнал?
Прошу читателя с началом сделать справку:
Из повести отец сей бог;
К тому ж предречь и волю рока
По собственну он дару мог.
Но естли от его разумна ока
Укрылася вина
Сыновнего прихода,
- 170 Загадка прежде та была мной решена,
Что каждому своя не ведома невзгода.
Закон судьбы храня такой,
Неведением наш блюдут покой.
- Приемом Солнца ободренной,
Так юноша с покорностию рек:
«О света бог! краса и жизнь вселенной!
Бесславием покрыт мой век,
И дух мятет недоумень!
- Климена придает мне пышное рожденье;
180 А я, в позор себе, в обиду ей,
Ничем считаюсь у людей?

Как отрок, тканью мишурной облеченный,
Надменно юношей проходит сонм,
Незрелостью ума ведом,
В богатстве ложно убежденный,
И мнит из золота быть сотканным свой хитон;
Но, юношам соделавшись в забаву,
Теряет вдруг свою поступку величаву:
Так я, — так сей ольщенный Фаетон,
190 Поверя ложному сказанию Климены,
Незапно испытал величия премены,
Незапно стал игрушкой царей,
А может, и вселенны всей!
Тебя, тебя, светило лучезарно!
Рассудка в слепоте моим отцем я чтил,
И казнь за дерзость ту вкусил,
Узря надмение свое попрано!» —
Сказал, — и до земли поклон.

Такою хитрою уловкой он,
200 Что будто матери словам не верит,
Разнежить более отца хотел;
А тот, что юноша столь смело лицемерит,
Разнежась как отец, не усмотрел.

Улыбкой Солнечны уста вдруг просияли,
Когда он горестей постигнул суету,
Которы грудь сыновнину терзали,
И радость ощутя, поспешно радость ту
Излил к нему в таком реченьи:
«Прерви неправедны сомненьи!
210 Не обесславила Клименины уста
Безбожна клевета!
Виновных наказать я сам возьму все меры;
Тебе ж, для большей веры,
Что точно ты мой сын,
Дабы к сомненью не было причин,
Подам я знаки ясны.
В владениях, которые мне подвластны,
Ты волен изобразить прельстившее твой взор;
Пусть дивных редкостей собор

- 220   Пребудет навсегда твоим именем
          Как часть наследственна твоя;
          И в том, что я
          Отец тебе, неложным подтверждением.
Коль слабым договор находишь ты и сей,
          Во власти собственной твоей
          Другие положить заветы.
В том клятву адскою рекой тебе даю,
          Что просьбу выполню твою:
          Проси!..» — И Фаетон, достигши меты,
230   Не мера с подвигами сил,
          У Солнца попросил
          Его вседневной колесницы;
          А с ней
          В управу, без возницы,
          Крылатых четырех коней,
          Чтоб Солнечну подобно лику
В лучах единожды по небу проскакать.
- Познал отец, упавши в скорбь велику,
          Сколь нужно в клятвах размышлять.
240   Покорствовать сыновней воле? —
          В погибель явную его вовлечь;
          Противиться? — не время боле:
          Язык свершил ужасну речь.
В Олимпе у богов в чем Стиксом кто поклялся,
          То делать обязался.
          Для выгоды, иль нет,
          На радость, иль к печали,
          Во все равно случái
          Он должен совершить обет.
250   На нашу клятва та сходна российску,
Когда б здесь, например, поклялся кто чрез честь:
          И гибель видишь близку
          И клятву позамять придирка есть;
          Однако нет: *что сказано, то свято!*
Свидетельств тысячу я дать сему могу.
          Иной идет на муки ко врагу;
Зачем? — Затем, что им честное слово взято.

Иди! *хоть рад, хотя не рад,*
Попятиться нельзя назад:
260 Попятчику да будет стыдно!
А стыд, как видно,
Всех зол для русского лютей.
То правда, сей обряд теряет уже силу:
Мы клятву нынече постылу
По воле можем отменять своей.
Обряду новому в защиту
Нетрудно отыскать причину скрыту.
Вы скажите, что порча и разврат
Над словом нас хозяями творят.
270 У злого и в причинах злое!
Причины ваши не по мне;
Мои же, — вот оне:
Ввелось у иных наречие другое,
И толк словам не тот:
Что прежде звалось стыд, то ныне в оборот
У них считается за славу.
Итак, не к порче нраву,
Но к порче языка премену отнесем,
И взоры к божеству вторично возведем.

280 Феб, перву победа тревогу,
О средствах начал размышлять,
Как сына не пустить в опасную дорогу
И клятве не солгать.
«Что, — мыслит, — отдано обетом,
То можно пременить советом:
Еще беда не свершена!
Открою сыну я опасность без притворства.
Где истина сама собой ясна,
Там должно ли страшиться непокорства?» —
290 Ошибся Феб: глухому говорил!
О людях слишком он высоко мнил:
На правду смётливы немноги!
Сочти им дело по перстам; —
Нет! всё пойдут свои итоги:
Твой счет, как нуль к нулям.

Ты скажешь: берегись! змеи здесь под цветами;
Вот тот и тот погибли между нами!
А он тебе с спокойствием в ответ:
Они, — не я! — и кончился совет.

300 Клименин сын стоял в желаньях упорно.
Вотще отец его опасностью страдал,
Доводами и просьбой улещал.
От замысла отстать, он мнил, ему позорно.
«Итак, — не твой я сын! — отцу он говорил. —
На крепость я своих надежен сил;
Но что отец ты мне, лишь был в надежде лживой!» —

«Ужели, — возразил отец несчастный сей, —
Ужели по моей
Ты горести красноречивой
310 Во мне не узнаешь, чего искал?
Смотри, — в какой я ужас впал!
Как дух во мне страданием мятется!
Не видишь, о мой сын! на грудь мне упади
И грудью собственной сочти,
Сколь сердце сильно бьется!
Иной язык у клеветы!
Где кровь не говорит, — иные там приметы!
Видал ли ты,
Чтоб самы дружные клеветы
320 Болели столь единый по другом?
Чтоб чуждый к чуждому подобно был влеком?
Видал ли ты когда на чуждого очах,
Толикую любовь, толикий страх,
Толикое смятенье
И о судьбе твоей толь нежно попеченье?
Вселенна отвечает: *нет!*
Но что отец я твой: *всё громко вопиет.*
Сей глас, прерывистый, дрожащий,
Сии потоки слез, сей взор молящий,
330 Стенанья, вздохи, страх, мертвение ланит
И сама речь сия, толико плодovitа, —
Всё, всё со мной гласит,
Что истина тебе Клименою открыта.

- Отбрось сомнение: оно
 При воплях сердца так поспешно исчезает,
 Как лед от пламя тает.
 Тебе ль единому то сердце не дано?
 Ужели ты един,
 Природы к озлобленью,
- 340 Покорен быть ея упорствуешь влеченью?
 Часть лучшая меня! бесценный, милый сын!
 Смягчись! дай место ощущенью!
 Когда мы власть его однажды познаем,
 В душевный сон тогда вторично не впадем. —
 Ты всё противишься! жестокий!
 Что более скажу?
 И чем отца в себе я докажу?
 Ни ласки, ни мольбы, ни слез потоки...
 Несчастный я!
- 350 На каменный утес упала скорбь моя!
 И каменну утесу
 В прелестном образе я жизнь к напасти дал! —
 Когда б угодно то Зевесу,
 Чтоб смерть с рождением ты приял!..
 Когда б... иди! гонись за гибелью своею:
 Я сына более в тебе не признаю!..
 Нет, сын мой! нет! я смерть твою,
 Стократно бы отвел моею!
 Но ах! богов удел иной!
- 360 Не к смерти я рожден, — на скорбь и на мученья!..
 Коль искра обо мне малейша сожаленья
 Согрела дух суровый твой,
 По силам подвиги избрать склонися,
 И дерзкого желанья отрекися!
 Трудам, где сила неравна,
 Успеха чаять безрассудно!
 Ужель в желаньях твое столь сердце скудно, —
 Иль мнишь, вселенная сокровищами скудна,
 Что дара для себя безбедственна не просишь?
- 370 Брось взоры на моря, на сушу, к небесам,
 Проси — и дам,
 Что в недре их дражайшего находишь.
 Где блеска болей, — там

Забот, опасностей и скорби болей!
Страх смежен с пышною, — беспечность с скромной
долей.

Ко славе ты завистный мещешь взгляд,
И мнишь от ней себе наград!
Что слава смертного? речей бездушны звуки!
Чтоб звуком сим однажды слух польстить,
380 Потребно тысячу напастей победить;
Изведать скорби, гнев и всех страстей доуки.
Свесь славу и печаль рассудка на весах:
Одна в чужих слагается устах,
Другая внутри души и сердца обитает,
Уносит здравие и дух терзает!
Где ж сих наград желанный перевес?
Ужели смертных жизнь, — сей дар небес,
Благий, — и купно преходимый,
390 Ниспослан на одни труды неутомимы?
Ужель ты небо оскорбишь,
Коль радости безбедственны вкусишь?
Ты алчешь именем правителя назваться?
Учись, мой сын! учись сначала подчиняться!
Но естли дух к правленью сей
Ты высшим благом чтишь над благами земными:
Начни с своих страстей,
И будь правителем над ними.
Чьи силы немощны в господстве над собой,
Брозды правления тому — бесплодно бремя!
400 Тому господствовать над волею чужой
Еще прямое не приспело время!
На поприще, где ты изведать хочешь сил,
Повсюду терния растут колющи,
А путь, к нему ведущий
Крут, скользок, темен и уныл;
К тому ж соблазны
Со всех сторон его стрегут,
И камни преткновенья разны
Невидимо стопы твои препнут.
410 Я сам лишь временем познать их научился.
Ты млад, и опытом еще не умудрился, —
Как чаешь одолеть толикие труды?

Как чаешь пропасти минуть и терны тайны?
 Положим и минешь; но случай вдруг неожиданный
 Похитит всех трудов в единый миг плоды!
 Ты твердо мнил, все бедства одоленны;
 Уж цели достигал, — и вдруг... о ужас! пал...»

Отец, печалию внушенный,
 Еще бы продолжал;
 420 Но время не стоит, и Солнце в путь склоняет.
 «Пускай тропа сия скользка,
 Пускай я упаду, — сын Солнцу отвечает, —
 Лишь только бы упал я свысока».

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ

Бегущи звезды в понт
 Гоня от Солнечного взора,
 Уже дочь Солнцева, румяная Аврора,
 Устлала розами восточный горизонт,
 Уже явилася стояща пред вратами:
 Уже их алыми коснулася перстами,
 И убелив серебро отливом багреца,
 Отверзла к шествию отца.
 Уже и призраки рассеялись окружны,
 10 И мрак за мраком отлетали прочь,
 И ризу совлекла с природы ночь.
 Уже часы досужны
 Ретивых Солнцевых взбудя коней
 Впрягли в блестящу колесницу.
 Уже природы гул, хор птиц, мычание зверей
 Дрожали в воздухе, приветствуя денницу,
 И восхода Солнечна желанный миг настал.

Познав упорство Фаетона,
 Феб болей слов не расточал.
 20 Кому в желаниях и гибель не препона,
 Пред тем слова напрасный звук!
 Слепцу что живопись искусных рук,

То мудра сама речь глупцам самонадежным!
Итак, не вновь грозить паденьем неизбежным,
    Не с воли совратить;
    Но править научить
    Предпринял Феб отвергшего советы;
    И как достигнуть меты,
В четырех объяснил ему законах тех:
30 «Не опускайся вниз, — и не взносься вверх, —
    Держись середины;
    Не ослабляй бразды на миг единый;
И оком бодрственным гляди всегда вперед!
Науке сей, мой сын, других законов нет».

Поклялся юноша ученью быть покорным;
    А Феб, стена, тоскуя и грустя,
На гибель снаряжать тут стал свое дитя.
Сперва составом он, огню противоборным,
    Уста его и очи оросил;
40   Потом лучи на темя возложил;
Потом, с рамен своих совлекши червленицу,
    Одел его хламидой сей;
    Потом воссесть велел на колесницу,
    Дал вожжи и коней;
    Потом, терзаяся, рыдая,
    Вздых вздохом заглушая,
И отвратя лице, сказал ему: «Ступай!»

О муза! подкрепи, — дай твердость слогу
С земного пренестись в небесный край,
50 И с юношей вступить в эфирную дорогу!
    Воздушный путь мне вовсе нов!
    С каких начну я слов?
    Каким себя обогащу примером?
    Ни с Гарнеренем мне, ни с Монгольфьером
    По воздуху проплыть не удалось;
А был рассказывать неловко на авось.
    Неспорно, — всяких в мире много:
    Иной, судя не слишком строго,
    Таких чудес наскажет вам,
60   Что вьнут слушателей уши!

Вот там-то, по его словам,
Киты не сходят с суши;
А там, на дне морском,
Живут по году водолазы!
Другой, прослыть бояся чудачком,
От сей воздержится проказы;
Но вас самих он проведет
И в дураки введет.
70 В Париже, в Лондоне, в Китае, в Геркулане, —
Везде, вам скажет, был
И пользу приносил.
У турок при султানে
Два года жил,
Ведя расход без сметы.
Китайцам он давал к правлению советы;
Британцев научил торги водить;
Француженок наряды шить,
Быть тонкими евреев.
80 У готфов, скифов и халдеев —
Везде он побывал,
Всё опытом узнал.
Опишет все вам тропки,
Куда стопы его неробки
В который занесли и день, и час.
Такой вы слушая рассказ,
Вот, мыслите, попал на мудреца!
А он те земли, вам которы описал,
С учителем по карте пробежал.
90 Но я, чтоб и себя не выдать за лжеца,
И легковерия других не уловить,
Заране скромно всех желаю известить,
В воздушном что пути, без всякого обману,
Преданий древних я держаться стану.

«О радость! о восторг!
Счастливым Фаетон конями правит,
Которыми лишь мог
Единый править бог!
Счастливым Фаетон навек себя прославит!

Счастливым Фаетон в лучах!
100 Во образе светила!
Вселенна вся пред ним колена преклонила!
Счастливый Фаетон явился в небесах,
И примет за труды бессмертия награды!» —
Так мнил Клименин сын, бросая окрест взор,
Когда стоял он у преграды,
Котора от небес делила Солнцев двор.
Иос, гордящийся тяжелой гривой,
Волнами падающей вниз,
Флегон ретивой,
110 Белейший снега Пироис,
Эфон высококовыйный —
Четыре Солнцевы коня,
С горящими очьми от внутрення огня,
Еще одержимы неслися в путь эфирный.
Как мечется на добычь лев,
И мощный, и насытый,
Пуская страшный рев;
Так кони Солнцевы, взнося к грудям копыты,
Бьют решетку врат,
120 На месте прядая в стремленье яром.
Хребты их с рьяности дрожат;
Главы дымятся паром;
Звенят брозды серебром,
Грызомы удила в кольцо бьют кольцом;
И воздух, зыбляся от ржаний голосистых,
Разносит их в странах эфира чистых,
Чтоб Солнца предварить приход.
Часы, у сих стоящие ворот,
Отверзли их в наставше время.
130 Тут кони, радуясь, что более нет преград,
Быстрее ветра в путь летят.
Но легким ощутя везомо бремя
И направление не то вожжей,
Прямый бросая путь, по прихоти своей,
В пространства мечутся небес необозримы.

- Клименин сын, во все страны носимый,
Восчувствовал смертельный страх.
Хотя броды еще держал в руках,
Но правил он коньми без всякого устава:
140 Затем что конского не ведал нрава
И должного не знал, по коем течь, пути.
Как юное дитя, которому найти
Случилось гремушку
И в клетке изловить крылатого певца, —
Беспечно пташечку сажает у крыльца,
А неподвижную хранит в руках игрушку:
Возница так неприобыкший сей,
Не зная свойств коней,
Кто нравной в них, огнистой кто породы,
150 Как будто с умысла и к пагубе своей,
Строптивым более дает свободы;
Послушных осаждает взад.
Тогда-то в них настал вдруг беспорядок общий!
Тогда-то Фаетон и дару стал не рад!
Тогда-то, изнуря он силы тощи,
За гордость сам себя стократно клял:
Почто Меропсовым быть сыном возгнушался,
При взорах матери спокойно не остался;
Почто не по себе труды подъял!
160 Тем менее он являл искусства,
Чем ближе быть опасность мнил.
В нем силы малились от конска буйства,
А буйство их росло с его потерей сил!
Несчастный! думаешь, — твой страх достиг предела!
Длань рока на тебе вполне отяготела,
И ужас на черту последню встал?
Ах, нет! пожди еще! лютейшую тревогу
За дерзки замыслы ты встретишь попремногу:
Сей страх пред будущим и тих, и мал!
- 170 Хранящий Фаетон отцево наставленье
Еще из рук не выпускал вожжей,
И тем хоть в мале бег обуздывал коней;
Но вдруг незапно приключенье

Господство юноши, для новых мук,
Исхитило из рук.
Известно, — по пути,
Где Солнце каждый день должно идти, —
Рассеяны пречудны знаки,
Которы попросту зовутся Зодияки,
180 И ставятся везде во всех календарях.
Толико-то у них уродливы личины,
Что, может, робкого и от печатных страх
Возьмет не без причины.
Но в небе там,
Хотя и все они пригвождены к местам,
Однако живы все, — глядят и шевелятся.
Ну как уродов тех не испужаться,
Кто даже был бы и храбрец!
А бедный Фаэтон, к несчастью, из трусливых...
190 Как! скажете вы мне, — толь храбрый молодец,
Что к славе в помыслах ревнивых
Цветущего себя не пощадил,
И век свой на заре скосил;
Что розе мартовской подобен был красою,
И жизни краткостью сравнялся с тою:
Толь храбрый молодец за труса выдан здесь!
Где слыхана такая смесь?
Не спорь, читатель мой; а паче
Ты храбрость с дерзостью не числи за одно!
200 Наглец при малой струсит неудаче:
Не кончить, — начинать ему лишь суждено.
Кто храбрость истинну имеет,
Тот, дела не начав, робеет;
И так и сяк со всех вертит его концов.
«Не лучше ль, — думает, — отстать мне от трудов!» —
Когда же начато... О! зрелище преславно!
Что часть он божества, — вот тут-то будет явно!
Вот тут-то он в себе дух творческий явит,
И дар бесценный сей не посрамит!

210 Но время к повести, оконча споры скучны. —
Незапно путник наш воздушный

Увидел в зоне знак:
Которой именно? с какой страны? и как?
Предание о том смолчало:
Стрелец ли, Скорпион, — иное ль что, —
Никто не говорит про то;
Но что-то юношу смертельно испугало.
С испуга он как мертвый охладел;
Стал бледен, обомлел;
220 Не движется в нем кровь, — не бьются жилы;
Ни духа жизненна, — ни сердца нет;
Померк во взорах свет,
Скончались все душевны силы,
И вожжи выпали из рук.
Прощай бессмертие, — и трубный славы звук!
Досада, мщение — всё, всё забылось:
Всё страхом усмирилось,
Чтоб страх явить сей в полноте,
Лишь ярость приросла коней безмерно.

230 Почуя вожжи на хребте,
Свободы средство вожделенно,
Как бурный понт,
От века прущий в гору,
Едва предлежну взору,
Кипит от гнева на оплот
И утекает вспять без силы;
Но вдруг, сквозь зёмные прорвавшись жилы,
Несется в дол, — крутит, ревет,
И гору, с треском что упала,
240 С собой несет:
Так и они, познав, что болей власти нет,
Котора ими управляла,
Несутся в небеса без цели наугад:
Вертят кругом, вперед и взад;
Цепляют звезды неподвижны;
На тучи спрядывают нижны,
И Фаетона, в казнь вины,
Как вихри мча, коловращают.

250 Лежащи к полюсам страны
Впервый зной Солнца ощущают:
Впервые тех морей окованна вода
Восстала изо льда;
Впервые сребренным хребтом блеснула,
В скалы бесплодные волной плеснула;
Но в хладных недрах ощущая жар,
По часе бытия изникла в пар.

260 Снеслись в бугры погибши рыбы;
Упали с шумом снежны глыбы,
Что, горны кроя вышины,
Копилися в слоях от сотворенья мира,
И тех числом лет бытности равны.

Расчистилась вся твердь до самого эфира;
Не стало облаков, ни туч,
Чтоб Солнца заслонить палящий луч, —
Рождаясь, влага иссыхала.
То пламя тонкое, что воздух разожгло,
Багровым заревом на землю налегло,
И огненную печь земля собой являла.

270 Под градусом одним юг, запад, норд теперь,
Камчатский и лапландский зверь
От жара в первый раз сокрылся в норы,
Сокрывшись в них вотще!

Но толь еще?
Дымящаясь помалу горы
В единый запылали час.
Пылает Тавр, Кавказ, Готард, Хитера, Осса,
Родопа, Аппенин, Атлант, Рифей, Эльфоса;
Протяжный Пириней, о двух холмах Парнас...
280 Сия последняя всех прежде запылала;
Всех прежде жертвою пожара стала:
Затем что с низа до верхов
Была завалена стихами,
И что, будь сказано меж нами,

В соборе том стихов
 Иные были суховаты;
 Сухие же скорей зажгутся и стихи!
 Итак, Парнас, подтопкою богатый,
 За наши вмиг сгорел грехи!

290 Но толь еще?.. Горят с посевом нивы;
 Герцинский лес пылает горделивый;
 Все рощи, — все луга горят;
 Все реки в берегах кипят.

Кипит Дуеро, Днепр, Рейн, Эльба, Темза, Сена;
 И Прут, великому грозила где премена;
 И Тибр, где Рима вознеслась глава;
 И трон незыблемый обтекшая Нева;
 И Таг, златый песок влекущий.
 Кипит Фазис, отколь руно унес Язон;
 России ратников дающий Дон.
 300 Кипит Евфрат, Родан, По, Нил, Дунай цветущий,
 Кипит Алфей,
 Ристаньем древле знаменитый;
 И Ганг, куда победами несытый
 Достиг надменный из царей;
 И хладная вода вскипает темной Волги.

Все реки, — все моря кипят!
 Но только ль бед земле грозят!
 Пылают грады многи:
 310 Везде пожар отсвечивал в пожар.
 Истнились памятники пышны,
 Художника где был проявлен дар;
 Лишь громы слышны
 От бедственна паденья их:
 Лишь пепл остался нам от них.

Горит виновная ливийская столица.
 Цвет черный от паров
 Налег на все арабски лица,
 В правдиву казнь грехов,

320 Содеянных одним из их породы.
Из рода в роды
Преходит казнь та и поднесь,
Хотя чужда арапам ныне спесь,
И стали черными вдруг полны без пощады
Премноги грады.

Пожары множились и множилась напасть!
Горящая земля была готова пасть:
Хаосом ей погибель угрожала!
Но вдруг из недр растерзанных ея
330 Цибела вверх главу мертвелую подъяла
И стала так молить богов царя:
«Почто, о Дий! толико я страдаю!
Воззри! в единый вся иссохла день,
Как вставшая из гроба тень!
Иссякли все сосцы, чем тварь твою питаю!
Толь медленная смерть, о Дий! почто?..»
Рекла, — и в землю вновь вступила.
Еще бы говорила;
Но сил едва ей стало и на то!
340 Густой клубами дым препятствовал дыханью,
И угли на главу бросал пожар.

Дий, вняв, не раздражась сея жены роптанью:
«Толико-то, — изрек, — земный ничтожен шар!
И смертных радости толико-то мятежны!
Как тают от огня пылинки малы снежны,
Так прочны блага их единым гибнут днем!
Безумство одного бывает в гибель всем!» —
Умолк, — и в думу погрузясь немногу,
Ко громодержному отшел чертогу;
Троеконечный там перун подъял,
350 Вознес всемогущу с ним десницу,
Поверг его на дерзостна возницу:
И Фаетон с небес — упал.

И. А. КРЫЛОВУ,
ЧИТАВШЕМУ МОЕГО «ФАЕТОНА»
В БЕСЕДЕ ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОГО СЛОВА

Читая баснь паденья знаменита,
Улыбкой оживил ты лица всех гостей,
И честь того прешла к стране пиита.
Во мзду заслуги сей,
5 Я лавры, сжатые тобою,
Себе надменно не присвою.
Когда б не ты ее читал,
Быть может, Фаетон вторично бы упал.

СТАНСЫ

Подражание лесбоской стихотворице

Блажен, кто воздухом одним с тобою дышит!
Одно с тобою зрит, одно внимает, слышит!
Того не утрашит затмение светил, —
Ни гром свирепых туч, — ни жгущих молний блески, —
5 Ни в море вид судов, носимых без кормил, —
Ни рушащихся стен на суше страшных трески:
Спокойно внемлет он падению миров.

Блажен, кто кроткий взор твоих очей встречает!
В нем сладкий пьет восторг, в нем рай свой почерпает,
10 Тот зла земных существ, как ангел в небе, чужд!
Того в мраз Севера луч жаркий греет южный;
Тот в злате, в почестях не знает скорбных нужд;
Тому ни кровные, ни сонм друзей не нужны:
К бессмертным преселясь он брэн земный забыл.

Блажен, кто слов твоих гармонии внимает!
Их звука чарами слух алчный насыщает!
Тому средь знойных Аравии степей
Грудь пламенну свежит прохладный ветер востока!
Тот слышит гласы арф, где трепетный Орфей
20 Сликает страстну песнь с журчанием потока:
Бессменная весна порхает вокруг его.

Блажен, кто уст твоих улыбку созерцает!
В чистейший ток твоих веселий проникает!
Тот благо бытия ценит всех выше благ!
25 Тот вкупе чувствует и радость, и томленье,

И беглый огонь ланит, и яркий свет в очах,
И сердца трепет вдруг, и духа цепененье:
Он в негах плавает, блаженством пресытись.

<1811>

**Стихотворения
1800-х годов,
не включенные
в «Неопытную музу»**

ПОДРАЖАНИЕ МАДАГАСКАРСКОЙ ПЕСНИ

Солнце склонилось к западу; последние лучи его, проникая банановые ветви, освещают лицо задумчивой девы; прозрачной ручей вьется у ног ея, и слухмяное эхо повторяет вздохи унылой.

Ты печалишь меня, задумчивая дева! вид твой мрачен, как осенняя полночь; рука горести коснулась лицу твоему; щеки твои впали и поблекли; лучи глаз твоих переломились; ты печалишь меня!.. Но я не страшусь тебя: брови твои не свирепы, и ты не гонительница людей!

Воспой мне горечь свою, задумчивая дева! да облегчится тем вздохами стесненная грудь твоя, да будет дыхание твое легче и свободнее. Молчание давит, как тяжелой камень!

ДЕВА

Возвратись, мое потерянное спокойствие, возвратись!.. или приближься, желанной час смерти! надежда на тебя тверже для несчастной, и минута твоего пришествия прекратит ея горести! — Первой свет возрождающегося дня застает меня в стенаниях, и пламенной луч солнца не осушает слезящих глаз моих; ни громкие клики веселящихся не заглушают моих вздохов.

Когда горные тени упадают на зеленый дерн, когда вся природа, тишиной объятая, мирно покоится: тогда лишь я одна нарушаю всеобщий порядок тиши-

ны тяжкими моими стенаниями!.. Лишь я одна влачу с собою горести свои среди кремнистых утесов; усталые ноги мои трепещут при каждом шаге, тусклые взоры столбенеют, и призраки ночные далеко от них прячутся. — Бедное сердце мое, бесчувственное ко всем предметам, высохло подобно молнией спаленной былинке; тщетно призываю спокойствие: оно потеряно невозвратно, и далеко бежит места, одиножды им оставленного... Но ты, о смерть! почто не спешишь в распростертые мои объятия?.. Нет жертвы во всем подлунном мире для тебя позволительнее!!!...

Умолкни, печальная дева! умолкни!.. Стенания твои жалобны; оне раздирают душу мою! — Уже ночь спустилась на флеровых крылах своих: видишь ли, как звезды играют в струях источника? Полная луна осветила черные твои ресницы, омоченные блестящею слезою, — время твоего возвращения. Чувствуешь ли ты, что холодная роса упала на открытую главу твою, и волосы твои взмокли?.. Возвратись, несчастная!

11 ЯНВАРЯ 1799

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЙ РОПОТ ПРОТИВУ ОСЕНИ

«Почто стремишься ты, неукротимая, страшная осень, с неизбежною для всей природы гибелью? — думала я 28 сентября, сидя у тусклого, побелевшего от морозу стекла, с мрачными, расстроенными, унылыми мыслями, с худым здоровьем, и недовольная сама собою. — Почто стремишься ты? помедли!.. Видишь ли, как всё бледнеет от приближения твоего? — Какое печальное опустошение! какую страшную картину ничтожества являешь ты глазам нашим! Смерть в руке твоей, пагуба в дыхании, и ничто не в силах тебе противиться». — Прелестные долины, испещренные душистыми цветами, служащие убежищем миллиону животных, где каждое насекомое, каждой атом довольствовался своим правом и не был в мире лишений; — где ядовитая змея и робкий кролик имели удел свой и свое пропитание, и не роптали на Промысл Всемогущего; — где трудолюбивая пчела с восстания дня прилетала собирать сладкой сок с ароматических трав; — где всё чувствовало цену своего существования и веселилось: сии прелестные долины, краса природы, стонут теперь под пушистым инеем, блекнут и вкушают всеобщую смерть. Тщетно голодные стада пробегают их пространство; уже нет более тех мягких ковров, растилаемых благотворною весною под ногами их, где в довольствии, в изобилии прежде сего любили они покоиться. Раздраженные голодом, дрожа от стужи, роют они копытом замерзлую землю и с ревом уда-

ляются. — Долголетний дуб, сановитая береза и нежная липа — все равно чувствуют свирепое твое владычество; лишенные одежды, управляемые ветром, ударяются оне друг о друга оледенелыми ветвями; унылой вой их вливает в чувствительную душу томную меланхолию, и предвещает старцу близкую его кончину. — Сухой желтой лист шумит под ногами прохожего; робкой заяц, вздремавший под кустом, мгновенно пробуждается, бежит далеко, видя убежище свое обнаженным; он трепещет, и каждой шорох пугает его более.

Тихая река, катящая хрустальные свои воды вокруг жилища нашего, всегдашний предмет моих прогулок, моих восхищений, гладкая поверхность которой рисовала в глазах моих неподражаемые картины; — где столь часто, сидя под двумя с крутого берега наклоненными ивами, с непостижимым восторгом, с сладким биением сердца дивилась я многообразным и величественным произведениям природы; — где иногда кроткое светило ночи застигло меня в уединенной своей прогулке, тихо катясь по лазуревому своду, начертывало образ свой, до половины прикрытый темно-синим облаком в зеркальных, едва колеблющихся струях; — где с изливанием света своего изливало в душу мою тихую и вместе приятную меланхолию; — где, внимая всеобщей гармонии вещей, научалась я чувствовать свое существование, чувствовать и — высоко ценить преимущество человека над всем прочим, высоко ценить сердце мое, умеющее восхищаться и быть благодарным; — где проворная струя уносила уроненную мною слезу и внимательное эхо повторяло тихие мои вздохи; — где иногда... Но куда вы делись, прелестные картины, с магическою своею силою? куда делось светлое зеркало луны?.. отчего оно потускнело?.. отчего не волнуешься ты, любезная река, и не обтекаешь селения нашего? отчего не блистишь в лучах солнечных? Или приманчивая красота твоя была скоропреходяща? — Льды тебя оковали, и взор мой, толикратно восхищаемый тобою, с ужасом

теперь от тебя отвращается. Тщетно прислушиваюсь я к твоему журчанию; ты молчишь, и в слух мой, кроме северных ветров, ничто не ударяет. — Шумливый каскад, вблизи тебя из каменного утеса упдающий в бассейн, рукою природы произведенный, не раздаётся уже более в воздухе; тот быстрой каскад, к коему при наступлении дня прихаживала я любоваться на позлащенные солнцем мелкие водяные брызги, подобно горящим звездам или блестящим алмазам, стремительно сыплющимся в извивистый источник, влекущий светлые струи свои из кипящего бассейна в постоянную реку, — и тот самый каскад пал под бременем своего рока! Тщетно мнил он противоборствовать; хладная рука осени коснулась его пенящимся волнам, и оне более не клубятся. Гордый и надменный прежним величием, с покорностию принимает он невольнические узы и едва лишь дерзает с робостию, рабству приличною, тихо спускаться по ледяным ступеням в малое отверстие, утаенное хрустальною бахромою.

Равно и вы, прелестные певцы природы! вы, милые гости садов наших, и вы, уstraшенные суровостию воздуха, летите прочь к другой весне, к другому лету, оставляя осиротевшую высокую липовую аллею, так много прежде сего вами любимую, где под темным сводом густосплетенных веток прятались мы, чтобы не спугнуть вас присутствием своим, и внимали в тишине неподражаемому пению вашему; или... Но как исчислить удовольствия, в каждом предмете благотворным летом приносимые? Несчастный, отягченный горестию, при пробуждении своем взирает на алеющую зарю, на блестящую росу, на прелестные долины, на тенистые рощи; внимает гармонической трели соловья, и мрачные мысли его развлекаются, ароматический воздух освежает его сердце, воображение его становится чище, веселее, и душа его вкушает покой.

Какой контраст! какое ужасное различие!.. Удар грома заставляет трепетать робкого, но надолго ли? До тех пор, пока раздаётся в воздухе; угрожая мгно-

венно, не производит он никаких влияний на чувства его: но, взирая на умирающую природу, напоминаем мы бедность нашу и ничтожество всего подлунного; упавший лист с дерева предвещает падение сильного, и счастливец, внимая всеобщему разрушению всеобщей смерти, непроизвольно погружаясь в мысли, прислушивается к своей; порывистой свист ветра, густой туман, мрачные облака умножают скучные его предчувствия; сердце его, бывшее полно радости, начинает томиться, тщетно ожидает он друзей своих. — Жестокая необходимость заставляет их прятаться под крепкие кровли и, подобно мне, роптать без пользы.

И ты, величественно восходящее солнце! и ты не трогаешь душу мою полным своим сиянием; морозные рисунки полуосвещенного окна, оттеняющего золотыми лучами твоими оледенелые капли, блестя и спят взор мой: но сердце мое не трогается сею картиною; холодной иней пал на него, — оно не трепещет для удовольствия, всякая радость чужда ему, подобно камню лежит оно в груди моей, и суетности мира не составляют цели для моего воображения. — Ниже — —

Вдруг размышления мои пресекаются звоном колокольчика; несколько саней, скачущих мимо дому, подают мне повод к новым мыслям. — «И в эту мрачную для меня минуту, — думала я, — есть люди веселящиеся, есть люди предовольные собою! — А я... я не могу принадлежать к числу их; тщетно гоняюсь за удовольствиями... Не для меня оне!» — Громкий стук испугал меня, — я вздрогнула. Звонкие голоса, мне незнакомые, раздались по комнатам; — сердце мое взволновалось; — голоса приблизились, — оно волнуется еще сильнее... стукнули двери. Невольным движением встала я, и — о друзья мои! милые, бесценные! я в ваших объятиях! — вас прижимаю к груди моей, на вас скатились горячие слезы мои, не горестию — но восхищением проливаемые.

Прочь, прочь, томительная скука! прочь с твоими меланхолическими припадками, с досадными идея-

ми!.. Уступи место твое нежному, благородному чувству! пусть радость одна чертит планы в моем воображении, управляет моими поступками, движет языком моим, и произведет нелицемерное раскаяние за несмысленный ропот.

О неблагоприятная! и ты могла жаловаться на Промысл, пекущийся о твоём благосостоянии? — Куда девались ложные умствования твои? Оне исчезли с первою нечаянною встречею; — мнимая опытность твоя скоро тебя обманула. Не камень лежал в груди твоей, и радость столько же принадлежит тебе, как и прочим. — Исследуй чувства твои, и проси прощения у обиженной тобою осени. — Не для того пришла она, чтобы похищать радости твои, чтобы мешать удовольствиям твоим... жестокой холод остановил ли улыбку на устах твоих?.. Но и посреди мая слезы несчастных проливаются.

Мгновенно день последует другому, часы летят невидимо. Длинные вечера мелькают, и дружеское наше общество неутомимо в своих резвостях и в забавных вымыслах.

ГЛАС ГОРЕСТИ

Боже благости и мира!
Для того ли жизнь мне дал,
Чтобы горесть и напасти
Без отрады мне терпеть?

5   Чтоб удары злой судьбины
      Над главой моей вились,
      Чтоб из груди тяжки вздохи
      Ко стопам Твоим неслись?

10   Чтобы бедствия тяжелы
      Ввек рекой ко мне текли,
      А минута сладкой доли
      От меня бежала прочь?

15   Иль на то Свое творенье
      Ты к страданью осудил,
      Чтобы ропотом безбожным
      Прогневляла я Тебя?

20   Иль дары Твои благие
      Истощились для меня,
      И десницу всетворящу
      От меня Ты уклонил?

Уклонил — и свет угаснул,
Проглянувший только мне;

Я осталась пресмыкаться
В мраке, кроющем меня.

25 Младость, столь всем драгоценна,
Для меня лишь лютой дар;
Для меня лишь роз не сыплет,
А терновник злой растит!

30 Но когда б миров рушитель
Мой согнул уже хребет,
Смерти алчной приближенье
Мне сулило б нову жизнь.

35 Я б без робости взирала
На теченье лютых дней,
И с утехой ожидала
Жизни горестной конца!

40 Чем теперь могу я льститься?
Что в утеху обрету?
Притесняемая роком,
Где на якорь обопрусь?

Крепость сил моих и младость,
Согласуясь с роком злым,
Облаком вдали туманным
Кроют мной желанну смерть.

45 О! сколь ты непостижима,
Дивная для всех Судьба!
Здесь падут твои любимцы —
И живет изгнанник твой.

50 Счастье! где ты обитаешь,
Где пределы стран твоих?
Кто — и как к тебе доходит?
Косным, иль прямым путем?

Чужеземных ли и скудных,
Осужденных дни влачить

55 В бедстве, голоде и рабстве,
Ты берешь под свой покров?

Или юный отчужденный
От родительских сердец,
Хладным миром воскормленный,
60 У тебя покров нашел?

Иль властитель рабской доли,
Царь обширных страны,
Звучной славой увенчанный,
У тебя покров нашел?

65 Иль в одежде златотканой,
Гордый низких душ кумир,
Ум и зрение слепящий,
У тебя покров нашел?

Ты молчишь!.. и в мире тайна —
70 Пребыванье где твое...
Кто ж глаза мои откроет,
И стезю к тебе найдет!

<1801>

МЕЛАНХОЛИЧЕСКАЯ ПРОГУЛКА ОДНОЙ МОЛОДОЙ РОССИЯНКИ

В половине августа 1800 года — в то время, когда жестокая судьба ежедневно разила меня новыми ударами и когда горести довели сердце мое до отчаяния, — удаленная от света, в один тихий и приятный вечер ходила я в поле, одна, далеко от дома, не чувствуя ни усталости, ни робости. Все мысли мои были заняты бедным другом моим и нашими общими горестями... Луна освещала неровные шаги мои; редкие звезды блистали на темной тверди. Воображение мое устремилось наконец в будущее, и мысль о вечности привела меня в трепет. Я с некоторым ужасом измеряла беспредельные миллионы веков... Но душа моя утешилась мыслию, что страдания наши временны... Временность! слово любезное, очаровательное для слуха несчастных!.. И что есть несчастье для смертного? Минутная боль... Младенцы малодушные! (так называю всех людей) перестаньте жаловаться!

Правда, что судьба только манит человека удовольствиями, а в самом деле готовит ему на всяком шагу бедствия; но довольно, что страдания его временны и что в виду у нас тихое пристанище. Взглянем вперед и успокоимся!

Всесовершенному не угодно было произвести нас для счастья. «Люди живут и мучатся», — сказал один философ. Прибавим еще: «Рассуждают, умствуют, просвещаются»... Для чего? по крайней мере, не для счастья! Сей великий ум, который парит под небесами, есть бедный раб земных стихий; головная

боль может в одну минуту растопить крылья сего Икара: он упадет во прах ничтожества... В моей ли воле заставить молчать сердце, которое в сию минуту бьется гораздо сильнее обыкновенного? От меня ли зависят даже собственные мои желания? Могу ли переменить свойства души моей, и сердцу, образованному для меланхолии, сказать: «Будь весело и беспечно»?.. О природа! ты, конечно, не велишь мне ответственность за всесильный произвол твой — мне, невольной исполнительнице каждого твоего мановения!.. Естьли орудие музыкальное испортится; естьли струны его порвутся, и весь искусный механизм разрушится: кто виновен?.. К счастью, не люди будут судить нас; но Тот, для Кого причина и действие есть одно! — — —

Старание избежать несчастий есть труд напрасный. По закону рока мы желаем, мучимся, наслаждаемся, вновь желаем, вновь мучимся, и цепь сия прерывается только во гробе... Мучения наши в нас самих, в друзьях наших, в злодеях и во всей природе! Но, смертный, ожидай развязки!

Когда люди (твари чувствительные и разумные!) сверкают кинжалами над головою друг друга; когда злоба их, подобно змее ядовитой, шипит, извивается вокруг моего сердца; когда адские фурии хохочут над моим отчаянием: тогда — прости мне, о Всевышний! — тогда бываю слаба; дерзаю роптать и жаловаться, смотря на небо! Но когда миролюбивая смерть, кроткая утешительница горестных, явится моему воображению с видом ласковым и приветливым, с обетом верного успокоения, с надеждой темной, но милой сердцу: тогда мир с его бедствиями кажется мне только суетным, а не ужасным, — люди несчастными, а не злобными... Смерть мирит меня с жизнью, и я повторяю: «Что есть несчастье временного человека?» Скоропечны радости, но зато и горести не вечны! Самая причина их истребляется от времени... Всегда ли сердце мое станет трепетать так сильно? Всегда ли обманчивые надежды будут волновать слабую мою душу?.. Нет! Час разрушения приблизится, и пылкие страсти

угаснут, воображение охладет и мечты оставят меня в покое. Придет время, и всё минувшее забудется — еще здесь, на земле, забудется... Краска на щеках моих уже не будет изображать душевных движений; лучи глаз моих притупятся, и все прелести земные лишатся для них магической силы своей... Прихоти сластолюбца и разум мудрого истощаются вместе с физическими силами и здоровьем. Так будет и со мной. Раздоры ума с ветреным сердцем умолкнут. Повинуясь вечному уставу судеб, охладю для горестей и радостей; наконец сие *нечто мыслящее, умственное* обратится в нечто материальное; теплота, меня живящая, возвратится к своему началу; а оставшийся тлен произрастит розу или полынь!

Может быть, в сие для меня спокойное, а для тебя горестное время, пойдешь ты, о мой друг! в ясную, лунную ночь питать свою меланхолию видом тихой природы. Лучи кроткого месяца вольют в твою душу томную нежность. Древесная тень, пятнами лежащая на траве, — мертвое безмолвие, — приметное колебание воздуха, — всё будет вместе пленять и ужасать тебя. Внезапно лист упадет с ветви и шорохом своим возбудит твое внимание. Ты скажешь: «Вот подобие жизни человеческой! Вчера свежая зелень его изображала здоровые соки; ныне время или случай отделяют его от жизненной системы дерева; но он не исчезнет в мире и смешается с прахом для нового растительного образования. Что ж будет с нами по смерти?»... Тяжелый вздох твой отзовется в тишине воздуха, и милые глаза твои наполнятся слезами. В сию минуту блеснет огонь электрический и осветит медленные шаги твоей задумчивости. Его приятный, голубой цвет прельстит тебя, и ты пожалеешь, что он исчез так мгновенно. Случай предупредит твое желание: вторичный блеск его разольется в воздухе, и бледные уста твои оживотворятся улыбкой... Знаешь ли, о милый друг! чем ты прельщаешься и что столь приятно вокруг тебя светится? Это части бытия, некогда любезного твоему сердцу; это последние его остатки... Слушай... *Сей блеск составился из мине-*

ральных частиц, излетевших из могилы друга твоего, из его праха!.. Я окружаю тебя; ношусь над тобой; освещаю шаги твои; ты мною дышишь и того не чувствуешь! О любезная! мы не исчезнем в мире; но почему не дозволено мертвым сливаться мыслию с душою живых друзей? Почто не дозволено открывать таинства, нас за гробом ожидающего? Почто железная стена разделяет души единообразные? Или сходство есть одна случайность? Неужели симпатия, которая так мило влекла меня к твоему сердцу, не только здесь, но и там будет склонностью запрещаемой? Бескорыстная связь сердец наших, главная отрада жизни моей, ужели не есть предопределение Вышнего? И я, окружая тебя, буду окована молчанием? Никакое потрясение не взволнует души твоей? Никакая мечта не предстанет твоему воображению, и нежное чувство не скажет тебе о моем присутствии?

Естли душа и по разрушении тела сама в себе не изменится, то с каким веселием буду следовать за тобой и вспоминать все милые удовольствия, которые находила я в бесценной дружбе твоей — те приятные беседы, где малое число людей, соединенных искренностью, утешало меня в горестях, хотя часто и произвольных, но с другой стороны неизбежных для слепой молодости и сердца неопытного! Я покупала дорогой ценой сии удовольствия в жизни: но могу ли жалеть о том? Они были сердечные! Нежная любовь и благодарность к вам, друзьям чувствительным, будет моим счастьем и по смерти!.. Когда же тень моя нечаянно приблизится к жестоким людям, которых несправедливость и злоба губила меня, — (ах! ни кроткое мое терпение, ни беззащитное состояние не могли тронуть их каменного сердца!) — тогда дух мой содрогнется и, не желая мести, не требуя божественного правосудия, с невольным ужасом поспешит удалиться, благодаря Небо за то, что минувшая жизнь не есть уже для меня настоящая и что бедствия мои с разрушением грубой телесности пресеклись навеки! — —

* * *

Не вся ли жизнь есть перемена?
Не все ли в платье мы других,
Берем за Сидора Семена
И сами копируем их?

<1806>

ДВА ЭКСПРОМТА

1. К АМУРУ

Амур красив, но слеп, — увы! один не ходит!
В союзе глупость с ним: она бедняжку водит.
Кто любит красоту, пусть третий с ними бродит!

2. К ПАРЯЩЕМУ ГЕНИЮ ПОЭЗИИ

Как гений сей, паря по влажному эфиру,
Для милых чад своих венки из лилий вьет:
Так моралист-поэт, настроив кротку лиру,
Делит порок от зла, на землю блага льет.

<1806>

ОТВЕТ НА ВОПРОС АВТОРА
ПРЕДЫДУЩИХ СТИХОВ,
МОЖНО ЛИ ИХ НАПЕЧАТАТЬ
В «МОСКОВСКОМ ЗРИТЕЛЕ»

Нет истины в речах твоих, о автор льстивый!
Лишь только оборот в них виден слов игривый.
К несчастью, когда родилась я на свет,
Природа строгое молчание хранила;
5 Ко счастью, в твоих мольбах мне нужды нет;
Где можно, я люблю; не должно — вдруг остыла.

<1806>

ФИЛОСОФИЯ БАБОЧКИ

В один приятный летний день,
Как солнце к западу клонилось,
И падала с холмов в долины тень:
Из дома где-то в сад окошко отворилось,
На коем цвел левкой.
То видя, бабочки летят в окно толпой:
Иные на цветах душистых поместились,
Иные же пустились
Осматривать той комнаты убор;
10 Порхают к зеркалам, садятся на фарфор,
На шкапы, на стопы, на книги — по разбору,
Что лучше нравится которой взору.
Благодаря судьбу — за дар столь дорогой,
Соединивший им свободу с их крылами,
Всё счастье — радости в свободе видят той.
Спустились сумерки со тьмой,
И в комнате столы уставили огнями:
«Вот подлинно где рай — сто солнцев вдруг горит, —
Летуны говорят, — у нас одно светило,
20 И то так высоко... а здесь — как мило,
Ленивой долетит».
И с словом сим одна — порх к ближнему светилу;
Но что ж — увы!.. сожглась...
Другая вслед за ней, резвяся и кружась,
Нашла подобно ей свою могилу.
Потом — еще пяток; потом — и счету нет;
Хоть гибнут — но летят с охотою на свет;

Осталось две иль три, не более, в живых.
«Печален жребий их, —
30 Оставшая уныло рассуждает, —
Что жизнь? — единой миг; а счастье? — мечты.
Безумец верное опасным заменяет!
На что бы покидать душистые цветы,
Привольные сады, зеленые долины;
Иль в блеске кроются всех радостей причины?
На что бы им искать
Блаженства за эфиром,
Когда своим довольны миром:
К чему так далеко летать?..
40 Вот суетных надежд награды!
Вот истинной урок несмысленным глупцам,
Сколь волю бедственно давать своим сердцам!
Кто ищет вдалеке — тот гибнет без пощады». —
«Разумно говоришь, —
Подруга ей в ответ, — но что ж, куда летишь?» —
«Так... посмотреть светило». —
«Возможно ли? сейчас оно других губило...» —
«Но это я, — а не оне:
50 Давно, мой друг, живу, — и всё известно мне;
Всё знаю, как, когда, где должно обойтись,
Где близко подойти и где отсторониться.
Пожалуй, обо мне все страхи отложи;
О юности своей неопытной тужи.
Я вдруг не кинуся — слегка и осторожно —
Везде и к случаям, и к месту применюсь, —
Опасно где, хотя не невозможно,
Тотчас назад вернусь.
Со всех сторон его сначала облетаю,
И всё издалика, — потом,
60 Когда своим умом
Все качества его в подробность испытаю,
Тогда и ближе подойду;
И там, где многие нашли беду,
Я, может быть, сыщу свое блаженство.
Не всем равенство
В напастях суждено». — Окончила — летит,
И правила свои хранит

Довольно строго:

Всё вьется издали, чуть-чуть что над огнем;

70 Потом, опасности не видя в нем,

Иль так по случаю, — но лишь спустя немного

Вдруг прямо на него трепещущим крылом,

И крылышком одним, увы! — уж меней стало!

Хотя осталось три; но то не помогало,

И в сем несчастья злом

Упала, бедная, с размаха.

Когда же первые прошли движенья страха,

Опять к огню, — но тут при всей

Надежде на себя своей

Ошибку сделала в измеренном полете,

80 Иль память потеряв при близком ярком свете;

Но только вдруг взяла дорогу уж не ту —

И вихрем пламенным влекома с силой,

Поверглась участи всеобщей и унылой;

Сколь ни боролася... Погибла за мечту.

Так часто наш язык рассудку вслед идет;

А сердце в тот же миг нас к гибели ведет.

<1806>

[ОТВЕТ Н. И. АХВЕРДОВУ
НА ЕГО СТИХИ В АЛЬБОМ]

Когда не ведала бы я, кто тот,
Которого рука сия стихи слагала,
Тогда последняя строка бы мне сказала:
«То истинный твой друг, твой нежный доброхот».
5 Тебя воззвавшего, Творец, вонми моление!
Излив свой ярый гнев, пролей с небес терпенье.

<3 ФЕВРАЛЯ 1810>

**Стихотворения
1810—1820-х годов**

[КУПЛЕТЫ НИНЫ
ИЗ ПОВЕСТИ «ВЕЧЕР У КАМИНА»]

Когда всё предано покою, —
Средь мраков, в тишине ночной
Одна, сраженная судьбою,
Томлюся в горести я злой.

5 На черных крыльях сны спустились
Украсить зло, смягчить напасть;
Законам общим покорились
Печаль и радость, раб и власть.

10 Всё тихо, — мирно и в темницах:
Цепями узник не гремит;
На бледных, — истомленных лицах
Исчезла скорбь: везде всё спит.

15 Судьбы лишь Нину разлучили
С покоем общим, с тишиной;
Ей пламень страстный в сердце влили:
Закон, увы! у страсти свой!

20 Твои уставы самовластны,
О мощна страсть! тебе одной
И гордость, и умы подвластны:
Ты власть, — закон себе самой!

Не Нина бедная виною,
Что сердце бьется в ней, горит,

Что взор унылый и весною
Повсюду мертву осень зрит.

25 Она ль любви яд породила?
Любовь сама закралась в грудь
И острую стрелу вонзила,
Сама к душе открыла путь!

Люблю... бесстрастного Тимона!
30 Томлюсь, — но буду век любить;
Ум — слабая в любви препона!
Люблю... чтоб вечно слезы лить.

Когда холодный убегает
Тех мест, где я ищу его,
35 Тогда смерть в жилах протекает:
Постыло всё, — бегу всего.

Как тень преступная скитаюсь,
Одна, далеко от людей;
В пустынях диких укрываюсь,
40 Нося тоску в груди своей.

Стенанья камням поверяю:
Они им внемлют лишь одни;
Годами сутки измеряю;
В часах, в минутах вижу дни.

45 Где он, — там счастье обитает:
Там мирты, лилии цветут;
Где нет, — там мирта увядает:
Там сердце фурии грызут.

И жизнь по нем я ощущаю,
50 Любовь к другим, к себе самой:
Он солнце, коим освещаю
Иль рай земный, иль тартар свой.

Несите, мраки! вздохи Нины
Тимону в грудь, — смягчить ее;

55 А вы, пещеры и долины!
Стенанье слышно где мое,

Скликайте эхо, — повторите
Мою любовь, мученье, стон;
Неблагодарного троните;
60 Но ежели вас спросит он:

«Почто столь рано вы увяли?» —
Луга! ответствуйте ему:
«Здесь бедной Нины слезы пали,
Пожгли как пламенем траву!

65 И Нина так же увядает:
Смотри! томна, бледна как тень! —
Как призрак робкого пугает:
Без цели бродит ночь и день». —

Внемлите, мраки, воздух, стены!
70 Все муки ада я терплю!..
Неблагодарного несу измены;
Страдаю, — мучусь, — но люблю...

<до мая 1811>

НА ДАЧУ ЕГО ПРЕВОС<ХОДИТЕЛЬСТВА>
И. И. КУШЕЛЕВА

Не сон, не резвые ль мечты
Моими чувствами играют;
Для ложа мирты мне сплетают,
Для сени зыбкие цветы?
5 Не Флоры ль я в душистом царстве?
Не хитра ль чародейства в рабстве?
Калипсы ль вижу чудеса?
Ея, ея обманчива краса!

Нет! чары, овладев умами,
10 Не нежат сердце; но томят:
Прельстя коварными красами,
Излишней пышностью тягчат;
Не дышут сельской простотою;
Здесь сад Киприды предо мною!
15 Пафосская богиня здесь!
Она, она! ея сретаю весь!

Нет! в розах не видать колчанов!
Не скрыто в миртах острых стрел!
Мой смелый дух не оробел!
20 Не спят эроты меж тюльпанов!
Не вижу ополченных рук!
Тетйвой не грозит мне лук:
То, видно, область бывша рая.
Она, она! невинная, простая!

25   Бежит у входа чистый ток;
           Глядится твердь в струи прозрачны;
           Лежат, как рамы, бреги злачны;
           Как золото, светится песок;
           Стадами рыбы подплывают;
 30   Гостей нетрепетно встречают,
           Резвясь, бьют плесом по волнам:
 То рай, то рай, в котором жил Адам!

          В кустах зверочки разношёрстны
           Неробко скачут по траве,
 35   С листков собирая капли росны:
           Сей бел, — тот с звездкой на главе;
           На ветках те, которы цапки;
           А те — на задни сели лапки:
           У нас в садах невóд зверкам!
 40   То рай, то рай, в котором жил Адам.

          Малюток пташек вереницы
           Поют, не зная, есть ли страх,
           Готовы гнезда вить в руках!
           Климáтов разных крупны птицы,
 45   Из многих стран собравшись там,
           Бегут за гостем по пятам!
           В такой жил с тварью дружбе прочной
 Адам, Адам лишь только непорочной!

          Весь воздух накурен мастикой;
 50   Стоит из роз тенистый лес;
           Свился хмель в кущи с повиликой,
           Древа касаются небес;
           Полдневна солнца жар умерен:
           Таков был рай; но он потерян!
 55   Здесь барин русской должен жить!
 Кому ж, кому ж иному можно быть?

ГРАФУ КУТАЙСОВУ,
НА СОЧИНЕННЫЕ ИМ В МОЙ АЛЬБОМ
СТИХИ

Тебе ль, любимец муз счастливый,
В ком разум съединен игривый
Со множеством даров иных,
Тебе ль чуждаться их!
5 Ты поле ратное мне ставишь как препону,
Дай волю склонности равно в себе другой,
И два бессмертья пред тобой:
Одно за муз, другое — за Беллону.

<КОНЕЦ НОЯБРЯ 1811>

МЕРЗЛЯКОВУ,
НА ПЕРЕВОД «ТАНКРЕ́ДА»

Пой сельскую любовь, искусный Мерзляков!
В руках Лавинии венок тебе готов!
Нет, стой! кровавую нам брань воспой Танкреда,
К тебе с меча его спешит слететь победа!

ВОЗЗВАНИЕ БЛАГОЧЕСТИВОГО МУЖА К МАРИИНУ УЕДИНЕНИЮ

Пармен, после продолжительного отсутствия, возвращается в Павловск. Там, воссев на любимый свой пригорок и пробегая перстами по лире, запел следующие куплеты.

Прими под сень твою спокойну,
Куда с зенита солнцу знойну
И бурям заграждаешь путь, —
Где собранным в веселы лица
5 Не смеет ярый ветер подуть, —
Прими меня, утех столица!
Прими, — и дай мне отдохнуть.

Не гость, мечтанием нагретый,
Пришел к тебе блуждать без меты;
10 Не ветреной фортуны сын;
Сей чашу роскоши испивший
Забав несметных властелин,
Что, негу негой притупивши,
Забав не ведает один.

15 То я, — то скромный сын природы,
Что в юные и зрелы годы
Ея был верен красоте;
Красой поддельной не прельщался,
И сердца в сладкой простоте
20 Доволен малым оставался,
Обетов не творя мечте.

То я, что с совестью покойной
В минуты старости преклонной
Бегу укрыться от сует;
25 Одень меня твоею сенью!
Да запад мой! столь тихий свет
Пошлет грядущу мне к забвенью,
Сколь тих был дней моих рассвет.

Не странника безвестна, нова,
30 Притекша зришь искать покрова:
К тебе притек давнишний друг,
Кого блюла ты от погоды, —
Кому и твой цветущий луг,
И бьющие прозрачны воды
35 Служили зрелищем в досуг.

О! будь благословен трикраты,
Дернистый, мягкий брег, покатый,
Где я беспечно возлежал,
Приятно веселясь собором
40 Живых долин, бездушных скал,
И жадным, ненасытным взором
Чужих сокровищ не алкал!

Где взор сей устремя на чашу,
Внимал ключу, меж древ гремящу;
45 Смотрел, как он, сбегая в дол,
Поил его своей водою;
Как гордый конь, и мощный вол,
И пестрые стада толпою
Паслись, не зная наших зол.

Где в безызвестности я сладкой
50 Был счастлив ото всех украдкой,
С Людьюмилой, Богом данной мне;
В противность тем, кто дни и ночи,
Всечасно, въяве и во сне,
55 Фортуне забегая в очи,
Ждут всуе счастья извне.

Где часто братия мне милы,
Ведомые рукой Людмилы,
Шли хижины моей на праг.
60 Хвала судьбе! я мог меж ними
Делить земных избыток благ!
А братьями я чту моими,
Кто сир, иль немощен, иль наг.

Где я, в час ночи молчаливой,
65 Под дубом иль согбенной ивой
Вдыхал в себя струю паров,
Всходящих будто от кадила;
Как сонмы блещущих миров,
Ночного текши вокруг светила,
70 Сквозь сонм мелькали облаков.

Я там беседовал с собою,
Когда, всю тварь воззвав к покою,
И ты, природа! дремлешь с ней!
Спал пес у ног моих косматый,
75 Спал червь, и змий, и муравей,
И в гнездах мелкие пернаты,
С качаньем зыблемых ветвей.

Сам дол объят был усыплением!
А я, читая с умилением
80 Разверсту книгу бытия,
Гадал в таинственной завесе!
Лишь свист трелистый соловья
Чрез холмы раздавался в лесе:
Восторженный запел и я.

85 О! будь благословен вовеки,
Веселия точащий реки,
Безбедственный, счастливый край!
Столица мира, наслажденья!
Мое веселие! мой рай!
90 Прими днесь дань благодаренья,
И вновь прибежище мне дай!

В тебе зря благостей уроки,
Я ополчался на пороки,
И в духе крепче возмужал!
95 Не ты ль сплела верхи древесны,
Чтоб всякой тот, кто слаб иль мал,
Найдя себе приют безвестный,
Под кровом их приятно спал?

Не ты ли шлешь нам снеди здравы?
100 Не ты ли, расстилая травы,
Готовишь снесь и для скотов?
Не ты ль сады твои тенисты
Даешь пернатым для домов,
Всем воды источаешь чисты
105 И благовоние цветов?

В тебя мать нежная народа,
Весны дождавшись прихода,
Вступает свѣтло вместе с ней.
Как та, — щедра, — и всеми зрима,
110 С ночной и днѣвною зарей
Добро творит неутомимо;
Как та, — льет радость из очей.

В тебе, — о! счастье незабвенно!
Она изволит повседневно
115 Учить своих на благо чад.
Их разум, помысл впредь и ныне, —
Привычки, — самый даже взгляд
Направить алчет к благостыне,
Для счастья скорбным и отрад.

Я зритель был тоя науки,
120 Как их порфиносны руки
Изволит укреплять она,
Бороться поучая с страстью.
«Вам жизнь, — им говорит, — дана
125 Не вам, — но подданным ко счастью:
Лишь им монархов жизнь красна!

Монарх, страстями одержимый,
Есть бич людей неутомимый,
И собственный мучитель свой.
130 Он властвует; но сам в неволе!
Рабом лишь страсти будь одной:
Забав, богатства, славы боле
Народ любить всегда чтоб <т>вой».

Так чад Мария поучала.
135 Как дска чистейшего зеркала
Приемлет чуждый лик в себя:
Так ей ученики послушны,
Ея доброты возлюбя,
Являлись кротки, веледушны. —
140 Колико восхищен был я!

Прими под свой покров надежной,
Столица жизни безмятежной,
Меня, претекша дальний путь!
Будь прочной сенью мне от зноя;
145 От бури мне стеною будь!
Не блеска я ищу, — покоя:
Прими, — и дай мне отдохнуть!

<июнь 1812>

НА КОНЧИНУ ГРАФА
АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА КУТАЙСОВА,
В БОРОДИНСКОМ СРАЖЕНИИ УБИТОГО
1812 ГОДА АВГУСТА 26

Ужель и ты!.. и ты
Упал во смертну мрежу!
Ужель и на твою могилу свежу
Печальны допустил мне рок бросать цветы,
Потоком слезным орошенны!
Увы! где блага совершенны?
Где прочны радости?.. Их нет!
Вотще объемлюща надежду лживу,
Нежнейша мать твоя зовет; —
10 Твой заперт слух к ея призыву!
Вотще в свой дом ликуя твой возврат,
Отец, сестры́ и брат
Заранее к тебе простерли руки; —
Их дом ликующий стал ныне храмом скуки!
Как светлый метеор, для них
Ты миг блистал лишь краткой!
И сонм друзей твоих,
Алкающих твоей беседы сладкой, —
И сонм отборнейших мужей,
20 Что юного тебя с собой чли равноденным, —
С кончиною твоей
Увяли сердцем сокрушенным!
Вотще и сонм краснейших дев,
Устроя громкие тимпаны,
Ждет в пиршества тебя избранны:
Не будешь ты!.. тебя похитил смерти зев!

Так жизни на заре коснулся он заката!
    Наместо гипса и агата
На гробе у него с бессмертным лавром шлем,
30   И вопли слышны муз по нем.

    Но что герою обелиски?
    Что мой несвязный стих?
    Не будет славен он от них!
Низверженные в ад враги российски
    Твоею, граф, рукой
    Воздвигнут памятник нетленный твой;
А жизнь, отечеству на жертву принесенна,
    Есть слава, храбрым вожделенна!

<ОСЕНЬ 1812>

НА СМЕРТЬ
КАПИТАНА ГВАРДЕЙСКОЙ АРТИЛЛЕРИИ
РОСТИСЛАВА ИВАНОВИЧА ЗАХАРОВА*

Узря простерта на плаще меня,*
Не сетуйте, родители любезны!
И мрачну горесть прогоня,
Отрите токи слезны!
Я сладким сном покоюся и славным!
Здесь долг мой на земле я свято чтил;
В боях — под знаменем ратным
Врагов отечества бестрепетно разил;
10 В дни мира тих как агнец был незлобной;
В сообществе — усердный гражданин,
В семье — надежный брат, покорный сын,
К супруге, к чадам я до двери гробной
Любовью нежной пламенел:
Днесь к Богу отошел
Принять за подвиг мой награду!
А ты, о юный друг моей души!
Оставшемусь тебе в отраду
Младенцу нашему внуши,
20 На ранню указав мою могилу:
Сколь сладко смерть вкусить за родину нам милу!

<осень 1812>

* Убитого ядром 26 августа в Бородинской битве.

НА ИСТРЕБЛЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ,
НАГЛО В СЕРДЦЕ РОССИИ
ВТОРГНУВШИХСЯ

Пал наглый сопостат России!
Где вы, тьмочисленны полки,
Что, гордые подъямля вы,
Презрев союз ея руки,
Дерзнули ей грозить цепями?
Где ныне вы?.. Легли рядами!
И даже ваших нам имян
Не скажет надпись гробовая:
Прохожий, прах ваш попирая,
10 Не будет знать, кто им поправ.

О росс! ликуй, — твоя победа!
Ликуй и пой: поправ врагов!
Нет буйству их отныне следа!
Из их поверженных рядов
Твоя изникла прочна слава!
Ты змия сокрушил стоглава, —
Стоока Аргуса сразил,
Очистил землю от разбоев,
И свету указав героев,
20 В нем мир погибший водворил.

Прочь, прочь, печальны вспоминая
Исполненных бедами дней!
Прешла година испытанья, —
И память скорбную о ней
В могилах погребем с врагами!
Прочь, прочь! Восторг владеет нами!

Упьемся радости одной!
Почто? — нет, вспомним бурно время,
На стыд врага, — на тяжко бремя,
30 А нам для славы лишь прямой.

Не росс, в победах возмужалый,
Свой грозный препоясав меч
И тверды опуствя забралы,
Возмнил войной неправой течь!
Он в недрах собственного царства,
Имущи кладези богатства,
Как кедр цветет во крепость сил!
Его земель наследны грани
Не требуют безбожной брани:
40 То враг на росса наступил.

Как в смрадной лежа тигр берлоге,
Вдруг зрит коня перед собой,
Бегуща бодро по дороге
С подъятой высоко главой;
Хотя еще кровавы члены
Тех жертв, что вновь им умерщвлены,
Густой вокруг пускают пар;
Но их на снедь бросая врану,
Летит он, чтоб коню попруну
50 Убийственный нанести удар.

Так скопище злодеев смело,
Крамольный, буйственный народ,
Единое составя тело,
Единый съемля зверства плод,
Для новых жертв бросает прежни,
И мысли не тая мятежны,
В безумной ярости гласит:
Хоть крови упились досыта,
Не вся еще вселенна скрыта,
60 В ней много твердых царств стоит!

И меч злодеев изощренный
К России первой устремлен!

Как уголь, в горниле разожженный,
Так взор их гневом разожжен, —
Гортань подобна Этны зеву.
Но что подвигло их ко гневу?
Что месть их направляет вновь?
В России непорочность нрава,
Ея обилье, сила, слава,
70 Законный царь, — к царю любовь.

Дрожат под наглою их стопою
Обширны земли трех держав!
Тьмочисленна их войска строю,
В ряды теснейши сонмы сжав,
Земли единой было б мало.
Уже глава, иссунув жало,
В полночну область точит яд;
А хвост, на юге извиваясь,
Отчизны стен еще касаясь,
80 Влечется шумно чрез сармат.

Бегут Россию, им постылу,
Единым зевом поглотить, —
Чрез куплю, власть, коварство, силу
С собой умея ополчить
Народ земного полушара.
Так псы, от бешенства что яра
Бегут на львицу с многих стай;
Космата шерсть дрожит от злобы,
Сквозь ребр вздымаются утробы,
90 И сиплый излетает лай.

Так гнусных нечистот рожденье,
Зловоний чадо, саранча,
Что в гневе выше Провиденье
Наместо грозна шлет бича,
Полдневно солнце заслоняя,
День в черну полночь претворяя,
Телами малыми сплотясь,
Летит на гибель селянину

100 В минуту все пожрать единому,
Что в годы длинны он припас.

Сармат, — сей раб непостоянный,
Свободу потеряв свою,
От росса многожды попранный,
С ним мериться возмнил в бою!
Сармат, известный лестью нрава,
На купле совесть что и слава;
А с уст течет зловредный мед:
С светóчей мчится пред врагами,
110 Ложится на водах мостами
И выю под ярем их гнет.

Полшара целого народы
Подъяли на Россию меч!
Так в устье тока скудны воды
По капле начинают течь,
Но, рубежи прейдя наследны,
Прияв в пути ручьи соседни,
Становятся от них рекой;
Гордятся бурных вод обильем,
Крутят, ревут, бегут с усильем,
120 Хотя и сильны не собой!

Что ряд, — что строй, — то племя ново;
Отлична поступь, облик, стан;
То чуждого наречья слово;
То детище сторонних стран.
Невнятны испуская клики,
На разны всяк глася языки,
Другому непонятен был.
Так в дерзостно столпотворенье,
Всяк новое сложа реченье,
130 Вотще друг к другу говорил.

И вы, под крылья что орлины
От бурь, приникши, крылись злых,
В гремющий век Екатерины,
Ея преемников благих,

И в веки самы отдаленны, —
И вы на россов ополченны!
О стыд! природы чин попран!
Птенцы на мать свою восстали,
Грызут сосцы, что их питали!
140 Пояща сохнет грудь от ран!

Предыдет смерть врагу с косою;
За ним пожары, цепи, глад;
С ним лесь излучистой тропюю
И ложь бесстыдна йдут в ряд.
Где то чудовище промчится,
От крови там земля дымится, —
От стона свод небес дрожит!
Жнет наглая равно кончина
На ниве кротка селянина
150 И в храмах собранный синклит.

Там мать, биющаясь от раны,
Держа у сердца чад своих,
Что зверски перед ней закланы,
В себе кончается и в них,
Вкушая дважды смерти муку!
Друг к другу там простерши руку,
Супруги умирают вдруг;
И шля благословенье сыну,
Отец в минуту с ним едину
160 Последний испускает дух!

Там наглость, святотатство, казни;
А там свирепствует пожар!
Нет даже места и боязни:
Незапный всех разит удар.
Всё враж<ь>ей силе покорилось!
Врага секирой всё сразилось!
Но самый пристыжен успех,
Смущаясь, рек стоящим в строе:
«В войне я славен, — не в разбое, —
170 Позором вас покрыл я всех!» —

И даже смерть тогда несыта,
От яств несчетных утомясь,
На кровь, что галлами пролита,
На трепетны тела склонясь,
Глотая алчную гортанью,
Мерзит посланной вновь ей данью;
И впервые с жалостью в борьбе, —
И впервые испугавшись стону,
Творит вопрос Наполеону:
180 «Толико жертв почто тебе?» —

Но изверг сей, — отступник веры,
Гонитель церкви, — Божий враг,
Не ведает злодейству меры!
Шагает на священный праг
Через трупы, грудой взгроможденны,
Хватает Богу обреченны
Монист, мастику и металл,
И лепту не творя пощады! —
Толкает пышны русски грады
190 На тех, кто их сооружал.

Тут в гневе закипели яром
Стоящи праздно семь морей,
Бессильные грозить ударом,
И шумною волной своей
О каменны берега плескали.
«Почто не можем днесь, — вещали, —
На мощных, гибких мы хребтах
Несть пагубу врагу российску,
Чтоб, смерть ему устроя близку,
200 Погресть его в своих водах!

России мы не раз служили!
Не раз мы гром ея собой
В пространствах света разносили!
Сей гром, от коего грядой
Легли кичливы сопостаты!
Не мы ли корабли крылаты

Под флагами Гермеса ей,
На красоту ея и нужды,
Хранящие изделия чужды,
210 Из разных стран носили к ней!

Теперь ни громов мы не мещем,
Ни ей корысти не сулим,
Лишь праздною волною плещем,
Прибрежным гулом лишь страшим,
И взор к нам не летит героя!» —
Как ветер, в ущельях страшно воя,
Потрясть не могли крепких скал,
Ярится все на граниты;
Так те моря, стыдом покрыты,
220 Глощают все валом вал.

Дрожа, Европа застенала,
И в ужасе событий ждет.
«Когда от вражья, — мыслит, — жала
Часть лучшая меня падет,
Паду и я как труп безглавый!
Паду... но падши громкой славы
Коварну хищнику не дам!
Потомство узрит бич в нем грозны<й>,
И сами летописи поздны
230 Лишь будут в стыд ему и срам!»

Вселенна, вся объята страхом,
Сомнений о себе полна!
Сраженна быть единым махом
С Россией чает и она.
Все царства мнят, погибши с нею,
Добычей сделаться злодею!
Рекут: «Как пламенный поток,
Паденьем россос утучненный,
Пройдет он все края вселенны,
240 И нас постигнет тот же рок!»

Но царь российской чужд сомненья!
Далек он ложных страхов их;

Спокоен! не дрожит паденья, —
Он мышцы ведает своих
И жар любви к себе усердной;
О жертве только пораженной,
О крови пролитой скорбит.
«Сыны! — взывает, — под знамена!
Союз нарушила измена;
250 Союз измену и казнит!

Не алчу я корыстей многих!
Я каплю крови берегу!
Не преломил и клятв я строгих,
Обиды не нанес врагу!
Чист в помыслах, в делах, в приязни;
Готов всяк час и без боязни
Дать Богу на суде отчет.
Но царственным венцем венчаный
Я клялся, чтоб народ, мне данный,
260 Блюсти от наглости и бед.

Удар России угрожает!
Сыны! стекайтесь в строи!
Не царь, — отец вас призывает! —
За веру, за права свои,
За кровь, невинно пролиянну,
За клятву, дерзостно погранну,
За жен, за чад поставим грудь!
Погасим огонь градов возженных;
Отмстим невинно пораженных,
270 Препнем врагу к убийству путь!» —

И се, — на глас царя единый,
Из всех концов его земли
Стеклися мощны исполины,
Во дланях громы принесли,
Стеной поставя груди медны.
Все храбры, пламенны, усердны;
За мать сразиться всяк притек!
Отпала у врага десная!

Петрополь бодро охраняя,
280 То Витгенштейн ему отсек!

Хвала тебе, о! витязь славный!
Хвала тебе, престольный спас!
Ты дал врагу удар неожиданный
И гордость в нем его потряс!
Хвала тебе! твоё геройство
Сквозь позднее пройдет потомство!
С восторгом каждая станет мать,
Младенцев вокруг себя собирая,
В душе тебя благословляя,
290 Твои им подвиги внушать!

Отпала у врага десная;
Но час покоя не приспел!
От боли он как лев рыкая,
Не тотчас в силах оскудел!
Цела глава его стозевная!
И туча, вдруг нависши, темна
Метала на Москву огни.
Вселенну снова страх сражает;
Но царь к Кутузову взывает; —
300 Летит... вселенна отдохни!

Летит, — полетом орлим к бою,
Исполнен бодрости и сил,
Расширя крылья над Москвою!
Летит, — ударил, — победил!..
Но в час побед, на лаврах стоя,
Мудрец! умел вождя — героя
Бессмертно свойство согласить
С бесценным свойством человека,
И совести страшась упрека,
310 Умел сограждан жизнь ценить!

От вóждя отделя убийцу,
Он трепетно весы берет:
С одной страны градов царицу,
С другой — жизнь воинов кладет.

Спустилась к низу жизни чаша;
Столь кровь, герои! чтится ваша?
Стени, Москва! оплачь свой рок!
Стени! ты примешь вид пустыни;
Послужишь варваров гордыне;
320 Твой жребий на весах легок!

Увы! ты жертвой будешь тленья!
Ты будешь пищею огня!
Ничто, ничто от погубленья,
Ничто не охранит тебя!
Ни праведны, гробам присущи;
Ни в Бозе иноки живущи;
Ни дым священный олтарей;
Ни древность, — ни изрядство зданий:
Ничто тебя от поруганий
330 Не охранит в године сей.

Восплачьте горько, девы, жены!
Посыпьте перстию власы!
Нечисты там вселятся скверны,
Где чисты процвели красы!
Восплачьте горше, чем миряне,
В священном днесь служащи сани,
Архиреев, старцев чин!
Уже готово жало змия
На храмы, на места святя
340 Весь яд изры́гнуть сатанин!

О горесть! О удел жестокий!
Сам твердый дух, — Кутузов сам
Горчайших пролил слез потоки,
К преклоненным воззрев весам,
И очи отвратил со стоном.
«Мужайся! — рек, — Москвы уроном
России ты спасешь сынов!
Сей гордый град, веками чтимый,
Колосс, — гигант, отвсюду зримый,
350 Изроет, падши, хищный ров!

Пред жизнью что́ сокровищ трата!
Падет с богатствами престол;
Гора обрушится из золота;
Исплется цветущий дол,
Древа растут где гесперийски:
Их снова воины российски
Победной насадят рукой,
А жены окропят слезами,
Что в радости прольют пред нами,
360 Как будто утренней росой.

Пусть гладных вранов <хищна> стая
Себе из пепла роет снедь!
Близка ея кончина злая!
Взревет, — как Этны в жерлах медь;
Сгустится дым над облаками;
Сверкнет гранена сталь огнями;
Взовьется в воздухе свинец:
И я, — к стопам России гневной,
И сын ея, и в ней вспоенной,
370 Победы положу венец!» —

Умолкнул вождь, — его молчанье,
Как в море тишина пловцам!
Свершилось грозно обещанье;
Свет зрит событие речам.
Где полчища врагов?.. что стали?
О горе им! стеная, пали,
Как срубленный секирой лес,
И память с шумом их погибла!
Лишь правых жалоба достигла
380 На зло разгневанных небес!

А вы, России верны чада,
Что в дань себя ей принесли!
Вам, спящим, подвиг ваш награда!
Вы прежнюю вольность ей спасли,
И к славе перешли — не к смерти!
Не может зависть бледна стерти

Высоких сих заслуг пред ней,
Ни алчны поглотить их годы:
Небесные рассекши своды,
390 Взойдут оне к Царю царей.

Спокойтесь, вдовицы нежны!
Не время слезы проливать!
Да сны престанут впредь мятежны
Ваш робкий, — страстный дух смущать!
Пусть вам лавровы снятся сени.
Героев тамо ваших тени!
В их ребрах язв нет роковых;
Омылись пятна все кровавы, —
Венец лишь лучезарной славы
400 Чело осиявает их.

Я зрю их, вкупе там собранных:
Как день — лице, как свет — волосы;
Одежда из лучей сотканых;
Песчаны под ногой часы,
И в Бога взор вперен их ясной.
Их речь: звук арфы сладкогласной;
Их образ: полная краса.
Рекут: «Бессмертье мы вкушаем;
Пятою веки попираем:
410 Се ключ, — да внидем в небеса!» —

Так, нежны матери, — подруги!
Сей <неба> ключ вручают им
Их жизнью купленны заслуги.
На радость слезы пременим!
С престольных не гремят нам цепи;
От срама не побегнем в степи:
Царю враги покорены
И царства жезл вручен сугубы!
Вострубим днесь в победны трубы:
420 Хвала вам, росские сыны!

МЫСЛЬ ПРИ ГРОБЕ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
ГЕОРГИЯ, ПРИНЦА
ГОЛШТЕЙН-ОЛЬДЕНБУРГСКОГО,

*благоговейно посвященная супруге его, в Бозе ныне почивающей,
ея императорскому высочеству великой княгине Екатерине
Павловне*

Чей вижу одр простерт в сей храмине унылой?
По ком раздавшийся мне слышен вопль в ночи,
И тысячами вдруг зажженные свечѣ
Над чьею днесь горят изрытою могилой?

Се отрасль юная царей!
Лоза, в Эдемский сад пересаженна,
Что с розой севера была сплетенна!

Подул борей...
10 Подул, — и нет ее... увы! упала!
С ней роза свежая увяла, —
Увял Эдемский с ними сад!

*

Где, где рожденный сей для диадимы?
Где он? — что случилось с ним? в горящем сердце хлад!
О! Божески судьбы не постижимы!
О! горький смертного удел!
На то ль в нем жизни огонь горел?
На то ли он стал мил Екатерине, —
В одну с ея душой свою он душу слил,
20 Чтоб век ея отныне
Был мрачен и уныл?
Чтоб вдруг два ангела небесны,
Юнейших два птенца,

Лия потоки слезны,
 Взросли не под щитом отца!
 На то ль, чтоб сирые, увечные, вдовицы,
 Трапезу от его имушие десницы,
 По стогнам и лесам скитались для куска:
 Чтоб тяжкая тоска
 Как камень на груди лежала их иссохшей,
 30 И путь их, тернием поросший,
 Георга им всяк час оплакивать велел!

*

Таков здесь смертных всех удел!
 Заснешь в блаженной доле;
 Проснешься сир и наг!
 Что ж нам? подклонимся Творца всемогущей воле?
 Снесем без ропота земных лишенье благ;
 Испьем с покорностью из горькой чаши,
 Котору Промысл растворил для нас!
 Земные блага суть не наши!

*

40 Роптанья глас
 Сзывает на главу отмщенья громы!
 Сам бранный человек есть в мире сем слепец,
 Рукой незримого Отца ведомый!
 Ужель погубит чад своих отец?
 Нет, нет! преступна мысль сия едина!

*

России честь, краса — Екатерина!
 Не к плачу ты в сей мир, — не к стону рождена!
 Ты Небом нам дана,
 Скорбящих для отрады!
 50 Воззри на юные, тобой рожденны чады,
 Еще в младенческих лежащи пеленах,
 С невинным смехом на устах;

Ужель веселость их ты отравíšшь тоскою?
Ужели с первою зарёю
На нежный, нерасцветший цвет
Палящая роса падет?

К царице плачущей прости дочерни взоры!
Для радостей ея, для счастья и опоры
Тоску свою умерь,
60 И сердцу матери отдай дражайшу дочь!

<ДЕКАБРЬ 1812>

[СТИХИ ИЗ ПИСЬМА К А. С. ШИШКОВУ]

Хоть бедность не порок
Для тех, в ком есть умок;
Однако всяк ее стыдится,
И с ней, как бы с грехом, таится.
К иному загляни в обеденный часок:
Забившись в уголок,
Он кушает коренья:
В горшечке лебеда;
В стаканчике вода:
10 Спроси, зачем? — «Так, братец! для спасенья!
Пощусь! — сегодня среда!» —
Иной вину сухояденья
На поваров свалит;
Другой тебе: «Я малым сыт!» —
У третьего: «Желудок не варит!
Мне доктор прописал диету». —
Никто без хитрости и без затей
Не скажет попросту: «*Копейки дома нету!*»
Привычки странной сей
20 Между людей
Мы знаем все начало!
Так будет и бывало,
Что всяк таит свою суму.
Итак, прошу не погневиться!
Ну ежели и тот стыдится,
Что кушать нечего ему,
Кто вправду голодом томится,

То как же я подложной нищетою
Родителей моих ославлю в позднем роде?
30 Не ведали они напасти той,
Но жили по дворянской моде!
Палаты с флигельми в наследственном селе;
Вкруг сада каменна ограда:
В одном угле
Качели, детская привада, —
В другом различны теремки,
Из дерева грибки
И многие затеи.

Лимоны, персики, тюльпаны и лилеи
40 В горшечках и в грунту,
С плодом и на цвету,
У батюшки мово щипали как крапиву!
Орехи кедровы, миндаль, —
Ну словом, всё свое! ни даже черносливу
Купить не посылали вдаль
На зимню трату!
Всё в садике росло, хотя не по климату.
(Губерния — Рязань, Ряжск-город был уезд.)

Груш, яблук... точно в небе звезд!
50 И все как в сахаре наливны;
На мед не тратили ни гривны:
И даже патока своя,
Затем что были пчёлы.
Что день, — то два иль три роя!
А люди-то бегут — и принимают в полы!
Голубушки! Как бы теперь на них
Гляжу, на пчёлку сих!
Летит красавица! вся словно золотая!
Тащит в двух задних лапках мед;
60 То липочку, то розу пососет, —
Передней лапочкой из ротика возьмет
Да в заднюю передает.
Подчас их цела стая,
И каждая поет!
А я, поставя уши рядом с веткой,
Учусь у них жужжать,

И мысля подражать,
Клохчу наседкой!
70 Сама же думаю: точь-в-точь переняла.
Ребенок я была!
Однако детская мне в пользу шалость эта:
От пчёлки я и в поздни лета
Навыкла песнью труд мой усладить,
При песнях работáть,
За песнью горе забывать.

Однажды, помню я, сорвать цветок хотела;
Под листком таясь пчела сидела:
Она меня в пальчишко чок!
80 Как дура я завывала...
Уж мамушка землей лечила,
Да сунула коврижки мне кусок.
В ребенке невелик умишка!
И горе, и болезнь — всё вылечит коврижка!
Умом я и поднесь не очень подросла:
Прилично ль, столько наврала,
От главной удаляся цели!
Простите! — на беду
Некстати пчёлки налетели!
90 Теперь же вас назад сведу,
На прежнюю беседу!

Отцу мому, и деду,
И прадеду, и всей родне,
Не как теперя мне,
По Божеской всемошной воле
Назначено в обилье жить!
Себя, гостей и слуг кормить
Довольно было хлеба в поле.
Три брата у меня, — сестрами сам-третья, —
И всем меньшая я.
100 Мной матушка скончалась;
За то всех хуже я считалась.
Дурнушкою меня прозвали!
Мой батюшка с печали
Нас роздал всех к родным.

Сестрам моим большим
Не жизнь была, — приволье!
А я, как будто на застолье*
В различных девяти домах,
Различны принимая нравы,
110 Не ведая забавы,
Взросла в слезах,
Ведома роком неминучим
По терниям колючим.
Наскучил мне и белой свет!

Достигши совершенных лет,
Наследственну взяла от братьев долю,
Чтоб жить в свою мне волю.
Тут музы мне простерли руки!
120 Душою полюбя науки,
Лечу в Петров я град!
Заместо молодцов и франтов
Зову к себе педантов,
На их себя состря лад.
Но, ах! науки здесь сребролюбивы!
Мой малый кошелек стал пуст!
За каждый период игривый,
За каждое движенье уст,
За логически фразы,
130 Физически проказы,
За хлеб мой и за дом
Платя наличным серебром,
Я тотчас оскудела, —
И с горем пополам те песни пела,
Которые пришли по вкусу вам.
Вот исповедь моим грехам!

Остались у меня воздушные насосы;
Но были б ноги босы,
Когда б не добрый наш монарх,
Подобье солнца лучезарна,

* Застольными в деревнях называются дворовые люди.

140   Что, в тонких нисходя лучах,
              От быля до зерна песчана,
              От мошки до слона
              Вливает жизненные силы!
              Так им мне сила вновь дана;
              И музы вновь меня ласкают мило!

25 ФЕВРАЛЯ 1813

ПЕСНЬ АЛЕКСАНДРУ ВЕЛИКОМУ,
ПОБЕДИТЕЛЮ НАПОЛЕОНА
И ВОССТАНОВИТЕЛЮ ЦАРСТВ

Ликуй, Москва! о град священной!
Ликуй, твой царь тебя отмстил!
Пожары кровью погасил,
Из ребр злодейских источенной!
На их престольный град идет;
Сожжет его, — истнит, — сотрет:
Твердыни их изгладит в степи!
Тебя, кто мыслью оскорбил,
И тем, — и тем на выю цепи!
10 Ликуй, Москва! грядет Царь сил!

Земля сотряслась от удара!
Завыли сенские брега:
О страх! О! люта часть врага,
Навлекша казнь отмщенья яра!
Я зрю летающ меч по них, —
Главы как класы жнутся их, —
Валятся с треском горды стены, —
Златые рушатся дворцы:
20 Под ними купно погребены
Младенцы, матери, отцы!

Таков нетерпящий коварства,
Разгневанный Царь сил таков!
Наступит на хребты врагов;
Попрет ногой мятежны царства,
На троны их трофей взнесет,
И меч тогда лишь отдохнет,

Как племена погибнут злобны!
Где скроетесь?.. Куда уйти?
Но что?.. Воскресните, виновны!
30 Грядет к вам ангел во плоти!

О кротость, всем неимоверна!
Зерцало Божьей лепоты!
О дивный мой монарх! се ты!
Се мудрость, свыше вдохновенна!
Се ты, России царь, отец,
Грядешь, собирая дань сердец!
Наместо заслуженной казни
Ветвь масличну несешь врагам;
Бодришь преступных от боязни,
40 Им руку простирая сам!

Стоят внезапно цепенелы,
Потупя долу очеса!
Затихли дерзки словеса,
Доднесь толико бывши смелы!
Вотще, глас совести глуша,
Ко злобе силится душа;
Не сыщут злобы, — умиленны!..
Дивясь, любовью горят!
К тебе сердца их покоренны, —
50 К тебе хвала и мысль летят!

Двух царств потомству для сравненья
Современныя цари стоят:
Того неправо меч подъят;
Сей, вызван, идет для отмщенья.
Тот лавой огненной течет:
Ему кровь с жупелом вослед;
В гортани яд, — в очах свирепство, —
Шипучие змии у ног:
Где ступит — казнь, неволя, бедство;
60 Сей милости лиет, как Бог!

Тот, длань подъяв неутомленну,
Лишь алчет покорить мечем, —

Да слава прогремит о нем,
Что бич он Божий на вселенну;
Что, реемый из град в град,
Весь мир как язва или глад
Опустошил в немноги годы;
Сей движим благостью одной,
Идет спасать от бедств народы,
70 Не алча славы и прямой!

Тот, мощью ада ополченный,
Набег на дружеску страну;
Сошел коварства в глубину,
Обеты преломя священны.
Не в бой сомнительный; — как тать,
Как тигр бежит опустошая!
Увы! сан царский пристыжая,
Грозит, — развратом ополчен!
80 Бунт, подкупы, пороков стая —
Суть ратники его знамен!

Но что те полчища нечисты?
Россия не трепещет их!
Не внемлят подущений злых
Ея сыны, на брань огнисты!
На куплю не пускают честь!
За подкупы злодею мечь!
Как львы вокруг наследна трона
Рыкают, мщением горя!
90 Сомкнуты груди — оборона:
Падут, иль защитят царя!

Москва, имуща тяжку рану,
И каплюща из сердца кровь
Питала ту ж к нему любовь
И равну ненависть к тирану!
Ни лестью слов, ни мощью сил
Наполеон не победил!
Маститая царица славы
В гоненьи пребыла тверда!

100 Орлу законныя державы
Собой не нанесла стыда!

О! сколь успехи разнородны
Свирепых и великих дел!
Наполеон себе обрел
Одни проклятия народны!
Во всех подсолнечной краях,
Средь знойных поясов, во льдах:
Везде, где только есть языки, —
Где слух народной отворен,
Российский Александр Великий
110 Везде, — от всех благословен!

Нетленным лавром осененный,
Явился вражеским полкам:
И там благословен, и там!
Под стены идет покоренны:
Париж, дух бранный усмиря,
Приял как своего царя!
Народ толпится, будто волны!
Не видно скорбного чела!
Лобзают прах, восторга полны,
120 Стопы и конски удила!

Вельможи, в стройном стекшись чине,
Возггли торжественны огни!
Повсюду радости одни,
Как будто в собственной дружине!
Повсюду раздается клик:
«Велик российский царь, велик!
От бедства свободил вселенну!
Виновных милуя простил!
Врагами бездну растворенну
130 Рукою мощной затворил!»

С каким тебя героем славы, —
С каким властителем сравню?
Найдется ль где такой? — не мню!
В одном — всех доблестны их нравы!

Ты царь, отец, — и гражданин!
Ты — всё желанное один!
Спряг ты храбрость с снисхождением,
Победы с кротостью святой, —
140 Велики подвиги с смиреньем, —
Великий сан свой с простотой!

Что, что Помпеи, Африканы?
Что Цесари и Геркулес?
Мастики жгли им до небес,
И обожилась истуканы:
Но что они перед тобой?
Их лавры: кровь, и плач, и вой;
Твои: всеобщее спокойство.
Их цель: испепелить града;
Твоя: соделать в них устройство,
150 Щитить собою от вреда!

Возьму ль побед тех ликованье?
Зрю погребальный только ход, —
В веригах скованный народ, —
Награбленных богатств собранье, —
Влекомых у колес царей;
Зрю мрачну скорбь, — ошую с ней
И сами Боги те венчанны!
Златые к облакам врата, —
На дске деянья изваянны:
160 Вот вся побед их лепота!

Тебя, текуща ныне с бою,
Врата победы не вместят!
Подъятых царств ведешь ты ряд;
В венце Россия пред тобою!
Грядешь, как светлый сам жених!
Полки врагов, от рук твоих
Что тяжка плена свободились,
Идут, тебе ликуя вслед:
Острей мечи их изощрились
170 Под сению твоих побед!

Науки, снова воскрilenны,
О твой держась булатный меч,
В Россию жаждут снова втечь,
Войной быв нагло отторженны!
Изделия, торги, мена,
Твои увидя знамена,
Толпятся вокруг, познав свободу.
Навьюченный верблюд и мул
Несет обилие народу,
180 И землю сотрясает гул!

В моря, повсюду отворенны,
Летят с богатствами суда:
От груза — пеною вода,
От щегол — будто лес возвращенный!
Британски<й> легкокрылый флот,
Твой красный украшая ход,
На всех ветрилах мчится дружно!
Изделий дивное число,
Художество, в трудах досужно,
190 Во все пределы понесло!

Где есть ваятель столь чудесной;
Где кисть, иль молот, иль резец,
Что мог бы из конца в конец
На дске, толико ныне тесной,
Великий подвиг твой явить?
Не может ум его вместить,
Ни мысль исчислить скоротечна!
Ему резец: спасенный мир, —
Ему ваятель: слава вечна;
200 В сердцах, — не в камне твой кумир!

Тебе победну песнь поюща,
Я зрю: пределов слову нет!
Восторг мой далее влечет!
Убрав цевницу листом плюща
И мирты для тебя вия,
Не умолкая б пела я!

Как ты, свершая подвиг дивный,
Ишел под Божеским щитом,
На рати наступя противны,
210 В мятежных правый бросил гром!

Как змия одолев стоглава,
Ногой ему на выю стал!
Как мир тебе весь восплескал,
И звучна загремела слава!
Как твой едиnorodный брат
Перуны мечет в супостат,
Меж храбрыми носясь полками:
Своим утеха, чуждым страх,
Летает смело под огнями:
220 И гнев и милость на очах!

Как сам под пуль и ядер свистом
Стоишь нетрепетной ногой:
Они мелькают над тобой;
Ты, в духе не смутясь чистом,
Врагу на гибель роешь ров!
Как ты полки своих орлов
Предводишь сам на ратно поле:
Быстр, смел, неутомим, не горд...
Но нет! я петь хотела б боле,
230 Как ты жалеешь смертных род!

О! вы, грядущие пииты,
Сколь ваш ни сладок будет глас,
Мы зависть возродим у вас!
Не будем мы вовек забыты!
Не станем наряду ни с кем!
Из уст в уста мы перейдем,
За подвиг Александра чтимы,
Доколь подлунный мир стоит,
Всевышнего рукой хранимы<й>,
240 И солнце луч не погасит!

Где я? что дух мой созерцает!
Зрю, сумрак ночи развлекло,

И твердь, сквозяща как стекло,
Зажжены звезды мне являет.
Вот идут все они грядой, —
Свились венцем между собой,
В эфире стали недвижимо!
Под ними праведны цари
Проходят в светлых тенях мимо,
250 Одеты мантией зари.

Вдруг встали от земли кадилы,
Горе мастичный дым лия.
Внезапну храмина моя
Сотряслась от незримой силы.
Разверсты вижу небеса,
И тихи ветры в ушеса,
Как будто стройные тимпаны,
Мне тихо пение несут:
260 Зрю, в купах ангелы собраны
Протяжно, сладостно поют.

«Блажен! — поют небесны лики, —
Блажен, имевый Божий страх,
Ходящий в праведных путях, —
Блажен, — о! Александр Великий!
Он кроток, и смирен душой!
Вкусивый от земных честей,
Гордыни буйной не упился;
Но духом трезв, желаньем чист,
Он вящше пред Творцем смирился,
270 И заповедь Его хранит!

Блажен, блажен за благостыню!
Он каплю крови бережет;
Как чад, людей своих блюдет;
Их счастья основал твердыню!
Заблудшим от стези прямой,
Да пойдут по стезе святой,
С терпеньем оставляет время.
Питает сырых, немощных, —

Подъял не втуне царско бремя:
280 Не дремлет он для дел благих!

Блажен за мудрость сокровенну!
Земный пренебрегая тлен,
Он духом к Небу вознесен,
На мощь не полагаясь брэнну!
Он ведает, что всё пройдет,
Едино лишь добро живет, —
И что идуще долу мимо
Есть дым и суетна тщета!
290 Что семя благ в добре хранимо:
Оно нетленна лепота!» —

Умолкли гласы вождеденны!
Тут тени праведных царей,
Ликуя о хвале твоей,
Явили взоры умиленны.
Но паче светлыми других
Я зрела предков там твоих.
«Блажен, — гласят, — нетленной славой,
Блажен, возлюбленный наш сын!
300 Россия под его державой
Как злачный утучнится крин!»

<АПРЕЛЬ 1814>

УСЕРДНОЕ ПРИЗЫВАНИЕ АЛЕКСАНДРА
ОТ ВЕРНОПОДДАННЫХ ЕГО,
ТОРЖЕСТВУЮЩИХ В С.-ПЕТЕРБУРГЕ
ВЗЯТИЕ ПАРИЖА 1814 <ГОДА>
АПРЕЛЯ 15, 16 И 17

Гряди, россиян упованье,
Венчанный лаврами герой!
Весельем чад своих напой:
Тебе сердца их в воздаянье!

5 Гряди, бедами искушенный,
Средь нежных отдохнуть детей!
Они прольют тебе елей
На перси, терном уязвленны.

10 Гряди, посланник Вышней власти,
Любимец избранный Небес!
На верх ты счастья нас вознес,
Во славу пременил напасти!

15 Пифийска одолел ты змия!
Един с полсвета снял ярем!
Надменная своим царем,
К себе зовет тебя Россия!

20 Петрополь вид приял пустынный,
Уныл и скорбию одет:
Тебя, спаситель наш, в нем нет,
И длятся дни, как годы длинны.

Как сад, взлелеянный трудами,
Вдруг силам преданный своим,

Уныл и ветрами борим:
Так скорбны мы, коль ты не с нами!

25 Как нива, класами богата,
Главой приникши от дождей,
Ждет алчно Фебовых лучей;
Так ждем мы твоего возврата!

30 Взойди скорей, о! солнце наше,
И тускло небо освети!
Рассекши тучи на пути,
Явишься ты светлей и краше!

Петрополь яркими огнями,
Тебя сретая, заблестит.
35 Они угаснут; но горит
Любовь к тебе, лишь смертна нами!

Гряди, россиян упованье,
Венчанный лаврами герой!
Да благость Божья над тобой
40 Почиет вечно в воздаянье.

<НАЧАЛО АПРЕЛЯ 1814>

~~~~~

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ
ВЕЛИЧЕСТВУ, ИМПЕРАТРИЦЕ
ЕЛИСАВЕТЕ АЛЕКСЕЕВНЕ,
НА РАДОСТНОЕ, ПО ОКОНЧАНИИ ВОЙНЫ
1814 ГОДА, ИЮЛЯ 30 ДНЯ ГОСУДАРЯ
В С.-ПЕТЕРБУРГ ПРИБЫТИЕ

Возрадуйся о нем, краснейшая из жен!
Днесь идет твой избранный,
Грядет, оливою венчанный,
И свежим лавром осенен!

5   Возрадуйся о нем, он спас вселенну,
        Потоки слезны осушил,
        Кровавы раны затворил,
        Влил в сердце радость незабвенну!

10   Возрадуйся о нем, ехидну он попрал,
        Стер жало змию ядовиту,
        Замкнул гортань его несыту
        И цепью злобу оковал!

15   Возрадуйся о нем, хвала он росску трону,
        Ветвь лучшая его царей,
        Заря блестящих наших дней,
        Перл, красящий свою корону!

20   Возрадуйся о нем, к нему от всех устен
        Мольбы, обеты, поклоненья,
        Как дым от жертвенна куренья:
        Предвечным он благословен!

НАДПИСИ НА ВРАТА,
ВОЗДВИГНУТЫЕ В 1814 ГОДУ
ДЛЯ ВШЕСТВИЯ АЛЕКСАНДРА
ПОБЕДОНОСНОГО

1

Не гордым именем Колосса,
Усердьем знаменит сей труд!
К бессмертию тебя сведут
Дела твои и счастье росса.

2

Не памятник тебе воздвигнуть,
Но дань сердец принести спешим!
Созданное рукою тленно;
Бессмертен будешь ты в делах.

3

Хотя б пира́миды воздвигли мы из злата,
И те подсеклись бы равно
Рукою времени крылата;
Лишь славы твоя не повредит оно!

<июль 1814>

~~~~~

К П. М. Т<ОЛСТ>ОЙ,
НА УЖИН А. С. Ш<ИШКО>ВА
23-ГО ГЕНВАРЯ 1815 ГОДА

Посланья от меня, Толстая, ты желаешь!
Послать не мудрено,
Сама ты это знаешь!
На то господство нам дано,
А людям нашим ноги,
Чтоб мы без всяких нужд имели нужд содом;
Они, с записками носясь из дома в дом,
Шагами меряли дороги,
И часто в грамотке и на словах
10 Посольство отправляли вздорно;
Что выгоды тебе в моих послах?
Но ах!
Ты требуешь упорно!
Изволь! посланье у дверей, —
Читай его скорей.

Пою вчерашний я Ш<ишко>вых ужин барский:
Паштет, и *soupe aux œufs*, и креты, и желе, —
Пулярок, рябчиков, и окорок вестфальский,
И пену сливочну, из коей на столе
20 Венеры чудилось мне дивное рождение, —
И род чешуйчатой в пернатых прехожденье*,
И грани сахарны, таящие плоды;
Сюрпризы, сделанны хозяйшкой из слюды,
И в чашах виноград, — и многи сладки блюда,
Кухмистра Л...ной труды,

* Птицы, фаршированные рыбами.

Которы так твоя любезная сестрица,
 Постившая в пяток, для спасенья души,
 И прочи, без поста, присутствующи лица
 Нашли, что хороши!

*

30 Пою в стихах простых и вольных
 Трех граций я,
 Ошую у меня соседушек застольных,
 Различных нравами, как ночь от дня,
 Но сердца добротой похожих друг на друга.
 О! ты, всегдашня их подруга, —
 На помощь, муза, поспеши!
 Их разны свойства опиши!
 Твоим взлелеяны они надзором, —
 Ты острым взором
 40 Читаешь тайны их сердец;
 Подай мне верный свой резец!
 Чтоб лесь мне не была уликой,
 В природе я простой подобье почерпну;
 Фиалкой назову одну,
 Вторую повиликой, —
 Нарциссом третью; о муза! довершай!

Подобья одного мне не достало!
 Другое к ним подвинь зеркало,
 И в образе живом их дай!

50 Хочу твоей рукой, правдивой и отважной,
 Цинтию скромною явить,
 На брег душистый посадить,
 В задумчивости важной.

Вокруг ночная тишина;
 Зажженны в небесах светила;
 Гонящая одну другой волна;
 Таинственна природы сила
 Окрест в согласии видна!
 Цинтия важная одна:

60   Власы разбросаны небрежно;
Взор тихий устремлен на бьющи волны в камень:
В нем видны скромный пламень
И сердце нежно.

Стой, зеркало волшебно! стой!
Цинтии не похить от взора!
О! верь, Цинтия, — верь! я не боюсь укора!
Душа моя полна тобой!

*

70   Что вижу в зеркале? игрива Флора
Порхает легкою стопой
По холмам испещренным,
С венком, в волосы вплетенным:
Как вихрь скоро!
Нет! вихри упреждает!
Вот здесь она... нет, там уже летает!
Ей холм — гора,
Покаты — косогоры,
Стопы не препинают скоры!
Вокруг ея цветы,
80   Природы красоты,
И яркий день сияет!
Из уст веселье излетает!
О зеркало! правдиво ты!

*

Но кто сия? — чье вновь лице мне зримо?
То Душинька, любовь богов!.. Она!
Стой, стой, зеркало недвижимо!
Картина зримая полна!

СЧАСТЛИВЫЙ МЕНАЛК

Идиллия

Теки, желанное светило!
Теки!.. и луч последний скрой!
Для тех печален запад твой,
Чье сердце скорбно и уныло;
Мое, — как в летне утро ты,
Без зноя полно теплоты.

Так мнил Меналк, свободный от печали.
Надежды тайные, ползущи как змей,
Несбывчивых утех сопутницы сии,
10 В нем более души не удручали.
Богат без золота, бодр, силен, здрав,
Он весел без забав
И счастлив без желаний.
Долина без него есть пир царей;
Не злобна тварь: собор друзей;
Доверенность к судьбам: сокровище стяжаний.

Меналк, веселья полн,
Любуясь солнечным закатом,
Воссел при токе чистых волн.

20 Богатые поля, горящи златом,
Лежали перед ним;
Ветр легкий колебал их класы;
Пернатых раздавались гласы.
Менакл внимал то им,

То светлых вод журчанью,
То листьев на деревьях немому трепетанью,
Восторгом умилен души.

30 Там пастырь, на холму заречном стоя,
Зовет рассыпанны от полденного зноя
Стада в глуши:
Свирель его наполнила дубравы.
Там кони величавы
Со ржаньем скачут на лугах,
Вздымая гривы:
Ярма не чуя на хребтах,
Счастливы.

40 Свободен, как они,
Меналк, в приятном упоенье,
Воздав Творцу благодаренье,
Воспел свои счастливы дни.

Блажен! — он пел, — блажен стократы,
Что, свергнувши ярем страстей,
И время, и покоя без утраты,
Я в мире с совестью своей,
Как чадо, верное природе,
Дышу в свободе!
Бесхитростен и прост,
Стяжаний не томлюсь алчбою;
50 Дары Творца не отпускаю в рост,
Доволен данным мне судьбою;
Не строю башен на песках
Сыпучих, зыбких, ненадежных;
Главы не возношу до облак снежных:
Мне чужд паденья страх.

Блажен, что с завистью стоокой,
Сей лютой хищницей покоя, не знаком!
Пускай они: иной на степени высокой,
Другой из мрамора состроит дом,
Тот скопит злата слитки:
60 Я радостно смотрю на их избытки.

Пускай достоин сей венца, —
Меня то ревностью не гложет тайной:
Не зрю в преспеяньи судьбы случайной,
Но волю познаю Творца!

Когда соседние стада
Начнут от тука лоском покрываться:
Всегда

70 Хожу на них я любоваться!
С сироткой, с бедняком
Делюся молоком
От каждого удою;
Служу охотно им и коз моих волною,
Быв сыт и тепел сам.

Благодаренье небесам!
Четыре у меня! как кипень белы,
Здоровы, резвы, смелы:
По голосу ко мне бегут издалека;
Еще с ягнятами две матки;
80 Телица пусть одна, но столько молока,
Что даже есть остатки.

Пускай и нет в дому моем рабов;
Но, быв охотник до трудов,
Обилую богатством толь я многим,
Что Крез передо мной мне кажется убогим:
Оно в умеренности нужд;
Я ею скорби чужд.

К Раисе более любовью не таю
И иго сверг с себя:
Я ныне счастлив, не любя!
90 Хоть говорю о ней, хоть вовсе забываю,
Покоя не теряю!
Пусть гордая живет сама с собой,
Себе не зная равных;
Покой считаю мой
Дороже душ я хладных!
Когда тебя, надменная! любил,
Я каплю радостей вкусил

И море йспил огорчений...
Конец, Раиса, заблуждений!
100 Здоров и телом и душой.

Не лунными кругами,
Считать устанешь и годами,
Как раб я был, Раиса, твой!
Взлелею ли цветок красивой и душистой,
К тебе несу с смиреньем на поклон!
Других покоит сон;
А я с скалы кремнистой,
Мой к лире присторояя глас,
Тебя пою в полночный час!
110 Пою, не ждав суровства обороту;
Но пеньем усладить твою дремоту
И сладки на тебя спустить мечты.
Была ли и за то мне благодарна ты?

Когда идешь за тучными стадами,
И их любуясь пестротой,
Улыбкой озаришь взор мрачный свой;
Тот прах, которому касалась ты стопами,
Тогда я рад, приападши, целовать;
Я рад тогда и жизнь мою отдать!
120 И солнца, и авроры
Приятнее твои казались мне взоры,
Хотя и не ко мне обращены.
Чем та любовь и муки возданы?
Неверная! я болен был:
Отец и мать у ног моей постели
С отчаяньем сидели:
К отцу и матери остыл!
К тебе одной я мысленно стремился!
Твой образ надо мной носился;
130 Тебя одну во всем я зрел!
Мой дух уже готов расстаться с телом;
А я в бездействии немелом
К тебе летел!

Что ж делала в то время ты?
 Беспечно на лугах рвала цветы,
 И жив ли я, спросить не пожелала!

Эльвира страсть ко мне питала:
 Я подарил тебе корзинку для плодов,
 Котору для меня Эльвира соплетала
 140 Из миртовых душистых корешков,
 Цветной соломкою обвитых.
 Я всё тебе отдать желал,
 И в сих желаниях насытных
 Себе казался беден, мал,
 И дерзостно роптал на Провиденье!
 Поверят ли? вменял я в преступленье
 Сберечь что для себя!
 Отец, меня с горячностью любя,
 Принес мне яблоко, сквозяще от налива;
 150 Я мнил тогда: оно счастливо,
 Как будет у тебя
 Одно ли то: и вишни сладки,
 Малину зрелую и всех плодов начатки
 Я сам ни разу не вкусил:
 Тебе носил.
 Как раб я к твоему прикованный был дому!
 Неблагородная! а ты к другому...
 Нет! нет! я тем тебя не упрекну:
 Себя любила ты одну! —

160 Так пел Меналк свободу возвращенну!
 Тут песнь свою неухищенну
 С весельем прёрвал он,
 И отходя под сень смиренну,
 Еще возрел на небосклон.
 Аврора алыми перстами
 Замкнула солнечны врата;
 Но запад всё еще горел огнями!
 Природы лепота,
 Прозрачным облекшись покровом,
 170 В величии восстала новом.

Взошли от трав куренья к небесам:
Пары, вздымаясь над лугами,
Казались очесам
Пловущими морями.
Пернатых хор замолк:
Они склонились к покою.
Лишь хищный крадясь волк
Излучистой тропюю,
Засохшим хворостом хрустел,
180 И нежный соловей на ветке пел.
Его раскаты, переливы, свисты,
Дробясь в несчетных голосах,
Гремели на скалах
И воздух оглашали чистый.
Из недр зеркалами лежащих вод,
Древес ветвистых под навесом,
Как будто легкий хоровод,
Пускаясь в ход,
190 Играли рыбы плесом,
Открыв чешуйчатые хребты.
Взошла и Цинтия эфира в высоты;
С ней чары, призраки, мечты и тени
Престола аспидна воссели на ступени;
Имуца маковы она цветы,
Их к смертных бросила на вежды.

Менакл, проведши мирно день,
Быв полон в будущем надежды,
Отшел с веселием под сень.

<НЕ ПОЗЖЕ 22 ФЕВРАЛЯ 1815>

ТРИ ДРУГА

А. А. Л<обков>ой, урожденной Буниной

Три сплетшись повилики,
Пересаженные в безвестный сад и дикий
На произвол судьбы одной,
Цвели без тени, без защиты,
Для бурь и непогод открыты,
Щитя друг друга лишь собой.

Их дикою красой
Усталый путник любовался;
По часе странствия сей путник возвращался,
10 И тройственный цветок, которым он прельщался,
Благоухал один, обвивши крепкий вяз:
Два бурия унесла из глаз!

Пальмира! где твои подружки нежны?
О! сколь земные блага ненадежны!

Под кровлею одной
Три друга вместе процветали,
Одни желания питали,
Одною правились душой,
Одними видели очами,
20 Один все три избрали путь;
Сцепясь надежными руками,
В одной тени любили отдохнуть,
И Небо с благостью на сей союз взирало!
Вдруг наглый заревел борей, —
Ни кровли, ни друзей не стало:

Едину смерть взяла, — другую гименей,
А третью — музы...
Так, сладкие расторгнув узы,
Подверглась каждая судьбе своей!

30 Почто я не тебе завидую, — но ей!

<НЕ ПОЗДНЕЕ КОНЦА ИЮЛЯ 1815>

СОН С КОРАБЛЯ*

Корабль быстрокрылый*
Печальную деву
Несет на хребте.
Феб спрянул к Фетиде,
Рассыпав рубины
Последним лучем.
Премудрая Феба
Сребристой стопою
Вступила на твердь.
10 Горящие звезды
За ней, перед нею
Грядую текут.
Расселися тучи
И в облаках легких
Чуть зримы бегут.
Сиротка, летая
От думы и в думу,
Ко сну перешла.
20 Ветр, крылья устали
Простря над водами,
С сироткой уснул.
Всё тихо и чинно,
Как в час мирозданья
Под перстом Творца!

* Между островов Оландии и Борнгольма путешественница видела во сне своего брата, что подало повод к сочинению сих стихов, которые были к нему посланы из Эльсинора.

Лишь море влюбленно
С роптанием тихим
Вдыхало, томясь,
И вздохами деву
Легонько качало,
30 Как в люльке птенца!
Еще, изнемогши,
И страстно и нежно,
О море, вздохни!
Продли на минуту
Сиротки дремоту..
Ах, сладко ей спать!
Ей видится Клодий!
В веселии светлом
40 Предстал пред нею;
Смятенные девы
Взял радостно руку,
«Я твой! — говорит. —
Я твой неразлучно!
Дрожащие слезы
Отри на очах!
Вот крылья: взовьюся, —
Три моря кипящи
В три дни прелечу!
Ветрила надуты,
50 И ветер упреждая,
Я в пристань вступлю;
Сам робкую деву
В страну чужеземну
Введу под щитом!» —

Тут ветер пробудился,
Налегши на зыби,
Отряс он крыло.
Пригнулися воды
До дна углубленна
60 И встали горой!
Сиротка проснулась,
Глядит с умиленьем, —
Мнит руку в руке.

Но все трепещет
Рука упрядненна:
Сокровища нет!
Но взор обаянный
Вотще веселится:
О Клодий! мечта!

<НАЧАЛО АВГУСТА 1815>

ПРИЗЫВАНИЕ МАЛЬВИНЫ
ИЗ БРАЙТОНА В БАТ,
ИЛИ
С ПРИМОРСКОГО БЕРЕГА
В ЗАГОРОДНОЙ ДОМ*

Приди ко мне, Мальвина,*
Весельем услади,
Приди ко мне, приди!
Мне мысль о том едина
Восторга есть причина;
Приди ко мне, Мальвина,
Приди ко мне, приди!

10 Когда под пеною клубясь морские волны,
Из хляби хлынувши, о хладны бреги бьют,
Ревущи, брызжущи, и сами хлада полны,
Нептуна с чадами что делаешь ты тут?
Тебе ль товарищи, о сладкая Мальвина!
Бегуща моря вой, и стон, и шум, и рев,
Навислые скалы, бездонная пучина,
Дымящихся зыбей разверстый алчно зев,
Стада чудовищ в них стоногих и сторогих,
С одной утробю, безглавых, без очей,
20 Без жабр и с жабрами, и прочих многих,
Под черепом, в коре, листками, с чешуей,
Которых сам Творец от зримой всей природы
Чудесно отделил, лишивый гласа их:
Ужель безгласны те и страшные уроды,
Мальвина! не страшат очей твоих?
При помысле о них я с ужаса немею,

* Графине Марье Васильевне Бальман, урожд<енной> Нарышкиной.

И мраз ревущих волн по жилам пробежал!
Как мертвая скала, равна я чувством с нею!

Вот буря восстает! смотри, как гонит вал!
Протяжна то гора! дышит! бежит! и стонет!
Расселась! о страх! пожрет, пожрет меня!
30 Какой пространный зев! в нем целый град утонет!
Боюсь, Мальвина, я! — Вот идет вспять, стена!
От злобы вся она покрылась синевою!
Ярится и дрожит от злобы вся она!
Вот новая гора! в борьбу вступила с тою!
Еще сильнее той, — восстала как стена;
Прикрыла смежну зыбь своим гигантским станом!
Бестрепетный пловец, что жизнь в ничто вменя,
Нахально спорился трикраты с океаном,
Теперь, теряя дух, робеет так, как я!
40 Ему мечтаются осиротевши чада,
Супруга во вдовстве и смертная коса!
Он видит золото, но нет алчбы! — «Не надо!
Не надо! — говорит, — когда закрюю очеса,
Почто мне золото? на что корысть? стяжанье?
Не даст мне живота!.. о дети! о жена!» —
Тут плачет и творит пригробно покаянье.
Ужель, Мальвина, ты смелее всех одна?

Приди ко мне, Мальвина,
Весельем услади!
50 Приди ко мне, приди!
Мне мысль о том едина
Восторга есть причина;
Приди ко мне, Мальвина,
Приди ко мне, приди!

***

Как всё вокруг меня спокойно!
Умильно, тихо, чинно, стройно!
Ни твой Нептун, свирепства полн,
С трезубцем по морю не скачет,

60 Ни кормчий с ужаса не плачет,
Ни рева нет бегущих волн;
Ни каменны скалы нагие,
Челом висящи над водой,
Дух робкий не смущают мой:
Здесь чада естества благие.

Здесь небо не рождает зол!
В безмолвии простертый дол,
Лежит у ног моих содружно;
К оратаю ласкаясь сам,
В возмездие его трудам,
70 Готовит принести что нужно.
Уже его роскошна дань,
Согревшись яркими лучами,
Блестит, как хитростная ткань,
Рассланна по земле тенями.

Прозрачный и спокойный ток,
Идущий с полдня на восток,
Долину рассекает дважды;
Над ним топóлы в два ряда;
К нему стекаются стада
80 И кони борзые от жажды;
В него крутой глядится брег
И гордые окрестны дома;
В нем свой являют скорый бег
По небу облака несомы.

Вот цепью тянется народ!
Другой в сем токе вижу ход!
В нем вижу отдаленны рощи;
С звездами чиста твердь видна,
И кажется, глядит со дна!
90 Вот, вдруг, в него царица ночи
Уставя свой веселый лик,
Столпы сребристы в зыбях пишет.
О! как он крáдется! приник!
Чуть шепчет струйкою, — чуть дышит!

За ним хребтом держаща лес
 Гора восстала до небес!
 Вкруг пажить облежит богата
 И зданий непрерывных нить,
 Где солнце сходит опочить.
 100 Оно с восхода до заката
 В смиренный угол мой
 Сквозь чисты три стекла сквозится:
 О! как бы хорошо с тобой
 Могли мы в сем углу ужиться!

***

Приди ко мне, Мальвина,
 Весельем улади,
 Приди ко мне, приди!
 Мне мысль о том едина
 Восторга есть причина;
 110 Приди ко мне, Мальвина,
 Приди ко мне, приди!

Когда ж согретыми весна устами
 На нас дохнет с тобой,
 И Флора резвою стопой
 Спрыгнёт к нам с свежими цветами;
 Тогда, — в минуты те,
 Забывши тяжесть лет, лежащих на хребте,
 Как нимфа легкая, младая,
 Скакать я стану по холмам,
 120 Себя сама увеселяя:
 О! сколько бы забав открылось нам!

*

Крылатые ль певцы склоненну солнцу сушу
 Гимн хвальный воспоют на звонких голосах,

И старец веков́ый, оставя мрачну кущу,
Дрожа на костылях,
Согбенный и коснелый,
Вперит свой взор тускнелый
В благие небеса
Воздать закату поклоненье:
130 Я с ними разделю восторга ощущение.

*

Как нивы знойные, что свежая роса
Живит, ниспадши, жизнью новой,
Бодрясь и зеленея тут,
По капле жадно р́осу пьют;
Так я, — и слух мой, к слушанью готовой,
И зренье устремя, природе быв верна,
Упьюсь весельем умиленным,
Испив все радости до дна!
Иль дню и солнцу удаленным
140 Поступит важна ночь на батский небосклон
Со скипетром, имущим сон:
Угаснут по домам светóчи воспаленны,
На стогах стук и гром умолкнут и заснут,
И юноши, на гульбищах сведенны,
И дети шумные ко сну сойдут,
И небо в мантию сквозящу облечется,
И ветер вздремать уляжется на холм,
И воды замолчат, объаты сном,
И в воздухе от трав куренье разольется,
150 И светлая луна взойдет на небеса,
И от ея лучей дрожащих
Осветится вдруг вся прибрежная краса
Долин, пригорков, гор, лесов, во сне лежащих,
И взор ея прояснится светлей
(Ей нравится сия краса немая),
И сладкой соловей,
В восторгах тая,
На гибкой отрасли, в листьях укромно скрыт,
Песнь звонку прогремит:
160 То, неги полн, томится и смолкает...

Томится вновь... мню: умер он;
Но он, восторга полн,
Гремит и дробью рощи оглашает:
И треск, и свист, и гул по рощам пролетает,
С долины в дол, с холма на холм! —
Тогда (молчи! не сказывай о том),
Я к голосу его пристану,
Отважно с ним перекликаться стану.

170

Приди ко мне, Мальвина,
Весельем услади,
Приди ко мне, приди!
Мне мысль о том едина
Восторга есть причина;
Приди ко мне, Мальвина,
Приди ко мне, приди!

<ФЕВРАЛЬ—МАРТ 1816>

ПЕСНЯ В НАРОДНОМ РУССКОМ ВКУСЕ,
ИЗ МЕСТЕЧКА ВЕИЛ-БРУК

Отпирайтесь, кленовые!
Дружно настежь отворяйтесь
Вы, ворота Веил-Брукские!
Пропустите красну девицу
Подышать текучим воздухом!
Душно ей здесь взаперти сидеть,
За четыремя оградами,
За четыремя воротами!

10   Что за первыми воротами
Хмель к жердинкам прививается;
За вторыми за воротами
Ярая пшеничка стелется;
Что за третьими воротами
Круторогая коровушка
На пуховой травке нежится
С резвым маленьким теленочком;
За четвертыми воротами
Стоит терем на пригорочке,
Бурным ветрам как игрушечка!
20   Нету терема соседнего,
Нету деревца ветвистого!
В терему том красна девица,
Чужеземная, заморская,
Под окном сидит печальная!
Заплетает кудри черные
Через крупну нить жемчужную,

Слезы крупные роняючи,
Заунывно припеваючи:
«О! неволя ты неволюшка!
30 Королевство чужестранное!
Холишь ты мою головушку
Пуще гребня частозубчата!
И хмелинка не одна цветет,
Вкруг жердинки увивается!
И пшеничка не одна растет,
Не былинкой, целой нивою!
Круторогая коровушка
Не одна в долине кормится!
40 Только я одна сироткою,
Будто пташка, взаперти сижу».

<1816 или 1817>

В. И. Б<АКУНИН>ОЙ В АЛЬБОМ

За что люблю тебя!.. не знаю!

Однако, — лучше б знать!

Не спорю, люди есть (я часто их встречаю),

Что хвалят, и бранят, и рубят, и секут,

И любят за *не знаю*, —

И от *не знаю* врут.

По недосугам так они себя ведут;

Им вещи некогда одумывать на воле:

Их уши, их язык в работе всякой час!

10 Не то со мной, — одна я боле, —

Лишь только изредка летаю на Парнас,

И время у меня свободного премного.

Итак, от праздности, хочу приняться строго

Любовь мою к тебе ценить и раздроблять;

Когда ж неправильна, — изгнать.

О всем правдивое сужденье

И нежный вкус

Тебе послало Провиденье!

Вот узел тех незримых уз,

20 Которыми к себе меня ты прикрепила!

О! вкуса нежного необорима сила!

Как верные весы,

Ты вешишь точно им сокрытые красы,

Погрешность, слабости, ошибки и обмолвки,

Нескладны вымыслы, нескладные уловки,

И словом, — сей твой вкус есть зеркало вещей!

Но к пользе ль он моей?
О нет! на гибель ей!
Малейшу бестолочь моей ты музы видишь;
30 Хотя хулой и не обидишь,
Однако ей во вред
Считаешь бред за бред:
Пусть был бы тонкий вкус твой несколько потолще!
Захочется ль свистать мне соловьем по роще,
Иль громом прогреметь, иль прожужжать пчелой;
Ты говоришь: свищи, жужжи, греми и пой;
Но только лишь бери с природы сколки:
Не ври,
Иль рот запри!
40 Признаться, не по мне такие толки.

*

Примерная ты мать!
Как солнышку цветочки ради,
Так деточки твои тебе:
Прильнут, — и прочь ни пяди!
О балах, о гульбе, —
О всем забыли!
С тобой обнявшись готовы были
Весь век сидеть,
Прожить и умереть.
50 Как летне солнышко цветочки нежит в поле;
Падет ли вредная роса на них, —
Оно тотчас осушит их;
Боряя злобного по воле
Внезапно испытуют хлад, —
Оно к ним пламенной кидает взгляд;
Так ты... нет, нет! ты боле!
И солнышко, для дел иль прихотей,
На несколько вдруг дней
Скрывается за тучи;
60 Иль, грея в Ливии пески сыпучи,
Бросает нежные цветы
Борьям хладным на забаву;

А ты

Веселье, счастье и славу
Находишь в том свои,
Что дети вокруг тебя твои!
Что ты их нужды предворяешь;
Сама и учишь и питаешь;
70 Как с вещью неразлучна тень,
Так с ними ты и ночь и день!
Заплакал там один, — бежишь его утешить,
От шалости отвести, — при немочах понежить;
Другой блажит и хмурит взор, —
Ты с ним вступаешь в разговор;
У третьей там шитье неладно,
Иль что-то пишется нескладно,
Иль музыка не то поет:
Ты всё как должно ей покажешь,
80 Без шума, без содома скажешь,
И всё своим чредом пойдет!
Мадамов и мусьев тебе не надо, —
Сама за ними рада
Ты нянькою ходить!
Ну как тебя мне не любить
За качества толико славны!

Но ах! вить я тебе не дочь!
По-прежнему точь-в-точь
Покои у меня частенько хладны,
И ты не мыслишь их топить, —
90 Ни хлеба во щи мне крошить, —
Ни обуви на мне, ни платья не осмотришь;
По снегу я хожу, забывшись, без сапог;
А ты моих не греешь ног!
Заплачу ль я когда, с платочком ты не ходишь,
Чтоб слезки отереть с лица!
Ни прялок мне, ни игр не предлагаешь в руки,
Ни с азбукой ко мне не шлешь чтеца!
А аз и буки,
100 И все посильные науки
Училась я сама собой;
Так что же в нежности мне той,

Котора для детей в твоём блистает взгляде:
 Нежна ты к ним иль нет, — я, право, не в накладе!

*

За разум, — разум твой тебя люблю
 И сладкую беседу!
 С гостями ли к тебе приеду я к обеду,
 Иль час, который дома сплю,
 Тебе по дружбе посвящаю,
 Утехи равные встречаю!
 110 В шуму, — наедине, —
 Всегда с тобой приятно мне!
 И можно ль быть иначе!
 Ты знаешь всё: и как, и где
 Прилично поступать тебе!
 Не станешь хохотать при общем плаче, —
 Ни хныкать, ни стонать,
 Когда сберутся все плясать;
 Ни знанием блистать, —
 120 Ни в проповедники вступать некстати, —
 Ни время быстрого к утрате,
 От утра до ночи, не запирая рта,
 Читать градские вести:
 Привычка у тебя не та!
 Чуждаясь гордости и лести,
 По силам каждого найдешь ты разговор,
 И слов пустых набор
 Тебе совсем не нужен!
 Язык твой всякий час с рассудком дружен.
 Итак, люблю тебя за ум!

130 Нет, нет! полезнее пустой мне шум!
 Под тот шумок лишь знай у места поклониться,
 Над ближним к месту пошутить, —
 Со вкусом наряжёной быть,
 В разумники легко добиться.
 Скажи, какой найду в твоём уме я прок!
 Мне пользы от него, ей-ей, ни на пылинку!

140   Пожалуй, опустишь ты в дюжинный умок,
                  Не только выроню слезинку;
                  Но рада буду всей душой
                  Премене я такой!

*

                  Любовь к тебе питаю нежну
                  Не за красу ума!
Не детску нянюшку люблю в тебе надежну!
Не тонкий вкус! но что ж? не ведаю сама!

                  Пожди немножко... угадала!
Ты ласкою меня своею привязала.

<1819>

В АЛЬБОМ
13-ТИЛЕТНЕЙ МОЕЙ ПЛЕМЯННИЦЕ

<1>

В замену слов моих альбом сей оставляю;
Прошу тебя и заклинаю
Всему предпочитать добро!

Ни злато, ни серебро
Нам счастья не дадут сердечна!
Добро одно
На жизнь, котора скоротечна,
Целебный бальзам льет, —
10 В бедах и горести отраду подает, —
При славе и честях надменность умеряет:
Оно и к Небу приближает,
И жизнь земную веселит!

Для ближних кто добра по сердцу не творит,
Тот в мире есть мертвец непогребенный!
Он счастья не вкушал!
На высшу степень быв взнесенный,
Он беден, жалок, мал!

<2.> ЕЙ ЖЕ

Еще простой подам тебе урок:
Ты женщина, — учись быть с юности покорна,

В желаньях неупорна,
Упорство женщины — порок,
Упорство ей к напасти!
Над нами всюду власти;
Всегда мы под рукой:
Что шаг, — нужна опора,
И помощь, и покой!
10 Без крова, без надзора,
Как роза без росы,
Мы в кратки отцветем часы!

Не будь смела, самонадежна;
Ошибка смелым неизбежна!
Храни душевну чистоту
И нравов простоту:
Изящное когда бывает многосложно?
Противно сердцу всё, что ложно!

20 Не будь сварлива и вздорна!
Смиреньем женщина красна,
Смиреньем учена,
Смиреньем вождедена!

Желаешь ли ты быть почтенна,
Старайся страсти укротить!
Наружна красота поблекнет скоротечно!
За прелести лица нас могут час любить;
За прелести души нас любят вечно!

В АЛЬБОМ 10-ТИЛЕТНЕМУ МАР...НОВУ

Люблю я в Сашиньке простые нравы, —
Невинность детскую, незлобные забавы,
    Стыдливый нрав,
    Прыжки и побегушки,
И шалость самую, — и самые игрушки!

Люблю смотреть, как он, от книг устав,
    Вдруг рядится в шишак и латы,
Иль в мышь летучую, иль в волка, иль в ягу,
Иль, роги привязав, как козлики рогаты,
10   Бодает встречных на бегу!
    Люблю я всё в нем без остатку!
Но более люблю надежду сладку,
Что он, едва душой успеет возмужать,
    В себе нам обновит отца и мать!

ЭПИТАФИЯ М. П. О....НУ ОТ ЕГО СУПРУГИ

<1>

При взорах я твоих
Подобно крину процветала,—
И днесь как былие увяла
Средь отраслей младых.

<2.> ЕМУ ЖЕ

Прими сей кипарис,
Мой благодетель, друг, супруг мой незабвенный,
И с высоты склонись
К супруге, скорбию пронзенной!
5 О! естли бы в тот грозный час,
Когда усопшие вдруг явятся на глас
Зовуща ангела трубою,
Я снова на одну взошла чреду с тобою!

<1819>

СЛЕЗА

(Перевод с французского романа)

СЛЕЗА

Есть боли тяжкой выраженье;

СЛЕЗА

Являет счастья упоенье;

СЛЕЗОЙ

Скорбь тайнам сердца изменяет;

Любовь презренью отомщает

СЛЕЗОЙ.

СЛЕЗА

10 Ходатай к состраданью верный;

СЛЕЗА

Есть дружества символ бесценный;

СЛЕЗОЙ

И страсть изображает муку,

И нужный взгляд врачует скуку

СЛЕЗОЙ.

СЛЕЗА

Воспоминанью платит дани;

СЛЕЗА

20 Смягчает воина средь брани;

В СЛЕЗЕ

Блестят взаимны чувств влеченья:

Ах! сколько силы, выраженья

В СЛЕЗЕ.

УПРЕК ДРУГУ

Возможно ль, что и ты, — и ты
Дал в сердце тяжкую мне рану,
Всегда быв чужд неправоты, —
И в скорби укорять тебя я стану!
Как бурей брошенный пловец
Глядит к безоблачной лазури,
Предвидя странствию конец:
Но твердь, скопивша новы бури,
10   Разверзлася над ним
          Ударом громовым!

Немеет путник изумленный, —
Недвижим, страждущ, оглушён:
«Что суть надежды возрожденны, —
Что радость? — вопрошает он. —
Давно ль доверчивые взоры
Вперял я в светлы небеса,
И их безоблачна краса
Сулила радости мне скоры!
20   Увы! не грома ждал,
          Когда их созерцал!»

Пловец! днесь жалобам не время!
Таков несчастных всех удел!
Двойное шлет им Промысл бремя
И двое изощряет стрел:
У недругов едины в воле;
Другие, к сокращенью дней,

Летят к нам от друзей,
И сердце поражает боле!
Гонимая судьбой,
30 Я знаю то собой.

<1819>

НА РАЗЛУКУ

Разлука — смерти образ лютой,
Когда, лия по телу мраз,
С последней бытия минутой
Она скрывает свет от глаз.

5 Где мир с сокровищами земными!
Где ближние, — души магнит!
Стремится мысль к ним, — и не с ними;
Блуждает взор в них, — и не зрит.

10 Дух все напрягает силы;
Язык слагает речь, — и ах!
Уста безмолвствуют остылы:
Ни в духе сил нет, — ни в устах.

15 Со смертью сходна разлука,
Когда, по жилам пробежав,
Смертельна в грудь вступает мука
И бранный рушится состав.

20 То сердце жмет, — то рвет на части;
То жжет его, — то холодит;
То болью заглушает страсти;
То муку жалостью глушит.

Трепещет сердце — и престало!
Трепещет вновь еще сильней;

Вновь смерти ощущая жало,
Страданьем новым спорит с ней.

25 Разлука — смерти образ лютой!
Нет! смерть не столь еще страшна!
С последней бытия минутой
Престанет нас терзать она.

У ней усопшие не в воле:
30 Блюдет покой их вечный хлад;
Разлука нас терзает боле:
Разлука есть душевный ад!

Когда... минута роковая!
Язык твой произнес «прости»;
35 Смерть, в сердце мне тогда вступаю,
Сто мук велела вдруг снести.

И мраз и огонь я ощутила, —
Томленье, нежность, скорбь и страх, —
И жизненна исчезла сила; —
40 И слов не стало на устах.

Вдруг сердца сильны трепетанья;
Вдруг сердца нет, — померкнул свет;
То тяжкий вздох, — то нет дыханья:
Души, движенья, гласа нет!

45 Где час разлуки многоценной?
Ты в думе, в сердце, не в очах!
Ищу... всё вокруг уединенно;
Зову... всё мертво, как в гробах!

Вотще я чувства обольщаю,
50 И лживых призраков полна,
Обречь тебя с собою чаю:
Увы! тоска при мне одна!

Вотще возврат твой вижу скорый;
Окружным топотом будясь,

55   Робея и потупя взоры,
      Незапно познаю твой глас!

      Вотще рассудка исступленье, —
      Смятенна радость сердца вновь!
      Обман, обман! одно томленье...

60   Разлука не щадит любовь!

      Разлука — образ смерти лютой;
      Но смерти злее во сто раз!
      Ты с каждой бытия минутой
      Стократно умерщвляешь нас!

<1819>

В АЛЬБОМ ПИСАРЕВУ-ИВАНЧИНУ

Ведомый гением к истоку Иппокрены,
Иди с беспечностью стезей своей
И тернов не робей:
Тебя не прикоснутся терны!
5 Природа им в удел назначила места,
Которых Фебова не греет теплота.

10 МАРТА 1819

ТЕМПЕРАМЕНТОЛОГИЯ А. П. БУНИНОЙ

В альбом издателя «Благонамеренного»

Дурак упрям, болтлив, сердит и своенравен.
Безумный кроется, неласков, молчалив,
Невежда спорлив, туп, горяч, самолюбив.
Ученый холоден, угрюм, ни с кем не равен.
Простяк услужлив, добр, открыт; но бестолков —
Себе, друзьям вредит, того не замечая.
Плут ласков, нежен, тих; но уязвит, лаская.
Правдивый ко вреду не сроден; но суров.
Повеса не сердит — пороки всем прощая,
10 Рад грабить, обмануть и сам ограблен быть.
Порядочный тяжел и строг без снисхожденья;
К порядку он готов всех пётлею тащить.
Вопрос: любезность в чем? — Любезность от смешенья!
Немного разума, немного простоты,
Познаний, шалостей, порядка, правды, лести;
Частица тупости и столько ж остроты.

Богатство нас ведет к почтению и чести:
К любезности — сие смешение одно.
Где ж счастье? — Глупцам и мудрецам дано*.

26 СЕНТЯБРЯ 1822

АПТЕКАРСКИЙ ОСТРОВ. ДАЧА АРХИТЕКТОРА ЧЕРНЬЯ ПО КАРПОВКЕ

* Желающим на последнюю строку возразить, отвечаю, что две крайности могут сходиться. Нередко старик и младенец играют вместе в куклы и требуют помочей. Два путешественника, отправившиеся с одной точки в противные стороны, встречаются.

ДОЛИНА

(Из Альфонса Ламартина)

Мой изнемогший дух, не веря и надежде,
Мольбою Небесам не станет докучать.
О! будь, долина, мне пристанищем, как прежде,
И на день дай приют, чтоб смерти подождать!

5 Уныл долины вид, — тропа к ней в запустеньи;
Из ребр ея восстал дремучий лес грядой,
И над челом моим склоня густые тени,
Безмолвием меня одел и тишиной.

10 Два скрытых ручейка, вивясь сквозь темны своды,
Долину облекли, как рамой, в свой кристалл;
С минутным ропотом лиют минутны воды,
И гибнут без имян у самых их начал.

Так дней моих поток без имени, без шума,
Погибши в вечности, подобно им иссяк!
15 Но светел образ их; душа моя угрюма,
И отблеск ясных дней в ея не входит мрак.

Прохлада ложа их, венчаючи их ели
И их бегущая зовет меня волна.
Как усыпляет песнь младенца в колыбели, —
20 Журчаньем их моя душа усыплена.

Ах! здесь, зеленою стеною огражденной,
В юдоль себе избрав чуть зримый небосклон,

Хочу, скитаяся, забытый всей вселенной,
Лишь видеть твердь небес, — лишь слышать
плески волн.

25 Я видел, чувствовал, любил превыше силы!
Отныне благом чту забвение моим!
Мне нужен Леты мир до мирных недр могилы:
О! будь, прелестный дол, забвенья бегом сим! —

30 Спокоилась душа, и сердце замолчало,
И дальний света шум, притекши, в слухе мрет!
Так умирает звук, которого начало,
Рассеясь ветрами, до слуха не дойдет!

Здесь жизнь мне предстоит, как тьмою сон одетый,
В мечтах прошедшего мелькая будто тень.
35 Любовь, сей *исполин*, покрыв собой предметы,
Одна пережила те сны, что свеял день.

Вкуси у пристани, душа, успокоенье!
Так путник, утомясь, у градских седши врат,
До входа чающий вкусить отдохновенье,
40 Вдыхает в грудь свою вечерний аромат!

Как он, и мы, прах ног своих отрясши, сядем!
Неведом смертному вход дикой сей страны!
Как он, оконча путь, и мы упиться жаждем
Предтечей вечности: покоя, тишины!

45 Мерцаая, дни мои, подобно дням осенним,
Скользнули так, как тень скользит по скату гор!
Один ко гробу я иду путем последним:
И дружба от меня, и жалость кроют взор.

К. Н. П<УЧКОВО>Й

Любить своих друзей, любить своих врагов

Клялась я в поздни лета:

А для тебя была всегда моя любовь!

Желаньем благ тебе душа моя согрета! —

5 Когда луна явит свой лик на высоте,

Блудящим облаком угрюмо искаженный;

Его ты приравняй жестокой клевете

И вспомни наш союз, невинностью внушенный.

11 июля 1823

ГОРДОСТЬ

(Подражание Царю Давиду)

Что хвалишься умом, счастливый,
Как бритву изощря язык?
Почто свой помысл горделивый
На дерзость ополчать обык?

5 Почто, главу подъяв высоко,
Пятой всех попирать готов,
И хитрое бросая око,
Смиренному копаешь ров?

10 Почто на ближнего презренье, —
На брата устремляешь смех?
Ужель невинных поношенье
Себе не ставишь ты за грех?

15 Иль в дух твой не лиется радость,
Коль ближним не творишь вреда?
Иль в сердце ощущаешь сладость
От их улики и стыда?

Иль мой позор тебе в трапезу,
И в алчну снедь стыденье щек?
Иль в питье упадшу слезу
20 Себе неистово обрек?

Вотще ширяешься киченьем,
Безумный счастья временщик!

Падешь, — и над твоим паденьем
Раздастся поруганья клик!

25 Падешь, — и места не познают,
Где возрастал гордыни сын!
Надежды днесь тебя лобзают;
Но в сеть их ляжешь, исполин!

30 Не тако вам, смиренья чада!
Вам горести — искус земной;
Надежда ваша — вам отрада;
Веселье — совести покой!

Как былию роса желанна,
Так вам преспеянье друзей;
35 Их мир — небесная вам манна;
Любовь их — как главе елей.

Вас лепота не гложет брата;
Она вам — в благовонный цвет!
Ни житницы его, ни злата
40 Язык ваш в злобе не клянет!

Растя и ширясь, как кедры,
И плод носящи до конца,
Вы снидете в земные недры,
Хвалящи песнями Творца!

20 ЯНВАРЯ 1824

БЛИЖНИМ

Любить меня и нет, жалеть и не жалеть
Теперь, о ближние! вы можете по воле.
Едва из тела дух успеет излететь,
    Нам жалость и любовь — не нужны боле.

<1827>

Наука о стихотворстве

Перевод из г. Буало

Ея императорскому величеству,
всемиловитвейшей государыне
императрице Елисавете Алексеевне

Всемиловейшая государыня!

Хотя наука стихотворства не содержит в себе ничего, заслуживающего особенное внимание земных владык, но мудрость без негодования простирала иногда руку от царственного кормила к насаждению и сей отросли народного просвещения. Августейший дом Вашего императорского величества служит сильным тому доказательством. Удостоьте, всемиловейшая государыня! обратить милостивые взоры на сей малозначущий мой труд, с благоговением имени Вашему посвящаемый, и в скудости дара соблаговолите усмотреть беспредельность верноподданческой моей благодарности за излианные Вами на меня милости.

Всемиловейшая государыня!

Вашего императорского величества,
всеподаннейшая
девица Анна Бунина.

ПЕСНЬ I

Вотще писатель мнит, исполняясь дерзновеньем,
Парнаса высоты достичь стихосложением!
Коль слова дар с Небес в него не вдохновен,
Когда он под звездой пиитов не рожден:
То в скудном разуме как пленник сжат, неволен;
Пегас пред ним строптив, Феб глух и непреклонен.

О вы! что, гибельным питая жаром грудь,
Стремитесь пробежать тернистый славы путь!
Над рифмами себя бесплодно не томите,
10 И страсть слагать стихи способностью не чтите!
Утехи суетной бегите вы сетей:
Советуйтесь с умом и с силою своей.

Природа, славными обилуя умами,
Блестит в писателях различными дарами:
Один огонь любви с пера умеет лить;
Другой сатирую насмешливо язвить.
Малгерб хвалить умел достойный подвиг славы;
Ракан воспеть леса, пастушеские нравы.
Но часто гордый ум, себе ласкать любя,
20 Не знает сил своих, ни самого себя!
Так некто на берегах величественной Сены,
Стихами исчертя домов питейных стены,
В пустыни дикие бестрепетно потек
Евреев воспевать славнейший древле бег,
И воздух оглася нестройной лиры звоном,
Погиб в пучине вод с надменным фараоном.

Высокой иль смешной предмет желаешь петь,
Смысл должно с рифмою в согласии иметь.
Хотя смущают нас враждой они напрасной;
30 Но рифма есть раба, и быть должна подвластной.
Коль находить ее однажды ты привык, —
Послушная тебе украсит твой язык;
Коль небрежешь о ней, — в мятеж вступить готова:
Смысл гонится ей вслед, чтоб ею править снова.
К рассудку прилепись! заимствуй от него
Всю цену и весь блеск творенья своего.

Иной, стремлением безумным увлеченной,
Бежит за мыслию, вне смысла порожденной,
Вменя в чудовищных стихах себе в урон,
40 То думать, что другой, мог вздумать, как и он.
Будь чужд излишества! пусть те алмазы лживы
Дают в Италии дурачеств блеск игривый;
Всё должно подчинять рассудку одному!
Но скользок и тяжел ведущий путь к нему!
Тотчас утонешь ты, коль сбился хоть немного:
Ум часто шествует одною лишь дорогой.

Иные, в свой рассказ все мысли углубив,
С предмета не сойдут, всего не истощив.
Находят ли дворец, тотчас снимают планы:
50 «Тут зала, тут крыльцо, — там спальня, там диваны;
Вот здесь среди столбов с решеткою балкон, —
Там рёзьба разная видна со всех сторон». —
Начнут потом считать полы и потолки,
Сколь окна высоки, гардины как широки.
Я двадцать вдруг листов переложу назад,
И чтоб достичь конца, скорей бегу сквозь сад.
Блюдитесь сих творцов бесплодного обилья;
В пустых подробностях не делайте усилья:
Всё, в чем излишек есть, постыло, скучно нам;
60 Им пресыщенный ум его отвергнет сам.
Не знает кто границ, — не Фебом тот внушаем!

Страшась нередко зла, мы в большее впадаем!
Сначала стих был слаб, — ему ты грубость дал;

Желая кратким быть, для всех я темен стал;
Один не столь кудряв, но музу обнажает;
Другой боится ползть, но в тучах исчезает.

Хотите ль приобрести похвал всеобщий глас?
Разнообразьте речь, — меняйтесь каждый час.
70 Себе подобный слог, — одно и то же пенье
Вотще блестит очам, он ввергнет в усыпление.
Едва читают ли писателя когда,
У коего один стихирный строй всегда.

Блажен, кто с легкостью склонять умеет лиру
От шутки к важному, от грозной брани к миру!
Его творение угодно небесам,
И в дорогой цене на пользу продавцам.

О чем ни пишешь ты, не будь простонароден:
Равно и слог простой быть должен благороден.
С бесстыдством шутство, уму наперекор,
80 Прельстило новостью и обмануло взор.
Вдруг муза языком базарным овладела,
И вольность рифмовать исторглась из предела:
Явился шинкарем и Аполлон тогда.
Сей яд сперва обтек губернки города;
От стряпчих и мещан вошел князей в собрание:
Везде готовилось шутам рукоплесканье;
Для каждого вряля тотчас нашелся чтец.
Но двор сей прѣзрел слог, опомнясь наконец,
И легкою стихов наскуча острою,
90 В ней разницу найдя с невинной простотою,
Дал волю шутству провинции смешить.
Да не дерзнет сей слог трудов твоих сквернить!
Пусть балагур летит блистать в толпе народной:
Всегда с приятностью шути ты благородной!

Равно страшитесь гигантских вы следов,
Как некто воспевал с кровавых берегов:
«Убитых, раненых стеньящие помосты!»
Возьмите свой напев, с искусством будьте просты:
Изящны с скромностью, приятны без затей.

100 Что нравится, лишь то являйте для очей.
Имейте строгий слух в размере ударенья,
Чтоб смысл, оконча речь и делав пресченья,
В две доли каждый стих для роздыха делил.
Чтоб гласных не сливать, вас тот же слух учил:
Есть благозвучных слов счастливое смешенье!

Противно грубых букв в стихе одном стеченье;
Хотя б он ясен, чист, глубокомыслен был, —
Не нравится уму, коль ухо раздражил.

110 Когда во Франции спознались с Геликоном,
Тогда лишь произвол всеобщим был законом,
И рифма на конце без правил взятых слов
Считалась красотой и мерою стихов.
Вильон один умел в сей век непросвещенных
Искусство дикое распутать бардов темных.
Маротов острый ум в течение малых лет
Баллады изобрел, составил триолет,
Условному рондо подверг отдохновенью,
И новые следы открыл к стихосложению.
120 Ронзар, идя за ним, противной избрал путь:
Всем правил, всех смешал, желал всё повернуть,
И долго всякой раз имел успех желанный.
Но муза галльская, язык взяв иностранный,
В педан<т>ческом жару, чрез оборот умов,
С латино-греческих упала вскоре слов.
Кичливый сей певец столь быстрым низверженьем
Депорту и Берто служил нравоученьем.

И наконец Малгерб дал Франции пример,
В чем точный состоит поэзии размер;
Слов силу ей открыл, прилично размещенных,
130 И муз ввел, истинным законам подчиненных.
Пиитом мудрым сим исправленный язык
Щадить разборчивый слух каждого привык.
Он стансам сообщил приятность падать стройно
И мысль в стих из стиха не прыгать своевольно;
Всему дал правила, и поздних лет певцы
Творения его берут за образцы.

Ему последуйте! в нем чистоту любите,
И в обороте слов ту ж ясность соблюдайте.
140 Коль ваших смысл стихов являться медлит нам,
Отыскивать его наш разум медлит сам;
И в туче слов пустых уставши пробиваться,
Нейдет с писателем, чтоб с ним не потеряться.

Есть странные умы: их мысль, как бы сквозь сна
Иль облаком густым обвитая, темна.
Лучами разума проникнуть к ней не можно!
Не бравшись за перо, учиться мыслить должно.
По мере ясности в понятия о вещах,
Та ж ясность самая блистает и в речах.
150 Тому, что понял сам, найдешь и объяснения,
И речи потекут рекой без затруднения.

Чтоб строго в чистоте всегда имея слог,
Ты уважал язык и в самый свой восторг.
Вотще музыкой мнишь прельстить мое вниманье,
Коль ложен оборот, неточное название.
Мне скучен пышный вздор, сложенный наугад,
Слов собственных в стихе чужеземельный склад:
Не зная языка свойств, и с творческим полетом,
Писатель, будешь ты всегда презренный светом!

160 Кто б как ни понуждал, трудись, коль время есть,
И глупой спешности не ставь себе за честь.
Твой быстрый виршей ток порывистым паденьем
Мне кажется, что в вражде ты с здравым рассуждением.
Я более люблю сей маленькой ручей,
Который тихую, прозрачную струей
По мелкому песку катит журчащи воды,
Чем быстрый водопад, который в непогоды,
Стремясь шумно с гор, всё рвет, всё мчит, крушит,
И мутною волной по рывинам бежит.
Спешите медленно и бодрости не тратьте!
170 Сто раз одни стихи прочтите и исправьте;
Потом старайтесь их снова вычищать,
Прибавить изредка, но чаще убавлять.

Нет славы, где кишат погрешности листами,
Подчас сверкнут умом, рассеянным местами.
Все вещи вы должны по свойствам разместить,
С серединой и с концем начало согласить.
Чтоб разны отрасли обширного творенья
Входили в целое, как части в составленье,
Чтоб, цели уклонясь и руша связи нить,
180 Вдали не бегали слов громких вы ловить.

Страшитесь ли быть в стихах своих судимы?
Вы будьте сами к ним всегда неумолимы;
Во всем себе ласкать есть страсть одних невежд.
Дурачество всегда исполнено надежд.

Вверяйтесь друзьям, готовым на сужденья,
Пусть вас они ценят, не зная снисхожденья;
Умейте спесь в себе пиита побеждать,
Но также и льстеца от друга отличать:
Тот часто хвалит вслух, кто шутит тайно вами:
190 Прельщайтесь более советом, не хвалами.

На каждой льстец строке находит тьмы красот,
Всё нравится ему: связь слов, их оборот,
То счастьем упоен, то слезы проливает,
В восторге трепеща, вас лаврами венчает
И в будущих веках гремит о вас молвой:
У скромной истины язык совсем иной.

Разумный друг всегда и строг, и непреклонен;
Едва сошли с стези, он тотчас неспокоен, —
Одной погрешности не хочет вам спустить,
200 На каждой малости готов остановить:
То речи по местам приличным расставляет;
То пышные слова чернит и выгоняет;
Там кажется ему мысль главная темна;
Там слог шероховат, завязка не одна;
А далее стих нашел иль вялым, иль небрежным.
Но будучи к себе писатель часто нежным,
Всегда и каждую речь с горячностью любя,
Берет обиженных защиту на себя.

- «Возможно ли, — кричит, — и это выражение
210 Вам низким кажется? Какое заблуждение!» —
Здесь слово холодно, не лучше ли отнять? —
«Напротив, — в нем весь дар согласием пленять». —
Вот эти бы места... — «Все ахают над ними». —
И так прельстяся сам способностями своими,
Ни в чем себя никак не может осуждать,
Любимый навык в нем: ни слова не марать.
А ищет быть судим судьей беспристрастным,
И с лирою своей вам хочет быть подвластным.
Но все его слова, приветствие и лесть
220 Суть хитрые силки, чтоб вам стихи прочесть:
Потом раскланявшись лицом самодовольным,
Бежит их повторять глупцам себе подобным,
Которых, по грехам, везде, всегда не нет!
Не менее теперь вралями полон свет,
Как и ласкательми их подлыми обилен:
Не только в городках, их голос также силен
У графов, у князей, и даже у дворов.
Несноснейший творец бессмысленных стихов,
Имея в каждый век защитников упорных,
230 Поддерживаем был толпою лиц придворных.
Чтоб кончить наконец сатирую я мог,
Глупейший от глупца легко придет в восторг!

ПЕСНЬ II

Как дева сельская, для праздничного дня
Алмазами себе главы не бременя,
И златом блеска их еще не множа боле,
Нарядный свой убор срывает в ближнем поле;
Приятна образом, — но в слоге так скромна,
Без пышности блистать идиллия должна.
В ней детска простота кичливости не знает,
Надутым гордостью стихом пренебрегает.
10 Пусть сладостью своей ласкает, нежит дух,
Словами громкими не ужасая слух.

Но вышед из себя, рифмач в сем часто слоге
Безумно величав назло самой эклоге,
Бросая вдруг свирель, бьет громко в барабан.
Чтоб не слышать его, в тростник уходит Пан,
И нимфы под водой скрываются от страха.

Напротив, низок сей, — челом касаясь праха,
Влагает пастушкам крестьянску речь в уста:
Чужда ему краса и слога чистота!
20 Подобно так Ронзар на дудках деревенских
Жужжать не престаёт своих идиллий жестких
И превращать, не лъстя ни уху, ни уму,
Ирису в Фёклушку и Тирсиса в Фому.

Среди сих крайностей тропа едва пробита.
В пример Virгилия бери и Феокрита.

Их песни нежные, внушенья муз самих,
И день и ночь из рук не выпускай своих.
Они тебе внушат искусством образцовым,
Как просто быть, не быв ни подлым, ни суровым;
30 Как Флору петь, поля, журчанье ручейков,
На брань свирельную возжечь двух пастушков;
Как сладкий яд любви перевозносить хвалою,
Нарцисса петь в цветке иль Дафну под корою,
И тайною какой вид рощей и полей
Эклога делает достойными царей:
Вот в чем заключены краса ея и сила!

Важнее несколько элегия уныла,
Вступает, черною повита пеленой,
Власы разбросаны над урной гробовой,
Стеная, — но храня печальное смиренье.
40 В устах ея восторг, надежда, сокрушенье:
Вдруг тает и горит, любовию полна;
То гнев, то ласка ей к прельщению нужна.
Но чтобы выразить в ней страсти столь переменны,
Пиитом мало быть, — быть надобно влюбленным.
Несносен мне певец, кто нудит Пиерид,
О жаре петь души, которым не горит;
Кто правильно грустит, — безумствует пристойно,
Влюблен лишь для стиха и иступлен покойно.
Восторги все его — набор ненужных слов!
50 Он только бременем тягчит себя оков;
Благословляет скорбь, — неволю обожает,
И чувство с разумом отнюдь не соглашает.
О! сколь был древних глас отличен для меня,
Тогда, как нежного Тибулла вспламеня,
Любовь в уста его урок влагала сладкой
Или Овидию внушала песнь украдкой:
Лишь сердце говорить в элегии должно!

Слог оды громок, быстр; но полон сил равно.
Паряща к небесам бесстрашными крылами,
60 Прияв язык богов, беседует с богами;
В отверзтом поприще на цирк ведет борцов;
Венчает витязя во мзду его трудов;

Дымящась кровию зрит Фтийского владыку;
Склоняет Шельды ток под иго Людовику.
Иль вдруг, как бы пчела, ревнивая к трудам,
Сбирает дань цветов по злачным берегам;
Рисует пиршества и резвости переменны;
Возносит поцелуй, с уст Дафны похищенный,
Небрежно что себя стараясь защищать,
70 Лишь спорит для того, чтоб в споре проиграть.
Слог оды иногда порывист и негладок;
В ней верх искусства есть прекрасный беспорядок.

Робеющий рифмач с медлительным умом
И в гневе говорит учебным языком.
Героя ль подвиги блестящи воспеваает,
Он сух, как летопись, — лишь числа подбирает!
Не смеет ни на миг предмета потерять:
«Чтоб город осадить, нужна войнска рать!» —
И точный стих его, как самая осада,
80 Вдруг вместе падает с стеною палисада.
Феб искры пламенной в его не бросил слог!

Однажды, говорят, сей своенравный бог,
Мученье рифмачей имеющий в предмете,
Всю строгость истожил законов на сонете:
Чтоб одномерных два четверостиший там
В двух рифмах восемь раз являлися очам;
Чтоб шесть потом стихов, по правилам согласным,
На два тристишия делились смыслом ясным.
Он вольность из него особенно изгнал,
90 Исчислил стопы сам и меру предписал;
Строжайше запретил вводить в его сложенье
Равно иль слабый стих, иль слова повторенье:
Снабдил все части в нем обилием красот.
Столь правильный сонет не легче длинных од.
Но тщетно тысячи достичь к нему в надежде!
Поныне феникс сей неведом, как и прежде.
Едва ли у троих, стяжавших лирой честь,
На тысячу дурных два-три хороших есть;
Другие ж — Пелетье творенью равносильны,
100 Из книжных лавочек прыгнули в москательны.

Чтоб мысли заключить в пределах, данных нам,
Размер всегда иль мал, иль длинен по стопам.

В свой эпиграмма ряд смела, но сокращенна,
Есть часто острота, в две рифмы облеченна,
Сия затейливость в начальные времена
Была во Францию из Рима призвана.
Невежды, ослепясь приятностью поддельной,
На новость бросились толпою беспредельной,
И сотни острых слов, родясь каждый час,
110 Средь плесков и похвал летели на Парнас.
Явился мадригал, по вкусу их одетый;
Погрязли тотчас в них надменные сонеты;
Трагедия брала и жар, и силу с них;
Элегия красу упрямых слез своих.
Спешил облечься в них герой на ратном поле,
Вздыхать без острых слов не смел любовник боле.
Все стали пастушки по-новому роптать,
И боле остроту, чем милых, обожать.
120 Два лика всякой раз одно имея слово,
И в прозе, как в стихах, являлося готово.
В палате стряпчий сам кудрявил ею слог,
И проповеди поп без ней сказать не мог.

Но ум обиженный вспрянул от усыпления,
Изгнав сей блеск пустой из важного творенья,
Во всех своих трудах равно постыдным счел,
Лишь эпиграмме дал из жалости в удел, —
Но с тем, чтоб тонкость в ней, блистая всюду кстате,
Не слов была игрой, но мыслями богатей.
Пресекая письменный и с ним изустный вздор;
130 Однако у двора он вкрался в разговор
Тупых забавников, шутов старинна веку,
Которы слов игру берут в свою опеку.
Приятно иногда, чтоб тонкий муз язык
Словами с легкостью резвиться приобик,
Незапный оборот дав мысли обоюдной.
Но бойся преступить черту середины трудной!
Бесплодной остроты не ставь на край стихам,
Желая заострить смысл плоских эпиграмм.

Все роды собственным обилуют искусством.
140 От галлов происшед, рондо невинно чувством.
Баллада, в правилах старинных быв тверда,
Заимствует свой блеск от рифмы иногда.
Простее мадригал, — он в свойстве благороден,
Весь дышет кротостью, к любви нежнейшей сроден.

Страсть выставить себя, а не язвить других
Одела истину сатиры в колкий стих.
Луцилий основать дерзнул ее всех прежде;
За доблесть робкую богатому невежде
И плуту конному за пеших честь отмстил,
150 Пороки сограждán как в зеркале явил.

Гораций в колкость ту вмешал насмешки живость;
Не шла безданно с рук ни глупость, ни болтливость,
И горе было всем, удобным суд навлечь,
Чье имя в стих могло, не портя меры, лечь.

Темнее Персий их: он сжат и докучает;
Но мыслей более, чем слов, в себе вмещает.

В шуму училища возросши, Ювенал
Пределов дерзостной гиперболе не знал.
160 Сатиры все его, быв полны правды едкой,
Не менее чрез то красой сверкают редкой.
Тогда ль, как по письму, таящему обман,
Сеяна чтимого он рушит истукан;
Тогда ли, как в сенат велит бежать с приветом
Тирана подлого робеющим клеветам:
Иль, роскошь выводя он римлян из границ*,
Вдруг город продает носильщику тряпиц:
Огнистый слог его везде блистает в очи.

Ренье, знакомя нас с сатирую короче,
Есть тонкий ученик сих славных образцов,
170 И слогом устарев, поднесь красами нов.

* Сей и следующий стих я предоставляю самому читателю перевести согласно с его подлинником.

Счастлив, — когда б его (невинных страх) реченья
Не отзывалися местами посещения;
И естли б рифмами циническими он,
Приличию вредя, не гнал стыдливость вон.

Латинец на словах учтивством презирает;
У нас в почтении читатель быть желает.
Нечистых мыслей речь ему наносит стыд,
Коль скромностию слов не умягчен их вид.
180 Дух целомудрия меня в сатире манит:
Я наглеца бегу, которой скромность хвалит.

Французы, любящи сатиры остроту,
Сложили водевиль, в ней главну взяв черту.
Болтливость милая свободным направленьем
Из уст летит в уста и возрастает пенъем:
Французской вольности лежит на нем печать.
Сей плод утех средь игр желает жизнь начать.
Однако, святотат! и здесь страшися равно
Ты божество низвесть на поприще бесславно.
Игра, которую безбожие родит,
190 Изроет пропасти и гроб тебе открыт!
И в песне мастерство и мысли нужны зрелы!
Хоть случай и вино бывали столько смелы,
Чтоб музу грубую нечаянно внушить,
Линьера без даров куплетиком снабдить;
Но в счастье суетном с пиитами стать рядом
Не отрави себя безумной спеси ядом.
Скропавши песенку, иной о славе мнит:
Тотчас себе права писателя вручит.
Он пишет, спать ложась, один иль два сонета,
200 И шесть экспромтов вдруг при появлении света.
Не диво, что в недуг он стихотворства злой,
Тисненьем сонный бред увековеча свой,
Прикажет вырезать себя в заглавьи тома,
Венчанна лаврами, — бессмертья в храм ведома.

ПЕСНЬ III

Нет злых чудовищей, ни змий известных нам,
Чтоб в подражании не нравились очам.
Искусного резца пленительные силы
Гнуснейший всех предмет переменяют в милый.
К прельщению нашему, трагедия в слезах
Отцеубийцы нам Ореста кажет страх,
Окровавлённому Эдипу стон внушает,
Чтоб нас увеселить, нам слезы исторгает.

10 О вы! которые, храня для зрелищ жар,
В блистательных стихах являете свой дар:
Хотите ли когда представить нам творенье,
Сбирающее в дань столицы удивленье,
Чем более зримое, тем более в похвалах,
И вызванное вновь по двадцати годах;
Старайтесь, чтоб везде языком страсть владела,
Путь к сердцу проложит, его бы двигла, грела!
Смятенья милого, приятных коль тревог
Средь сладких ужасов я ощутить не мог, —
20 Иль радостно в душе не двинулся сожаленьем:
Вотще ты хвалишься ученым изложением!
От хладна умствия хладеет зритель сам,
Природно будучи ленивым к похвалам;
С риторикой твоей в усилии усталом,
Он спит иль на тебя насмешек метит жалом.
Вся тайна — выучись и трогать, и прельщать:
Пружину отыскав, нетрудно управлять!

Чтоб тотчас действий ход готовило начало
И к содержанию вступленье облегчало.
Безвестный лицедей на зрелище смешон,
30 Когда не говорит, чего желает он, —
Иль, худо выразя запутанные нравы,
Приносит скуку мне из самых забавы.
Пусть лучше скажется: «Я именем Орест», —
«Я царь Агамемнон», — «Эдип, глава сих мест», —
Чем, мысли нагрузив без связи чудесами,
Не говоря уму, трещать в ушах словами.
Мне ясность ранняя не повредит собой!

Означь верней места, где случай был какой.
Испания не чтет за важно преступленье
40 В единый день явить лет многих продолженье;
Там грубых зрелищей нередко главный лик
При входе отрок был, — с отшеством старик.
Но мы, приемлющи в закон рассудок здравый,
Желаем предписать событиям уставы:
День, место, действие в единствах трех храним,
И зрелищ покидать пустыми не велим.

Дать представления страшись невероятна.
Нередко истина быть может непонятна;
Но чудотворный вздор не силен нас прельстить:
50 Ум холоден к тому, что станет ложью чтить.

Чего не должно зреть, пускай рассказ предложит.
Хоть лучше судит взор, коль сам он видеть может;
Однако вещи есть, которые должны
Сокрыты быть от глаз и слуху внушены.

Чтоб возрастающа тревога постепенна,
На верхню вшед черту, вдруг стала объясненна.
Ум болей поражен, когда в узлу одном,
Сокрытом хитростью, обманом, плутовством,
Предстанет истина, исторгшись из тайны, —
60 Вдруг всё переменит, — всему даст вид неожиданный.

Родясь грубою, без признака красот,
Трагедия была лишь просто хоровод,
Гремящий Вакху песнь среди плясок и скаканий,
Для шумных пляшущим в домах виностяжаний.
Веселие и хмель бодрили всех сердца,
И мздою был козел искусного певца.

Феспіс, обрызганный дрожжами винограда,
Счастливу глупость ту возил в пред<д>верьи града,
И певчих в рубище навьюча на воза,
70 По новости одной увеселял глаза.

Эсхил ввел действие среди пляски хороводной,
Скрыл каждое лицо личиной благородной;
Возвышенный помост сложа в виденье всем,
Велел героям быть в сандалиях на нем.

И наконец, Софокл свой гений к ней направил,
В ней роскошь прирастил, — согласия прибавил;
Искусно подчинил случаям самый хор,
От грубо-жестких слов очистил разговор, —
80 Дал в Греции ему сии красы обильны,
До коих не дошли латинцы слабосильны.

У галлов набожных, до поздних даже лет,
Считалось зрелище соблазнов за предмет.
Кочующей толпы нескладны лицедеи
В Париж перенесли трагически затеи;
Безумно-ревностны в понятиях простых,
Из благочестия представили святых.
Познание наконец невежество изгнало,
И набожности той всю лживость показало.
90 Смешенье кончилось небесного с земным!
Воскресли витязи, Итака, Пафос, Рим;
Остались, как сперва, лишь под личиной лица, —
Наместо голосов вошла в обряд скрипица.

Немедленно любовь, быв сладких чувств полна,
Как в сказке, в зрелище явилася одна.

Сей страсти пламенной повествовань нежны,
 Чтоб сердце уловить, имеют путь надежный!
 Представь мне витязя слепой любви рабом;
 Но сладко-приторным не сделай пастушком.
 Пусть любит Ахиллес не так, как любит Хлоя,
 100 И Кира не одень в Астреина героя;
 Вмешав ему в любовь раскаянье и стыд,
 Не добродетели, — дай слабости ей вид.

Отбрось все мелочи, героям сказок сродны;
 Но слабость зарони и в души благородны.
 Не нравился б Ахилл, не быв горяч и скор:
 Пускай он слезы льет, что наглый снес презор.
 По сим погрешностям, в нем зримым многократно,
 Законы естества уму познать приятно.
 Старайся наблюдать и ты природы ход!
 110 Пускай Агамемнон пристрастен, пышен, горд;
 Эней пусть строго чтит богов своих уставы.
 Дай каждому лицу его обычны нравы:
 Печать времен и царств носить они должны;
 Оттенки разны свойств зависят от страны.

Страшись, как в «Клелии», для собственной забавы,
 В Рим древний принести французский ум и нравы;
 Назвав Италией, с Парижа сколок снять:
 Заставить Брута петь, — Катона щеголять.
 Всё в сказке суетной простится добровольно:
 120 Занятен вымысел, — мне и того довольно!
 В ней строгость лишняя по смыслу не важна;
 Но точность в зрелище всеместная нужна,
 И цепь приличия должна быть сохраненна.

С введением лица, тобою вымышленна,
 Потщись, чтоб сходное с собой оно самим
 В начале и конце являлося одним.

Не мысля иногда, певец самолюбивый
 Всех витязей кроит на облик свой счастливый:
 Гасконцы вылились с гасконского резца;
 130 У Тита с Плинием одно, не два лица.

Природа нас мудрей, — дала всем разны лики;
Все страсти говорят на собственны языки.
Высокомерен гнев, внушить он ищет страх;
Уныние в простых является речах.

Пред Троей пламенной Гекуба огорченна,
Чтоб не мешала в плач роптанья напыщенна,
Ни тщетных повестей, как Понт, свирепства полн,
Семью гортанями глотает жадно Дон.
Громада пышная речей несообразных
140 Есть дар рассказчиков, влюбленных в звуки праздны.
Ты должен в горести унизиться своей;
Чтоб слезы извлекать, сам токи слез пролей.
Те громкие слова, которы грусть слагала,
Не в сердце тронутом, — в устах берут начало.

В пристрастных зрелище обилуя судьях,
Есть место подвига на терновых стезях.
Не так писателю легки завоеванья!
Ему готовятся уста для освистанья;
Невеждой и глупцом честит его народ,
150 Купивший голос свой, платя в дверях за вход.
Чтоб нравиться, — сто раз он должен изгибаться;
То к небу воскрылять; то духом унижаться.
Чтоб, в чувствах доблестных лиясь как водный ток,
Он легок, важен был, любезен и глубок;
Чтоб, нас незапностью всечасно пробуждая,
Сквозь области чудес носился в край из края;
Чтоб каждый стих могли мы вспомня без труда,
Творенье целое хранить в уме всегда.
Таков трагедий ход, язык и цепь союза.

160 С большой надменностью эпическая муза
В пространной повести деяний многих лет
Крепится баснею и вымыслом живет.
В ней к чарованью нас все действуют пружины;
Приемлет всё тела, ум, души и личины.
Все добродетели берут богов черты:
Минервой мудрость чтим, — Венерой красоты!

Сгустились ли пары и гром грохочет ярой:
То Дий в оружии грозит преступных карой!
Взревел ли бурный понт на пагубу пловцам:
170 То, гневаясь, Нептун бьет скиптром по волнам;
Дрожит ли в воздухе звук отголоска мерный:
То нимфа скорбная пеняет за измены.
В сей груди вымыслов и благородных слов
Певец, чрез тысячу переходя садов,
Творит, цветит, растит, вливает жизнь в предметы:
Где ступит, все пути зрит розами одеты!
Что ветры буйные Энея корабли
В пределы Африки неволью занесли:
180 Сие бы действие, умы не удивляя,
Казалось игрой единого случая;
Но что Юнона, быв отмщения полна,
Преследует в морях троянски племена;
Что, ей служа, Эол мчит в области их новы,
С мятежных ветров снял заклепы и оковы;
Что в ярости Нептун воссел на глубину,
Кипеть ей запретил и вызвал тишину,
Срывает корабли с хребтов песчаной суши:
Сие дивит, разит и возвышает души.
190 Без украшения стих томен и уныл, —
Поэзия мертва, иль ползает без сил;
Сам стихотворец стал лишь вѣтий уробленный,
Лишь басни приторной рассказчик охлажденный.

Напрасно, умствуя, писатели у нас
Бегут в стихах своих сих принятых прикрас,
И мнят, что праведных и Божество неложно
Заставить действовать, как вымышленных, можно.
Сводя читателя на каждом шаге в ад,
Лишь Вельзевула там и Люцифера зрят!
Святые таинства Небесных откровений
200 Суть выше и честней всех бранных украшений.
К нам слово Божие гремит судом на злых,
Влечет к раскаянью и ужасает их;
Но вымыслов твоих виновное смятенье
Те даже истины подводит под сомненье.

Какой желаешь ты изобразить предмет?
Что Сатана восстал на Божеский совет,
Что витязей твоих унижить алчет славу,
И мог поколебать Небесную державу.

Тасс, скажут мне, умел с успехом то свершить.
210 Я не хочу с ним здесь в судебный спор входить;
Но пусть хвала ему в наш будет век всеместней,
Он не прославил бы Италии сей песней,
Когда б его герой, везде равно мудрец,
Не ввел и Демона в рассудок наконец,
И естли бы Ринальд, Арган, Танкред, Армида
Печальна зрелища не усладили вида!

Я не того ищу, чтоб в подвиг христиан
Безумно вмешан был Нептун, Минос иль Пан;
Но светской и живой картине вображенья
220 Не сметь заимствовать у басни украшенья,
Очистить от наяд прозрачных токов дно,
Отнять у Марса меч, у Парки вертено,
Харону воспретить чрез Стиксову пучину
Возить царя с рабом, вмеща в ладью едину:
Сие бы значило робеть своей мечты
И нравиться хотеть лишеньем красоты.
Быть может, запретят иносказаний виды,
Повязку и весы отымут у Фемиды;
Иль медное чело у грозных войны,
230 Часы, что времени бегущему даны,
И в ложной святости, почтя догматом веры,
Изгонят из речей подобья и примеры.
Оставим хвастать их лженабожностью той;
Но мы уклонимся от робости пустой;
Став баснословы вдруг и купно христиане,
Чтоб Бога истинна не исказить в обмане.

Баснь тысячу приятств уму сулит одна:
В ней будто для стихов даны всем имена;
Улис, Агамемнон, Орест, Пилад, Дидона,
240 Елена, Менелай, спутники Язона.

О мысль забавная! кто, предпочтя им всем,
Вдруг Хильдебрана взял в невежестве своем!
Нередко именем, лишь приданным герою,
Поэму делают иль грубой, иль смешною.

Чтоб долго нравиться и век не утомлять,
Найди мне витязя, удобного занять.
Отличен мужеством, делами превосходен,
Он в самых слабостях быть должен благороден:
Таков, как Александр, иль Тит, иль Людовик;
250 Но не таков, каким представлен Полиник.
Изящные дела лишь стоят быть известны:
Героев площадных трофеи нам нелестны!

Из сложных действие не составляй пружин.
Веденный бережно Ахилла гнев один
С начала до конца снабдил повествовань.
В избытке иногда скудеет содержанье.

Будь жив и быстр, когда предпринял ты рассказ;
Богат и роскошен, коль пишешь что для глаз.
Вот случай показать красу стихов созвучных!
260 Но бойся в них картин иль мелких, или скучных.
Не подражай глупцу, которой средь морей,
Являя в челюстях разверзшихся зыбей
Израильский народ, от ига свободенный,
Сажает к окнам рыб смотреть сей полк священный;
Рисует мальчика, как пляшет он, бежит,
Нашедши камушки, их маминьке дарит.
Не трать ты времени на мелочи столь праздны!

Поэме дай своей пределы сообразны.
Сначала изложи мысль просто, без прикрас,
270 Не закричи в жару, взмостясь на Парнас:
«Пою вождя вождей, вселенну победивших!» —
Из сих великих слов, как громом оглушивших,
Что сделаешь потом, восторженный пиит?
Чреватая гора незапно мышь родит.
О! сколь писатель тот исполнен дарований,
Что пышных не дает сначала обещаний;

Но, легкостью простой стих нежный усадя,
Начнет: «Пою войну и набожность вождя,
Которой, от берегов отторженный фригийских,
280 Стал первый на поля в Авзонии Лавински». —
Вдруг муза у него не губит всё в огне,
И много чтоб свершить, сулит немного мне;
Но вскоре, средь чудес необычайных зрима,
В уста оракула влагает жребий Рима,
Влечет по Тартару клубящийся Коцит,
И души цесарей с блаженными селит.

Фигуры не щадя, дай ими жизнь творенью,
Чтоб каждый образ в нем предстал игриво зренью.
Быть вместе можешь ты шутив и величав:
290 Томит высокое, тяжелым, скучным став.
Баснь Ариостову с пером его шутивным
Я предпочту певцам холодным и грустливым,
Которые себе поставят то за стыд,
Когда им Грация чело развеселит.

Помыслят, будто бы с природою условясь,
Гомер, чтоб нравиться, украл Венерин пояс.
Его поэма есть сокровищей собор;
Всё дышит нежностью, всё в ней прельщает взор;
К чему коснулся он, всё в золото претворяет;
300 Повсюду веселит, — нигде не утомляет.
Везде счастливый жар разлит в его речах!
Он не теряется в извивистых путях!
Порядком правильным не связан он всечасно:
Сама ложится мысль порядочно и ясно.
Припасов не видать, готово всё без них:
Там к главной повести и речь ведет и стих.
Люби Гомера ты своих творений боле:
Любя прекрасное, с прекрасным будешь в доле.

Поэма, коей связь взаимная дана,
310 Не есть незрелый плод, где прихоть лишь видна.
Ей нужны время, труд, и подвиг сей тяжелой
Не мог ученика быть пробой скороспелой.

Но временным иной успехом обольстясь,
Гремит войнску песнь, поэтом не родясь:
Пустым тщеславием надмя свой разум лживой,
Хватает он трубу рукою горделивой:
Тут муза у него, подъямлясь в высоту,
Летит порывами и скачет на лету,
И пламень, коим он сгорает столь напрасно,
320 Не быв питаемым, в нем гаснет повсечасно;
Но тщетно бы желал в сужденьях строгий свет
Открыть ему, что в нем прямого дара нет!
Он, гений тощий свой превознося хвалою,
Кадит себе в лицо сам собственной рукою.
Виргилий перед ним в изобретеньях туп;
Гомер на вымысел неблагороден, груб:
Когда ж против сего восстанут приговора, —
К потомству он тотчас взывает среди спора.
Но между тем, пока смысл здравый в свой черед
330 Творенья в свет его со славой низведет,
Их груда в кладовой, сокрытая потьмами,
Печально борется и с пылью, и с червями.
Дадим свободу им друг с другом воевать,
И чтоб не сбиться нам, то станем продолжать.

На славном поприще трагических явлений
В Афинах родился комедий древних гений.
Под видом шуток в них к злоречью склонный грек
Излил насмешек яд на современный век.
В потворство буйности, прейдя веселья меру,
340 Дерзали посягать на ум, честь, мудрость, веру;
И сам Аристофан средь плесков и похвал,
Шутя достоинством, себя обогащал;
И даже в хоре он своим замысловатом,
Чтоб чернь увеселить, дерзнул шутить Сократом.
Сей вольности потом пути преграждены.
Закон, к которому прибегли старшины,
Указом положи писателям границы,
Им метить запретил на имена и лица.
Престало зрелище, как прежде, буйным быть;
350 Без злобы начала комедия смешить,

Учить и вразумлять без желчи и без яда,
В Менандре нравиться, не оскорбляя взгляда.
В сем новом зеркале всяк образ свой встречал,
И весело глядясь, себя не узнавал;
Скупой картиною скупого восхищался,
Не мысля, что с него чертеж ея сымался;
И с тонкостью сто раз явленный Селадон
Свой видел образец; но думал: то не он.

360 Природа чтоб одна была твоим ученьем,
Коль хочешь славен быть комическим твореньем.
Кто может проникать в наклонности людей
И в тайну их сердец, сокрытых от очей;
Оттенки знает кто скупого, мота, шута,
Ревнивца, чудака, повесы или плута;
С успехом в зрелище тот может их явить, —
Дать жизнь им, действие, и речь в уста вложить.
Природы с простотой учитесь быть согласны!
Чтоб краски ваших лиц, как в ней, ложились ясны.
370 Она, обилуя в престранных образцах,
Кладет особую печать на их лицах:
Безделка иногда лишь служит ей признаком;
Но чтоб ее открыть, ум зорок не во всяком.

Меняет время всё, меняемся и мы:
Свои у возраста забавы и умы.

Подобен юноша бурливых вод потоку,
Кипит в страстях своих, поползновен к пороку, —
В забавах упоен, — в желаньях прихотлив,
Поспешен осуждать, нетверд, пусторечив.

380 Муж возрастный зрелей и вдаль кидает взоры;
Щадит себя, хитрит, — лстыит сильным для опоры;
В ударах рока он их ищет отразить, —
Не в настоящих днях, но в будущих мнит жить.

Старик всегда грустлив, — трудится, приращает,
Хранит сокровища, что для других скопляет, —

Идет к метé своей холодною стопой;
Возносит старый век с роптанием на свой:
Согбенный бременем лет, унесших наслажденье,
Порочит юноши в забавах пресыщенье.

390 Чтоб старец говорить как юноша не стал,
Ни юноша себя за старца не казал.

Все тайны проникать учись двора и света;
В них сыщешь образцы для каждого предмета;
И ими-то Мольер обогатя себя,
Мог первенство стяжать, когда бы, чернь любя,
Свои искусные и верные картины
Кривляньем частым лиц не портил без причины,
На жертву шутовства ума не приносил, —
С полишинелями Теренция не слил.
400 Мешок его, куда Скапина он сажает,
Мне Мизантропова творца узнать мешает.

Комедия и бед, и горести чужда,
И слез трагических не терпит никогда.
Но цель ея не в том, чтоб речью непристойной
Прельщать простой народ, к речам подобным сродной.
Все лица в ней должны с приличием шутить.
Чтоб узел, разрешась, открыл завязки нить;
Чтоб самых действий ход шел истины следами,
И в зрелище пустом не исчезал пред нами.
410 Чтоб скромный слог ея, где нужно возвышен,
Был острых слов игрой в речах обогащен;
Чтоб полная страстей, ведя их утонченно,
Имела действие одно с другим сцепленно.

Иди, не уклонясь, путями естества,
И смысла не носи на жертву шутовства.
В Теренции заметь отца с влюбленным сыном,
Как учит он его быть страсти господином;
Как страстный юноша, едва старик умолк,
Летит к возлюбленной забыть его урок.
Не списки вижу с лиц; но лица неподложны:
420 То истинный отец, — любовник, сын неложный.

Любезны в зрелище писатели мне те,
Которы, языка и слога в чистоте
И здравый смысл храня, лишь им одним прельщают.
Но те забавники, которы только знают
Нечисто пошутить в двусмысленных словах,
Пускай себе идут блистать на площадях:
Пусть в плоской остроте бормочат ахиною,
Смешат и веселят лакеев праздных ею.

ПЕСНЬ IV

Когда-то, говорят, в Флоренции был врач,
Искусный лжец, болтун, — известный всем палач,
И ужас разливал, как язва моровая!
Здесь требовал отца сиротка-сын, рыдая;
Там плакал брат, вдовец, бродящий средь могил;
В том кровь всю выпустил, — тех хиной окормил.
Грудная боль при нем менялась в водяную,
Мигрень в безумие, насморк в чахотку злую.
Повсюду проклятый, он сей бросает круг.
10 От всех друзей в гробах один оставшись друг
Везет его в свой дом огромный и прекрасный.
То был богач аббат, любитель зданий страстный.
Вдруг медик к зодчеству природный кажет дар,
О замке говорит, как истинный Манзар;
Порочит залы в нем передовую стену,
Чтоб не был темен ход, назначил перемену;
Советует крыльцу иной дать оборот.
Друг шлет за мастером, и самый мастер тот
Внимает, слушает, ошибки правит всюду.
20 Но чтобы дать конец сему смешному чуду:
Убийца-лекарь наш больным уже не в страх, —
Уже не с шнепером; но с циркулем в руках,
Науку врачества в удел оставя прочим,
Из мерзкого врача порядочным стал зодчим.

Его пример для нас прекрасный есть урок!
Будь лучше каменщик, коль в деле сем знаток,

Нужней знать мастерство полезного искусства,
Чем быть писателем без разума и чувства.
30 Есть лестница во всех познаниях других,
И не бесчестно быть второстепенным в них;
Но чтоб идти путем поэзии опасным,
Нет средних степеней между дурным с прекрасным.
Кто пишет холодно, писатель тот дурной;
Я ставлю всех дурных на степени одной.
Коль два писателя наносят скуку ту же,
К чему мне раздроблять: *сей худ, а этот хуже!*
То правда, что дурак смешон и веселит;
Холодной же рифмач со скуки уморит,
И сносней вялости уродливая смелость.
40 Стих сонный сообщит свою мне онемелость.

Не восхищай себя льстецов тех похвалой,
Которые бегут усердною толпой
С решительным в устах определеньем: *диво!*
Стихи, что ты прочел, ложились в слух счастливо;
Они в печати те ж, но, в лучшем став свету,
При взорах знатока теряют красоту.
Их жребий иногда бывает самый жалкий:
Сначала славятся, потом нейдут из лавки.

50 Рачительно внимай советам всем равно;
Нередко и дурак промолвится умно.
Но с одою, хотя б внушенной Аполлоном,
Не кинься на того, кто мимо шел с поклоном;
Примера не бери с певцов азартных тех,
Которые везде неволей ловят всех
И всем свои стихи читают велегласно.
На перекрестках им попасть в глаза опасно;
В судах, на торжище, — и можно ль? даже сам
Укрыть от музыки их не силен Божий храм!

Люби судимым быть, я повторяю снова. —
60 Послушный разуму, исправь не прекословя;
Однако же не будь невежества игрой!

Нередко, возгордясь, невежда мелочной

Находит всё дурным, по прихоти упорной;
Порочит лучших мест слог смело-благородной:
Весь смысл перевернет! напрасно б спорить с ним!
В сужденьях ложных он стоит неколебим.
Довольный сам собой в рассудке недалёком,
Мнит видеть всех ясней он близоруким оком.
Не верь словам его, тебе во вред оне:
70 От мели бегая, утонет в глубине!

Полезен судия разборчивый, степенный,
Ведомый разумом, ученьем озаренный,
Чтоб верный взгляд его ошибки те открыл,
Которы, видя сам, ты в гордости таил.
Лишь он решит твои сомнения незрелы
И духу робкому даст точные пределы.
Лишь он счастливый сей внушит тебе восторг,
Которым иногда отважный ум возмог
80 Суровые в пути преодолеть препоны:
Стесненный правилом, смягчить его законы.
Но здравый судия есть самый редкий клад;
Тот пишет с легкостью; но судит наугад;
Тот лирою своей везде себя прославил:
Но славных лириков с дурными рядом ставил.

Склоните слух к моим, писатели, словам!
Угодно ль в вымыслах блистать богатых вам?
Уроки усладя познашь всюду зрелым,
Свяжите прочное, полезное с веселым!
90 Читатель мыслящий бежит забав пустых:
Он пользу мнит извлечь и из забав своих.

Чтоб нравов и души, как верные скрижали,
Твоим достоинством стихи твои дышали.
Я красноречия не уважаю в том,
Кто, чести изменя преступнейшим пером,
Враг добродетели! в свои виновны строки
Лиет опасный яд, украся мне пороки.

Но я и не в числе суровых сих умов,
Что, страсть любовную изгнавши из стихов,

Лишают зрелище убранств, приятных взору,
100 Смертоубийцами Алонза чтут и Кору.
Любовь порочная, приемля скромный вид,
Постыдных помыслов в душе не возродит.
Мне прелесть не страшна отчаянной Дидоны;
Равно ее виню, и разделяя стоны.

Писатель, чьим пером лишь водит честь сама,
На душу действуя, не развратит ума,
И от огня его не вспыхнут вредны страсти.
Чти добродетели, будь весь у них во власти!
Вотще твой будет ум с достоинством блистать;
110 Стих сердца низостью не престаёт дышать.

Чтоб подлой зависти, рассудков слабых жала,
Всегда душа твоя с презрением бежала.
Не страшен сей порок изящному уму:
Одна посредственность впадает в сеть к нему.
Талантов скрытый враг, она в пронырствах тайных,
Их в подозрение приводит у случайных, —
И тщетно силяся возвыситься до них,
Чтоб стать им наравне, унижить ищет их.
Да будут прѣзрены сии крамолы нами;
120 К честям да не взойдем предательства стезями!

Не чти поэзию за промысл свой один;
Будь вместе верный друг и честный гражданин.
Любезным в книге слыть не верх еще победы!
Равно и жить учись, и услаждать беседы.

Пиши не из наград, для славы ты своей,
И подлого в виду прибытка не имей!
Я мню, что без стыда и гордый разум вправе
Стяжать несому дань достоинствам и славе;
Но не могу терпеть, кто дар пускает в торг,
130 По лавкам носит муз на куплю иль в залог,
Пресытяться почестью, стремится к злату с жаром,
И гением своим владеет, как товаром.

Пока словесных ум был в речь не облечен,
И их не озарял законом из письмен;
Всяк правился тогда насилем природы.
Рассеянны в лесах для дѣббычи народы
За данные права считали крепость сил:
Убийца ужасы без казни разносил.
Но речь явилася и сладость, втекши в слово,
140 Смягчила им как мед то качество сурово,
По дебрям смертных род сзывала на дела,
Возвысила градá, стеною обвела,
И буйство усмиря мученьем, страшным взору,
В законах подала невинности опору.
Порядок сей стихов, как говорят, был плод.
Отсюда перешло предание в народ,
Что, нежность ощутя, на гласы мусикийски
К Орфеевым стопам стекались львы фракийски,
Что, Амфиону вняв, под звучный арфы строй
150 В порядке камни шли, вокруг Фив ложась стеной.
Согласие, чудес толиких быв начало,
Потом в оракулах богов языком стало.
Из лона трепетом объемлемых жрецов
Стихами Аполлон судьбу решил градов.
Подъемля из гробниц минувших лет героев,
Гомер воспламенял на подвиг храбрых воев;
К трудам вел Изиод, ученьем озарив,
И жатву ускори́л лежащих праздно нив.
Так мудрость, исходя писателей устами,
160 Предстала смертному одетая стихами;
Как витязь, шествуя среди одних побед,
Втекая через слух, снискала к сердцу след.
За блага, музами столь щедро пролиянны,
К богам причислили их греки благодарны.
Поборники наук во всех концах земли,
Воздвигнув алтари, им жертвы понесли.
Но бедность тощая с ярмом явилась нужды:
Величие и честь Парнасу стали чужды.
Корысть, завистный взор бросая на серебро,
170 К сплетенью грубой лжи направила перо,
Ничтожных тысячу творений породила,
Составя торг из слов, в продажу речь пустила.

Не унижай себя пороком подлым сим!
Коль золото избрал ты идолом своим,
Беги от зланных мест, Пермес где протекает!
Не на его берегах богатство обитает!
С героем доблестный равняется пиит:
Бессмертие и лавр им только Феб сулит!

180 Но муза, испостясь и голодом томима.
Не может, говорят, насытиться от дыма!
В наш век писатели, гнетомы нўждой злой,
Встречаясь натошак с вечернею звездой,
Прогулке на Парнас едва ли будут рады!
Горацию обед готовили менады.
В свободе от забот, грызущих бедняка,
Не бегал по домам для хлеба он куска.
О муза! ободрись и грубой презри чернью!
На троне слышу глас, зовущий к просвещенью.

Сомнительное и отрывочное

ВЕЧЕР

Поля покрылись темнотою,
И ветер в роще зашумел;
Луга, холмы оделись мглою,
Ручей меж камней заревел.

5 Удар стремится за ударом,
И молния пред ним летит;
Природа в образе сем яром
Несчастливых жителей страшит.

Они все вместе собрались,
10 Благие просят Небеса:
Сердечны слезы излились,
Их съединились голоса.

Стада свои пастух собирает,
Стремится *ко двору* скорей;
15 Ужасна буря устрашает
Его мятежностью своей.

Но Бог моление услышал
Несчастливых смертных в страхе сем,
Грозу и бурю вдруг утишил,
20 Спокойствие возвратилось всем.

Борей и громы удалились,
Натура в *тихость* вся пришла;

Зефир и птички пробудились,
Луна на горизонт взошла.

25 Вода престала волноваться
И тихо, тихо потекла:
Не стала даже колебаться,
Но зрится в образе стекла.

30 В лесах не слышно шуму боле,
Лишь чуть колеблются листья,
И все престало быть в неволе,
Но расцвело так, как цветы.

35 Сей вечер с жизнью нашей сходен,
В ней столько ж перемен, как в нем;
Час горя буре сей подобен,
А счастье равно с красным днем.

40 Коль в бурю должно быть покойну,
В несчастьи также сохранить
Надежду тверду, мысль свободну,
И гордым в счастии не быть.

<1806>

ПОЛЬСКОЙ

(Музыка 2-на Козловского)

Звук оружий раздаётся,
Марс ко брани всех зовет;
Север в славу облечется,
Росс вселенну потрясет!

Трепещи, о враг надменный!
Росс готов тебя карать.
Трепещи, о дерзновенный!
Будешь меч его лобзать.
10 Торжествуй, о россов царь!
Славься, славься, наш отец!

Пусть враги сплетают ковы,
Пусть о золото меч острят;
Россы всё попать готовы —
Супостата истребят.

Трепещи, о враг надменный!
Росс готов тебя карать.
Трепещи, о дерзновенный!
Будешь меч его лобзать.
20 Торжествуй, о россов царь!
Славься, славься, наш отец!

Там, где Сены ток струится,
Мыслят светом обладать...
Можно ли сему свершиться,
Естьли россы в том претят?

Трепещи, о враг надменный!
Росс готов тебя карать.
Трепещи, о дерзновенный!
Будешь меч его лобзать.
30 Торжествуй, о россов царь!
Славься, славься, наш отец!

Росс один лишь может взором
Всю Европу колебать;
Но, гнушаяся раздором,
Хочет мир ей даровать.

Трепещи, о враг надменный!
Росс готов тебя карать.
Трепещи, о дерзновенный!
Будешь меч его лобзать.
40 Торжествуй, о россов царь!
Славься, славься, наш отец!

Мир да всюду водворится —
Тишина любезна всем; —
Та страна животворится,
Где зрят кротость под венцем.

Трепещи, о враг надменный!
Росс готов тебя карать.
Трепещи, о дерзновенный!
Будешь меч его лобзать.
50 Торжествуй, о россов царь!
Славься, славься, наш отец!

Да познают все державы,
Сколь велика росса власть!
Он стремится не для славы —
Но устроить общу часть.

Трепещи, о враг надменный!
Росс готов тебя карать.

Трепещи, о дерзновенный!
Будешь меч его лобзать.
Торжествуй, о россов царь!
60 Славься, славься, наш отец!

<1806>

НОЧЬ

Блистают звезды золотые,
Лампады в небесах горят;
Крася лазури голубые,
Природе делают наряд.

5 Луна теченье совершает,
Не землю сыплет бледный свет;
Морфей всех маком осыпает,
И шуму на земле уж нет.

10 Везде всё тихо, всё покойно,
Всё дремлет, спит и всё молчит.
Ночь удивления достойна,
Когда луна с ней свет делит.

15 Печальный горе забывает,
Когда присутствует Морфей;
Во сне спокойно пребывает,
Когда нисходит к нам бог сей.

20 Его щедротами драгими
Вселенная награждена;
Хоть угнетаемая злыми
Покоится во время сна.

О ночь! ты смертных для покою
На землю от небес дана;
Твоею щедрою рукою
Вся в свете тварь оживлена.

[ОТРЫВОК ИЗ ПЕРЕВОДА САПФО]

Свет померк в моих утомленных взорах;
В страстном сердце хлад ощущаю смертный;
Фурий адских слышу вокруг я хохот:
    В пламе сгораю*.

<1808>

* Надлежало бы сказать: в пламени.

**СТАНСЫ НА БОЛЕЗНЬ
И НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ Д. А. Л.**

(отрывки)

НА БОЛЕЗНЬ

Что пасмурна погода,
Хотя теперь весна? —
Знать, сетует природа,
Что Дашенька больна.

<.....>

НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

<.....>

Исчезли мраки, гром,
Светла природа снова,
Все в радости о том,
Что Дашенька здорова.

Что стал так весел зрак
Эрота дорогого?
Свершится скоро брак,
Коль Дашенька здорова.

<КОНЕЦ 1810-Х — НАЧАЛО 1820-Х>

ЗВАНСКИЕ ВИДЫ НА ВОЛХОВЕ

Посвящено е<я> в<ысоко>п<ревосходительству>
Дарье Алексеевне Державиной

О званский тихий край, гористый,
Как твой великолепен вид!
В подножья Волхов твой волнистый
Как будто зеркалом стоит!
5 И красоты твои игривы,
Черты отличные, счастливы
В кристаллы врезывать спешит!

По берегам леса зелены,
Склоняясь к голубым водам,
10 В убежища уединенны,
Отдельно стали по лугам.
Меж ними холмы над ручьями
Украсились цветными мхами —
Как горы мраморные там!

15 Сквозь свод древесный ясно видны
Селенья новые вдали!
Блестят и башни златовидны,
И дома, площади, шпили —
В серпы и косы — громы ратны
20 Впял там гений благодатный
На славу северной земли!

Какой на Волхов вид чудесный!
Здесь он бежит на луг — серебром;
Там вдруг несет весь свод небесный;

25 Там он извивчивым путём
Волшебно берега меняет!
Селенья, лес перемещает —
Не тщетно чтим он был волхвом.

Судов крылатых караваны
30 Идут рядами в берегах.
Сквозь дождь, сквозь солнце, сквозь туманы
Горой богатства на плечах
Несут богатыри в столицу!
Предводит счастье станицу... —
35 Тверд путь ему и на водах!

И день и ночь его пределы
Народный оживляют труд:
То челн под парусами смелый
Летит в волнах жемчужных тут.
40 А там безмолвны рыболовы,
Раскинув с лодок сети новы,
Сребристых рыб стада берут.

Или вечернею порою,
При свете западных лучей,
45 Плоты в цепях идут грядюю
По гладкому стеклу зыбей.
На них шалаш недолговечный, —
Огонь под дымом скоротечный, —
Картина наших кратких дней!

50 Трава в лугах, как шелк красивый;
Скирды несметные стеной!
Стадами покровенны нивы
Прельщают взоры пестротой.
Поселянин в ладье невзглядной
55 Трудов тяжелых груз отрадной
Тащит один на бичевой.

А там — на стороне нагорной,
Отлого скатистой к реке, —

60 Там балаганов вид уборной
Картиной зрится вдалеке:
Кора серебриста, мох зеленый
Укрыли их верьхи и стены —
Где труд кочует на песке.

65 Но ты, о званский холм высокой!
Знакомый мне, и столько лет!
Зачем ты в тишине глубокой?
Где прежний твой веселый свет?
И дом — как старческая келья!
Не видно милого веселья,
70 Никто и с лирой не поет!

На крыльях паровых*, огнистых
Уж Волхов в гору не бежит!
Не мечет к солнцу вод серебристых,
В восторге от твоих харит!
75 Разросся лес! птиц прежних хоры!
Удвоились в цветах уборы...
Но что-то прелести их тмит!

Кто здесь, туманом покровенна?
Задумчива, как хладна тень?
80 Тяжелой грустью удрученна,
Вкруг дома бродит ночь и день!
Разорванная цепь золотая
На ней видна, как мгла какая;
В печальной урне носит тлен.

85 Венец, на части раздробленный,
Она зажав в руке своей,
Идет — и ищет свод подземный,
Страшась бессрочных в свете дней.
Ей зрится — слышится — друг милый,
90 Но как последний огонь унылый
Сей призрак, вспыхнув, — гаснет в ней!

* Здесь разумеется паровая машина, посредством которой доставлялась вода нагорным строениям.

95 Душа в разрыве с сердцем страстным,
Быв пленницей любви самой,
Подобна тем степям ужасным,
Где нет отрады никакой.
Одне там змеи роют норы,
Всё без защиты, без опоры!
Мертвит там хлад, мертвит и зной!..

100 Но что среди вершин древесных?..
Вот храм — и крест золотой на нём,
Я слышу хор в словах небесных.
В середине свет — кристалл огнём.
Кто двинул дики камни в гору
И ряд столпов поставил взору
105 Во вход, при храме сем святом?..

Не ты ль, душа, — в страданиях томных,
Как в плен тебя тоска вела,
Сих камней диких и огромных
Сквозь слезы в сердце связь нашла?
110 И сей поставив храм прелестный,
Надежды и красы небесны
В самой ты грусти обрела!

Надежда — что в желанном мире
Твой друг, в сияющих зрях,
115 Как луч на голубом эфире,
В прозрачных белых облаках
Приятно встретится с тобою, —
Тогда, слиясь с его душою,
Забудешь о своих слезах!

120 Оденься в радость, холм прекрасный,
Свидетель гения чудес!
Где жил певец наш сладкогласный —
Ни снег, ни вихрь, ни темный лес
Не скроют след его глубокий!
125 Где жил — там ныне храм высокий
Любовь возносит до небес!

Приложение

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

ЦИКЛОП (с. 61)

сс-3 (1819)

- 10   Ему свирепый рок, к напасти, предписал
- 24—27   О Полифем! ужель чувствительных удел
                  Напасти?
                  Ужель переменить нельзя суровой части?
                  Нельзя; но Полифем смягчать ее умел.
- 46   Увы, жестокая! еще в тот давний час,
- 94—97   И тот готов принести на жертву для тебя!
                  Почто мне рок ожесточенный,
                  Почто мне с жабрами родиться не судил:
                  Тогда б с тобою был!

ЛИВИЯ (с. 66)

ВЕ (1806)

- 7—8   Тогда как Эзилай беды мои спознал,
                  Презрел стенания и горестями играл;
- 11   Я, потерявши ум, скиталась в сих местах,
- 13—14   Твердила: «Ливия не любит Эзилая,
                  Пускай кто хочет им владеет; пусть другая...

- 16—19 Мое спокойствие мне дорого одно».
И эхо между гор, слова те повторяя,
Гласило: Ливия не любит Эзилая!..
С улыбкой радости прилегши на утес,
- 21—23 В окрестные места, в селенья и пещеры;
И льстясь исторгнуть тем вонзенны в сердце стрелы,
Я мнила, что могу, сказавши, разлюбить,
- 25 Я мнила — и лице веселием покрылось;
- 31 Пастушки здешних стран твердят между собой:
- 34—36 Нет, Сильвия! — ах, нет! подруга ваша лжива...
Хотела б, но, увы! лъзя ль сердцу изменить?
Могу ль неправдою вас снова обольстить?
- 39 Ах, Сильвия! любить его — и перестать
- 41 «Но эхо в сих горах ужель нас обольстило?»
- 43 За то хочу его навек отсель изгнать,

МОЛИТВА ЛИНДАНЫ (с. 68)

Л (1806)

- 2—4 Среди яворовых деревьев, средь мирт, каштан,
Среди лимонных рощ в куртине ананасной,
Где самородны вверх фонтаны с шумом бьют;
- 6 Где эха бледного печальной голос — страстной
- 10 В колоннах мраморных, со тронном изумрудным
- 23 Колонны мраморны лучом своим белил:
- 27 Приставя перст к губам, задумчиво сидел.

- 38 Чуть-чуть ступенями касаяся лугов;
- 41 Легчайшею, как пух, из ткани непрстой;
- 44 Фортуна, преклонясь главой на рог алмазный,
- Сноска
к ст. 66 Вера ли тогдашних времен, или неведение Линданы
было причиною, что она приписывала сотворение
мира, и разделение хаоса Перуну; но впрочем, все древ-
ние народы признавали Кела, отца Сатурна, разделите-
ля хаоса. *Автор.*
- 82 А лира издала сама собою тоны.
- 84 Ко храму факел устремила свой.
- 91—92 Пусть он останется, как был, — ему ль меняться?
Мне всё прелестно в нем, и даже грубый нрав;
- 94 Но я ему — а он быть должен мне устав,
- 96 Мне вместо были бы закона.
- 118 Тебе ль то *мудрено!* — Коснись жезлом своим —
- 126 Призра́к сей и моей тогда души кумир.
- 136 Челу величие — но чуждое угрозы;
- 139 Стан, рост, движения, походку и манеры
- 141 Да яблоко Парис, отнявши у Венеры,
- 151—152 Хочу вдруг всё иметь: таланты, слова дар;
В делах премудрость, вкус; в устах определенье;
- 179 Но небо тучами незапно обложилось,

**НА ВЫСТУПЛЕНИЕ РОССИЙСКО-ИМПЕРАТОРСКИХ ВОЙСК
(С. 77)****лс (1806)**

- 1—5   Среди громов, бурь, стихиев спора,
Из прахов, в темноте ночной
Изник сын зависти, раздора,
Изник — с подобной им душой.
Едва взглянул — их яд питает,
- 9—11   Его нектар — ручьи кровавы,
Трапеза — горести и стон;
Коварствами усилия правы,
- 17   Быстрее пламя пробегает,
- 21—24   Там, где курились прежде жертвы
Превечному Царю царей,
Теперь томятся полумертвы
Среди священных олтарей;
- Сноска
к ст. 23   Известно, что Бонапарте превращал храмы Божии
в больницы.
- 29   Склонясь о прочный щит Беллоны,
- 33—36   В искусствах — в знаньях процветали;
Сзывали гениев всех стран;
Согласные стихи сплетали;
О благе мыслили граждан.
- 40   Росс внял — вспрянул — и всяк герой.
- 90—91   К подпоре малых дней своих:
«Клянемся, — каждый повторяет, —
- 105—106 Под шлемом лет весну скрывая,
Геройской вид лицу дают,

- 114   Венчанный славою герой,
121   Как быстрой водопад в паденьи
130   Зрит адску гидру среди галл;
132   И росс кротчае агнца стал.
133—136   Монарх! почто я не имею
              Подобных средств полезной быть?
              Почто сим правом не владею
              Собой других смерть заменить?

АНГЕЛ СМЕРТИ (с. 83)

сс-3 (1819)

- 4   О други! радуйтесь! страдалица не дышит.

СУМЕРКИ (с. 84)

сс-3 (1819)

- 8   Пусть ночь, сей добрый чародей,
11—12   Облекши истину призраком ложным,
              Из дыма храм сооружу,
15—19   *нет*
33—35   Там ночь в окрестностях, а здесь восток
              Лучем весення утра
              Златит Кастальский ток.
37   Сквозь пальмовы древа я вижу храм,
52   Мгновенно облетел пространно царство:

- 54—57 Молчит неверие безбожника в устах,
И суемудрию не зрит опоры;
Предстала истина невежеству пред взоры:
«Велик, — гласит она, — велик в твореньях Бог!»
- 64 Так верно истина себя являет,
- 70 Ударил в струны, загремел,
- 73 Он пел великую из смертных на престоле,
- 115 «На Званке ты», — ответы раздались!

БРАТУ МОЕМУ (с. 93)

сс-3 (1819)

- 29 Чувствительным с одной душой накладно;

С ПРИМОРСКОГО БЕРЕГА (с. 96)

л (1806)

- 1 Тихое море
- 3 С кротостью волны
- 5 Светлые зыби
- 22 Тон издадала;
- 31 Пламя лютейше
- 35 Ад протекает
- 37—40 Очи сухие
Слез уж не льют;
Вздых не колеблет
Более грудь;

СС-1 (1819)

- 41—42   Речь замирает
              В хладных устах!

ЮНОМУ ПОЛЛУКСУ (С. 98)**СС-1 (1819)**

- 3—4   Как в небе облак свившись черной
                  Темнит последний луч луны:

ПРОХОЖИЙ И ГОСПОДСКИЙ СЛУГА (С. 104)**СС-3 (1819)**

- 42   Судья по-прежнему брать станет взятки.

СМЕРТЬ И ЕЯ ПРИДВОРНЫЕ (С. 113)**СС-3 (1819)**

- 1   Когда-то смерть из царства теней
3   Собраться вам ко мне для новых положений.
9—14   Но тот лишь обратит внимание царицы,
38   Чтoб перстом каждому определить места.

ЧУГУННЫЕ И ГЛИНЯНЫЕ ГОРШКИ (С. 115)**СС-3 (1819)**

- 9—10   Как истинной их друг,
                  Хочу, чтоб всяк из вас был волен.

12   Пойдете ль счастья искать по городам,

24—30   Останемтесь, друзья!» — «Нет, нет! —
Вскричал другой, — и мы за ними вслед!» —
          А тот ему в ответ:
          «Где нам за ними угоняться?
          Они во весь опор
          Поскачут на горы и с гор!
          Угодно прогуляться? —
          Никто не держит вас;
Ступайте лишь одне, слегка и понемногу,
          Свою избрав дорогу.
          Такая ль крепость в нас!
          Их милость всотеро плотнее,
          Им будущи века вернее,
          Чем нам единый час.

32—33   Мы обратимся в прах!» —
          «Хвалю твой страх, —

35   Но мы вам верный щит!

39—44   Горшок надеждою защиты убедился,
          К чугунам в воз ввалился
          И в путь пустился.

          Известно всем, что без труда
          Не достигают цели никогда.
          Не только отвечать за дальние дороги,
          Но даже за один не можно шаг.
          И наши путники беды узнали многи!
          Где вдруг на их пути лежит овраг,

46   Где каменны оплоты,

50—51   Кто в бок его, кто в грудь — не знает, что начать!
          Толчки приятельски, равно как и врагов,

55   *пропущена*

56   Там пни перескочить, там кочки;

О СЧАСТИИ**СС-2 (1821)**

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ (С. 149)

- 1—17 Пою словесных цель и слепоту очей!
О! ты, сокрытое в одежде их страстей;
Тень, — отблеск радости, за гробом смертных ждущей,
Присущное душе, и здесь от ней бегущей;
Явись мне, счастье! мой дух тобою полн!
Несомой в ладии, среди мятежных волн,
Будь кормчим на ней, возьми ея кормило;
Свети мне на пути, как прежде ты светило!
Тебя, — в часы громов, — при мертвой тишине,
Сретала я равно пекущимся о мне!
Явись, желанное! во всех своих вдруг лицах:
В алмазах, в рубищах, в веригах, в багряницах,
Жезлом таинственным коснись моей души
И узы моего языка разреши!
Дай разум словесам, — мне силу на сказанье:
- 29 Нередко тесноты незапной устраниаясь,
- 31—32 Иль смрада не любя злоторных тех мастик,
Которы Неронам дымят бесстыдно в лик,
- 39 Повсюду смертные, твердя тебя в устах,
- 52 Иной, Химеры сын, раб собственной мечты, —
- 62 Летит на добычу сквозь черный слой тумана,
- 66—67 То с ветром борется, с безветрием, со гладом;
То реется меж туч — глотает смрад густой;
- 74—75 Враждуешь на него и злобствуешь на страсти,
С отшельцем-мудрецом у тихого ручья,

- 77—78 На стеблях, дышущих роскошными парами,
Рассыпанна роса блестит семью цветами;
Иль, сладкие взрастя оратаю плоды,
От всех украдкою делишь его труды:
В лугах строжешь с ним скот, на ниве плуг вращаешь,
Шлешь сладкий сон ему и пищу приправляешь.
- 85 Горят его глаза, в устах клубится пена,
- 100—102 Не зная, что воды те клубят струями соль;
Так алчный воин сей с победою вновь каждой
К свирепству новому томится лютой жаждой.
- 105 Усталостью смежа век бдящие зеницы,
- 119 Вотще свирепый мнит под лавром отдохнуть!
- 127—130 А ты спешишь тогда, где царь, любимец твой,
За веру, за народ ишед на честный бой,
Стяжать бессмертия не мнит чрез кровь пролиту;
Но Богом вверенный, невинности в защиту,
Несет, блюститель прав! отмщения перун!
И лавр, пожатый им, пребудет вечно юн.
Герой-христианин! сей лавр, что пожинаяет,
Он жалости слезой невольно орошает!
- 153 Но буду ль излагать единых бедств начало?
- 165—166 И счастье скользкое избрав сих песней целью,
Раскроем сердце их коснящему веселью;
- 169—170 На жизни поприще неопытным и новым,
Почто нам дуть в лицо бореем столь суровым!
- 196—197 А счастья в честности искать их приучал.
Внушая к суетным желаньям отвращенье,
- 219—222 *нет*
- 243 Спешите черпать их из чистого истока!

ПЕСНЬ ВТОРАЯ (С. 157)

- 14—15 И светлые огни с востока заблестят,
И примут небеса цветистые отливы;
- 19—27 Иль бьющему ключу с востока сквозь граниты,
Сретает первый луч, светилом дня излитый:
То реет вспять его, то, в нем сугубя свет,
Молниеносных стрел дает ему полет,
То солнцев нескольких вдруг лики представляет,
То пурпурным огнем, как бы сама, пылает
И перлы росные трясет в пути с листов.
- Летят часы его быстрее градских часов!
Уже палящий Феб дохнул к нему с зенита;
- 29 Стократ почтен сей пот в очах прямых людей!
- 49—50 Вскормленных им телиц беспримесный удой,
Хлеб, снятый собственной с наследных нив рукой
- 103 Дружину, снесшую и брань, и переходы,
- 121 Кто чужд пристрастия, в бедах неколебим;
- 127 Свершая приговор и мзды и наказанья.
- 135—136 И чаши на весах оставя упраздненны,
Все б ужасы привлек, словесным подчиненны.
- 169—170 Уже от глада мне втек в жилы смерти хлад,
Уже, томясь, своих я зрела юных чад
- 210 Зрит подданных труды и их изделия рук
- 222 Не смеют разносить по стогнам вред и страх.
- 232—234 Медлительным ея отсутствием смятенны,
Вдруг видят над собой маханье милых крыл,
И с радости, что час свиданья наступил,

269 Почто в Овидиев слог быстрый, животворный

273—284 Колико сладости царей премудрых в доле!
 Где счастье под луной есть счастья их боле!
 Блаженна, что, деля с царем и трон, и власть,
 Делит с скорбящими их скорби и напасть,
 И длань невидиму к убогим простирая,
 Таит от шуицы, когда дает десная!
 О всех болезнуня, идя благим путем,
 Везде творит добро, не зрима никем!
 Не всуе к степени величия избранна!
 Для славы и честей не всуе совенчанна!
 Печется о судьбе увечных, чад, вдовиц,
 Болящих, пришлецов и сущих внутрь темниц.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ (С. 165)

2—6 К тем благам, кои рок изъял из нашей доли,
 Иль отнял, давши их во временный удел!

Вотще, ласкаяся переступить предел,
 Упорный злобствует, — мнит зреть судьбу поправу:
 Он в сердце тем себе усугубляет рану!

10—14 Обетов не творит, к событию неудобных.
 Приманчивых страстей страшася, как вериг,
 То побеждает их, то в первый гонит миг,
 Две мзды ему сулит сие страстей боренье:
 Здесь сладкий мир души; за гробом воскресенье!

17—18 С рассудком во вражде, враг собственна покоя,
 И, блага все себе мечтанием присвоя,

22—24 К желанью новому рождает побужденье,
 И ум, светильник сей, творит страстей игрой:
 Их жало тупится воздержностью одной.

27 Средь шума суетна, ход быстрый он дает,

29—32 *нет*

33 Как чадо стран, во льдах лежащих круглы годы,

38 Возмнил, испив его, вкусить приятства дивны; —

43 Так некогда Локсен, фортуны из сынов,

91 Сомкнулись скорбью вновь, — и вновь он стал уныл.

94 Локсена очертя вседневно он трикраты

166 Не хочет у себя быть произвольно пленным.

181—182 То, гнезды на листьях зря гадов порожденных,
Пускает горький дым из зелий, вокруг возженных.

Сноска
к ст. 186 Если фруктовое дерево не дает плода, в таком случае привязывают к главным оною ветвям небольшие камушки. Сей маловажный опыт приносил нередко желаемый успех.

196 И дику даже степь цветущею творит;

205—208 Ручей, от севера дубравой заслоненный,
Не пенит, — не клубит; но воды прохладенны
Спокойно к одному влечет всегда концу.
Се образ, родший их! — сопрягшись мудрецу,

210 Супруга под щитом проводит годы мирны.

216—217 Чтоб в комнате ея лампада слабый свет,
Подобясь луне, к ногам ея бросала;

236 Он любит видеть их среди живых кустов.

255—261 И рыбы, сей немых, безгласных тварей род,
Среброчешуйчаты подъяв хребты из вод,
В восторгах плещутся, их не ревнуя к пенью:

- 264 Прельщен малюток он детей своих игрой.
268 Уже достиг его, — поймал, — накрыл платком,
281 С журчанием струи свой слабый глас сливает,
283 Таящийся в лесах полночный соловей.
287 «Сколь тихо всё!» — он мнит; но вдруг кипит река;
294 Блажу таинственность судьбы Твоей священной;

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ (С. 174)

Сноска
к ст. 10

Греки и римляне поклонялись Минерве в различных обстоятельствах. Соображаясь с различными ея свойствами, придавали ей для каждого свойства особенное имя. В Палладе почитали они покровительницу боевых действий; в Эриане — покровительницу художеств. Под именем Минервы разумели премудрость; но сии три и многие еще другие имена принадлежали ей одной.

- 11 Художник, — честь градов! тебя ль забуду я?
34 Ты искру Божества, в душе твоей возженну,
45 Незаслуженный чин, заемное сужденье,
48 Темнеет, быв лучей заемных лишена!
50 Но купленная честь позором облакает:
61—64 Пусть зависть точит яд, — невежество восстало:
Орлу парящему змеи не страшно жало.
Падут завистники и жало их умрет;
Тебя рука твоя в потомстве соблюдет!

- 80—83 Излишнее к себе доверие во вред,
И рядит нас в шуты, или ведет в могилу.
Так древле, положась на мышц крепчайших силу,
- 85 Жизнь собственну принес на жертву мнимой славе!
- 89—90 И руки в язвину влагая дерзновенны,
Как отрок класы рвет, на ниве обретенны,
- 92—96 Как связанный детьми вздремавший исполин,
Смущен, бездействует в минуту просыпленья
И будто в плен идти готов без противленья;
Но силы внутренней и крепости быв полн,
С рук сети отряхнув, спокойным пребыл он;
- 103 Милона изложу, казненного собой!
- 107 И скалы вторили замолкший в дебрях рев.
- 112—113 И гады, жажда, гладь; и боль стесненных рук,
И грудь надменную терзающие враны,
- 125—126 Хочу я счастье воспеть благой царицы.

А ты, объемлюще и села и столицы,
- 133 Почто им царских дел повествовать бессильно!
- 139—151 Кто мощию велик, быв мощен и душой,
Тот, часто с чернию мещаяся простой,
В ней любит проникать народные напасти,
Законы дремлющи, властей зловредны страсти,
Державную тем длань к правлению крепят:
- 157—158 И воздух зыблется куреньем благовонным,
И очи всех вокруг горят весельем полным.
- 165—169 «Щедрою твоей и милостью стократной,
Их нет у нас во всей державе благодатной!» —

Их нет у нас среди блестящей сей толпы;
Но с трона в хижины направим к ним стопы!
Так мыслила она! и я да не робею!

171—173 Не вымысл петь хочу; но истины одни!

Во граде некоем, на северной стране,
Уготовлялся пир в честь отрока прелестна,

175 Был сходен ангелам, стрегущим рая вход.

190—192 Как представляет баснь Девкалиона с Пиррой,
Которые, кремни бросая за хребты,
Зрят вместо их детей умильной красоты;

201 Воссела купно с ним в блестящей колеснице,

203 И слитков краше дар готовит в ней златых.

ПЕСНЬ СВОБОДЕ (с. 185)

СС-1 (1819)

29 Ведут веселья нас стезей:

43 Со днем протекшим скоротечно

66—69 Паряще с свитками веков,
К нему слетит под мирной кров,
Не алчность в нем возжечь на злато;
Но к пению соорить глас:

83 Являет те ж премены года,

97 И кроющую за холмы тень,

106 Воссесть желает на холму;

Сноска к ст. 139

Указ о вольности дворянства и проч.

151—160 *нет*

<ПОСЛАНИЯ К ЛЕОНУ>

СС-2 (1821)

<I.> ПОСЛАНИЕ К ЛЕОНУ (С. 197)

- 1   Леон! не время ли, отброся призрак лживый,
4   И опочив на них, боль язв уврачевать!
7   Давно ли, веселясь, встречал весны приход?
12   Ни дряхлость, ни болезнь не угрожают им.
14—15   О светло облако опершись рукою,
              Фиалки, ландыши кидал к ней на берега.
20—24   Сам шумный аквилон смирился и умолк.
              В веноч фиалки вить желаньем я горела;
              Склоненная к брегам, едва уснуть успела:
              Проснулась, — и увы! фиалок боле нет;
              Увяли ландыши, поблек их снежный цвет.
34   Не ждет природа нас в своем поспешном ходе;
36   В час будущий вперя насытый мы свой взгляд,
40   Как знать тебе предел, начертанный судьбой!
44—45   Почто ж себя крушить за призрак и мечты?
              Леон! почто с судьбой как буйным нам сражаться?
49   И наша хладная зима не замедляет!

- 55 Лишает зрения и притупляет слух.
- 61 Престанем мудрствовать, — почто чуждаться счастья;
- 67—68 И истинных душе блаженств не принесут.
Когда обиженным явил ты правый суд,
- 90 Эраст и Полидор, два негде жили брата.
- 93 Безвестну Полидор избрав смиренно долю,
- 98 Когда ж порывы бурь и света коловраты
- 104—105 По скалам шествуя, быть думал средь равнин.
Эраст, в желаньях с ним и нравах столь же разной,
- 108 «Как можно, — мыслил он, — знав родину одну,
- 111 Всё в мире суета; всяк раб своих страстей!
- 116 Напрасно Полидор, разлукой сокрушен,
- 129 Единый отдыху Эраст не предавался;
- 141 Не внешностию тверд! в себе, в поступках вольный,

II. ПОСЛАНИЕ К ЛЕОНУ (С. 201)

- 44 Теперь же и рубля не в силах отделить.
- 64—65 А для чего б не быть? — Большая ж часть людей
Умеренности той, ей-ей, лишь носят маску.
- 68 (Свой голод утолять пришел он к речке той.)
- 75—76 Рассыпал по траве налимов, окуней,
Ершей, лещей, яззей, и даже стерлядей;

- 78   Потом ушел домой, таща свою находку.
- 80—81   Видна ему в воде вся журавлина статья:
На лодку глядя, он от зависти трепещет:
- 83   И шею вытянув, с собою начал сам:
- 86   О двух ногах и мы, — имеем важность ту же:
- 89—96   Возможно ль? — Я не съем того в годично время,
Что сей двуногой вдруг схватил себе в беремя!
О! сколь несправедлив ко мне свирепый рок!»
Тут крылья приподнял, курлыкнул, в лодку скок,
- 106   Успех к ним приведет; превратности отучат;

НА СЛУЧАЙ ДЕТСКОГО ПИРШЕСТВА, БЫВШЕГО В ПАВЛОВСКЕ 1810 ГОДА ИЮНЯ 16 ДНЯ (С. 217)

сс-1 (1819)

- 10—12   Пишут в уме?
Чар обаянье ль
Очи слепит?

Сноска
к ст. 50

Их импер<аторские> высоч<ества> в<еликие> к<ня-
зья> Никол<ай> Павл<ович> и Мих<аил> Павл<ович>.

РОНДО (С. 223)

пп (1808)

- 2   Кто над Миленою иметь все будет права,
- 12   И вот уже живет с Миленою пять лет;

**ЭКСПРОМТ НА ВОПРОС: КТО ИЗ ВСЕГО ДЫШУЩЕГО МЕНЕЕ
НАСЛАЖДАЕТСЯ ЖИЗНЮЮ? (С. 225)****СС-1 (1819)**

46 Не хвалит Бога лишь один.

ПЕТУХ-СТОРОЖ (С. 227)**СС-3 (1819)**

7—8 «Клюй вдоволь, — говорит, — овес, крупу, пшено,
Пшеницы береги ты каждое зерно, —
И всякую от ней гони исправно птицу.

60 Тут нужно, — *не лоза*;

ПАДЕНИЕ ФАЕТОНА**СС-2 (1821)****ПЕСНЬ I (С. 248)**

5 Роптанья на богов,

7—8 Его с высот паденья,
И миру целому грозяща разрушенья.

11—12 Которые всегда на подвиг, на совет,
К кормилу, к посоху, к броздам равно пригодны.

20—34 И стоящих, и нет певиче нареканья.
Для слуха вашего напев ея суров!
Ни вы, покорные любви всемошной власти,
Млеть, таять, пламенеть привыкшие средь страсти,
Сердечных в песни сей не найдете оков!
С моей цевницы вам повеять сон готов!

Тебе, и опытом, и светом умудренный,
Претекшему лета несбывчивых химер,
Любви родительской представлю я пример:
    Ты сердцем ближе к ней!
    Тебя кипучих яд страстей
    Не отравляет боле,
И цепи миртовы не увлекут к неволе!

Возри, о дневное, возри ко мне, светило!
Когда намеренье, предпринятое мной,

39—40 Страстнее горлинки, в глухой стелящей чаще,
    Медов гиметских слаще,

48—50 Дай стройность своего и простоту мне гласа,
    Чтоб я, вознесшись в высоты
    Двухолмого Парнаса,
    Харит не привела на гнев,

52 Соотчичей моих стяжать мог одобренье!

59 Иметь честь божеской побитым быть рукой,

63   Кто конной, кто пешком,

65—66   Тогда, в стране роскошного востока,

69   Его подножный холм
                    Из трех ручьев поила.

81   Чего же мы не можем знать,

83—84 Но чтобы не было и места к нареканью,
Припомню я, что Феб, по греческу преданью,

86 И зримого всего согласия пружинной;

89   *нет*

90   Теперь уразуметь нетрудно,

- 103 С зарею каждою являясь на долины,
127 Прибрежным эхом повторялось,
131 Борей, не пеня вод седых,
Дремал в цветочных сетках;
И водопад шуметь не смел.
- 142—143 Там лозы с лозами шептали;
Друг друга листики ласкали,
- 151—152 В сии-то области счастливы,
Постыдный на челе неся упрек,
- 158—159 Он родом полубог; —
А роду и у нас не изменились цены.
- 170 Проведал, что его родитель
174 Шуметь, браниться,
- 180—183 Считаюсь Зевсовым рождением,
И Фаетона сам не ниже поколеньем,
Желая укротить его упорный нрав,
Сказал ему в упрек и всенародно:
- 185 Но ах! так мыслишь ты один:
- 191—193 Течет, как исполин над твердью, над луной; —
Но с нами что ходить изволит долу». —
- 196—197 Потупя в землю взор, подобно женску полу,
Смиряся, — от стыда и гнева покраснел.
- 199 То чем же отразить обидные мог речи?
- 203 В отважном юноше похитили покой!
- 206—207 В дремучих он лесах скитается один.
Там гнев, — душ слабых властелин,

- 230—231   Тогда со вздохом ей сказал:
                  «Я! сын твой Фаетон, переносу обиды!
- 233   Унижен я врагом:
- 246   Бесчестью своему сам истины дал вид!
- 253   Не только Солнцевым рождением не назвал;
- 259   И с небожителем открыв свой брак,
- 264—265   Из глаз у юноши пустились с быстротой.
                  Климена, нежною отерши их рукой,
- 268—269   «Светилом, блещущим с горящего чела
                  Венцом в эфире благотворным,
- 271   К благим и злобным;
- 279   Светилом сим, мой сын! клянуся:
- 287   Пускай неложный сей отец,
- 293   Но полон красоты! неведом, но не труден!
- 297   В предлежной зрению дали
- 304   Иди, мой сын! иди, благословенный мною!» —
- 320   *нет*
- 328—329   Берем с веселостью для нас который хуже.
                  Климена в участь впала ту же,
- 331—332   А он от радости безмерной
- 334—335   И взрослых с ним друзей в любви нелицемерной,
                  И связанных родством из памяти изгнав,

ПЕСНЬ II (С. 257)

- 13   Глядясь в прозрачны воды.
- 15   Без выпусков, резьбы, в возможной простоте,
- 18   Ступеней на конце, один другому в пару,
- 22—28   Такою зримою повсюду простотой,
Художники, я мню, условясь меж собой,
          Потворствовать друг другу,
          Чтобы друг другу не вредить,
- 30   Взаимную себе являя тем услугу.
- 33   Пустить молву в народе,
- 35   Есть дивная игра единого случая,
- 50—51   Руководилися во все, как в наши, веки
          Различием пружин.
- 62   К чертогам на восток сам бог сей изваял
- 84   Повсюду сельские присутствовали боги.
- 107—108   Все боги, меньшего по качеству их чина,
          Которым рабска часть назначена в удел,
- 110   Порядок в старшинстве равно хранили некий.
- 116   Превыше всех по юной красоте,
- 118   И с детской простотой цветы вокруг бросала.
- 120—121   Снопы имея за плечами,
          С горящими как огонь очами.
- 125—126   Косматые власы ея сковали льдины;
          В устах рождаться снег и иней был готов.

- 130—135   А Фазтон, себя не помня сам,
Дивясь двору отца, чертогам и вратам,
      На чудны те явленья,
(Не могли света снесть) смотрел из отдаленья.
- 139   То робостью очей себя казали.
- 147   Не мог он настоящей.
- 154   Иди! какая бы причина ни была, —
- 159   Страшася юношу лобзая опалить.
- 165—168   К тому же предрекать сокрыту волю рока
      По собственному дару мог.
Но если от его разумного столь ока
- 188—194   Свою поступку величаву
      Теряет он.
Так убежденный я, гордясь, внимал Климену;
Был счастлив и вкусил величья премену;
      Игрушкой стал царей,
      А может, и вселенны всей!
      Тебя, светило лучезарно!
- 196—198   И казнь за сладкую мечту сию вкусил,
Незапно зря мое надмение попрано!» —
Умолк, — почтительный отдав отцу поклон.
Такою хитрою уловкой Фаэтон,
Что будто матери сказанию не верит,
Разнежить более любовь отца хотел;
- 203—206   Разнежась как отец, того не усмотрел.
- Улыбкой Солнцевы уста вдруг просияли,
              Когда постиг он суету
              Сыновниной печали,
- 214—218   Чтоб тщетных не было к сомнению причин,
Рожденья твоего свидетельства дам ясны.

Среди сокровищей, которы мне подвластны,
Назначь себе в удел прельстившее твой взор;

220   Твоим считается именем,

224   Коль слабым приговор, мой сын, находишь сей,

238—239   Познал отец, повергшись в скорбь велику,
                  Что прежде клятв потребно размышлять.

249   Он должен выполнить обет.

250—279 *нет*

297—298   Вот тот и тот от них погибли между нами!
                  А он тебе в ответ:

310   Не узнаешь отца, которого искал?

319—320   Чтоб самые когда содружные клеветы
                  Болели столь душой единый по другом?

322   Видал ли ты когда толикое смятенье,

324   На чуждого очах,

326   Рассудок твой тебе ответствен, что *нет!*

329   Сии потоки слез, сей взор, тебя молящий,

336   Как лед от пламенника тает.

343—344   Тогда как власть его однажды познаем,
                  В душевный сон мы не впадем. —

351—355   Иди! стремись! противиться не стану!

                  Не сыну, — истукану

                  Я ласки расточал! —

                  Когда бы смерть с рождением ты приял!..

                  Когда б... гонись за гибелью свою:

- 358   Стократно б отразил моею!
- 361—362   Коль искра сожаленья
                          Удобна дух согреть суровый твой;
- 381—382 Изведать яд страстей, предать себя на муки.
                          Взвесь славу и печаль рассудка на весах:
- 391—397   Коль радости невинные вкусишь?
                          Кто алчет именем правителя назваться?
                          Учиться должен тот сначала подчиняться!
                          И естели дух к правленью сей
                          Верховным благом чтит над благами земными:
                          Он должен начинать с своих страстей,
                          И быть правителем над ними.
- 401—403   Прямое не приспело время!
                          На поприще, где честь и слава смертных ждут,
                          Повсюду терния встречаются растущи;
- 405   Печален, скользок, мрачен, крут!
- 407—408   И камни преткновенья разны
                          Со всех сторон его стругут,
- 409   *нет*
- 410   Я сам в стезях моих чрез опыт утвердился!
- 413—414   Как пропасти минет, пожрать тебя готовы?
                          Уже минул; но вдруг незапно случай новый
- 416—417   Надеждой упоен, их зрел преодоленны;
                          Уже близ цели был, — и вдруг... о ужас! пал...»

ПЕСНЬ III (С. 268)

- 13   Ретивых Солнцевых, от сна воззвав, коней

- 15 Уже природы гул, хор птиц и рев зверей,
18 Узря упорство Фаетона,
23 То речь мудрейшая глупцам самонадежным!
54—55 Ни с Гарнеренем мне, ни с славным Монгольфьером
По воздуху в свой век проплыть не удалось;
86 Вот, мыслите, мудрец меж мудрецами!
89—91 Но я, чтоб наравне не стать между лжецами,
Ни легковерия других не уловить,
Читателя хочу заране предварить,
93 Преданий древних я держаться только стану.
107 Гордящийся Иос тяжелой гривой,
114 Еще держимые стремились в путь эфирный.
120 На месте прядая в порыве к бегу яром.
138 Хотя брозды держал в руках,
140—151 Не ведая их нрава,
Которой поводлив ретивей иль смелей, —
Огнист иль с норовом, — пужливой ли породы:
Он будто с умысла и к пагубе своей,
Строптивым более дает еще свободы;
155 Тогда-то изнуря свои он силы тощи,
159—160 Почто труды не по себе подъял!
Тем меней Фаетон являл в себе искусства,
162—163 И силы малились от конского в нем буйства,
И буйство их росло с его потерей сил!
166 И ужас встал на верхнюю черту!

- 169   Чтоб сведать гордости тщету.
- 177   Где Солнце каждый день назначено идти, —
- 179   Которые у нас зовутся Зодияки,
- 181   Столь их уродливы личины,
- 187   Ну как чудовищей таких не испужаться,
- 200   Наглец при маленькой сам струсит неудаче:
- 204—205   Медлительно берет со всех его сторон:
                 «Не лучше ль отложить», — смиренно мыслит он!
- 207—209   Что часть он божества, — тогда-то будет явно!
                 Тогда-то он в себе дух творческий явит,
                 И дар бесценный сей Творца не постыдит!
- 214—215   Предание смолчало:
                 Стрелец ли, Дева ли, — иное ль было что?
- 223   Иссякли все душевны силы,
- 226   Досада, мщенье: всё забылось:
- 234   Едва постижну взору,
- 255   Но в хладных ощутя вдруг недрах жар,
- 335   Толь бедственная смерть, о Дий! почто?...»
- 341   Дий, вняв, не раздражась богини сей роптанью:
- 348   К громодержавному отшел чертогу;
- 351   Поверг на дерзостна возницу:

**ВОЗЗВАНИЕ БЛАГОЧЕСТИВОГО МУЖА
К МАРИИНУ УЕДИНЕНИЮ (с. 314)****сс-1 (1819)**

Сноска
к экспо-
зиции

Пармен есть вымышленное имя, под которым разумела
я почтенного Николая Исаевича Ахвердова.

11—13   Что чашу роскоши испивший
          Мнит быть забавам властелин,
          И негу негой притупивши,

27   Пролет грядущу мне к забвенью,

95—98   О! сколь ты благодсть вожделенна!
          Ты часть нетлеющих начал!
          Ты искра, Богом в тлен вложенна!
          Тебе сей мир для поприщ мал.

99—140   *нет*

**НА ИСТРЕБЛЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ, НАГЛО В СЕРДЦЕ РОССИИ
ВТОРГНУВШИХСЯ (с. 322)****сс-1 (1819)**

13—15   Среди кровавого их следа,
          Средь их поверженных рядов
          Твоя возникла прочна слава!

31—40   Народ, крамолой утучненный,
          Бросая взор кровавый свой
          В пространные концы вселенны,
          На троны наступя пятой,
          Алкает новой зверству пищи.
          Зрит стогна, торжища, гульбищи;
          Зрит гордое чело градов,
          И муки испытует ада.

- Как вепрь, рыкающий от глады,
Он мчится с скрежетом зубов.
- 52   Безбожный, буйный сей народ,
- 69   Его богатство, сила, слава,
- 122   То нового глагола слово;
- 364   Взревет, — сотрясшись Этной медь;

**[СТИХИ ИЗ ПИСЬМА К А. С. ШИШКОВУ]
 («ХОТЬ БЕДНОСТЬ НЕ ПОРОК...» (С. 337)**

АВТОГРАФ ОР РНБ (1813)

- 95   Назначено в избытке жить!
- 103   Супругу потеряв, родитель мой,
                В могилу легши с ней душой,
                От тяжкия печали

136—145 *нет*

ПРИЗЫВАНИЕ МАЛЬВИНЫ ИЗ БРАЙТОНА В БАТ (С. 369)

АВТОГРАФ МК РГБ (1816)

- 9   Из хляби прóмые, о хладны бреги бьют,
- 13   Бегуща моря стон, и вой, и шум, и рев,
- 32—35   Ярится и дрожит от злобы вся она!
                От злобы вся она покрылась синевою!
                Вот новая гора! восстала как стена!
                Еще сильнее той, — в борьбу вступила с тою!
- 86   Вторичный в нем я вижу ход!

- 98—99 И зданья пышны на холмах,
Горящи в солнечных лучах.
- 101 Ко мне — в смиренный угол мой —
- 112 Когда ж весна согретыми устами
- 153 Долин, пригорков, гор и рощ, во сне лежащих,

со (1816)

- 9 Из хляби прблившись, о хладны бреги бьют,
- 13 Как в СС-3
- 19 Под черепом, в коре, в листках и с чешуей,
- 32—35 Как в автографе МК РГБ
- 36 *пропущен*
- 86 Как в автографе МК РГБ
- 92 Столп серебряной на зыби пишет.
- 94 Чуть шепчет с струйкою, — чуть дышит!
- 98—99 Как в автографе МК РГБ
- 100 Оно со восхода до заката
- 101 Как в СС-3
- 112 Как в автографе МК РГБ
- 151—153 И от ея лучей, и зыбких, и дрожащих,
Осветится прибрежная краса
Долин, и гор, и рощ, во сне лежащих,

ПРИМЕЧАНИЯ

Поэтическое наследие Анны Петровны Буниной (далее — Б.) никогда не собиралось вместе и не подвергалось текстологическому анализу.

Судьба рукописного архива Б. неизвестна. В разных архивных собраниях сохранилось ничтожно малое количество ее разрозненных автографов; все они были просмотрены и учтены при работе над настоящим собранием.

При жизни Б. вышли две книги стихов, имеющие независимый друг от друга состав, под единым заглавием «Неопытная муза». В дальнейшем они стали рассматриваться автором как части: первая была опубликована в 1809, вторая — в 1812 г. В них была включена большая часть написанных в 1800-е гг. стихотворений, как печатавшихся в периодических изданиях, так и появившихся впервые. Обе книги отличались нетипичной для своего времени жанровой пестротой состава. В промежутке между двумя «Неопытными музами» отдельным изданием вышла дидактическая поэма «О счастья» (1810), в едином с ними книжном формате и схожем оформлении.

В 1819—1821 гг. Б. издала трехчастное «Собрание стихотворений», построенное по традиционному принципу: высокая лирика, дидактика, смесь. Все стихотворения в нем были жестко распределены в соответствии с заданными жанровыми параметрами этой трехчастной композиции. По сравнению с оригинальным составом предыдущих книг это был очевидный шаг назад. В собрание вошли лишь избранные стихотворения из обеих «Неопытных муз»; стихотворения 1810-х гг., как выходившие прежде отдельными изданиями, так и публиковавшиеся в периодике; основательно переработанные редакции поэм «О счастья»

и «Падение Фаетона», а также перевод «Науки о стихотворстве» Н. Буало, впервые представленный в полном виде.

На неполноту «Собрания стихотворений» сетовал поэт и журналист М. Н. Макаров (1785—1847), автор посмертного библиографического очерка о Б., много лет ее знавший лично: «Некоторые из стихотворений Буниной еще не вошли в полное собрание стихотворений ее. Они напечатаны или особо, или в разных журналах; но при новом издании, которое, вероятно, должно быть, новый издатель сохранит для памяти потомства все то, что принадлежало ученому перу нашей стихотворицы, по своим занятиям и познаниям едва ли не одной из первых писательниц в России» (ДЖ. 1831. № 9. С. 137). Однако отдельных посмертных изданий стихотворений Б. не воследовало. Из немногочисленных антологий, в которые входили ее стихи, можно выделить лишь одну — «Поэты 1790—1810-х годов» (Л.: Советский писатель; Ленинградское отделение, 1971), где были напечатаны восемь стихотворений (одно впервые) и третья песнь «Падения Фаетона».

За основу настоящего полного собрания взят корпус первых трех книг Б. (примерно половина всего написанного ею в стихах), не подвергнутых поздней стилистической и смысловой правке, зачастую ухудшающей, чем улучшающей стихи. В отдельный раздел вынесены поэтические произведения (в том числе три стихотворения в прозе), опубликованные в 1800-е гг., но не включенные в этот корпус.

Стихотворения 1810—1820-х гг., как вошедшие в «Собрание стихотворений», так и написанные позднее, составляют раздел, построенный по хронологическому принципу. Исключением является перевод «Наука о стихотворстве», в силу жанровой общности и немалого объема отделенный от оригинальных стихотворений.

Шесть стихотворений, атрибуция которых Б. не может быть окончательно подтверждена, выделены в небольшой раздел «Сомнительное и отрывочное». Ненайденным остается известное из библиографий стихотворение «Молитва. В день рождения государя императора» (СПб., 1820), напечатанное отдельно на летучем листке.

Различия в заглавиях и посвящениях отмечены в примечаниях к стихотворениям, а разночтения в самих текстах вынесены в раздел «Другие редакции». Датировка стихотворений Б. за-

труднена из-за отсутствия автографов, поэтому в собрании они датируются в основном по году публикации, если нет каких-либо авторских или косвенных уточнений.

Орфография и пунктуация публикуемых текстов в основном приведена к современным нормам. Сохранен ряд особенностей, присущих как исключительно Б., так и ее эпохе, в написании некоторых слов. Удвоенное и одиночное написание согласных *з, ж, л, м, н, п, т*, особенно в написании имен и фамилий, приведено в современный вид, кроме случаев, когда они являются рифмообразующими. Некоторой унификации подверглось написание *э/е* в начале слов.

Заглавные буквы в императорских, великокняжеских и дворянских титулах понижены. Все курсивные выделения в текстах — авторские. Раскрываемые сокращения заключены в угловые скобки.

В примечаниях к каждому стихотворению через точку с запятой указаны все их прижизненные публикации, какие удалось выявить на сегодняшний день; в скобках приводятся все авторские подписи, кроме полностью соответствующей имени и фамилии. Все даты указаны по старому стилю. Общеизвестные события, литературные и мифологические персонажи, а также исторические личности, знание о которых относится к культурному багажу любого образованного человека, в примечаниях не поясняются.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Альбом — Альбом Анны Петровны Буниной / Публ. К. Я. Грота // Русский архив. 1902. Кн. I. № 4. С. 500—506. Отд. оттиск. М.: Университетская типография, [1902]. Автограф хранится в РО ИРЛИ (Шифр 16012).

Аноним — Анонимная рецензия на выход в свет НМ-1 // Ц. 1809. Ч. III. № 8 (6 авг.). С. 103—127. Предполагаемый автор — А. Е. Измайлов.

Беседа — Беседа любителей русского слова (1811—1816).

ВЕ — Журнал «Вестник Европы». М., 1802—1830.

Грот — Грот К. Я. Поэтесса Анна Петровна Бунина: К 100-летней годовщине ее смерти 4 декабря 1829 г. (Доклад, прочитанный в Обществе древней письменности в 1930 г.). Текст опубли-

- ликован Е. К. Федоровым в 2003 г. по рукописи, хранящейся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (Ф. 281. Оп. 1. Д. 12. Л. 128—129, 137—186), на интернет-странице: ostrov.ca/kgrot/ap_bunina.htm; примечания: ostrov.ca/kgrot/ap_bunina_prim.htm.
- ДВ — Журнал «Драматический вестник». Ч. I—VI. СПб., 1808.
- ДЖ — «Дамский журнал». М., 1823—1833.
- Жихарев — *Жихарев С. П.* Записки современника. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1955.
- И — Журнал «Иппокрена, или Утехи любословия». М., 1799—1801.
- КБА — Карманная библиотека аонид, собранная из некоторых лучших писателей нашего времени и расположенная по новому методу, с присовокуплением надписей к их портретам, характеристики и биографии каждого, Иваном Георгиевским. СПб.: В типографии Императорского воспитательного дома, 1821. Ц. р.: 19 августа 1820 г.
- Кюхельбекер — Рецензия В. К. Кюхельбекера на выход СС-1, опубликованная дважды: 1) Взгляд на текущую словесность // Невский зритель. 1820. № 3 (март). С. 78—89; 2) Собрание стихотворений Анны Буниной // СО. 1820. Ч. LXI. № 16 (17 апр.). С. 166—174.
- Л — Журнал «Лицей». Периодическое издание Ивана Мартынова. Ч. I—IV. СПб.: В Императорской типографии, 1806.
- ЛС — Журнал «Любитель словесности. Ежемесячное издание Николая Остолопова». Ч. I—IV. СПб., 1806.
- МЗ — Журнал «Московский зритель. Ежемесячное издание к<нязя> П. Шаликова». Ч. I—IV. М., 1806.
- МК — Журнал «Московский курьер. Ежемесячное издание». Ч. I—IV. М.: В Вольной типографии Гария и компании, 1805—1806.
- МК РГБ — Музей книги Российской государственной библиотеки (Москва).
- МНРС — Муза новейших российских стихотворцев. М.: В типографии С. Селивановского, 1814. Ц. р.: 27 апреля 1814 г.
- НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).
- НЛ — Журнал «Новости литературы, изданные А. Воейковым и В. Козловым». СПб., 1822—1826.
- НМ-1 — Неопытная муза Анны Буниной. [Ч. 1.] СПб.: В типографии Шнора, 1809.
- НМ-2 — Неопытная муза Анны Буниной. Ч. 2. СПб.: В Морской типографии, 1812. Ц. р.: 9 декабря 1811 г.

- ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Санкт-Петербург).
- Отд. изд. — отдельное издание.
- ПиППВ — Журнал «Приятное и полезное препровождение времени». Ч. I—XX. М., 1794—1798.
- ПП — Правила поэзии. Сокращенный перевод из аббата Бат<т>ё, с присовокуплением российского стопосложения. В пользу девиц. По имянному повелению ея императорского величества вдовствующей императрицы. [СПб.:] В Морской типографии, 1808.
- ПП — Пантеон русской поэзии, издаваемый Павлом Никольским: В 6 ч. [12 кн.]. СПб.: При Императорской академии наук, 1814—1815.
- РА — Историко-литературный журнал «Русский архив». СПб., 1863—1917.
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
- РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) Российской академии наук (Санкт-Петербург).
- СД-3 — Сочинения Державина, с объяснительными примечаниями Я. Грота: В 9 т. Т. III. СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1866.
- СПиБ — Журнал «Соревнователь просвещения и благотворения. Труды высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности». СПб., 1818—1825.
- СРС — Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов, изданное Василием Жуковским. Ч. I—VI. М.: В Университетской типографии, 1811—1816.
- СС — Собрание стихотворений Анны Буниной. Ч. I—III. СПб.: В типографии Императорской российской академии, 1819—1821. Ч. I. Лирическая поэзия. 1819. Ц. р.: 28 августа 1819 г. (СС-1). Ч. II. Дидактическая поэзия. 1821. Ц. р.: 20 сентября 1821 г. (СС-2). Ч. III. Смесь. 1819. Ц. р.: 28 августа 1819 г. (СС-3).
- СС1812 — Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Ч. I—II. М.: В Университетской типографии, 1814.
- СНРС — Собрание новых русских стихотворений, вышедших в свет с 1821 по 1823 год, служащее дополнением к Собранию образцовых русских сочинений и переводов. Ч. I. СПб.: В типографии Императорской российской академии, 1824.

- СО — Журнал «Сын отечества: исторический, политический и литературный журнал». СПб., 1812—1828.
- СОРС — Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах, изданное Обществом любителей отечественной словесности. Издание второе, исправленное, умноженное и содержащее историю словесности древних и новых народов, правила словесности вообще и каждого рода красноречия и поэзии в особенности. СПб.: В типографии Ивана Глазунова, 1822.
- Хвостов — Из архива Хвостова / Публ. А. В. Западова // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. 1. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1938.
- Ц — Журнал «Цветник, издаваемый А. Измайловым и А. Бенитцким». СПб., 1809—1810.
- Ц. р. — цензурное разрешение.
- ЧвБЛРС — Журнал «Чтения в Беседе любителей русского слова». Кн. 1—19. СПб., 1811—1816.
- Шишков — Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Издание Н. Киселева и Ю Самарина. Т. 1—2. Берлин: Типография И. С. Скрейшовского в Праге, 1870.

НЕОПЫТНАЯ МУЗА

<ЧАСТЬ ПЕРВАЯ>

(1809)

Первая поэтическая книга Б. (НМ-1) вышла не позднее конца июля 1809 года, потому что уже в номере Ц от 6 августа на нее вышла первая рецензия, а объявление о выходе впервые появилось в «Санктпетербургских ведомостях» 10 августа: «Против Гостиного двора, в зеркальной линии, в лавке под № 17 и 20, вступила в продажу вновь вышедшая книга под заглавием: «Неопытная Муза Анны Буниной». Цена оной книги на лучшей любской бумаге, без переплета 2 руб., в переплете 3 р., на веленовой, без переплета 2 р. 50 к., в переплете 3 р. 50 к. При каждой находится картинка, изображающая спасшегося от потопления Ариона» (Санктпетербургские ведомости. 1809. Известия к № 64. 10 авг. С. 839. Книжные известия). Анонимная рецензия в Ц, вероятно, написанная А. Е. Измайловым, так как особое внимание

в ней обращено на басни, начиналась так: «Любители словесности с удовольствием уже читали в разных журналах некоторые стихотворения г-жи Буниной; без сомнения, с таким же точно удовольствием, или еще и с большим, прочтут они ныне собрание ея стихов. Г-жа Бунина имеет истинный дар к стихотворству; можно без лести сказать, что многие произведения пера ея принесли бы честь и лучшим нашим поэтам. С особенным успехом, по мнению нашему, может она упражняться в том самом роде поэзии, в котором прославился у нас теперь более всех г. Дмитриев, и по нем г. Крылов. — Мы бы советовали г-же Буниной продолжать путь свой к Геликону по следам сих писателей, которым она подражает столь удачно. Все почти ея басни писаны с приятною простотою, все почти оне отличаются непринужденною и благородною шутивостию, стихи в них плавны и чистота языка соблюдена повсюду. <...>» (Аноним. С. 103—104). Далее шли выписки отдельных сочинений и разбор некоторых мест (см. ниже в примечаниях). Вторая рецензия (восторженная, без разбора и каких-либо примеров) вышла так же анонимно (вероятный автор — П. И. Шаликов) в журнале «Аглая» (1809. Ч. VIII. Кн. 1 (окт.). С. 62—63) под загл. «О новой книге. Неопытная муза Анны Буниной». Вот ее полный текст: «Вам, грации-россиянки, принадлежит в особенности книга; поспешите иметь ее; она писана вашуею подругою-соотечественницею; писана так, как немногие в сем роде; прочтете — и захотите прочитывать еще десять раз: это истинная Сафо; это ея поэзия, страстная, пламенная, величественная; нет подражания — но все черты, но все оттенки прелестной стихотворицы лезбийской — оттого что природа равно наделила обеих необыкновенным даром *изобразить состояние души своей*: отличительной характер поэзии лирической — и поэзия нашей стихотворицы есть истинно лирическая. / С гордостью, достойною вашего сердца, вы скажете ненавистникам ума и талантов женских: “Смотрите! во всех странах были и будут женщины, которые — по крайней мере — не уступают мужчинам в тонкости мыслей, в силе чувства и в искусстве — пленять и трогать мысли и чувства!”». Книга была довольно непривычной по составу: обычно книги поэтов того времени составлялись по иерархическому (Бог, цари, вельможи и т. д.) и жанровому (оды, послания, элегии, смесь) принципам. Не было в ней и посвящения императрице или кому-либо из вельмож. Б. составила свою книгу по-другому: она начинается

с переводной любовной идиллии, а заканчивается «Отречением», внутри всё перемешано (исключение составляет только относительно единый басенный блок). Поэтому ее можно назвать «протокинойгой стихов» (если первой полноценной «книгой стихов» считать «Сумерки» Е. А. Баратынского).

Циклоп. *Идиллия* (Вольной перевод Феокрита) (С. 61). ЛС. 1806. Ч. IV. С. 214—219 (подпись: — — а — — а). НМ-1. С. 1—6. ПРП. Ч. III. Кн. 6. С. 202—210. СС-3. С. 3—9; с разночтениями (см. *Другие редакции*). СОРС. Ч. IV. С. 163—168. Переложение XI-й идиллии древнегреческого поэта *Феокрита* (III в. до Р. Х.) сделано Б. с одного из французских прозаических переводов конца XVIII в. Идиллия отмечена рецензентом в Ц (Аноним. С. 111). *Галатя* (миф.) — морская нимфа, дочь Нерея и Дориды.

Ливия. *Идиллия* (Перевод) (С. 66). ВЕ. 1806. Ч. XXX. № 23 (декабрь). С. 191—193 (без подписи); под загл. «Идиллия», с разночтениями (см. *Другие редакции*). НМ-1. С. 7—9. СС-3. С. 13—16. Лакуна в ст. 6 восстановлена по ЛС. Источник установить не удалось (вероятно, его и не было). Среди «неизданных стихотворений» Г. Р. Державина, опубликованных Я. К. Гротом, есть стихи «Анне Петровне Буниной, на присланную идиллию, в которой она представляет себя бесполезно пилящею камень», отнесенные составителем к 1808 г. (СД-3. С. 436):

Холодный камень сей ты тайною пилюю
 Вотще заботишься пилить, —
 Здоровье тем свое лишь можешь повредить;
 Но с разумом, приятностью, красюю
 Отважся на него любовною стрелою:
 Ты сердце в нем властна, как громом, раздробить!

В «Ливии» слышны отголоски какой-то любовной истории самой Б., в курсе которой, видимо, был и Державин. Возможно, это описание отношений с И. И. Дмитриевым. См. также «Похвалу любви», где Б. описывает тех же героев, но уже как бы со стороны. *Тирсисы, Меналки, Дафнисы, Милоны, Алексисы* — Набор условно-поэтических имен, характерных для античной и ново-европейской идиллии XVIII — начала XIX в.; четыре взяты из разных идиллий Феокрита, последнее — из II-й эклоги Вергилия.

Молитва Линданы (Перевод) (С. 68). Л. 1806. Ч. IV. Кн. 2. С. 3—11 (подпись: *Гол.*); с разночтениями (см. *Другие редакции*). НМ-1. С. 10—17. МНРС. С. 86—88 (подпись: *Бунина*). В СС не включалось. Источник установить не удалось. Стихотворение отмечено рецензентом в Ц (Аноним. С. 111). Стихотворение написано системой из двух последовательных строф уникального в русской поэзии вида: ааБвБвГддГее + ЖЖЗйИйЗкЛкЛММ, в каждой из которых после 11 строк шестистопного ямба идет одна четырех- или пятистопного. ...*голубоокий бог* — Аполлон. *В одной руке весы, в другой огонь держала* — Фемида. *Дий* — Зевс; от родительного падежа его имени в древнегреческом. *Цинтия* — эпитет Артемиды, по преданию родившейся у горы Кинф (в другой огласовке — Цинт) на о. Делос.

К богине сновидений (Перевод) (С. 74). Л. 1806. Ч. IV. Кн. 3. С. 11—14 (без подписи), под загл. «К богине сновидения»; со сноской от издателя: «Сии стихи присланы из Ораниенбаума от неизвестной мне сочинительницы. Прошу ее принять мою искреннюю благодарность». НМ-1. С. 18—20. В СС не включалось. Источник установить не удалось. Один из первых предромантических «ночных» текстов в русской поэзии. *Машинист* — механик, изобретатель.

На выступление российско-императорских войск (С. 77). ЛС. 1806. Ч. IV. № 12. С. 208—213 (подпись: — — а — — а); с примеч.: «Как сия, так и две последующие пиесы («Циклоп» и «Философия бабочки». — *Сост.*) сочинены женщиною. Оне служат доказательством, что наш прекрасной пол также может с успехом заниматься словесностию! — от искреннего сердца благодарим почтенную сочинительницу. *Издатель*»; с разночтениями (см. *Другие редакции*). НМ-1. С. 21—25. В СС не включалось. Стихотворение отмечено рецензентом в Ц (Аноним. С. 111). Поводом к написанию, очевидно, послужил эпизод Русско-пруско-французской войны (Войны четвертой коалиции) с Наполеоном: 22 октября 1806 г. императора Александра I издал приказ о выступлении русской армии на помощь прусской; в тот же день 67-тысячный корпус под командой генерала Л. Л. Беннигсена (1745—1826) перешел границу с Восточной Пруссией. ...*юноши красой блистали* — В манифесте «О предстоящей войне с Францией», подписанном 30 августа 1806 г., Александр I пообещал

молодым дворянам офицерские чины после 6 месяцев службы.
В Палладин облекшись наряд — Т. е. вооруженные.

При взгляде на гробницы великих: императора Петра I и императрицы Екатерины II в Петропавловской крепости (С. 81). Л. 1806. Ч. IV. Кн. 3. С. 14 (подпись: — а — а), под загл. «При взгляде на гробницы великих императоров: Петра I и Екатерины II в Петропавловской крепости»; сноски: «Издатель приносит искреннюю благодарность г-же сочинительнице за сии и следующие стихи: *К брату моему*». НМ-1. С. 26. В СС не включалось. *Как Меланхолия, с поникшею главою* — Аллюзия на известную гравюру немецкого художника Альбрехта Дюрера, изготовленную в 1514 г.

На смерть друга моего (С. 82). Обе эпитафии написаны на смерть подруги юности Б., имя которой неизвестно. Ее ранняя смерть произвела на Б. сильнейшее впечатление, отразившееся во многих стихотворениях: напр., «Меланхолическая прогулка одной молодой россиянки», «Ангел смерти», «Три друга», «Песнь смерти» и др.

<1.> («Мир праху твоему!.. О друг души моей!..») НМ-1. С. 27. СС-3. С. 119.

<2.> **Ей же** («Так! Нет тебя!.. И та, которая блистала...») МЗ. 1806. Ч. III (август). С. 35 (подпись: — а — а); под загл. «На смерть друга моего». НМ-1. С. 28. СС-3. С. 120. Здесь и в следующем стихотворении впервые появляется мотив смерти как избавления от страданий, характерный для всей поэзии Б.

Ангел смерти (С. 83). НМ-1. С. 29. СС-3. С. 121; с разночтением (см. *Другие редакции*). ...из мака скиптр — символ сна, в том числе и смертного.

Сумерки (С. 84). ДВ. 1808. Ч. I. С. 163—168 (подпись: — а — а), с пометкой: «Прислано», со сноской к предпоследней строке: «Сочинительница сих стихов не имела еще тогда чести знать почтенного творца Фелицы». НМ-1. С. 30—33. СС-3. С. 43—48; с разночтениями (см. *Другие редакции*) и с посвящением: «*Гавриилу Романовичу Державину, в его деревню Званку*». СНРС. С. 314—318. До публикации в ДВ имело название «Видение в сумерки»; об этом пишет в дневнике С. П. Жихарев (1787—1860) по свежим впечатлениям от чтений, происходивших в доме писателя и се-

натора И. С. Захарова (1754—1816) 30 марта 1807 г.: «31 марта, воскресенье. <...> Стихотворение А. П. Буниной «Видение в сумерки» непохоже на предыдущее (имеется в виду сатира Шаховского. — *Сост.*): это великолепный набор слов, предпринятый, кажется, в намерении польстить Державину.

Из всего стихотворения замечательны только два первые стиха:

Блеснул на западе румяный Царь природы,
Скатился в океан — и загорелись воды.

Но изображение Державина — образцовая нелепость. Я не мог не списать его для своего архива курьезностей:

Чьих лир согласный звук во слух мой ударяет?

.....

Сквозь пальмовых дерев я вижу храм;

<...>

Воспел, и заблистал в творениях Творец!

После Державин будто бы заплакал; но так как всякому горю есть конец, то

Певец отер слезу, коснулся вновь перстами,

<...>

Земных богов воспел.

Этим, однако ж, не кончено: сочинительница продолжает бредить, но бредить так, что уж из рук вон — даже и не смешно. Это стихотворение непременно отправлю к Мерзлякову: оно петербургской школы, которой профессоры обещали меня “выполировать”» (Жихарев. С. 453). По воспоминаниям лицеистов, начальные строки стихотворения как тему для импровизации давал ученикам, среди которых был А. С. Пушкин, профессор российской и латинской словесности в Царскосельском лицее Н. Ф. Кошанский (1781—1831). Стихотворение непосредственно отсылает к целому ряду державинских текстов. *...воспел причину мира* — Ода «Бог» (1784). *Рассеялось неверие* — «Успокоенное неверие» (1779). *Открылись в будущем для скорбного надежды* — «Бессмертие души» (1785, 1796). *...велик в твореньях Бог* — «Вели-

чество Божие» (1789). *Воспел великую из смертных на престоле* — Оды «Фелица» (1782), «Благодарность Фелице» (1783), «Видение мурзы» (1783, 1790), «Изображение Фелицы» (1789) и др. ...сельские послышались напевы — Анакреонтические песни: «Хариты» (1795), «Русские девушки» (1799), «На пастуший балет» (1804) и др. *Званка* — Имение Г. Р. Державина в Новгородской губернии.

Видение Дамона (С. 88). НМ-1. С. 34—38. В СС не включалось. Сюжетно восходит к басне немецкого поэта Х. Ф. Геллерта (1715—1769) «Привидение» (*Das Gespenst*, <1748>); до Б. басню перелагал И. И. Хемницер («Домовой», <1782>).

К портретам двух братьев Айю (С. 92). ВЕ. 1808. Ч. ХLI. № 20 (окт.). С. 289 (подпись: — *a — a*); под загл. «К портретам двух братьев Гайю», со сноской, начинающейся так: «Славный испытатель натуры...» НМ-1. С. 39. СС-3. С. 97; со сноской, слово в слово повторяющей НМ-1. Братья Гайю (Аюи, Наю): Рене-Жюст (1743—1822) — французский минералог, создатель научной кристаллографии; Валентин (1745—1822) — создатель системы обучения слепых; в сентябре 1806 г. по приглашению Александра I приехал в Санкт-Петербург, где через год основал Санкт-Петербургский институт рабочих слепых.

Брату моему (С. 93). Л. 1806. Ч. IV. Кн. 3. С. 15—16 (подпись: — *a — a*). НМ-1. С. 40—41. СС-3. С. 53—54; с разночтением (см. *Другие редакции*). *Джон* — Иван Петрович Бунин (1773—1858), морской офицер, гардемарин участвовал в Русско-шведской войне 1788—1790 г., был в шведском плену, где окончил Упсальский университет; основал Кронштадтское благородное училище (1802); вышел в отставку в чине капитана 2 ранга (1808) и перешел в гражданскую службу: работал столоначальником в Главном почтовом управлении (1810), инспектором над Санкт-Петербургскими колониями (1811—1833); в молодости сочинял стихи, играл на гитаре; умер в бедности.

На случай смерти Николая Петровича Хлебникова (С. 95). МЗ. 1806. Ч. III (июль). С. 35 (подпись: — *a — a*). НМ-1. С. 42. В СС не включалось. Николай Петрович Хлебников (1774—1806) — сын и единственный наследник состояния Петра Кирилловича Хлебникова (1734—1777), винного откупщика и промышленника, получившего потомственное дворянство; владельца первой

в России игольной фабрики (в селе Столпцы Пронского уезда Рязанской губернии) и Благовещенского медеплавильного завода; библиофила и основателя крупнейшей частной библиотеки, получившей название «Хлебниковской».

С приморского берега (Перевод) (С. 96). Л. 1806. Ч. IV. Кн. 1. С. 17—18 (без подписи); под загл. «Сумерки / В приморском доме, 13 сентября» и с разночтениями (см. *Другие редакции*); сноски: «Присланы от неизвестной особы». НМ-1. С. 43—45. СС-1. С. 139—141; без подзаголовка, с датировкой: «1806 года» и с разночтением (см. *Другие редакции*). КБА. С. 100—102; под загл. «Романс / С приморского берега». Источник установить не удалось. Стихотворение написано шестистишиями белого двустопного дактиля.

Юному Поллуксу (Перевод) (С. 98). НМ-1. С. 46—49. СРС. Ч. V. С. 72—75. СС-1. С. 131—135. КБА. С. 97—100; под загл. «Элегия. Юному Поллуксу». СОРС. Ч. V. С. 186—189. В. К. Кюхельбекер в рецензии на СС-1 отметил: «Героида “К юному Поллуксу” отличается от прочих произведений г-жи Буниной обработанностью и точностью слога, но, впрочем, в ней не менее силы и живости, нежели в стихотворениях, о коих мы говорили. Сими красотою тем более наслаждаемся, что они являются в полном свете, ибо не помрачены ошибками слога и погрешностями против языка» (Кюхельбекер). Стихотворение написано уникальной строфой — ямбическим шестистишием с рифмовкой аББаВВ, где ст. 5 — шестистопный, а остальные — четырехстопные.

Разговор между Аполлоном и музою бедного стихотворца (С. 101). НМ-1. С. 50—51. СС-3. С. 103—105.

Разговор у общества со временем (С. 103). ДВ. 1808. Ч. III. С. 136 (подпись: — а — а). НМ-1. С. 52. СС-3. С. 111; без сноски.

Прохожий и господский слуга. Басня (С. 104). НМ-1. С. 53—54. СС-3. С. 140—142; с незначительными разночтениями. Схожий сюжет разработан И. И. Хемницером в басне «Лестница» (<1782>). Общий источник не установлен.

Вол, осел и конь. Басня (С. 106). НМ-1. С. 55—56. СС-3. С. 137—139. Вольное переложение басни «Бык, конь и осел» (Le boeuf, le che-

val et l'âne, <1792>) французского поэта Ж.-П. Клари де Флориана (1755—1794).

Ивану Ивановичу Дмитриеву, при посвящении ему следующих I сказки и III басен (С. 108). НМ-1. С. 57—58. В СС не включалось. Стихотворение особо отмечено и выписано рецензентом в Ц (Аноним. С. 112—114). Об отношениях Б. с И. И. Дмитриевым см. в хронике «Девица Бунина» на с. 31.

Добрый человек и золото. *Сказка* (С. 109). НМ-1. С. 59—62. СС-3. С. 160—164; с незначительными разночтениями. Вольное переложение басни «Добрый человек и сокровище» (Le bonhomme et le trésor, <1792>) Ж.-П. Клари де Флориана. Басня отмечена рецензентом в Ц (Аноним. С. 111). *Крез* (560—547 до Р. Х.) — лидийский царь, несметность богатств которого стала нарицательной.

Смерть и ея придворные. *Басня* (С. 113). НМ-1. С. 63—64. СС-3. С. 154—156. Особо отмечена и выписана рецензентом в Ц (Аноним. С. 105—108). Вольное переложение басни «Смерть» (La Mort, <1792>) Ж.-П. Клари де Флориана. *Езель* (от нем. Gesell) — ремесленник, помощник мастера, подмастерье.

Чугунные и глиняные горшки. *Басня* (С. 115). НМ-1. С. 65—67. СС-3. С. 143—146. Вольное переложение басни «Горшок глиняный и Горшок чугунный» (Le Pot de terre et le Pot de fer, <1668>) Ж. де Лафонтена (1621—1695). Существуют переложения А. П. Сумарокова, И. А. Крылова и др. *Всотеро* — в сто раз.

Русская пословица. *Басня* (С. 117). НМ-1. С. 68—69. СС-3. С. 151—153; с незначительными разночтениями. Особо отмечена и выписана рецензентом в Ц (Аноним. С. 108—111). Вольное переложение басни «Волки и овцы» (Les Loups et les Brebis, <1668>) Ж. де Лафонтена. *Мы вам дадим родных своих сынов* — Здесь можно усмотреть отголосок *фостеража*, старинного обряда, распространенного в Европе в Средние века (на Кавказе он известен как *аталычество*), когда ребенок вскоре после рождения переходил на воспитание в другую семью, часто иного социального статуса.

Тем, которые предлагали мне писать гимны (С. 119). НМ-1. С. 70—71. СРС. Ч. V. С. 230—231. СС-1. С. 73—74. Стихотворение осо-

бо отмечено и выписано рецензентом в Ц (Аноним. С. 114—116). Написано уникальной строфой — ямбическим пятистишием с рифмовкой АббАб, где ст. 5 — шестистопный, а остальные — четырехстопные.

Мой портрет, списанный на досуге в осенние ветры для приятелей (С. 120). НМ-1. С. 72—86. В СС не включалось. Одно из двух автобиографических стихотворений Б., в данном случае, рассказывающее о юности. Ср. со стихами из письма к А. С. Шишкову («Хоть бедность не порок...»), где Б. говорит о своем детстве. Анонимный рецензент в Ц отметил «<...> недостаток в рассуждении плавности, и недостаток сей заключается в стечении стихов, кончащихся на одне только женские рифмы <...>», привел шесть стихов («Не нужно в дальние летать пределы мыслью ~ Внемите, поздние потомки!») и продолжил: «Здесь сряду ровно шесть женских стихов и одинакое окончание их на короткий слог весьма неприятно для слуха» (Аноним. С. 117). *Копиист* (копиист) — писец, снимающий копии с документов; переписчик. *Каданс* (франц. *cadence*) — гармонический оборот, завершающий музыкальную композицию. *Контраданс* (франц. *contredanse*, от англ. *countrydance*, букв. «деревенский танец») — старинный английский, а затем французский народный танец, распространенный в Европе в XVII—XVIII вв. *Адажио* (итал. *adagio*) — медленная (обычно вторая) часть классического музыкального произведения. *Пуан* (франц. *point*, букв. «стежок») — цветной фигурный или цветочный рисунок, выполненный крестом. *...лира не моя эмблема* — Здесь, возможно, обыгрывается надпись на гравированном титуле НМ-1 (см. изображение на вкладке): «Лира спасла меня от потопления»; позднее золотая лира, осыпанная бриллиантами, была пожалована императрицей Б. за «Падение Фазтона». *Сантиман* (от франц. *sentiment*) — браслет, украшенный портретом близкого человека, для ношения на левой руке.

При встрече весны (С. 132). НМ-1. С. 87—90. МНРС. С. 165—172 (подпись: *Булнина*). В СС не включалось. Вместе с «Майской прогулкой болящей» один из источников элегии «Весна» Е. А. Баратынского.

Наука о стихотворстве из г. Боало. Песнь I (С. 135). НМ-1. С. 91—100. Анонимный рецензент в Ц отметил: «Первая песнь *Науки*

о стихотворстве Боало (*L'art poétique*) переведена превосходно госпожею Буниною. Полный перевод сей поэмы графа Дмитрия Ивановича Хвостова издан в прошедшем 1808 году», уделил несколько страниц выпискам некоторых мест оригинала и соответствующих отрывков из переводов, сделанных Хвостовым и Б., а в конце заключил: «В том и другом переводе не означали мы здесь ни погрешностей, ни красот. Предоставляем заметить оные нашим читателям и скажем только с нашей стороны, что перевод г-жи Буниной кажется нам несравненно лучше и ближе к подлиннику. Желаем и, верно, многие из любящих отечественную словесность пожелают подобно нам, чтобы г-жа Бунина перевела и остальные три песни *Науки о стихотворстве*» (Аноним. С. 118—127). Б. откликнулась на призыв рецензента, но закончила свой перевод только в 1821 г. (вероятно, из-за этого СС-2 вышел с большим опозданием). Текст Песни I для полного издания перевода (см. с. 404—410) был сильно переработан Б. ...*полный его сиятельства графа Дмитрия Ивановича Хвостова* — См. первое издание: Наука о стихотворстве: Поэма дидактическая в четырех песнях. Сочинение Буало Депрео. Перевел с французского граф Дмитрий Хвостов. СПб.: При Императорской академии наук, 1808; перевод при жизни Хвостова переиздавался еще четыре раза отдельно (1813, 1818, 1824, 1830) и входил в состав трех собраний его стихотворений (1818, 1822, 1830). *Малгерб* — См. примеч. на с. 539. *Ракан* — См. примеч. на с. 539. *Сент-Аман* — Марк-Антуан Жирар де Сент-Аман (1591—1661), автор эпической поэмы на библейский сюжет «Спасенный Моисей» (1653), раскритикованной Буало. *Скюдери* — Жорж де Скюдери (1601—1667) — поэт и драматург, автор эпической поэмы «Аларих, или Падение Рима» (1664), где описание дворца занимает пятьсот стихов; отрывок из нее цитирует Буало. *Как некто воспевал фарсальские беды* — Жорж де Бребеф (1618—1661), поэт-эпиграмматист, автор бурлескных поэм «Энеида наизнанку» и «Лукан наизнанку» (перелицованная «Фарсалия»). *Вильо* — См. примеч. к *Вильон* на с. 540. *Маро* — Клеман Маро (1496—1544), разрабатывал малые поэтические жанры и формы: балладу, рондо, триолет. *Ронзар* — См. примеч. на с. 540. *Депорту и Берто* — См. примеч. на с. 540. *Скюдери, в извинение своих погрешностей* — Скюдери ссылаясь на срочность заказа, пытаясь оправдать невероятную скорость, с которой он сочинял стихи; Буало здесь цитирует строку из «Науки поэзии» Горация.

Отречение (Перевод) (С. 143). НМ-1. С. 101—104. СС-1. С. 157—160. Отмечено как одно из лучших в рецензии на СС-1 (Кюхельбекер). Написано редкой строфой — ямбическим пятистишием с рифмовкой АБАБХ, где ст. 5 холостой — от четырех до шести стоп, а остальные — четырехстопные.

О СЧАСТИИ

Дидактическое стихотворение

(1810)

Отд. изд. СПб.: В типографии Шнора, 1810. Беловой автограф, по которому, видимо, был набран текст первого издания, хранится в РГАЛИ (Ф. 1346. Оп. 3. Ед. хр. 6). СС-2. С. [1], [1], 3—44; с многочисленными разночтениями (см. *Другие редакции*) и с пространном посвящением: «*Ея императорскому величеству, всемилостивейшей государыне, императрице Марии Феодоровне. / Всемилостивая государыня! / Стихотворцы во все времена были и есть связаны народным противу их предубеждением. Они не смеют вполне излить душевных чувствований преданности к своим монархам. Им остается одна отрада запечатлеть оные в глубине сердец. Самые монархи не доверяют им, боясь в искренних восклицаниях восторга найти иногда яд лести. / Всемилостивейшая государыня! Бог, читающий в сердцах людей, подобно как в отверстой книге, видит всю чистоту преданности моей к Вам! Благодать Ваша и милости ко мне неоднократно обращали меня к лире: ими ободренная, дерзаю повергнуть к стопам Вашим сей слабый плод живейшей благодарности, которая сойдя со мною во гроб, станет у Престола Всевышнего! / Всемилостивейшая государыня! / Вашего императорского величества / всеподданнейшая / девица Анна Бунина*». В НИОР РГБ (Ф. 439. К. 25. Ед. хр. 23) хранится печатный цензурный экземпляр первого издания, содержащий многочисленную авторскую правку, полностью учтенную в СС-2. Граф Д. И. Хвостов в ноябре 1810 г. отметил в «Записках о словесности»: «Также г-жа Бунина <подарила> дидактическое стихотворение в 4-х песнях “О счастии”. В нем есть прекрасные стихи. Описание сада сельского жителя в 3-й песне и свойство его жены очень хороши, также в нем находятся некоторые мысли удачные. Слог хотя вообще чист, но местами слаб и есть темные стихи. [Приписка:] Глав-

ная беда, что слог жеманен, ргéсиеух» (Хвостов. С. 364). Как ни странно, но о том же самом месте в стихотворении К. Н. Батюшков, литературный противник Б., писал Н. И. Гнедичу в августе 1811 г.: «Что делают все, и в этом числе Бунина, с которой я помирился? Она написала “О счастья”. Предмет обильный и важный, слишком важный для дамы. В ее поэме нет философии (а предмет философический), нет связи в плане, много чего нет, но зато есть прекрасные стихи. Прочитай конец третьей песни, описание сельского жителя. Это все прелестно. Стихи текут сами собою, картина в целом выдержана, и краски живы и нежны. Позвольте мне, милостивая государыня, иметь счастье поцеловать вашу ручку! / Клянусь Фебом и Шишковым, что вы имеете дарование» (*Батюшков К. Н. Сочинения: В 2 т. Т. 2: Из записных книжек. Письма. М.: Художественная литература, 1989. С. 178*). В «Записках о словесности» графа Д. И. Хвостова говорится также о том, что 3 декабря 1810 г. Б. была приглашена на ежегодное собрание Российской академии и удостоилась награды от императора Александра I, в том числе и за «О счастья»: «Российская академия, во уважение дарований г-жи Буниной, сочинительницы мелких стихотворений и поэмы в 4-х частях “О счастья”, пригласила ее сего числа на торжественное собрание, а император того числа пожаловал ей пенсию 600 р. и на заплату долгов 5000» (Хвостов. С. 366). Этическая категория «счастия» в русском поэтическом сознании объединила два понятия философии французского Просвещения: *Fortune* (фортуна, случай; счастье как способ достижения цели) и *Bonheur* (блаженство; счастье как состояние). Первое укоренилось после появления соревновательных переводов М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова «Оды на завоевателей» (*Ode sur les conquerans, <1712>*) Ж.-Б. Руссо (*Rousseau; 1670—1741*), известной в XVIII в. по более позднему названию как «Ода к счастью» (*Ode VI a la Fortune. Odes. L. II*); оба перевода без указания авторства были изданы в журнале «Полезное увеселение» (1760. № 2. С. 17—28); позднее появились переводы В. К. Тредиаковского (1766), А. Х. Востокова (1805) и др. То же самое «счастье» воспел Г. Р. Державин в шуточной оде «На счастье» (1789). Однако его друг В. В. Капнист в своей «Оде на счастье» (<1792>) разрабатывает скорее второе понятие. О таком «счастии» рассуждают герои прозаического «Разговора о счастья» (1797) Н. М. Карамзина; о нем же говорится в эссе Ж.-Б.-А. Сюара (*Suard; 1733—1817*) «О счастья» (*Du Bonheur, <1804>*), вышедшем по-рус-

ски в переводе В. А. Жуковского (ВЕ. 1809. Ч. 43. № 1. С. 3—8), за год до появления стихотворения Б., для которой оба понятия представляют уже неразрывное единство, как бы две стороны одной и той же категории.

Песнь первая (С. 149). *Виссон* — драгоценная тонкая и мягкая льняная ткань белого или золотистого цвета. *...бразильской твердой персти* — В начале XVIII века в Бразилии были обнаружены богатые месторождения алмазов, и торговцы наводнили ими европейский рынок. *В лаццийских областях, где Янус был царем* — Лаций — область в средней Италии, в древности населявшаяся племенем латинов, прародина современных романских народов; существовало древнеримское предание о том, что Сатурн на корабле приплыл по Тибру к царю латинов Янусу, был дружелюбно им принят, а затем основал себе убежище у подошвы Капитолийского холма. *...к трону Плутуса* — Плутос — бог богатства у древних греков. *Десятина* — старинная мера земельной площади, приблизительно равная 1,09 га.

Песнь вторая (С. 157). *...дщерь Феина* — Эос — богиня зари у древних греков, дочь титана Гипериона и титаниды Тейи (Фейи). *...лук пафосских лебедей* — Кипрский Пафос считается местом рождения Афродиты, где к ее матери Леде, по легенде, Зевс явился в образе лебедя; о широком распространении лебязьего культа на Пафосе свидетельствуют многочисленные античные мозаики, дошедшие до наших дней. *Индийской ткани... сквозной* — Здесь, вероятно, имеется в виду шелк. *...кошницы, несомые Вертумном* — Вертумн — этрусский, а затем древнеримский бог сезонных изменений природы и ее даров; изображался в виде садовника с корзинами, полными плодов. *Тьмол* (Тмол) — Божок одноименной горы в Лидии, славившейся в античности своим вином, упоминаемым в «Георгиках» Вергилия. *Омир* — Гомер (в старой огласовке).

Песнь третья (С. 165). *...некто в древности* — В СС-2 назван именем Локсен (см. *Другие редакции*). *...снежной мрамора паросска белизны* — Мрамор, добывавшийся на острове Парос в Эгейском море, в античности славился особой белизной. *Вполу* — наполовину. *Брюксельски... кружева* — Брюссельским (у Б. от франц. Bruxelles) называется кружево с композиционно сложным растительным орнаментом на тюлевом фоне. *Чебор* — диалектное

название чабреца. *Травник* — вид птиц семейства бекасовых, живущих по берегам водоемов; самцы издают характерный напев «тю-ли, тю-ли, те-лие». ...*светлых червячков* — Т. е. светлячков.

Песнь четвертая (С. 174). *Милон* — едва ли не самый известный древнегреческий борец (2-я пол. VI в. до Р. Х.), многократный олимпийский и пифийский победитель, родом из италийского Кротона; упоминается Геродотом, Пиндаром, Плутархом, а Пифагор даже разработал ему специальную растительную диету. История его гибели, пересказываемая Б., описана у Страбона, Павсания и Авла Геллия. *Мрежи* — сети.

НЕОПЫТНАЯ МУЗА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

(1812)

Вторая часть (НМ-2) вышла в свет в конце декабря 1811 или в начале января 1812 г. Она построена по тому же принципу, что и первая (см. вводное примеч. на с. 491—492), и как бы дополняет и продолжает ее. Отзывов в периодике книга не получила.

Песнь свободе, писанная к Н. Н. по случаю данного им на сие повода (С. 185). ВЕ. 1810. Ч. I. № 7. С. 184—189 (подпись: — *a — a*). НМ-2. С. 1—7. СС-1. С. 77—84; с разночтениями (см. *Другие редакции*) и с посвящением: «Его превосходительству» Ю. А. Нелединскому»-Мелецкому», по случаю данного им на сие повода». Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий (1751—1828) — поэт и сенатор; почетный член Беседы. ...*о вольности дворянства* — Указ издал Петр III, Екатерина лишь подтвердила его.

Песнь смерти (С. 190). НМ-2. С. 8—10. СС-1. С. 87—90. Вероятно, о ранней редакции этого стихотворения, оставшейся неопубликованной, пишет в дневнике С. П. Жихарев по свежим впечатлениям от чтений, состоявшимся в доме Г. Р. Державина 23 марта 1807 г.: «24 марта, воскресенье. <...> А. С. Шишков прочитал стихи Анны Петровны Буниной на смерть одной из ее приятельниц, молодой девушки шестнадцати лет. В них есть мысли и довольно силы в выражениях; но, странное дело, они как будто писаны по заказу и не производят никакого действия на душу; это сти-

хи не женщины, оплакивающей свою подругу, а скорее студента, рассуждающего о жизни и смерти; отсутствие чувства — главный их недостаток. Бунина не хотела назвать стихов своих элегией потому, что они писаны четырехстопным ямбом в десятистишных строфах, и дала им пышное название оды, как будто бы нельзя написать элегии четырехстопными ямбами. Но если стихи мне вовсе не по душе, то эпиграф к ним пришелся по сердцу; это двестише, взятое из сочинений какого-то испанского поэта, а может быть и просто какая-нибудь эпитафия:

Dionosla Dios, no pòrque la diese
Mas para mostrar en tierra su obra.

То есть: “Бог дал нам ее не для того, чтоб оставить ее здесь, но чтоб показать на земле свое творение”. Эту мысль могла бы развить Бунина в своих стихах, не гоняясь за глубокомыслием, которое не всегда бывает у места, и особенно там, где должно преобладать одно чувство» (Жихарев. С. 436). Запомнившийся Жихареву «эпиграф» — искаженная цитата ст. 9—11 из сонета «Красота Филиды» (*La hermosura de Filis*) испанского поэта Хуана Боскана (ок. 1490—1542):

Diónosla Dios; mas no porque la diese,
que fuera enajenar de su corona:
prestada fué, para mostrar su obra.

[Бог дал нам ее; но Он не насовсем отдал,
поскольку то была бы утрата для Его короны:
она была одолжена, дабы показать Его творение.]

Сонет мог быть известен Б. по одной из антологий испанской поэзии с параллельным переводом, выходивших тогда в Европе, либо по итальянской (*Poesie di ventidue autori spagnuoli del Cinquecento*. Т. 1. Roma, 1786. Р. 466), либо по немецкой (*Handbuch der Spanischen Sprache und Litteratur*. Bd. 2. Berlin, 1804. S. 111). Стихотворение написано десятистишием четырехстопного ямба уникального строения (схема: АббАвГвГдд). «Песнь смерти» является одним из основных источников стихотворения Е. А. Баратынского «Смерть» (1828).

Похвала любви (С. 192). НМ-2. С. 11—17. СС-3. С. 31—39. *Николай Исаевич Ахвердов* (1754—1817) — государственный деятель, генерал-лейтенант, преподаватель и воспитатель великих князей Михаила и Николая Павловичей, кавалер вдовствующей императрицы Марии Феодоровны, писатель и переводчик, почетный член Академии художеств и Беседы; покровитель и ходатай Б., которая, по ряду источников, какое-то время даже проживала в его доме. Ахвердову Б. также посвятила альбомные стихи и «Воззвание благочестивого мужа к Мариину уединению». В последнем, как и здесь, она называет Ахвердова условным именем Пармен. К. Я. Грот писал об этом так: «Под именем “Пармена” она изображает и воспевает его в двух своих произведениях. В одном, “Похвала любви”, написанном по вызову Ахвердова для состязания с ним в этой теме (он, очевидно, тоже пописывал стихи), она, разносторонне трактуя эту тему и признавая себя бессильной по своей сиротской доле изображать такие виды любви, как привязанности семейные, одушевленно воспевает те проявления истинной, действенной и бескорыстной любви, которую она видит перед собой в семейной жизни и в лице самого Пармена. <...> В другом стихотворении, “Воззвание благочестивого мужа к Мариину уединению, 1812 г. в июне”, Бунина влагает в уста Пармена, по его же просьбе, поэтическое славословие его любимому местопребыванию — Павловску, куда он вернулся после продолжительного отсутствия» (Грот). В комментарии к имени он предположил: «Это имя, по идее Буниной, связывает два образа, с которыми она сближает своего друга: Пармен — славный полководец Филиппа и Александра Великого в персидск<их> войнах, и Пармений — один из 70 апостолов и мучеников» (Там же). Однако, скорее всего, объяснение стоит искать в этимологии имени: Пармен (от греч. παρμένω) — стойко держащийся. ... *ту, что Ливия питает к Эзилаю* — См. идиллию «Ливия».

<Послания к Леону>

<I.> **Послание к Леону** («Не время ли, Леон! призраки бросаю лживы...») (С. 197). ЧвБЛРС. 1811. Кн. 3. Ц. р.: 31 июля 1811 г. С. 33—39 (подпись: *Бунина*); под загл. «Эпистола к Леону». НМ-2. С. 18—23. СС-2. С. 49—54; с разночтениями (см. *Другие редакции*). Послание было прочитано А. С. Шишковым 26 мая 1811 г. на открытом заседании III разряда Беседы. Граф Д. И. Хвостов в «Записках о словесности» после чтения отметил: «Письмо Буниной, слог

жесткий и щеголеватый, но есть и не худые стихи» (Хвостов. С. 374). Вероятно, послание читалось и на подготовительном заседании 18 мая 1811 г., о чем также сделал запись Хвостов (Там же). Р. Н. Цебриков, рецензируя чтения, указал: «Послание к Леону, сочинение нашей Сафы, девицы Буниной, прекрасно» (ВЕ. 1811. Ч. 58. № 15. С. 219). *Гренады* — плоды граната. *Зороастров гроб* — Где находится могила Заратуштры (Зороастра), точно неизвестно; в разные времена ее пытались локализовать в Персии, в Афганистане, в Азербайджане и даже на Южном Урале.

II. Послание к Леону («Вчерась тебя, Леон! к забавам я склоняла...») (С. 201). НМ-2. С. 24—29. СС-2. С. 55—60; с разночтениями (см. *Другие редакции*). Пропущенное слово в ст. 32 восстановлено по тексту СС-2. *Кастальды* — музы, названные так по посвященному им Кастальскому ключу; в русской поэзии такое именование муз больше ни у кого не встречается. *Пимпла* — гора в Беотии (Центральная Греция), посвященная музам.

Майская прогулка болящей (С. 206). НМ-2. С. 30—33. СС-1. С. 93—98. Существенно переработанная редакция «Гласа горести» (см. примеч. на с. 517). Одно из самых страстных стихотворений Б. Довольно подробно разобрано В. К. Кюхельбекером в рецензии на СС-1: «Противуположность, которою уже Жуковский так счастливо воспользовался в своем *Громобое*, противуположность цветущей, прелестной Природы и растерзанного сердца человеческого употреблена с большим искусством. В *Прогулке* г-жи Буниной: стихи то мрачные и ужасные, то трогательные, живописные и задумчивые переменяются в сем прелестном произведении, стесняют душу, исполняют ее жалости и содрогания и противу воли извлекают слезы. Что же касается до слога, он не есть слог новейшей поэзии, очищенной трудами Дмитриева, Жуковского, Батюшкова: г-жа Бунина шла своим путем и образовала свой талант, не пользуясь творениями других талантов. <...> Несмотря на некоторые неровности, какая сильная, живая поэзия! Здесь не мечтательное несчастье унылого юноши, который в существенном мире не нашел того, что может дышать в одном мире фантазии; здесь говорит несчастье истинное голосом боли, голосом отчаяния. <...> Если бы все стихотворения Анны Петровны Буниной в достоинстве равнялись с приведенным здесь, она, без сомнения, занимала бы одно из первых мест между русскими истинными поэтами, хотя и в *Прогулке* много необделанного, шероховатого,

а изредка ненужные с первого взгляда повторения; впрочем, сии повторения имели, может быть, целию живее представить состояние больной, которая беспрестанно воспоминает свое ужасное состояние и естественным образом говорит о нем в одних и тех же выражениях, и в таком случае стихи, <...> выражающие одну и ту же мысль или оттенки одной и той же мысли, не только не лишны, но даже необходимы. Конец всего стихотворения заставляет задуматься; он как будто удаляется от главного предмета и живописует ясную, никогда не страдающую вселенную, в которой столь много страдальцев и столь мало утешителей» (Кюхельбекер). Один из источников элегии «Весна» Е. А. Баратынского. *Сый* (церк.-слав.) — сущий, существующий. *Коснишь* (церк.-слав.) — медлишь. *...хулы изрыгнул* — Выбраннылся (церк.-слав.)

Моим племянникам и племяннице, игравшим пролог на мой в деревню к ним проезд (С. 210). НМ-2. С. 34—35. В СС не включалось. *Пролог* — короткая пьеса, обычно с танцами, на аллегорический сюжет.

Мише, десятилетнему моему племяннику (С. 212). НМ-2. С. 36—37. В СС не включалось. *Миша* — Михаил Николаевич Семенов (1798—1866), сын сестры Б. Марии; сохранилась его переписка с Б.

Пекинское ристалище. *Баснь, посвященная некоторым из почтенных членов Российской императорской академии, удостоивших меня лестного своего одобрения* (С. 214). ВЕ. 1810. Ч. XLIX. № 4 (февр.). С. 278—280 (подпись: А. Б...на). НМ-2. С. 38—40. СС-3. С. 157—159; с подзаголовком: «Иносказание» и незначительными разночтениями. Вероятно, басня читалась на одном из заседаний Императорской российской академии и была одобрена присутствующими. Поводом к сочинению басни могла послужить запись А. С. Шишкова в альбоме, подаренном Б. в день рождения 7 января 1810 г.: «Всего похвальнее в женщине кротость, в мужчине справедливость. А. Ш.» (Альбом. С. 502), в ответ на которую Б. сделала целых пять записей о качествах мужчин и женщин и об отношениях между ними: [1] «Кротость в женщине бывает двоякая: одна есть драгоценнейший ея монист, другая — бесславие. Унижая себя, теряет она главное и единственное пола своего преимущество». [2] «Мужчинам не противна бывает сия двоякая женщин кротость. Пользуясь ею, покушаются они на всё и дела-

ются самовластными господами. Помещику не бывает противно иметь многих слуг. Чем их более, тем более для него и выгод; но спросим у сих слуг, не пожелают ли они сделать некоторого с помещиком своим условия». [3] «Мужчинам еще полезнее двоякая кротость тех женщин, которые пробегают одно с ними поприще». [4] «Стихотворец охотнее осыпает похвалами женщину-писательницу, нежели своего сотоварища; ибо он привык о себе думать, что знает больше, чем она. Он готов расточать ей похвалы, самые даже неумеренные...» [5] «Мадригалы нравятся женщинам легкомысленным. Та, которая привыкла рассуждать, желает только, чтобы с нею достойно обходились. Не хвали ее, но не приноси в жертву своей гордости; она станет более тебя тогда любить, нежели как по своенравию ты вдруг то начнешь осыпать ее неуместными хвалами, то унижать неуместным господством» (Альбом. С. 502—503; в автографе записи [3—4] густо зачеркнуты). Разбор басни см. во вступ. ст. на с. 21—22. Откликом на басню, вероятно, стало послание М. В. Милонова, двоюродного брата П. Н. Семенова, племянника Б., «К А. П. Б<унино>й, о приличии стихотворства прекрасному полу», опубликованное в Ц (1810. Ч. VIII. № 11. С. 141—156) и затем прочитанное в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств 10 декабря 1810 г.

Эпитафия супруге его превосходительства Ф. И. Ахвердова, сделанная по его просьбе (С. 216). Федор Иванович Ахвердов (1774—1820) — генерал-майор, младший брат Н. И. Ахвердова; в 1807—1811 гг. был правителем Грузии. Его первая жена — княжна Наталья Григорьевна Юстиниани (1783—1811) — умерла молодой, оставив сына Егора (? — после 1840) и двух дочерей — Нину (1805—1828) и Софью (1810—1830).

<1.> («Что разум? что краса? приятств совокупленье?..») НМ-2. С. 41. СС-3. С. 115; под загл. «Эпитафия нежно любимой супруге».

<2.> **Ей же** («Восплачь и восстени, сын счастья, со мною!..») НМ-2. С. 42. СС-3. С. 116.

На случай детского пиршества, бывшего в Павловске 1810 года июня 16 дня (С. 217). НМ-2. С. 43—46. СС-1. С. 55—59; с разночтениями (см. *Другие редакции*). СНРС. С. 302—305. Стихотворение, как и «С приморского берега», написано шестистишиями белого двустопного дактиля. Мария — вдовствующая императрица Мария Феодоровна.

На истукан Орфея (С. 220). НМ-2. С. 47. СС-3. С. 98.

Клитандру, который предпочитал дурного певца хорошему (С. 221). НМ-2. С. 48. В СС не включалось.

Обещание страждущему бессонницею (С. 222). НМ-2. С. 49. В СС не включалось.

Рондо (С. 223). ПП. С. 138 (без подписи); с примеч. к загл.: «Сии стихи предлагаются не за образец слога, но за образец составления рондо», и с разночтениями (см. *Другие редакции*). НМ-2. С. 50. СС-3. С. 165.

В альбом К. Д. Власьевой (С. 224). НМ-2. С. 51. СС-3. С. 91. Ей же посвящено стихотворение М. В. Милонова «К. Д. Власьевой, прошившей стихов для альбома» (Ц. 1811. № 10). *Екатерина Дмитриевна Власьева* (урожд. Бехтеева; 1782—1824) — жена коллежского асессора Ивана Сергеевича Власьева (1771—1835), приятельница Б.

Экспромт на вопрос: кто из всего дышущего менее наслаждается жизнью? (С. 225). НМ-2. С. 52—53. СС-1. С. 105—107; под загл.: «На вопрос, кто из всего дышущего менее наслаждается жизнью?», и с разночтением (см. *Другие редакции*). *Жемчуг* — Жемчуг.

Петух-сторож. <*Басня*> (С. 227). НМ-2. С. 54—56. СС-3. С. 147—150; с подзаг. *Басня* и незначительными разночтениями. Источник не установлен.

Разговор между мною и женщин<ами> (С. 229). НМ-2. С. 57—61. СС-3. С. 106—110. Важное для понимания авторского «я» Б. стихотворение; см. об этом подробно во вступ. ст. на с. 20—21. К диалогической форме, введенной в русскую поэзию Ломоносовым, в дальнейшем прибегали Пушкин («Поэт и толпа», «Разговор поэта с книгопродавцем»), Некрасов («Поэт и гражданин») и др.

Четыре времени года. Замысел Б. написать остальные две части цикла, вероятно, так и не был осуществлен.

Весна (С. 233). НМ-2. С. 62—67. СС-1. С. 111—117. В. К. Кюхельбекер в рецензии на СС-1 отметил: «Живое, но более мрачное воображение составляет отличительное достоинство хороших стихотво-

рений г-жи Буниной. В одном из них мы находим после богатого описания весны, после стиха, превосходного по простоте и чувству: *О сколь обилен мир красою!* — ужасное изображение злодея, который не может и не достоин восхищаться прелестями природы...» (Кюхельбекер). А. С. Шишков в недатированном письме к Б. писал по поводу этого стихотворения: «Я прочитал ваши стихи под названием *Весна*. Признаюсь, что вся песнь показалась мне чем-то не имеющим достаточной целости, как бы чем-то таким, что начато, но еще не окончено. Надобно бы подумать, чего тут недостает. Когда-нибудь мы вместе прочитаем. Вы скажете мне ваши мысли, а я сделаю вам мои примечания. Между тем скажу вам правду — вы знаете, что я не люблю ни лгать, ни льстить. Мне кажется, музы потихоньку приходят с Парнаса в вашу комнату и учат вас писать. Вы сыплете на бумагу золото и цветы. Продолжайте, и кончите все *четыре времени года*. Ежели вы все их так напишете, как начали, то я смело буду отвечать, что никто в этом роде даже близко к вам не подошел» (ОР РНБ. Ф. 862. Архив А. С. Шишкова. Ед. хр. 7). Стихотворение написано десятистишием четырехстопного ямба (схема: АббАввГдГд) — как бы перевернутой классической одической строфой.

Лето (С. 237). НМ-2. С. 68—73. СС-1. С. 121—128. Как один из возможных источников можно назвать описание грозы над Таврическими горами из поэмы С. С. Боброва «Таврида»/«Херсонида» (1798; 1804). Стихотворение написано системой из двух последовательных строф (схема: АббА + абБа), в каждой из которых 1-я и 4-я строка — четырехстопный ямба, а 2-я и 3-я — шестистопный.

Падение Фаетона. *Баснословная повесть*. ЧвБЛРС. 1811. Кн. 4. Ц. р.: 15 ноября 1811 г. С. 68—99 (подпись: *Неизвестный*); без предисловия, в сокращенном виде, с редакторскими исправлениями и вставками (см. *Другие редакции*). НМ-2. С. 77—139. СС-2. С. 158—201; без предисловия, с многочисленными разночтениями (см. *Другие редакции*) и с посвящением: «Его высокопревосходительству / милостивому государю / Николаю Семеновичу Мордвинову, / в знак глубочайшей признательности / и преданности посвящает сочинительница». Сюжет поэмы взят из «Метаморфоз» (Кн. I, 748—779, Кн. II, 1—366) П. Овидия Назона, а способ повествования находится под влиянием «Душеньки» (1783) И. Ф. Богдановича (1743—1803). Еще одним из источников поэмы можно считать оду Г. Р. Державина «Колесница» (1793; 1804). Чтение И. А. Крыло-

вым «Падения Фаетона» в сокращенном виде, как оно и было напечатано в ЧвБЛРС, состоялось 11 ноября 1811 г. в открытом заседании Беседы, происходившем в доме у И. С. Захарова. Судя по всему, к правке приложил руку не только Захаров, но и граф Д. И. Хвостов, который в «Записках о словесности» отметил: «На посмеяние здравого рассудка и вкуса было чтение в Беседе г. Захарова. Смотри его «Хвалу женам», «Фаетонта», в коем первоначально не было метров и цезур <...>» (Хвостов. С. 378). Далее он пишет следующее: «В ноябре месяце 1811 года г-н Захаров пред чтением своим представил Беседе стихотворение под именем “Падение Фаэттона” от *Неизвестного* сочинителя и приложил письмо от него к нему, писанное из Харькова, в котором сочинитель, как водится, охуляя сам себя, дал ему право на все поправки, желая только, чтобы сочинение было прочитано в Беседе, в которой нашлось, что Фаэтонку не мудрено было упасть с небес. Ибо он и в стихах чуждался равновесия, так что многие были без стоп. Некоторые недостатки поправлены, и “Фаэтон” прочитан в Беседе. Два месяца спустя после того г-жа Бунина напечатала “Фаэтон” под своим именем в своих сочинениях и крепко нападает на Беседу за сделанные ей поправки. Любопытный может сличить оба сочинения и потом оценить смирение *Неопытной музы*. Сие приключение подало случай к шутке — стихам, которые у сего прилагаются:

Известно каждому паденье Фаетона,
 О том гремели вслух певцы во всех краях
     В хороших и дурных стихах,
 Пусться по следам изгнанника Назона.
     Однако же про то
     Не ведает никто,
 Что сильная печаль постигла Аполлона,
     Когда после сих бед ему Зевес
 Велел быть пастухом, прогнав его с небес.
 Жаль сына потерять, а места жаль и вдвое.
 В отставке богу быть — несчастье большое.
     Но наконец кудрявый Аполлон,
     В груди питая грусть и стон,
 Почти что вне ума, к Парнасу обратился.
     В угодность муз он в юбку нарядился.
     И попевать стал в сумерки сперва,
 Потом вскруженная досадой голова

Пустилась петь по воле
 Час от часу и боле.
 Хоть в юбке Аполлон казался миру стар,
 Хотя потух небесный жар,
 Но он всечасно
 Изволит петь чресчур не сладкогласно.
 То музы видели и рвение напрасно;
 Желая обуздать, сказали все согласно:
 «Печаль в твоей, о Феб! гнездится голове.
 Коль юбку ты надел, шей лучше по канве.
 Мы говорим тебе почтительно, учтиво,
 Что богу в юбке быть ни мало не красиво,
 Что бог обязан петь, когда поет, на диво.
 Кумир сияния, стихов отец
 Есть песнопения неложный образец,
 А у тебя в стихах частенько стоп не видно.
 Не знать размера стоп певцу земному стыдно.
 Прибавили к тому,
 Что в угождение ему
 Ошибки сгладили, хоть всех и не успели.
 Лишь музы то пропели,
 Изволил отвечать им бог стихов
 Собором бранных слов,
 Что часто на земли бывает меж певцов.
 Феб в юбке рассердился
 И крепко заорал,
 Пегаса обуздать грозился.
 Садясь на коня, за юбку зацепился
 И оттого с коня упал».

(Хвостов. С. 383—384). В своем предисловии Б. крайне возмущается сделанными поправками. Поэма стала одним из источников сюжета для басни «Конь и всадник» (1814) читавшего ее И. А. Крылова. *Фаэтон* (Фаэтон, Фаэтонт) — по др.-греч. мифу, сын Гелиоса и Климены, жены царя Эфиопии Меропса (Меропа). *Николай Семенович Мордвинов* (1754—1845) — государственный деятель, сенатор, адмирал, граф, экономист, любитель и покровитель поэзии, один из попечителей Беседы.

Предисловие (С. 241). Б. ведет довольно яростную полемику с теми, кто посмел тронуть ее текст. ...целою половиною сокраща-

ценное — Сокращения коснулись как отдельных строк, так и целых фрагментов. ...*двум сочинениям, гораздо моего превосходнейшим* — Б. имеет в виду прозаическое сочинение И. С. Захарова «Похвала женам» и пространную поэму «Великодушные вельможи русского» П. М. Карабанова, которые читались в тот же день. *Почтенный председатель должностного разряда Беседы любителей русского слова* — Иван Семенович Захаров (1754—1826), председатель IV разряда. *Ему неприятно видеть два О! на четырех строках неволью сшедшиеся* — Здесь Б. говорит о выпуске ст. 51—93 в Третьей песни; это место в ЧВБЛРС выглядело так:

О муза! подкрепи, — дай твердость слогу,
С земного пренестись в небесный край,
И с юношей вступить в эфирную дорогу!
О радость! О восторг!

...поставленные рядом отец и Феб — Здесь речь идет о выпуске ст. 244—279 во Второй песни. *...выпустила я два эпизода, в 30 строках состоящие* — Эти эпизоды были исключены Б. еще до чтения и публикации.

Песнь первая (С. 248). *Лезбийска меда слаще* — Греческие острова до сих пор славятся своим медом; но здесь еще, возможно, есть намек и на Сапфо, поскольку у древних греков лирическая поэзия (μέλος) по созвучию ассоциировалась с медом (μέλι). *Эльвире, в знойный день прилегшей к водопаду* — Вероятно, намек на героиню повести Н. М. Карамзина «Сьерра-Морена» (<1795>). *Назон! Тебя я призываю!* — Б. обращается к Овидию, так же как он в начале «Метаморфоз» обращается к богам. *Там звонкий голос филомел* — Филомела — соловей; по сюжету др.-греч. мифа, кстати, пересказанного в «Метаморфозах» Овидия, Филомела, дочь афинского царя Пандиона, обесчещенная Тереем, мужем своей сестры Прокны, была превращена в соловья. *...все арабски поколенья / До Фаэтонова паденья / Не знали черноты* — По др.-греч. мифу, именно после падения Фаэтона эфиопы почернели, их волосы закучерявились, а их земля превратилась в выжженную пустыню. *Содомить* — шуметь, ссориться. *Энаф* (др.-греч. миф.) — сын Зевса и Ио, будущий царь Египта, высказал Фаэтону сомнения о его божественном происхождении. *Коцит* (др.-греч. миф.) — одна из рек в Аиде, царстве мертвых. *Дий* — См. примеч. к «Молитве Линданы». *...от полуден* — С южной стороны.

Песнь вторая (С. 257). *Присены* (диал.) — помещение в избе перед сенями. *Вулкан* (др.-рим. миф.) — бог огня и кузнечного ремесла, соответствующий др.-греч. Гефесту. *Протей* (др.-греч. миф.) — морское божество с переменчивым обличем. *Нерей* (др.-греч. миф.) — бог водяной стихии, отец nereид — морских и речных нимф. *Дорида* (др.-греч. миф.) — морская нимфа, дочь титана Океана и Тефиды. *Тритоны* (др.-греч. миф.) — морские существа, дети Тритона, сына Посейдона и Амфитриты, от морских нимф; изображались плавающими на дельфинах и дующими в морские раковины. ...*эвры, ноты* (др.-греч. миф.) — Восточные и южные ветры. *Ввелося у уных наречие другое* — Намек на моду на французский язык. ...*в оборот* (диал.) — Наоборот.

Песнь третья (С. 268). *Понт* (др.-греч.) — море; расхожий поэтизм в русских стихах XVIII — начала XIX в. *Ни с Гарнеренем мне, ни с Монгольфьером* — Андре-Жак Гарнерен (1769—1823) — французский воздухоплаватель и первый парашютист; братья Жозеф-Мишель (1740—1810) и Жак-Этьенн (1745—1799) Монгольфье (Montgolfier) — изобретатели воздушного шара, хотя Б. употребляет фамилию в единственном числе. *Геркулан* — Геркуланум — древнеримский город, погибший вместе с Помпеями после извержения Везувия в 79 г. *Четыре Солнцева коня* — Вообще-то, по мифу, коней у Гелиоса было больше; имена упомянутых — эпитеты, обозначающие их качества: Иос (Эос) — зарево, Флегон — пылающий, Пироис — огненный, Эфон — пламенный. *Тавр* — горная система на юге современной Турции. *Готард* — Сен-Готард, горный перевал в Швейцарских Альпах; место перехода русской армии под командованием А. В. Суворова в 1799 г. *Хитера* — Скорее всего, имеется в виду Химера, гора с горящими склонами, находящаяся на территории современной Турции; она упоминается в «Словаре пиитико-исторических примечаний» (1781) Аполлоса (Байбакова); возможно, в экземпляре Б. буква *м* была плохо пропечатана. *Осса* — гора в северо-восточной части Фессалии (Северо-восточная Греция); родина кентавров. *Родопы* — Родопы, горы на территории современной Болгарии. *Аппенины* — Апеннины, горы на севере Италии. *Атлант* — гора на территории современной Ливии; по др.-греч. мифу, является окаменевшим титаном, которому Персей показал голову Медузы. *Рифей* — Мифологические Рифейские горы, которые в новое время стали ассоциировать с Уральскими. *Эльфоса* — Какую именно гору здесь имеет в виду Б., непонятно. *Пириней* — Пиренейские

горы. *Герцинский лес* — по античным представлениям, горные леса, тянущиеся по всей территории Германии. *Дуеро* — река на Пиренейском полуострове, впадающая в Атлантический океан. ...*Прут, Великому грозил где премена* — Река Прут — левый приток Дуная, берущий начало в Карпатах; Б. намекает на неудачный Прутский поход Петра Великого в 1711 г. ...*Таг, златый песок влекущий* — Таг (исп. Тахо; порт. Тежу) — крупнейшая река на Пиренейском полуострове; *aurifer* (золотоносный) — его устойчивый эпитет в латинской поэзии, хотя известно, что никакого золота в нем никогда не добывалось. *Фазис* — река Риони в современной Грузии. *Родан* — латинское название реки Роны, текущей в Швейцарии и Франции. *По* — крупная река на севере Италии. ...*Алфей, / Ристаньем древле знаменитый* — Алфей (ныне Руфия) — главная река на Пелопоннесском полуострове; на ее берегах находилась Олимпия, знаменитая своими играми. ...*надменный из царей* — Александр Македонский. *Истнулись* (церк.-слав.) — поверглись в прах, стерлись с лица земли. ...*одним из их породы* — Т. е. Фазтоном. *Виновная ливийская столица* — Здесь, видимо, идет речь о месте рождения Фазтона: ливийская значит африканская или эфиопская. *Цибела* (Кибела) — фригийская богиня плодородия, в древнеримском пантеоне отождествленная с Реей.

И. А. Крылову, читавшему моего «Фаэтона» в Беседе любителей русского слова (С. 278). НМ-2. С. 140. СС-3. С. 99. См. примеч. к «Падению Фаэтона».

Стансы. Подражание лесбосской стихотворице (С. 279). НМ-2. С. 141—142. СС-1. С. 151—153. Вольное подражание знаменитому отрывку (fr. 2) из лирического стихотворения др.-греч. поэтессы Сапфо (ок. 630 — 572/570 до Р. Х.), сохранившемуся в качестве цитаты в трактате «О возвышенном» Псевдо-Лонгина (II—III в.). Стихотворение написано оригинальной строфой — семистишием шестистопного ямба (схема: ААБВБВх), где последний стих холостой.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1800-х ГОДОВ, НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В «НЕОПЫТНУЮ МУЗУ»

Б. была строга к своим произведениям. В этот раздел включены как самые первые опыты (в том числе стихотворения в про-

зе), так и, вероятно, показавшиеся Б. случайными более поздние стихи.

Подражание Мадагаскарской песни (С. 283). И. 1801. Ч. XI. С. 58—61 (без подписи); с пометкой: «Писано в с. Урусове, 11 генваря в полночь, 1799 года»; вместе со стихотворением «Глас горести». Подражание VIII песни из цикла стихотворений в прозе «Мадагаскарские песни» (*Chansons madécasses*, 1787) французского поэта Эвариста-Дезире Парни (Parry; 1753—1814). Два перевода этого цикла были опубликованы в 1795—1796 гг. (ПипПВ. 1795. Ч. VI. С. 103—116. Пер. П. А. Пельского; Муза. 1796. Ч. II. С. 14—27. Пер. П. Ю. Львова).

Неосновательной ропот противу осени (С. 285). И. 1801. Ч. XI. С. 3—12 (без подписи), с пометкой: «В селе Урусове». Вероятно, самое первое опубликованное произведение Б. *Ниже* (церк.-слав.) — и не, даже не.

Глас горести (С. 290). И. 1801. Ч. XI. С. 61—64 (без подписи), с пометкой: «В селе Урусове», вместе со стихотворением в прозе «Подражание Мадагаскарской песни». Впоследствии стихотворение было переработано в «Майскую прогулку болящей».

Меланхолическая прогулка одной молодой россиянки (С. 293). ВЕ. 1803. Ч. VIII. № 7 (апрель). С. 193—200 (без подписи); с предисловием Н. М. Карамзина: «Издатель не знает имени сочинительницы, но знает, что она умна и любезна; читатели тоже узнают. Вопреки всему, что сказано и написано против женщин-авторов, их творения имеют для нас какую-то особенную приятность». На отдельном листе, приложенном к письму П. Н. Семенову от 9 декабря 1827 г. и датированном 16 декабря, Б. оставила краткое свидетельство, хотя и ошиблась на год: «Постепенно, с приятием нового образа мыслей и новых правил поведения, самый даже слог начинает принимать некоторую плавность. Невзирая, однако же, на недостаток в оной, сочинение мое, посланное к Карамзину в 1804-м году, было напечатано им в Вестнике Европы с одобрением». (РГАЛИ. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 6). *...огонь электрический* — Молния.

«Не вся ли жизнь есть перемена?..» (С. 297). МК. 1806. Ч. III. № 17 (25 апр.). С. 264 (подпись: *А. Б — а*), в составе подписанной

криптонимом *Имхам* в повести «Модест и Муза», в которой рассказывается история дворянской девочки, которую дворовые спасли от Пугачева, переодев крестьянкой.

Два экспромта (С. 298).

1. **К Амуру.** МЗ. 1806. Ч. I (март). С. 40 (подпись: — а — а).

2. **К парящему гению поэзии.** Там же (подпись: — а — а).

Ответ на вопрос автора предыдущих стихов, можно ли их напечатать в «Московском зрителе» (С. 299). МЗ. 1806. Ч. III (июль). С. 34—35 (подпись: — а — а); с примечанием: «Любезная Сочинительница обличила сама себя в *таланте Сафы. Изд<атель>*». Поводом к сочинению послужило стихотворение «К А. П. Б—ой, в день рождения», опубликованное там же без подписи:

«Будь Сафою другой!» — Природа изрекла —
И стихотворица Лезбийска вновь родилась.
Но чтобы ты ее счастливее была,
Чтоб жизнь твоя в тоске, в слезах не прекратилась
И чтоб *Фаон* творцем был радости твоей, —
Вот пламенна мольба в сей день души моей!

Е. В. Свиясов небезосновательно считает, что автором экспромта был князь П. И. Шаликов (см. в его книге: *Сафо и русская любовная поэзия XVIII — начала XIX веков.* СПб., 2003. С. 228).

Философия бабочки (С. 300). ЛС. 1806. Ч. IV. С. 220—223 (подпись: — — а — — а). СРС. Ч. III. С. 223—226 (подпись: *Бунина*). ПРП. Ч. IV. Кн. 8. С. 242—246. Анонимный критик в рецензии на выход НМ-1 отметил: «Не знаем, почему г-жа сочинительница не поместила в собрании своих стихотворений прекрасной басни: *Философия бабочки*, которая напечатана в последнем номере журнала: *Любитель словесности* 1806 года. Жаль, если и другие столь же хорошие стихи имели при нынешнем издании одинаковую участь с сею баснею» (Аноним. С. 111—112).

[Ответ Н. И. Ахвердову на его стихи в альбом] («Когда не ведала бы я, кто тот...») (С. 303). Альбом. С. 504. Подпись: *Анна Бунина*. Поводом к написанию стал экспромт Н. И. Ахвердова (о нем см. примеч. на с. 506):

Всех благ тебе земных желая всей душой,
 Могу я Небеса лишь об одном просить:
     Довольна чтоб собой
     И в совести покойна
     Ты, щастья быв достойна,
 Умела горести сносить.

Под ним рукою Б. обозначена дата: «Февраля 3-го 1810 года, в день ея именин». К. Я. Грот в примечании к публикации предположил, «что она относится уже ко времени болезни А. П. (после 1815 г.)», но это вряд ли справедливо; в это время Б. была в Англии.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1810—1820-Х ГОДОВ

В раздел включены стихотворения, написанные Б. после подготовки НМ-2 к печати, и расположены по времени написания или публикации. Большинство из них были включены в СС-1 и СС-3. Завершают раздел немногочисленные стихотворения 1820-х гг.

[Куплеты Нины из повести «Вечер у камина»] (С. 307). Сельские вечера Анны Буниной. СПб, в Морской типографии, 1811. С. 76—79. Ц. р.: 10 мая 1811 г. В СС не включалось. В конце книги на отдельном листе приложены ноты к куплетам: «Chant piano. Un poco largo. Муз. Г. Прача». Иван (Иоган-Готфрид или Ян Богумир) Прач (Pratsch; ум. 1818) — композитор и пианист, родом из Силезии; собиратель и обработчик (вместе с Н. А. Львовым) русских народных песен. *Тимон* — герой повести «Вечер у камина», порвавший с Ниной из-за неравного положения в обществе.

На дачу его превос<ходительства> И. И. Кушелева (С. 310). СС-1. С. 163—166; с датировкой: «1811 года». *Иван Иванович Кушелев* (1744—1817) — действительный тайный советник, сенатор с 1797 г., владелец огромного имения под Санкт-Петербургом — Спасской мызы (от Выборгского шоссе до Пискаревки, от Полюстровского проспекта почти до Поклонной горы), где создал прекрасный парк с островками, гротом, беседками и аллеями, установил несколько памятников: колонну в память «щедрот» Екатерины, обелиск в честь любимой собаки Екатерины, подаренной ею Кушелевым, и третий памятник — в память единственного сына, погибшего на

войне в Грузии. Стихотворение написано системой связанных восьмистиший, в каждом из которых последняя строка — пятистопный ямб, а остальные — четырехстопный. *Пафосская богиня* — Афродита, по названию места на Кипре, где она вышла из моря.

Графу Кутайсову, на сочиненные им в мой альбом стихи (С. 312). СС-3. С. 56—58. Ответ на запись А. И. Кутайсова (см. примеч. о нем на с. 521) в альбом Б. от 20 ноября 1811 года:

В ратном поле под шатрами
Я всю жизнь свою провел,
Заниматься там стихами,
Признаюсь, не умел.

С Марсом вечно обращаясь,
Мог ли музам угождать?
Мог ли, смертью окружаясь,
О бессмертья помышлять?

Ты достойна лишь сей части,
Твоей славы быстр полет.
Мой удел — встречать напасти,
Беспокойство, кучу бед.

(Альбом. С. 505.)

Мерзлякову, на перевод «Танкерда» (С. 313). СС-3. С. 100. Перевод отрывка из VI песни «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо под загл. «Единоборство Танкреда с Аргантом» был опубликован: ВЕ. 1811. Ч. LVI. № 5 (март). С. 33—42.

Воззвание благочестивого мужа к Мариину уединению (С. 314). Отд. изд. СПб.: В типографии Иос. Иоаннесова, 1812. Ц. р.: 10 сентября 1812 г. СС-1. С. 63—69; с датировкой под загл.: «1812 года, в июне», с существенными разночтениями (см. *Другие редакции*) и с послесловием: «Его превосходительство Николай Исаевич Ахвердов кончил жизнь скоропостижным ударом в сем самом Павловске, выходя из дворца, по отслушании Божественной литургии, 1817-го июля 8-го дня, ровно через 4 года после сих стихов, которые сам он просил меня написать в честь Павловска, не задавая точной темы, и которые, напечатав особым листком, имела я сча-

стие положить в ферму ея императорского величества. / Память сего мужа, примерного дарованиями, любовию к трудам, великодушием и честностию пребудет незабвенною от всех, кто только знать его удостоился. Друзья и родственники потеряли в нем много; — нуждающиеся в советах и несчастные, еще более. / Желательно, чтобы земной шар подобными мужами изобиловал!» О Н. И. Ахвердове см. примеч. на с. 506. Стихотворение написано редчайшей строфой — семистишием четырехстопного ямба (схема: ААБВБВБ). *Дска* (церк.-слав.) — здесь: поверхность.

На кончину графа Александра Ивановича Кутайсова, в Бородинском сражении убитого 1812 года августа 26 (С. 319). ВЕ. 1813. Ч. LXX. № 13 (июль). С. 14—15 (подпись: *А. Бунина*). СС1812. Ч. 1. С. 238—239. СС-3. С. 129—131. *Александр Иванович Кутайсов* (1784—1812) — граф, генерал-майор; поэт-любитель, приятель Б. В Бородинском сражении графу Кутайсову была поручено командование всей артиллерией русской армии; он погиб при защите батареи Н. Н. Раевского; его имя выбито на главном памятнике Бородинского поля.

На смерть капитана гвардейской артиллерии Ростислава Ивановича Захарова (С. 321). СО. 1813. Ч. IV. № 12 (20 марта). С. 299. СС1812. Ч. 1. С. 246—247. СС-3. С. 132—133; с продолжением в загл.: «на 26 (так! — *Сост.*) году от рождения в Бородинском деле убитого», с незначительными разночтениями и с отбивкой завершающих пяти строк от предыдущего текста. *Ростислав Иванович Захаров* (1784—1812) — капитан гвардейской артиллерии; в Бородинском сражении командовал артиллерийской батареей; героически погиб, предотвратив прорыв левого фланга обороны, в тот же день, что и граф А. И. Кутайсов (см. выше).

На истребление французов, нагло в сердце России вторгнувшихся (С. 322). Отд. изд. (без подписи). СПб.: В типографии Иос. Иоаннесова, 1812. Ц. р.: 12 декабря 1812 г. Печатается по: СС-1. С. 3—24, где текст более исправен. Существенные разночтения, имеющиеся в отд. изд. см. в разделе *Другие редакции*. В библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета хранится экземпляр отд. изд. с двумя авторскими правками: вставкой в ст. 412 пропущенного слова *неба*, учтенной в СС-1, и вставкой в ст. 361 слова *хищны*, не учтенной при переиздании (см. вкладку

с иллюстрациями). Слог оды намеренно архаизирован, вероятно, под влиянием од В. П. Петрова (1736—1799), чей посмертный трехтомник вышел в 1811 г. *Галлы — французы* (поэтизм). *...лепту не творя пощады* — Т. е. не брезгуя даже мелочью. *Синклит* — полный состав кого-либо. *Под флагами Гермеса* — Т. е. на торговых судах. *То Витгенштейн ему отсек* — Петр Христианович Витгенштейн (1768—1843) — во время Отечественной войны 1812 г., будучи генерал-лейтенантом, командовал 1-м пехотным корпусом, не пропустившим французов к Санкт-Петербургу. *Древа растут где гесперийски* — Гесперийский сад, в котором растут деревья, приносящие золотые яблоки, — один из образов земного рая, известный с античности. *Сузубы* (церк.-слав.) — повторно, заново.

Мысль при гробе его императорского высочества Георгия, принца Гольштейн-Ольденбургского (С. 334). СС-3. С. 125—128. Георгий Петрович принц Гольштейн-Ольденбургский (1784—1812) — первый муж великой княжны Екатерины Павловны (1788—1819), двоюродный брат императора Александра I; генерал-губернатор Эстляндии, затем — генерал-губернатор тверской, ярославский и новгородский, главный директор путей сообщения; 15 декабря 1812 г. в Твери скоропостижно скончался «от горячки» после осмотра госпиталя с ранеными. В «Записках» Э. И. Стогова находится такое свидетельство: «Путешествие с А. П. Буниной мы совершали на долгих, в рогожной кибитке. Останавливались в Твери, где жила сестра государя Екатерина Павловна, бывшая замужем за принцем Георгием Ольденбургским, которого вся Россия звала “Принц-шишка” по опухоли, бывшей у него на лбу» (Русская старина. 1903. Т. 113. № 1. С. 134).

[**Стихи из письма к А. С. Шишкову**] («Хоть бедность не порок...») (С. 337). Впервые были опубликованы М. Г. Альтшуллером в книге: Поэты 1790—1810-х годов. Л.: Советский писатель; Ленинградское отделение, 1971. С. 467—471. Текст заново сверен с автографом, хранящимся в РО ИРЛИ (Шифр 13842. Л. 1—5 об.), и публикуется с устранением незначительных неточностей чтения и пропусков, замеченных в первой публикации. Стихотворение содержит множество автобиографических деталей детства Б. Ср. со стихотворением «Мой портрет, списанный на досуге в осенние ветры для приятелей», в котором она говорит о своих юношеских годах. *Губерния — Рязань, Рязск-город был уезд — Село Урусово*

принадлежало к Ряжскому уезду Рязанской губернии. *Отцу моему, и деду, / И прадеду* — Об отце см. хронику «Девница Бунина»; дед Б. по отцу — секунд-майор Максим Кузьмич (1689 — ?); прадед — Кузьма Леонтьевич (ум. после 1710), стольник при царе Федоре Алексеевиче. *Три брата у меня, — сестрами сам-третья* — Братья: Петр, Василий и Иван; сестры: Мария и Варвара. *Мой батюшка с печали / Нас роздал всех к родным* — Закон запрещал оставлять несовершеннолетних дочерей при вдовом отце. *Зову к себе педантов* — Т. е. частных преподавателей, поскольку в 27-летнем возрасте особе женского пола можно было получить образование только частными уроками. *...науки здесь сребролюбивы* — Б. полностью истратила на свое образование доставшуюся ей часть наследства.

Текст самого письма от 25—28 февраля 1813 г., восстанавливающий контекст входящих в него стихов, полностью приводится ниже. Сокращенный и отредактированный вариант письма ходил в списках и сохранился в ряде архивных фондов. Один из списков, хранящийся в архиве Г. Р. Державина (ОР РНБ. Ф. 247. Т. 39), — авторский, под загл. «Сокращенная выписка из моего ответа А. С. Шишкову» на высочайший о возвышении моего пансиона указ, в котором сказано: *Девнице Буниной, по бедному состоянию самой себя воспитавшей и проч.*», с некоторыми разночтениями (см. *Другие редакции*). В императорском именном указе, данном министру финансов 2 марта 1813 г., действительно, было сказано: «Девнице Буниной, которая при бедном состоянии своем сама себя воспитала и прилежностью к учению и трудам приобрела отличные в словесности и стихотворстве таланты, которым уже многие опыты оказала». А. С. Шишков, бывший в те годы в должности государственного секретаря и сопровождавший императора в заграничных походах, с гордостью говорит в своих «Записках»: «Другое случившееся со мною здесь (в польском городке Коло. — *Сост.*) удовольствие состояло в том, что удалось мне, при помощи князя Смоленского, известной по успехам в словесности девице нашей Буниной исходатайствовать весьма нужной для недостаточного ее состояния пенсии, по две тысячи рублей в год» (Шишков. Т. 1. С. 176). Сохранившиеся письма Шишкова к жене проливают свет на обстоятельства, предшествовавшие именному указу, и перипетии, связанные с его отправкой в Санкт-Петербург. Из письма от 30 января 1813 г. становится ясна общая ситуация: «Вчера получил я письмо твое, в котором ты описываешь бывшее у вас чтение (в Беседе), также пишешь об Анне Петровне.

Ты знаешь, что я очень ее люблю и таланты ея ценю как должно; а потому во всяком случае готов об ней стараться. Действительно, она по талантам своим заслуживает не меньше награждена быть, как и другие награжденные за таланты. Две тысячи рублей пенсии я почитаю за самую умеренную для ней награду. Но желание можно всегда иметь, а к исполнению желания надобен случай и счастье. Мне очень жаль, что она меня об этом не предупредила и скрыла имя свое, когда прислала стихи. Это была такая минута, в которую, конечно, я бы весьма надежен был исполнить по ея желанию. Может быть, другого такого случая и не будет. Итак, сама она виновата. Часто в год того не сделаешь, что в один час» (Шишков. Т. 1. С. 316). Стихи, о которых идет речь, — ода «На истребление французов, нагло в сердце России вторгнувшихся», напечатанная без имени автора. Б. прислала ее издание Шишкову, не предупредив, что это ее сочинение. Шишков мог, действительно, не понять, что перед ним стихи Б., потому что прежде она в жанре торжественной оды ничего не писала, а слог этой оды был непривычно для нее архаизирован. Вероятно, если бы Шишков пришел к Александру I не только с прошением, но и с одой, исход дела мог бы стать иным (например, размер пансиона был бы вдвое увеличен). хлопоты продолжались, и в них были задействованы М. И. Кутузов и его супруга, что следует из писем от 4 февраля 1813 г.: «Приложенное при сем письмо отдай Катерине Ильинишне (княгине Смоленской) и скажи, что я с Михайлом Ларивоновичем (супругом ея) отнюдь не на политике обхожусь, а чистосердечно. Сегодня он и я, оба хлопотали мы об Анне Петровне Буниной, и кажется, дело идет на лад. Надеюсь о чем-нибудь приятном ее уведомить» (Там же. С. 317); от 6 февраля 1813 г.: «Вчера я очень доволен был тем, что государь пожаловал Анне Петровне Буниной две тысячи рублей по смерти ея в год пенсии. Кажется, это ее успокоит и сделает довольною. Она должна поблагодарить за сие Катерину Ильиничну, потому что Михайло Ларивонович много в том содействовал» (Там же. С. 318); и от 18 февраля 1813 г.: «Вчера был я у Михаила Ларивоновича; он сказывал мне, что Катерина Ильинишна пишет к нему и снова заботится о Буниной. Я отвечал, что всё уже сделано и послано» (Там же. С. 321). Видимо, сумма выделенного пансиона была определена и зафиксирована при первом подходе Шишкова к императору, и ходатаи в дальнейшем не смогли уже ее изменить. Однако не все гладко шло и дальше: курьер, доставлявший корреспонден-

цию в Петербург, по дороге потерял императорский указ, о чем говорится в письме от 7 марта 1813 г.: «Одного из писем, в котором было письмо к Буниной, ты не получила, потому что бывший при мне (как я в первый раз выехал в Вильну) фельдъегерь Федоров каким-то образом потерял в дороге все бумаги, между прочими и указ о пожаловании пенсии А. П. Буниной; о чем известясь, принужден я был вторично подносить сей указ к высочайшему подписанию. Хорошо еще, что скоро удалось поднести, а если бы сие подписание продлилось месяц, другой, то бы это сделало ей двести рублей убытку» (Там же. С. 322). Через пять дней, когда письмо Б. от 25—28 февраля 1813 г. было у Шишкова уже на руках, он коротко откликнулся на него в своем следующем письме от 12 марта 1813 г.: «Поблагодари А. П. Бунину за ея ко мне письмо и стихи; скажи ей, что я всегда то сделаю, что могу, и если не сделаю, так стало быть невозможно было» (Там же. С. 324).

Полный текст письма Б. к Шишкову: «Милостивый государь Александр Семенович! / Ваше милостивое и дружеское письмо было для меня вторым пансионом. Зачем движения сердца моего не могут быть несколько поглубже! Было бы тогда гораздо для меня спокойнее. Теперь и недостаток слов, и недостаток способов благодарить вас: всё меня тревожит! / Не ослеплюсь приветствием вашим, как оно мне ни лестно, и самой себе ничего не присвою. Во-первых, обязана я Богу, по многолетным испытаниям пристань мне даровавшему. Во-вторых, государю, о распространении света в державе своей пекущемуся и даже единую к наукам любовь щедро награждающему. В-третьих, моим благодетелям. Пусть иной, по скромности своей, от многого отрекается и на себя ничего не берет; но чрез то он только сугубую показывает в себе добродетель и цену благотворения своего возвышает. / Не могу утаить от вас болезни сердца моего. Счастье мое было бы непомираемо, когда бы я могла писать только для собственного своего и других удовольствия, и когда бы знакомство мое с музами было чистое и с корыстью не связанное. Но Богу, видно, было угодно поставить меня в настоящее мое состояние для того, чтобы согнуть рог моей гордыни, — и я не смею роптать на премудрый Его Промысел! Однако, гордыня ли то, когда желаю я писать для собственного своего и других удовольствия? — Однако, гордыня ли то, когда желаю я, чтобы государственная казна мною не истощалась и добрый меценат мой не имел нужды также истощать для меня силы свои у престола. / Вы пишете, что рады при случае со мною по-прежне-

му и ссориться. Как ссориться? Нет, мой почтенный Александр Семенович, в этом вы не успеете! С нынешнего времени можете вы смело говорить: отбраниваться с вами не буду. Ах, что я говорю! Я более обещаю, нежели сколько в силах исполнить! Не тот дух во мне, чтобы смолчала! Стану, стану и ныне отбраниваться по-прежнему! В одном только смело могу вас уверить, что преданность моя к вам, уважение и благодарность составляют всегдашнее души моей ощущение. / Вы приказываете мне к вам писать. Давно бы я то сделала, когда бы не опасалась вас беспокоить. Я имела честь написать к вам только одно письмо, в котором просила милостивого покровительства вашего племянникам моим Семеновым. Но как на то письмо не имела я счастья получить ответа, то на второе и не отважилась. / Копия с милостивого повеления государя императора с возвышением моего пенсiona, которую изволили вы ко мне доставить, также показывает ваше ко мне благорасположение свыше заслуг моих и достоинства, ибо я уверена, что лестный обо мне отзыв начертан вами. Но позвольте мне заметить, что речь: *по бедному состоянию* не совсем справедлива. Родители мои имели изрядной дворянской достаток. Одно сиротство мое и несчастье причиною тому, что воспитание мое осталось в небрежении. / <Следует текст стихотворения.> / Прошу великодушного прощения в том, что письмо мое длинно и нескладно. Писала наскоро, даже и не перечитывала, ободряясь надеждою на ваше снисхождение. / Итак, родители мои были небедны. За ними, в лучших хлебных губерниях было триста душ. Извольте разделить оные на шесть частей, отлагая братьям большие: что же я následовала? Извольте знать, как дети играют на руке сороку: *тому дала, тому дала, а этому не досталось. Ты, мышка маленька, сходи по водицу. Сия мышка маленька, выхожу я, и пошла по водицу.* / Но дело не в том. С прошлым курьером имела честь писать я к вам столь же длинное письмо, и ходатайствовала новой и последней себе милости; то есть нового и последнего у престола пре<д>стательства. Я должна 5550 рублей, которые употреблены мною на прожиток и отпечатание книг. Не могу я сего моего долгу выплатить из пожалованного мне милостиво государем императором пансiona. Осмеливаюсь, припадая к его милосердию, просить пожаловать мне сии 5000 р., указав ежегодно вычитать с меня по 500 рублей из производимого мне пансiona. Ежели угодно будет Богу, в течение сих лет пресечь век мой, то, конечно, пожалованные мне 5000 р. пропадут. Но смерть и жизнь в руке Божией. Мо-

жет быть, и 20 лет я еще проживу! Я, право, нарочно ни жить, ни умирать стараться не буду! / С нетерпением ожидаю вашего ответа. К несчастью, пришли сроки моим долгам и мне без 2500 рублей нельзя тронуться с места, а я имею непреодолимое и законное желание ехать в деревню к моим родным, которые французами раззорены до основания и в крайнем теперь несчастьи. Закон Божий, должность и собственное сердце меня туда призывают. / Помогите мне, мой благодетель! Вещи мои заложены, — хотя бы и хотела я их продать, но, не выкупя, не могу. / Молю Бога о ниспослании вам всего того, чего вы сами себе желаете, и с чувством душевной благодарности за ваше и Дарьи Алексеевны милостивое ко мне расположение имею честь быть / преданная вам и покорная / Анна Бунина. / 25-го февраля 1813-го года. / P. S. / Некстати я расшутилась. Богу было угодно посетить меня новым близким к сердцу несчастьем. Такова жизнь наша! Вчерась богат, — сегодня убог; вчерась был семьянином, — сегодня сир. Я писала к вам, что у меня три брата: ошиблась, — в это время было у меня только два. Ах! Дорога́ милостина во время скудости. Помогите мне, естли можно, предстательством у государя. Никогда не имела я столь законной нужды ехать в деревню, как теперь. Сестра раззорена, другая в тройной печали: зятю сделался удар; брат ударом кончил жизнь; другой огорчен. Все в расстройке и убиты несчастьем. Не имея других уз, привязана я к моим родным всеми способностями души. Это самый тот брат, о котором я вас утруждала, чтобы выручили его из Таган-Рога. Он писал ко мне, что там климат не по его сложенью, что Таган-Рог будет ему гробом. Он это узнал — и того больше меня убивает! После него осталась 13<-ти> лет дочь. Жизнь и смерть в руце Божей! Как знать, надолго ли я здесь. Еще раз беру смелость повторить: дорога милостыня во время скудости. / 28-го февраля 1813 года» (Публ. М. А. Нестеренко; особенности орфографии частично сохранены). ...племянникам моим Семеновым — Сыновьям Марии Петровны, сестры Б., и Николая Петровича Семеновых: Николаю (1796—1875) и Михаилу (1798—1866); в 1815 г. они были определены в гвардейский Измайловский полк. ...пожаловать мне сии 5000 р. — Были ли они пожалованы, неизвестно. Сестра раззорена — М. П. Семенова; видимо, ее московский дом, пострадал в пожаре Москвы; она с семьей вынуждена была уехать в деревню. ...другая в тройной печали — В. П. Усова. Таган-Рог будет ему гробом — Таганрог считался городом с плохим климатом.

Песнь Александру Великому, победителю Наполеона и восстановителю царств (С. 342). Отд. изд. СПб.: В Морской типографии, 1814. Ц. р.: 28 апреля 1814 г. Печатается по: СС-1. С. 28—44. Вторая работа Б. в жанре торжественной оды после «На истребление французов, нагло в сердце России вторгнувшихся». Ода написана десятистишиями четырехстопного ямба (схема: АббАввГдГд), повторяющими строфу стихотворения «Весна», написанного Б. годом раньше. Есть свидетельство, что ст. 161—162 были написаны на триумфальных воротах в Павловске, куда Александр I вернулся 12 июля 1814 г., а 27 июля там происходили торжества, на которых присутствовали лицеисты (*Гаевский В. П.* Пушкин в лицее // Современник. 1863. № 8. С. 366—367). *Сенские брега* — Т. е. Франция. *Ветвь масличну* — Т. е. символ мира. *Африканы* — Имеются в виду римские полководцы П. Корнелий Сципион Африканский Старший (235—183 до. Р. Х.), воевавший с Ганнибалом, и П. Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший (185—129 до. Р. Х.), разрушивший Карфаген. *От щегол* — Щегла (щёгла) — мачта. *Британски<й> легкокрылый флот* — Т. е. торговые, а не военные суда.

Усердное призвание Александра от верноподданных его, торжествующих в С.-Петербурге взятие Парижа 1814 <года> апреля 15, 16 и 17 (С. 351). СС-1. С. 45—49. Вероятно, стихотворение было напечатано вскоре после написания на отдельном летучем листке в нескольких десятках экземпляров. Союзные войска вошли в Париж 19 марта 1814 г. Известие об этом пришло с курьером в Санкт-Петербург только 14 апреля, и торжества по этому случаю сразу же были назначены на следующие три дня. Они включали парадное шествие, благодарственный молебен, торжественный обед, бал-маскарад, иллюминации и фейерверки. *Пифийска ододел ты змия* — Сравнение с Аполлоном, убившим Пифона.

Поздравление ея императорскому величеству, императрице Елисавете Алексеевне, на радостное, по окончании войны 1814 года, июля 30 дня государя в С.-Петербург прибытие (С. 353). СС-1. С. 63—72. Вероятно, стихотворение было напечатано вскоре после написания на отдельном летучем листке в нескольких десятках экземпляров. 30 июля 1814 г. состоялось торжественное вшествие русских войск в Санкт-Петербург через новопостроенные Нарвские ворота (см. примеч. ниже). *Предвечным он благословен* — 29 июня 1814 г. Александр I, находивший-

ся в немецком городке Брухзале, получил от Сената, Синода и Государственного совета, по словам А. С. Шишкова, бывшего тогда государственным секретарем, «прошение о принятии на себя от всех сословий наименования *Благословенный* и позволении воздвигнуть ему памятник». От памятника император отказался, а именование принял (см.: Шишков. Т. 1. С. 301—302).

Надписи на врата, воздвигнутые в 1814 году, для вшествия Александра Победоносного (С. 354). Вероятно, имеются в виду деревянные Нарвские ворота, сооруженные всего за месяц по проекту Джакомо Кваренги для победного входа русских войск в Санкт-Петербург (см. примеч. выше). Через десять лет из-за обветшания они были разобраны. Были ли на них использованы стихи Б., неизвестно.

1. **«Не гордым именем Колосса...»** СС-3. С. 95.

2. **«Не памятник тебе воздвигнут...»** СС-3. С. 95.

3. **«Хотя б пирамиды воздвигли мы из злата...»** СС-3. С. 96.

К П. М. Т<олст>ой, на ужин А. С. Ш<ишко>ва 23-го генваря 1815 года (С. 355). СС-3. С. 59—68. Адресат — Прасковья Михайловна Толстая (1774—1844), старшая дочь М. И. Кутузова, жена сенатора Матвея Федоровича Толстого. *Soupe aux œufs* (франц.) — Яичный суп, имеющий много разновидностей. ...и *креты* — Вероятно, имеются в виду запеченные петушиные гребешки (франц. *cêtes de coq*), блюдо французской кухни. *Пулярка* (от фр. *poularde*) — молодая откормленная курица. ...*окорок вестфальский* — Один из видов ветчины, сырокопченый свиной окорок с костью. *Кухмистра Л...ной* — Установить, кого имеет в виду Б., не удалось. *Пяток* — пятница. *Цинтия* — См. примеч. к «Молитве Линданы».

Счастливый Меналк. Идиллия (С. 358). ЧвБЛРС. 1815. Кн. 19. Ц. р.: 26 марта 1815 г. С. 53—58. СС-3. С. 19—28; с пометкой: «Читана в Беседе любителей русского слова 1815 года». Чтения происходили 22 февраля, о чем появилась заметка в СО (1815. Ч. 20. № 9. С. 135). А. С. Шишков в письме от 18 июля 1815 г. поэту и переводчику Я. И. Бардовскому (1779 — после 1851) отмечал: «Также найдете Вы в ней (в ЧвБЛРС. — *Сост.*) прекрасную идиллию госпожи Буниной <...>» (Шишков. Т. 2. С. 328). *Престола аспидна* — Здесь: престол ночи; аспидный — серо-черный цвет, но не исключено, что имеется в виду и сам материал — черный сланец.

Три друга (С. 364). СС-3. С. 51—52. Адресат — Авдотья Алексеевна Лобкова (урожд. Бунина), дочь рано умершего майора Алексея Васильевича Бунина, двоюродного брата Петра Максимовича, отца Б., соответственно, ее троюродная сестра; по свидетельству П. П. Семенова-Тян-Шанского, была «замечательно умной и доброй девушкой, но горбатой с детства и слабой здоровьем»; воспитывалась вместе с Б. и жила в с. Урусове; в 1810 г. вышла замуж за соседа-помещика Ивана Федоровича Лобкова; скончалась 7 сентября 1816 г. *Едину смерть взяла* — См. примеч. к «На смерть друга моего». ...*другую — гименей* — Т. е. адресата стихотворения. *А третью — музы* — Т. е. саму Б.

Сон с корабля (С. 367). СС-3. С. 168—171. Написано по пути в Англию в датском Эльсиноре, как следует из сноски Б., и является ответом на стихотворение второстепенного поэта Александра Петровича Степанова (1781—1837) «Анне Петровне Буниной, на отъезд ея в Англию», очевидно, прочитанное Б. еще до ее отъезда и опубликованное в СО (1815. Ч. XXIII. № 32 (9 авг.). С. 245; подпись: *Степанов*):

Унылая дева сироткою в горе
 Среди бурных морей...
 Вы плачете, други? вам страшен путь в море?
 Вам грустно по ней?
 Оставьте дух робкий! Что пользы от стоны?
 Не нужно лить слез.
 Под звуками лиры дельфин Амфиона
 Через волны пронес.
 Корабль быстрокрылый парнасскую деву
 Прияв на хребет,
 И стройного гласа внимая напеву,
 Через бури пройдет.
 В ком сердце с рассудком направлено стройно,
 Тем небо покров.
 Через бурю сей жизни проходит спокойно
 Любимец богов.

См. хронику «Девница Бунина» и примеч. к следующему стихотворению. *Феба* (др.-греч. миф.) — одно из имен Артемиды, под которым она почиталась как богиня луны. ...*островов Оландии*

и *Борнгольма* — Шведский остров Эланд (швед. Öland) и датский Борнхольм. ...*своего брата* — Кого именно из братьев, не ясно.

Призывание Мальвины из Брайтона в Бат, или с приморского берега в загородный дом (С. 369). СО. 1816. Ч. XXX. № 20 (19 мая). С. 9—14 (без подписи); в составе письма А. С. Шишкова «К издателю “Сына отечества”», содержащего отрывок из письма Б. к В. И. Бакуниной (см. его текст ниже; см. также следующее за ним письмо Шишкова к Б. от 6 мая 1816 г., проясняющее некоторые детали предыдущего письма); с пропуском ст. 36 и с разночтениями (см. *Другие редакции*). СС-3. С. 67—75; с ошибочной датировкой: *В конце марта 1815-го года*. Печатается по этой публикации, поскольку текст, напечатанный в СО, сама Б. к печати не готовила. В МК РГБ хранится конволют (XIX/4°-Н), в котором после печатных изданий «На истребление французов...» и «Песни Александру Великому...» вплетен автограф ранней редакции стихотворения под загл. «Призывание графиню Бальман / Из Брайтона в Бат», с надписью на английском (фамилия во французском написании) сверху: *To be sent to Rev<erend> James Smirnove* («Чтобы послать его преподобию Якову Смирнову»), с датировкой: *Bath. 6 февраля 1816 года*, и с разночтениями (см. *Другие редакции*). Вероятно, конволют принадлежал Якову Ивановичу Смирнову (1754—1840), священнику русской посольской церкви в Лондоне, хлопотавшему о вспомоществовании для Б. Адресат стихотворения — графиня Мария Васильевна де Бальмен (1791—1863), дочь генерал-майора Василия Сергеевича Нарышкина (1740—1800) и графини Анны Ивановны Воронцовой (1750—1807); вдова графа Карла Антоновича де Бальмена (1786—1812), генерал-майора, флигель-адъютанта Александра I, участника Отечественной войны 1812 г., умершего от ран; в 1822 г. вышла замуж за Александра Дмитриевича Олсуфьева (1790—1853). *Брайтон* (Brighton) — приморский город-курорт в Англии (графство Суссекс), бывший местом отдыха английской и европейской аристократии. *Бат* (Bath) — город на реке Эйвон в юго-западной части Англии (графство Сомерсет), знаменитый минеральными источниками, горячие воды которых издревле применялись против подагры, паралича, ревматических заболеваний и др. Стихотворение отсылает к «Призыванию и явлению Пленеры» (1794) Г. Р. Державина.

Текст сопроводительного письма стоит воспроизвести полностью: «Одна из наших соотечественниц, путешествующая по чужим краям, прислала сюда сочинения своего стихи, которые я при сем к вам препровождаю, будучи уверен, что вы как любитель хороших произведений, охотно их примете и в издаваемых вами листках поместите. Я не сказываю имени ея для того, что оное по сочинению узнать можно. Правда, путешественниц много; между ими могут быть и стихотворицы, но редко с таким талантом, и так угадать не трудно. Может быть, для любящих дар слова, а особливо в женском поле, не неприятно будет узнать о некоторых обстоятельствах сей путешественницы: для того прилагаю я выписку из письма ея, писанного к одной из знакомых, из *Бата*, марта от 1 дня 1816 года.

“Чувствительно благодарю вас, наилюбезнейшая сердцу моему <Варвара Ивановна>, за приятное, хотя и позднее письмо ваше. О, сколько было радости, прыжков, кривляний, восторгов! немножко и слезок пролито. Когда бы вы знали, как я вас люблю! да можно ль меньше и любить? Я воображала ваши вечера, балы, театры — домашнюю жизнь — местечки, на которых вы сидите, — благословенный Петров град — ход персиян, слонов — толпу русского милого мне народа — царя, цариц, царевен с их обрученными: — всё, всё видела как на картине: как могла воздержаться от слез? Когда Бог благословит на мой возврат, к первым к вам я приеду (это будет летом, вы будете на даче): я брошусь в отверстия объятия ваши и с радости умру; умру также с радости в объятиях <Шишковых>*. Но что будет со мною в объятиях моих родных? на это и смерти мало! В каждом дне полтора часа посвящаю я на мои воздушные замки; то есть между обеда и чаю (обедаю я в 6 часов, пью чай в половине осьмого). Однажды, в строении сих замков, я вообразила себя едущею уже из Петербурга к родным в деревню. Чтобы сократить время пути, из Москвы я взяла проселочную дорогу и, не будучи тверда в ней, забыла, с какого селения поворачивать. Тут стала я тосковать и сердиться на себя, зачем не взяла с собой маршрута. Нечто стукнуло; я оглянулась, и вместо дороги увидела себя на софе: пылающий камин напомнил мне, что я в Англии. — Со всем тем вы не должны упрекать меня, зачем я поехала. Здо-

* Здесь упомянуто имя дружного с сочинительницею семейства. (Примеч. Шишкова.)

ровье мое с каждым днем разрушалось, и жизнь начинала быть в тягость. Мне необходимо нужно было предпринять что-нибудь. Да и теперь я не могу к вам возвратиться, не испытав последнего средства, то есть морских бань; ибо головные боли мучат меня нестерпимо. Как я бань сих еще не брала по причине холода, то имею всю на них надежду. Я теперь в *Bate* на горячих водах, которых не пью, а сажусь в них. К светлому воскресенью возвращусь в Лондон, к русским обедням, и потом поеду на морской берег, в какой город, сама еще не решилась. — Несмотря на сильную мою привязанность к отчизне, к родным, благодетелям и друзьям, не могу быть неблагодарною и умолчать о том, что я здесь счастлива. Сие путешествие мое научило меня чтить людей и убедило в том, что во всяком краю, посреди всякого народа, всякого языка есть благочестивые, богобоязненные и добродетельные! Я, бедная странница, без денег, родных и средств, окружена приятелями разных языков! Едва начинается утро, уже новые мои друзья перебивают у меня один по одному; вечер — я приглашена! даже обеды для меня делают! Никого не искала, и не знала, кого искать: все сами меня нашли. Единого часа во дни не предана скуке — выключая головных моих болей. — Всякой день мы ходим гулять; всякая прогулка для меня новая и исполненная красот: ибо природа ими в сем городе неистощима. Можно сказать, что Творец при создании мира обрек *Бат* на службу и веселие стихотворцам. опишу вам место, на котором живу: оно называется *Полуденной парад*. Перед окнами моими на пятнадцать шагов попере<к> и полтораста вдоль вымощено камнем для прогулки и обнесено решеткой. За сим в глазах лежат сады, сквозь которые крадется маленькая речка, и которые кажутся разостланным ковром или цветником, обнесенным, как рамою, горою. Между ею и ими ряд домов, начинающихся от подошвы по легкому скату, от которого вдруг восстает сия величественная гора, не утесом, но холмом необъятным. Чело ея досягает облаков и чудесно покрыто лесом, как бы округленную и до половины спущенную ризою. С левой стороны она теряется в великом множестве разнообразных гор, которые красиво усажены купами дерев и рощ. Вправо, понижаясь, тянется грядюю. Текущая у подошвы ея в долину река, делая прямой угол заворачивается прямо к нашим домам. У окон моих к ней лестница и по канату перевоз. За нею рассеяны дачи. Место сие, однако же, не есть лучшее. Два *кресента*, верхний и нижний, и *Сион* го-

раздо превосходят еще красотами сей *Полуденный парад*. Вообразите Петергофскую в уступах гору во время праздника. Наместо площадок вообразите ряды огромных домов с подобным, как против меня, покатою. Дома глядят одни через другие, беспрепятственно, так что пятиэтажные здания и высокие церкви верхами своими ниже подошвы верхних домов. В глазах моих сельские картины, пажити, холмы и красивые дачи. — Посылаю вам стихотворную безделку. Во всё пребывание мое в Англии в первый раз посетила меня муза. — Хотя вы не так-то поспешили мне отвечать; но зато написали такое письмо, что самые тяжкие преступления можно отпустить за него. Хотя бы вы на жизнь мою покушались, и то — и то бы я вам простила, прочтя ваше письмо! Вы не говорите мне ни слова, набольший ваш помнит ли меня, и что он мне приказывал сказать? Ему бы самому перушко в ручку взять и залетную бедную пташечку возвеселить. Тепло, тепло, но не как лето; красно, красно, но не как солнце: чужая сторуна хуже своей!"

При сем письме приложены следующие стихи: / <Следует текст стихотворения.> / Сочинительница в письме своем прибавляет: "Естьли угодно будет безделку сию прочесть в Беседе, я почту себе то за особенную честь: мне не очень приятно напоминать о себе дражайшим моим соотечественникам". — Я осмеливаюсь, естьли не за всех, то по крайней мере за многих соотечественников ответствовать, что *безделка* сия (как называет ее скромность сочинительницына) была бы как прекрасное произведение с удовольствием прочитана в Беседе, естьли б Беседы не прекратились до будущей осени. Не желая толь долгое время оставлять сие стихотворение в безызвестности, я похищаю оное у Беседы и препровождаю к вам для напечатания, твердо уверенный, что вы в сем случае будете одинакого со мною мнения. / Ваш покорный слуга А. Ш.» (СО. 1816. Ч. XXX. № 20 (19 мая). С. 3—9, 14—15). *Полуденной парад* — Южный парад (South Parade), искусственная прогулочная улица, построенная по проекту архитектора-палладианца Джона Вуда-старшего (1704—1754). ...*лестница и по канату перевоз* — Именно это место изображено на гравюре (см. вкладку с иллюстрациями). ...*величественная гора* — Скорее всего, Б. имеет в виду довольно высокие Мендипские холмы (Mendip Hills). *Два кресента, верхний и нижний* — Королевский полумесяц (Royal Crescent), возведенный в 1767—1775 гг. по проекту Джо-

на Вуда-младшего (1728—1782), представляет собой полукруг из 30 особняков, составленных вместе и объединенных общим фасадом, обращенным в сторону большого парка и реки Эйвон; и Лансдаунский полумесяц (Lansdown Crescent), построенный в 1789—1793 гг. архитектором Джоном Палмером (ок. 1738—1817) по тому же принципу, что и Королевский, но объединяющий 20 домов. *Сион* — Вероятно, Б. имеет в виду ансамбль Сомерсетской площади (Somerset Place), возводившийся с 1790 г. по проекту Джона Ивли (Eveleigh) в форме полумесяца на Сионском холме (Sion Hill), но заверченный уже после ее отъезда из Бата. ...*естили б Беседы не прекратились до будущей осени* — В феврале—марте 1816 г. после перерыва состоялись два чтения в Беседе, и было решено подготовить следующее заседание к осени, но оно так и не состоялось в связи со смертью Г. Р. Державина. ...*набольший ваш* — Видимо, Шишков.

Письмо А. С. Шишкова к Б. от 6 мая 1816 г.: «Достопочтимая наша Сафо Петровна некогда (мы знаем это из писем ваших) воскликнули с восхищением: Лондон! Лондон! Лондон! Я теперь также только не от восхищения, а от признания вины своей воскликну: Виноват! Виноват! Виноват! Ни разу я вам не писал. Повинную голову меч не сечет. Впрочем, и вы передо мной неправы. Описываете меня не таким, каков я есть. Я не государственной секретарь и не меценат, а просто великой почитатель не графинь и княгинь, а ваших талантов. Иную графиню я тогда только и вижу, когда на нее смотрю, а вы и за тридевять земель в тридесятом царстве всегда напоминаете мне о себе с приятностью. Слушаю вас и беседую с вами в “Падении Фаетона”, в идил<л>иях, и во всех творениях ваших. С удовольствием читаю ваши письма не только к себе, но и к другим. Радуюсь, слыша об вас, что вы провождаете время нескучно; очень и очень желаю, чтобы вы были здоровы и возвратились благополучно к нам. Все это пишу к вам от чистого сердца. И так нет между нами необъятного расстояния, как вы говорите. Последние стихи ваши достойны вас. Они меня прельстили. Варвара Ивановна прочитала мне их, и я поражен был их красотой, и конечно бы узнал, если бы она не тотчас наименовала мне вас. Мне очень жаль, что они пришли сюда после Беседы, которую я читал о Ломоносове, и что больше Беседы уже не будет, а то бы я их с радостью прочитал, и уверен, что они украсили бы мою Беседу. Жаль, что англичане, не зная по-русски, не узнают вам

цены. Я сказывал государыне Марии Федоровне об них, хвалил их, но не удалось ей прочитать. Мне хочется, чтоб они напечатаны были, и надеюсь, вы на меня не подосаудете, если я это сделаю. Коли бы я имел власть над Вами, то пожурил бы или вас, или музу, зачем она так редко вас посещает. Катерина Наумовна была также оччень> восхищена, когда я ей читал. Ну, прощайте, в другой раз подоле с вами побеседую. Теперь пишу к Вам случайно. Я зашел к Ал<ександру> Сем<еновичу> Хвостову, а братец ваш прислал спросить, не хочет ли он написать к вам, то прислал бы завтра письмо. Я, боясь опять пропустить случай, отпросил у него листов бумажных, и ну скорее писать. Хочется послать к вам несколько академических книг, как скоро откроется водный путь. Будьте здоровы и уверены в почтении и преданности вашего покорнейшего / *Александра Шишкова*» (РО РНБ. Ф. 862. Архив А. С. Шишкова. Ед. хр. 7. Л. 8—9). *Варвара Ивановна* — В. И. Бакунина. ...*читал о Ломоносове* — Речь идет о работе Шишкова «Ломоносов: Чтение в Беседе любителей русского слова» (Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова: В 17 т. Т. 9. СПб., 1827. С. 301—368). *Катерина Наумовна* — Е. Н. Пучкова; см. примеч. к «К. Н. П<учково>й». ...*прислал бы завтра письмо* — А. С. Хвостов (1753—1820), поэт, дипломат, председатель III разряда Беседы, действительно, написал Б. короткое приветственное письмо (в шивке следует за письмом Шишкова). ...*братец ваш* — И. П. Бунин.

Песня в народном вкусе, из местечка Веил-Брук (С. 375). СС-3. С. 172—174. Вероятнее всего, Б. имеет в виду местечко Бэйлбрук (Bailbrook), находящееся в 3 км от Бата и подходящее под ее описание. В 1816 г. там был открыт «Бэйлбрукский дом» (Bailbrook House), в котором был размещен благотворительный приют для вдов и женщин-сирот благородного происхождения, созданный Дамской ассоциацией (Ladies Association) при покровительстве и денежном обеспечении знатных английских дам, в первую очередь леди Изабеллы Кинг, и королевы Шарлотты. Возможно, Б. из-за безденежья (4000 рублей ей передали только осенью) вынуждена была провести там какое-то время, ощущая себя всеми покинутой. Сохранился архивный «Список отобранных кандидаток в Бэйлбрукский дом» за 1816—1818 гг. (Doncaster Archives. DD/DC/H7/7/1/1), однако возможности работы с ним не представилось. Интересно, что через 6 лет по-

сле открытия приют был перенесен в другое место, а дом куплен под больницу для умалишенных, просуществовавшую там вплоть до 1978 г. Сейчас в здании располагается фешенебельная гостиница.

В. И. Б<акунин>ой в альбом (С. 377). СС-3. С. 79—85. Адресат стихотворения — Варвара Ивановна Бакунина (1773—1840), дочь адмирала И. Л. Голенцева-Кутузова (1729—1802), жена М. М. Бакунина (1764—1837), петербургского гражданского губернатора и сенатора; была в родстве с А. С. Шишковым. *Мадамов и мусьев тебе не надо* — Т. е. учителей-французов, которых приглашали русские дворяне для воспитания своих детей.

В альбом 13-тилетней моей племяннице. (С. 382). Какой именно из племянниц Б. адресованы стихи, сказать трудно.

<1.> («В замену слов моих альбом сей оставляю...») СС-3. С. 86—87.

<2.> Ей же («Еще простой подам тебе урок...») СС-3. С. 88—89.

В альбом 10-тилетнему Мар...нову (С. 384). СС-3. С. 90. Установить адресата не удалось.

Эпитафия М. П. О...ну от его супруги (С. 385). Установить адресата не удалось.

<1.> «При взорах я твоих...» СС-3. С. 117.

<2.> Ему же («Прими сей кипарис...») СС-3. С. 118.

Слеза (Перевод с французского романа) (С. 386). СС-3. С. 166—167. Источник найти не удалось.

Упрек другу (С. 387). СС-1. С. 101—102. Отмечено В. К. Кюхельбекером в рецензии на СС-1: «Стихотворение *Упрек другу* изображает резко и с чувством всю горечь, которую должно ощутить доброе сердце при неожиданном предательстве друзей мнимых, но тем не менее ему драгоценных. Сравнение с плователем, настигнутым бурей у самой пристани, <...> превосходно, но не везде равно хорошо выражено» (Кюхельбекер). Стихотворение написано ямбическими десятистишиями (схема: аБаБвГвГдд), где ст. 9—10 трехстопные, остальные — четырехстопные.

На разлуку (С. 389). СС-1. С. 145—148. Названо В. К. Кюхельбекером в рецензии на СС-1 в числе лучших (Кюхельбекер).

В альбом Писареву-Иванчину (С. 392). СС-3. С. 97; с датировкой: «1819 года». Также в кн.: *Барсуков Н.* Альбом автографов Н. Д. Иванчина-Писарева. М., 1905. С. 26; с датировкой: «1819 марта 10». Николай Дмитриевич Иванчин-Писарев (1790—1849) — поэт и прозаик, собиратель живописи и краевед.

Темпераментология А. П. Буниной (С. 393). Благонамеренный. 1822. Ч. XX. № 41. С. 65—66 (подпись: А. Б.). Издатель «Благонамеренного» А. Е. Измайлов в приписке к письму И. И. Дмитриеву от 8 октября 1822 г. язвительно сообщал: «А. П. Бунина перед отъездом в Ревель написала мне для альбома пиэсу под заглавием “Темпераментология Анны Буниной” и требует напечатать в *Благонамеренном*. Исполню повеление. Совсем разучилась писать!» (РА. 1871. № 7/8. Стлб. 975). Стихотворение идейно связано с «Характерами» Феофраста (IV—III в. до Р. Х.) и «Характерами» Жана де Лабрюйера (de La Bruyère; 1645—1696). Викентий Иванович Чернай (1782—1830) — архитектор Комитета городских строений в Санкт-Петербурге, чех по происхождению.

Долина (Из Альфонса Ламартина) (С. 394). СПиБ. 1823. Ч. XXIV. Кн. 2. С. 159—162 (подпись: А. Бунина). Неполный перевод (без последних четырех строф) элегии «Le vallon» (1819) французского поэта Альфонса де Ламартина (de Lamartine; 1790—1869), опубликованной в его первом сборнике «Поэтические размышления» (*Méditations poétiques*; 1820). Перевод читался Б. в Обществе любителей российской словесности в 1823 г. Эту элегию переводили также П. А. Межаков и А. А. Волков (см.: Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры. М., 1989).

К. Н. П<учково>й (С. 396). ДЖ. 1830. № 47—48. С. 88; вместе со стихотворением «Ближним» под общим заглавием: «Последние стихи Анны Петровны Буниной». Екатерина Наумовна Пучкова (1792—1867) — поэтесса; автор стихотворения «Любезной путешественнице, А. П. Буниной, при отъезде ея в Англию» (СО. 1815. Ч. 24. № 33. С. 26).

Гордость (Подражание Царю Давиду) (С. 397. НЛ. 1824. Ч. VIII. № 21. С. 141—143; с пометкой: «С.П.бург, 1824»). СПиБ. 1824. Ч. XXVI. Кн. 2. С. 205—207; с незначительными разночтениями и пометкой: «20 генв. 1824 года». Подражание 51 псалму с некоторыми заимствованиями из других псалмов.

Ближним (С. 399). ДЖ. 1830. № 47—48. С. 88; вместе со стихотворением «К. Н. П<учково>й» под общим заглавием: «Последние стихи Анны Петровны Буниной». Стихотворение перекликается с письмами к Д. М. Бунину от 4 декабря и П. Н. Семенову от 9 декабря 1827 г., поэтому, вероятно, этим временем и нужно его датировать.

НАУКА О СТИХОТВОРСТВЕ

Перевод из г. Буало

(1821)

СС-2. С. 67—153 (на нечетных страницах слева, на четных — текст оригинала). Отсутствие примечаний, кроме указания соответствий стихов перевода стихам оригинала, вероятно, говорит, о стремлении Б. поскорее выпустить сам перевод, потому что работа над примечаниями (даже с учетом уже имеющихся в НМ-1) могла растянуться еще на год. Но объявленный по подписке том (СС-2) и так опаздывал с выходом почти на два года. Ранняя редакция Песни I была существенно переработана Б. (см. примеч. на с. 499). Стараясь как можно менее отступать от оригинала, Б. стремилась сделать свой перевод более обобщающим, о чем свидетельствует устранение или изменение многих подробностей, прямых отсылок и даже конкретных имен, а также отказ от перевода заключительного фрагмента, где говорится о просвещенном короле и поэзии, расцветающей при его дворе. Отдельного издания, как, вероятно, предполагалось, не последовало, и одной из причин этого было изменение эстетических пристрастий в русском обществе того времени.

Песнь I (С. 404). *Малгерб* — Франсуа де Малерб (de Malherbe; 1555—1628), поэт-одописец. *Ракан* — Онора де Бюэй, маркиз де Ракан (1589—1670), ученик Малерба, автор пасторалей. *Так некто на берегах величественной Сены* — Сент-Аман; см. примеч.

на с. 500. *Тут зала, тут крыльцо ~ видна со всех сторон* — цитата из поэмы Ж. де Скюдери (см. примеч. на с. 500). *Вильон* — Франсуа Вийон (Villon; 1431—1463). *Маротов острый ум* — См. примеч. к *Маро* на с. 500. *Ронсар* — Пьер де Ронсар (de Ronsard; 1524—1585), крупнейший лирик своего времени; ориентировался на древнегреческие и латинские образцы. *Депорт* — Филипп Депорт (1546—1606), подражатель Ронсара и итальянской поэзии эпохи Возрождения. *Берто* — Жан Берто (1552—1611), ученик Депорта.

Песнь II (С. 411). *Ирису в Фёклушку и Тирсиса в Фому* — Поэтические имена персонажей идиллий были условными, взятыми в основном у Феокрита и Вергилия; Буало высмеивал Ронсара за то, что тот в своих идиллиях заменил их на ласкательные французские имена (Пьеро, Туанон); Б. в переводе вынуждена была поставить вместо них крестьянские имена, чтобы создать комический эффект. *Дафну под корою* — Нимфа Дафна, спасающаяся от домогательств Аполлона, была превращена в лавровое дерево (др.-греч. миф.). *Пиериды* — музы, называемые так по горе Пиер, на которой они жили. *Благословляет скорбь, неволю обожают* — В оригинале цитата из поэта-маньериста Венсана Вуатюра (1597—1648), приводимая как пример выпренного поэтического штампа. *...зрит Фтийского владыку* — Т. е. Ахилла, родившегося в городе Фтия в Фессалии; в оригинале Ахилл назван собственным именем. *Склоняет Шельды ток под иго Людовику* — Шельда (франц. Эско) — река в Бельгии; во время войны Людовика XIV с испанской монархией в 1667—1668 гг. на территориях, прилегающих к ней, шли военные действия. *Пелетье* — Жак Пелетье дю Ман (1517—1582) — поэт, переводчик и математик; теоретик литературного объединения «Плеяда», критикуемого Буало. *Из книжных лавочек прыгнули в москательны* — Т. е. пошли на упаковку москательного (от перс. мускус) товара: красок, клеев, масел и т. п. *Луцилий* — Г. Энний Луцилий (II в. до Р. X.) — первый римский поэт-сатирик. *Персий* — Авл Персий Флакк (34—62) — римский поэт, автор книги сатир. *Сеяна чтимого он рушит истукан* — Луций Элий Сеян (20 до Р. X. — 31) — фактический правитель Рима после добровольного отхода императора Тиберия от власти; в дальнейшем за попытку полной узурпации власти сенат приговорил Сеяна к смерти и постановил уничтожить саму память о нем: стереть его имя с монет, официальных

документов и стен домов. *Сей и следующий стих ~ согласно с его подлинником* — В оригинале говорится не о роскоши, а о похоти (luxure) и обуянной ею Мессалине, жене римского императора Клавдия; в переводе графа Д. И. Хвостова похоть также заменена на роскошь. *Ренье* — Матюрен Ренье (1573—1613) — первый французский поэт-сатирик. *Линьер* — Франсуа Пайо де Линьер (de Linière; 1628—1704) — поэт, известный своим необузданным пьянством; в дальнейшем стал прототипом вечно пьяного поэта в драме Э. Ростана «Сирано де Бержерак» (1897).

Песнь III (С. 417). *Пусть лучше скажется: «Я именем Орест»* — В оригинале выпад против многословных вступительных монологов героев, с которых начинаются трагедии Корнеля. *В единый день явить лет многих продолжение* — У Буало высмеивается испанская классическая драма (в частности Лопе де Вега) за несоблюдение правила единства времени. *Феспис* — Феспис Икарийский (VI в. до Р. Х.) считается родоначальником др.-греч. трагедии, в которой действовали один актер и хор. *И Кира не одень в Астреина героя* — Герой пасторального романа XVII века «Астрея» Оноре д'Юрфэ (1568—1625) — пастух Селадон (см. примеч. ниже), томящийся от любви; в оригинале — несколько иной контекст: критикуется десятитомный роман Мадлены Скюдери (1607—1701) «Артамен, или Великий Кир», где воинственный персидский царь выведен в качестве идеального любовника. *...как в «Клелии»* — «Клелия» — другой десятитомный роман М. Скюдери (см. выше). *У Тита с Плинием* — Здесь Б., уходя от ничего не говорящего русскому читателю отрицательного примера Буало, который говорит о Ююбе, герое двенадцатитомного романа «Клеопатра» гасконца Готье ла Кальпренеда (1610—1663), создала двусмысленность: Тит — в данном случае, простонародное русское имя, а не римский император. *Понт* — Черное море. *...витий уробленный* — Т. е. оробелый оратор; в оригинале: un orateur timide. *Демон* — В оригинале: Satan. *Ринальд, Арган, Танкред, Армида* — Перечисление персонажей «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо; Армида добавлена Б., у Буало ее нет. *...Нептун, Минос иль Пан* — В оригинале в этом месте нет имен; Минос (др.-греч. миф) — сын Зевса от Европы, царь Крита. *Хильдебран* — Хильдебранд — персонаж средневековых норвежских саг и немецких легенд и песен; поэт Жак Карель де Сент-Гард (1620—1684) сделал его главным ге-

роем своей одноименной поэмы. ...*Александр, иль Тит, иль Людовик* — В этом месте Тит — римский император (см. примеч. выше), заменяющий Цезаря в оригинале; Людовик — скорее всего, XIV-й. ...*каким представлен Полиник* — В оригинале говорится не только о Полинике, но и о его клятвопреступном брате Этеокле, сыновьях Эдипа, героях трагедии Эсхила «Семеро против Фив». *Сажает к окнам рыб* — У Буало в этом месте критикуется за излишние подробности поэма «Спасенный Моисей» М.-А. де Сент-Амана (см. примеч. на с. 500). *Пою вождя вождей, вселенну победивших!* — В оригинале цитируется начало поэмы «Аларих» Ж. де Сюдери (см. примеч. на с. 500): Je chante le vainqueur des vainqueurs de la terre (Я пою завоевателя завоевателей земли); поскольку для Б. этот контекст несуществен, она вводит преувеличение: *вселенну. ...на поля в Авзонии Лавински* — В оригинале Буало неточно перелагает на французский начало (две строки и часть третьей) «Энеиды» Вергилия, а Б. уже делает переложение с переложения; поля Лавински (у Буало: les champs de Lavinie, хотя у Вергилия — берега: Lavinia litora) — место, в котором Эней, высадившись на западном берегу италийской земли, основал город и назвал его в честь своей жены Лавинии. *Баснь Ариостову* — Здесь под *баснью* надо понимать фабулу, повествование. ...*дерзнул шутить Сократом* — Имеется в виду комедия Аристофана «Облака». *Старшины* — старейшины. *Селадон* — герой романа Оноре д'Юрфэ (см. примеч. выше); на русской почве стал именем нарицательным: сначала им называли сентиментально влюбленных, затем — возрастных назойливых волокит. *С полишинелями* — Полишинель — комический персонаж французского народного театра (в основном кукольного): горбун, весёлый задира и насмешник; в оригинале назван реальный актер уличного театра «шарлотанов» Табарен (наст. имя Атуан Жирар; ок. 1584—1633), известный грубыми фарсовыми шутками. *Мешок его, куда Скапина он сажает* — Ошибка у Буало: в фарсовой сцене (III, 2) из комедии Жана-Батиста Мольера «Плутни Скапена» все наоборот: слуга Скапен колотит палкой сидящего в мешке Жеронта. ...*Мизантропова творца* — Т. е. Мольера, автора «Мизантропа» (1666).

Песнь IV (С. 430). ...*в Флоренции был врач* — В этом фрагменте Буало высмеял Клода Перро (1613—1688), брата Шарля Перро, врача и архитектора, спроектировавшего колоннаду Лувра и Па-

рижскую обсерваторию, за то, что тот критически высказывался о его сатирах. *Манзар* — Франсуа Мансар (1598—1666) — крупнейший архитектор своего времени, основоположник архитектуры классицизма во Франции. *Шнепер* (нем. Schnapper) — медицинский инструмент для кровопускания. *Смертоубийцами Алонза чтут и Кору* — В оригинале Родриго и Химена — герои трагедии «Сид» (1638) Пьера Корнеля; Алонсо и Кора — герои чрезвычайно популярного в конце XVIII — начале XIX романа «Инки» (1777) Жана-Франсуа Мармонтеля (1723—1799). *Амфион* (др.-греч. миф.) — сын Зевса и Антиопы, получивший от Гермеса лиру, на которой он научился играть с таким искусством, что под ее звуки камни сами собой послушно складывались в стену вокруг Фив. *Изиод* — Гесиод в устаревшей огласовке. *Пермес* — река в Беотии, на берегах которой жили музы. *Горацию обед готовили Менады* — Т. е. Гораций кормился от плодов своей одической поэзии, связывавшейся с божественным исступлением и опьянением; отсюда и менады — неистовствующие и пьяные спутницы Диониса.

СОМНИТЕЛЬНОЕ И ОТРЫВОЧНОЕ

В этот небольшой раздел вынесены шесть стихотворений. Три из них («Вечер», «Польской» и «Ночь») традиционно, еще с середины XIX века, приписываются Б. на основании подписи. Однако этому нет никаких авторских подтверждений, как нет и свидетельств современников, подтверждающих авторство Б., а *тройная* подпись стоит только под ними. При этом нет оснований для однозначного исключения этих стихотворений из собрания. Во-первых, они не входили в сборники других женщин-поэтов того времени, а во-вторых, имеют ряд параллелей к стихам Б. (ср. «Вечер» и «Ночь» с незавершенным циклом «Четыре времени года», а «Польской» с «На выступление российско-императорских войск»). Обоснование включения трех других стихотворений см. в примеч. к ним.

Вечер (С. 439). МК. 1806. Ч. III. № 9 (28 февр.). С. 138—140 (подпись: — а — а — а —); с примечанием от редакции к предпоследней строфе: «Чем возблагодарить можем любезную нашу сотрудницу за такие прекрасные стихи! М<осковский> К<урьер>».

Польской (*Музыка 2-на Козловского*) (С. 441). МК. 1806. Ч. III. № 9 (28 февр.). С. 141—143 (подпись: — а — а — а —). Скорее всего, поводом к сочинению стихотворения стал эпизод Русско-австро-французской войны (Войны Третьей коалиции), когда 13 августа 1805 года русская армия под предводительством генерала М. И. Кутузова выступила навстречу австрийской, чтобы объединившись противостоять армии французской. Однако Наполеон разгромил австрийцев, и русские, не успев прийти им на помощь, вынуждены были отступить. *Польской* — русское название полонеза. Осип Антонович *Козловский* (1757—1831) — композитор польского происхождения, автор песен, полонезов, оперной музыки; полонез на слова Г. Р. Державина «Гром победы раздавайся!..» (1791), исполненный на торжестве в честь взятия Измаила в Таврическом дворце в присутствии Екатерины II, стал неофициальным гимном Российской империи. Стихотворение написано на эту довольно известную тогда музыку, тем же размером, с целым рядом перекликающихся образов и оборотов. Подобных текстов, посвященных разным событиям, появлялось в журналах 1800-х годов довольно много.

Ночь (С. 444). МК. 1806. Ч. III. № 26 (27 июня). С. 410—411 (подпись: — а — а — а.).

[Отрывок из перевода Сапфо] (С. 445). ПП. С. 177 (без подписи). Вольный перевод части (контаминация строк 2-й и 3-й строфы) из сохранившегося отрывка (fr. 2) Сапфо (см. примеч. к стихотворению «Стансы»). Б. приводит эту строфу в качестве примера *сапфических стихов* в главке «О строфе». Критические замечания в сносках даются лишь к двум стихотворным примерам: к «Рондо» (см. примеч. на с. 510) и к этой строфе. Можно сделать вывод, что Б. вряд ли стала бы критиковать чужие стихи в книге по поэтике. Эксперименты по передаче античной метрики на русском языке шли в конце XVIII — начале XIX в. полным ходом (Аполлос (Байбаков), Н. А. Радищев, А. Х. Востоков и др.)

Стансы на болезнь и на выздоровление Д. А. Л. (С. 446). Начало и окончание утраченного ныне двухчастного стихотворения были впервые опубликованы библиографом князем Н. Н. Голицыным в «Словаре русских писательниц. 1759—1859» (РА. 1865. № 9/10. Стлб. 1151), с пометкой: «6 нenum<ерованных> страниц, 32°,

без года и места печати (у С. Д. Полторацкого)». В том же самом виде они были перепечатаны в его «Библиографическом словаре русских писательниц» (СПб., 1889. С. 33—34), с добавлением: «видено мною, в конце 50-х годов, в библиотеке С. Д. Полторацкого» и предположением (ошибочным), что стихи посвящены какой-то родственнице со стороны матери Б. — Ладыгиной. Библиофил и библиограф Сергей Дмитриевич Полторацкий (1803—1884) получил по наследству от отца Д. М. Полторацкого, женившегося на сестре Н. П. Хлебникова (см. примеч. на с. 496), «Хлебниковскую библиотеку» и значительно ее преумножил. Значительная часть этого книжного собрания была передана в 1856 г. в Румянцевский музей и теперь хранится в РГБ. Вероятно, издания не было в переданной части, и в дальнейшем оно затерялось. Никаких других источников, подтверждающих авторство Б., нет.

Званские виды на Волхове (С. 447). Отд. изд. СПб.: Печатано в типографии Генерального штаба, 1823 (без подписи). Ц. р.: 6 октября 1823 г. Экземпляры этой редкой книги сохранились в РНБ, БАН, библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета, а также в Тамбовской областной универсальной научной библиотеке, куда книга попала, скорее всего, в 1896 г. в составе книжной коллекции Д. В. Поленова, разбиравшего библиотеку Д. А. Державиной, вдовы поэта, после ее смерти. Ансамбль державинской усадьбы Званка, реконструированной его другом Н. А. Львовым, включал двухэтажный господский дом с бельведером, фонтан перед домом, сад и цветник, хозяйственные постройки, ковровую и суконную фабрики, больницу для крестьян. Званский каменный храм во имя Воскресения Господня, задуманный еще при жизни Г. Р. Державина (ср. в «Евгению. Жизнь званская» (1807) ст. «Средь сада храм жезлом чертяще») и построенный, вероятно, по чертежам того же Н. А. Львова, был освящен 1 октября 1821 г. новгородским епископом Дамаскином (см.: *Солдатова Л. М.* К истории храма во имя Воскресения Господня в новгородском имении Державиных Званка // *Державинские чтения*. Вып. 2. СПб., 2007. С. 186—221). Стихотворение может быть приписано Б. по ряду существенных признаков: 1) в нем нет авторского я, как и в «Весне», «Лете» и некоторых других пейзажных стихотворениях Б.; 2) оно написано смешанным стилем, характерным для Б. и некоторых других поэтов Беседы; 3) система рифмовки с неточными созвучиями согласных

перед ударной гласной показывает державинскую школу; 4) семистишие (схема: АБАБВВБ), которым написано стихотворение, является редчайшей строфической формой в русской поэзии XVIII — начала XIX века; из круга Беседы семистишиями писали только Державин, Капнист и Б., но Капнист на тот момент был уже болен и не выезжал из Обуховки; 5) автор должен был лично (но не как друг) знать Державина и бывать в Званке прежде (Б., во всяком случае, собиралась там быть, что следует из письма Державина к И. И. Дмитриеву от 10 ноября 1808 г.); 6) автор должен был знать хорошо стихи Державина, потому что в стихотворении довольно много к ним отсылок; 7) автор должен был глубоко вникнуть в душевный склад Дарьи Алексеевны, ставшей после смерти Державина чрезвычайно набожной, а это, пожалуй, под силу лишь женщине.

МАКСИМ АМЕЛИН, МАРИЯ НЕСТЕРЕНКО

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

- «Алцей, ты говоришь, поет Фадея хуже!..» (Клитандру, который предпочитал дурного певца хорошему) 221
- «Амур красив, но слеп, — увы! один не ходит!..» (К Амуру; Два экспромта. 1) 298
- Ангел смерти («Прелестное дитя, порхая, стоны слышит...») 83
- «Бегущи звезды в понт...» (Падение Фаетона; Песнь третья) 268
- «Блажен любящий труд смиренный селянин!..» (О счастья. Песнь вторая) 157
- «Блажен, кто воздухом одним с тобою дышит!..» (Стансы) 279
- «Блажен, кто, естества завесу вскрыв священну...» (О счастья. Песнь четвертая) 174
- «Блеснул на западе румяный царь природы...» (Сумерки) 84
- Ближним («Любить меня и нет, жалеть и не жалеть...») 399
- «Блистают звезды золотые...» (Ночь; *Сомнительное и отрывочное*) 444
- Брату моему («Скажи мне, милый Джон, кто дал тебе искусство...») 93
- «Боже благости и мира!..» (Глас горести) 290
- «Боже благости и правды!..» (Майская прогулка болящей) 206
- В альбом 10-тилетнему Мар...нову («Люблю я в Сашиньке простые нравы...») 384
- В альбом 13-тилетней моей племяннице (<1—2>) 382
- В альбом К. Д. Власевой («Полине что бы мне в альбоме написать?...») 224
- В альбом Писареву-Иванчину («Ведомый гением к истоку Иппокрены...») 392

- «В замену слов моих альбом сей оставляю...» (В альбом 13-тилетней моей племяннице. <1>) 382
- «В один приятный летний день...» (Философия бабочки) 300
- «В одной прелестнейшей из милых Фебу стран...» (Молитва Линданы) 68
- «В половине августа 1800 года...» (Меланхолическая прогулка одной молодой россиянки) 293
- В. И. Б<акунин>ой в альбом («За что люблю тебя!.. не знаю!..») 377
- «Ведомый гением к истоку Иппокрены...» (В альбом Писареву-Иванчину) 392
- «Везде к пословицам имеют веру...» (Русская пословица) 117
- Весна («На легких крыльях воздушных...»; Четыре времени года) 233
- Вечер («Поля покрылись темнотою...»; *Сомнительное и отрывочное*) 439
- Видение Дамона («Увидя некогда Дамон...») 88
- Воззвание благочестивого мужа к Мариину уединению («Прими под сень твою покойну...») 314
- «Возможно ль, что и ты, — и ты...» (Упрек другу) 387
- «Возрадуйся о нем, краснейшая из жен!..» (Поздравление ея императорскому величеству, императрице Елисавете Алексеевне, на радостное, по окончании войны 1814 года, июля 30 дня государя в С.-Петербург прибытие) 353
- Вол, осел и конь («Однажды вол, осел и конь между собою...») 106
- «Восплачь и восстени, сын счастья, со мною!..» (Эпитафия супруге его превосходительства Ф. И. А<хвердова>, сделанная по его просьбе. <2.> Ей же) 216
- «Вотще писатель мнит, исполнясь дерзновеньем...» (Наука о стихотворстве. Песнь I) 404
- «Вотще стихами мнит писатель дерзновенной...» (Наука о стихотворстве из г. Боало. Песнь I) 135
- «Всегда на мраках возлежаща...» (К богине сновидений) 74
- «Всегда, везде равно любовь к тебе храня...» (Мише, десятилетнему моему племяннику) 212
- «Вспрынул от краткия дремоты...» (На выступление российско-императорских войск) 77
- «Вчерась тебя, Леон! к забавам я склоняла...» (Послание к Леону. II) 201

- «Где ты, невидимый, в красах неистощимый...» (О счастья. Песнь первая) 149
- Глас горести («Боже благости и мира!..») 290
- Гордость («Что хвалишься умом, счастливый...») 397
- Графу Кутайсову, на сочиненные им в мой альбом стихи («Тебе ль, любимец муз счастливый...») 312
- «Гряди, россиян упованье...» (Усердное призывание Александра от верноподданных его, торжествующих в С.-Петербурге взятие Парижа 1814 <года> апреля 15, 16 и 17) 351
- Два экспромта (1—2) 298
- Добрый человек и золото («Жил за морем старик; он не был знатен...») 109
- Долина («Мой изнемогший дух, не веря и надежде...») 394
- «Дурак упрям, болтлив, сердит и своенравен...» (Темпераментология А. П. Буниной) 393
- «Еще простой подам тебе урок...» (В альбом 13-тилетней моей племяннице. <2.> Ей же) 382
- «Жил за морем старик; он не был знатен...» (Добрый человек и золото) 109
- «За что люблю тебя!.. не знаю!..» (В. И. Б<акунин>ой в альбом) 377
- Званские виды на Волхове («О Званский тихий край, гористый...»; *Сомнительное и отрывочное*) 447
- «Звук оружий раздаётся...» (Польской; *Сомнительное и отрывочное*) 441
- «Здесь братьев двух Айю стоят изображенья...» (К портретам двух братьев Айю) 92
- И. А. Крылову, читавшему моего «Фаетона» в Беседе любителей русского слова («Читая баснь паденья знаменита...») 278
- Ивану Ивановичу Дмитриеву, при посвящении ему следующих I сказки и III басен («Умолкни, соловей! спорхни с высокой ивы...») 108
- К Амуру («Амур красив, но слеп, — увы! один не ходит!..»; Два экспромта. 1) 298

- К богине сновидений («Всегда на мраках возлежаща...») 74
- К П. М. Т<олст>ой, на ужин А. С. Ш<ишко>ва 23-го января 1815 года («Посланья от меня, Толстая, ты желаешь!...») 355
- К парящему гению поэзии («Как гений сей, паря по влажному эфиру...»; Два экспромта. 2) 298
- К портретам двух братьев Айю («Здесь братьев двух Айю стоят изображенья...») 92
- К. Н. П<учково>й («Любить своих друзей, любить своих врагов...») 396
- «Как взоры ясные невинных вы очес...» (Моим племянникам и племяннице, игравшим пролог на мой в деревню к ним приезд) 210
- «Как, время, ты могло промчаться столь мгновенно?...» (Разговор у общества со временем) 103
- «Как гений сей, паря по влажному эфиру...» (К парящему гению поэзии; Два экспромта. 2) 298
- «Как дева сельская, для праздничного дня...» (Наука о стихотворстве. Песнь II) 411
- «Какой-то мещанин, ведя горшками торг...» (Чугунные и глиняные горшки) 115
- «Капризы не беда! — твердит философ Сава...» (Рондо) 223
- Клитандру, который предпочитал дурного певца хорошему («Алцей, ты говоришь, поет Фадея хуже!...») 221
- «Когда всё предано покою...» ([Куплеты Нины из повести «Вечер у камина»]) 307
- «Когда не ведала бы я, кто тот...» ([Ответ Н. И. Ахвердову на его стихи в альбом]) 303
- «Когда-то в Пекине вельможны старшины...» (Пекинское ристалище) 214
- «Когда-то, говорят, в Флоренции был врач...» (Наука о стихотворстве. Песнь IV) 430
- «Когда-то смерть из царства теней...» (Смерть и ея придворные; *Другие редакции*) 457
- «Когда-то смерть, правительница света...» (Смерть и ея придворные) 113
- «Колико губельно стремленье буйной воли...» (О счастья. Песнь третья) 165
- «Корабль быстрокрылый...» (Сон с корабля) 366
- [Куплеты Нины из повести «Вечер у камина»] («Когда всё предано покою...») 307

- «Леон! не время ли, отброся призрак лживый...» (Послание к Леону. <I>; *Другие редакции*) 467
- Лето («Упал палящий луч с зенита!..» ; Четыре времени года) 237
- Ливия («Что делаешь ты здесь, с открытой головою...») 68
- «Ликуй, Москва! о град священной!..» (Песнь Александру Великому, победителю Наполеона и восстановителю царств) 342
- «Любить меня и нет, жалеть и не жалеть...» (Ближним) 399
- «Любить своих друзей, любить своих врагов...» (К. Н. Печуков >й) 396
- «Люблю я в Сашиньке простые нравы...» (В альбом 10-тилетнему Мар...нову) 384
- «Любовь! всесильная любовь, где средства в мире...» (Циклоп) 61
- Майская прогулка болящей («Боже благодати и правды!..») 206
- Меланхолическая прогулка одной молодой россиянки («В половине августа 1800 года...») 293
- Мерзлякову, на перевод «Танкреда» («Пой сельскую любовь, искусный Мерзляков!..») 313
- «Мир праху твоему!.. О друг души моей!..» (На смерть друга моего. <1>) 82
- Мише, десятилетнему моему племяннику («Всегда, везде равно любовь к тебе храня...») 212
- Моим племянникам и племяннице, игравшим пролог на мой в деревню к ним приезд («Как взоры ясные невинных вы очес...») 210
- «Мой изнемогший дух, не веря и надежде...» (Долина) 394
- Мой портрет, списанный на досуге в осенние ветры для приятелей («Помыслить — было чем со скукою сражаться...») 120
- Молитва Линданы («В одной прелестнейшей из милых Фебустран...») 66
- Мысль при гробе его императорского высочества Георгия, принца Голштейн-Ольденбургского («Чей вижу одр простерт в сей храмине унылой?...») 334
- На выступление российско-императорских войск («Вспрынул от краткия дремоты...») 77
- На выступление российско-императорских войск («Средь громов, бурь, стихиев спора...»; *Другие редакции*) 454
- На дачу его превос<ходительства> И. И. Кушелева («Не сон, не резвые ль мечты...») 310

- На истребление французов, нагло в сердце России вторгнувшихся («Пал наглый сопостат России!..») 322
- На истукан Орфея («О сколь гармонии чудесна сила!..») 220
- На кончину графа Александра Ивановича Кутайсова, в Бородинском сражении убитого 1812 года августа 26 («Ужель и ты!.. и ты...») 319
- «На легких крыльях воздушных...» (Весна; Четыре времени года) 233
- «На мелких, как песок сыпучих хрустальных...» (Падение Фаетона; Песнь вторая) 257
- На разлуку («Разлука — смерти образ лютой...») 389
- На случай детского пиршества, бывшего в Павловске 1810 года июня 16 дня («Что за виденье?...») 217
- На случай смерти Николая Петровича Хлебникова («Средь сумраков nocturnых — чей слышен стон унылой?...») 95
- На смерть друга моего (<1—2>) 82
- На смерть капитана гвардейской артиллерии Ростислава Ивановича Захарова («Узря простерта на плаще меня...») 321
- «На то журавль, чтоб не дремали щуки!..» (Петух-сторож) 227
- Надписи на врата, воздвигнутые в 1814 году для вшествия Александра Победоносного (1—3) 354
- Наука о стихотворстве (4 песни) 401
- Наука о стихотворстве из г. Боало. Песнь I («Вотще стихами мнит писатель дерзновенной...») 135
- «Не в Риме было то, и не в Афинах...» (Похвала любви) 192
- «Не время ли, Леон! призраки броса лживы...» (Послание к Леоноу. <I>) 197
- «Не вся ли жизнь есть перемена?...» 297
- «Не гордым именем Колосса...» (Надписи на врата, воздвигнутые в 1814 году для вшествия Александра Победоносного. 1) 354
- «Не памятник тебе воздвигнуть...» (Надписи на врата, воздвигнутые в 1814 году для вшествия Александра Победоносного. 2) 354
- «Не сон, не резвые ль мечты...» (На дачу его превосходительства> И. И. Кушелева) 310
- Неосновательной ропот противу осени («Почто стремишься ты, неукротимая, страшная осень...») 285
- «Нет злых чудовищей, ни змей известных нам...» (Наука о стихотворстве. Песнь III) 417

- «Нет истины в речах твоих, о автор льстивый!..» (Ответ на вопрос автора предыдущих стихов, можно ли их напечатать в «Московском зрителе») 299
- Ночь («Блистают звезды золотые...»; *Сомнительное и отрывочное*) 444
- «О Званский тихий край, гористый...» (Званские виды на Волхове; *Сомнительное и отрывочное*) 447
- «О сколь гармонии чудесна сила!..» (На истукан Орфея) 220
- О счастья (4 песни) 147
- О счастья. Песнь первая («Пою словесных цель и слепоту очей!..»; *Другие редакции*) 459
- «О ты, могуществом и славою надменный...» (При взгляде на гробницы великих: императора Петра I и императрицы Екатерины II в Петропавловской крепости) 81
- Обещание страждущему бессонницею («Я ночи все не сплю, — томлюсь, — изнемогаю...») 222
- «Однажды вол, осел и конь между собою...» (Вол, осел и конь) 106
- «Оплот противу злых гонений...» (Песнь свободе, писанная к N. N. по случаю данного им на сие повода) 185
- [Ответ Н. И. Ахвердову на его стихи в альбом] («Когда не ведала бы я, кто тот...») 303
- Ответ на вопрос автора предыдущих стихов, можно ли их напечатать в «Московском зрителе» («Нет истины в речах твоих, о автор льстивый!..») 299
- «Отвсюду бедством утесненна...» (Тем, которые предлагали мне писать гимны) 119
- «Отпирайтесь, кленовые!..» (Песня в народном русском вкусе, из местечка Веил-Брук) 375
- Отречение («Увянь, душистый лавр, зеленый...») 143
- [Отрывок из перевода Сапфо] («Свет померк в моих утомленных взорах...»; *Сомнительное и отрывочное*) 445
- Падение Фаетона (3 песни) 241
- «Пал наглый сопостат России!..» (На истребление французов, нагло в сердце России вторгнувшихся) 322
- Пекинское ристалище («Когда-то в Пекине вельможны старшины...») 214
- Песнь Александру Великому, победителю Наполеона и восстановителю царств («Ликуй, Москва! о град священной!..») 342

- Песнь свободе, писанная к N. N. по случаю данного им на сие повода («Оплот противу злых гонений...») 185
- Песнь смерти («Хвала тебе, сон мертвых крепкий!...») 190
- Песня в народном русском вкусе, из местечка Веил-Брук («Отпирайтесь, кленовые!...») 375
- Петух-сторож («На то журавль, чтоб не дремали шуки!...») 227
- Подражание Мадагаскарской песни («Солнце склонилось к западу...») 283
- Поздравление ея императорскому величеству, императрице Елисавете Алексеевне, на радостное, по окончании войны 1814 года, июля 30 дня государя в С.-Петербург прибытие («Возрадуйся о нем, краснейшая из жен!...») 353
- «Пой сельскую любовь, искусный Мерзляков!...» (Мерзлякову, на перевод «Танкреда») 313
- «Полине что бы мне в альбоме написать?...» (В альбом К. Д. Власьевой) 224
- Польской («Звук оружий раздается...»; *Сомнительное и отрывочное*) 441
- «Поля покрылись темнотою...» (Вечер; *Сомнительное и отрывочное*) 439
- «Помыслить — было чем со скукою сражаться...» (Мой портрет, списанный на досуге в осенние ветры для приятелей) 120
- <Послания к Леону> (<I>—II) 197
- «Послания от меня, Толстая, ты желаешь!...» (К П. М. Т<олст>ой, на ужин А. С. Ш<ишко>ва 23-го января 1815 года) 355
- Похвала любви («Не в Риме было то, и не в Афинах...») 192
- «Почто стремишься ты, неукротимая, страшная осень...» (Неосновательной ропот противу осени) 285
- «Пою словесных цель и слепоту очей!...» (О счастья. Песнь первая; *Другие редакции*) 459
- «Прелестное дитя, порхая, стоны слышит...» (Ангел смерти) 83
- При взгляде на гробницы великих: императора Петра I и императрицы Екатерины II в Петропавловской крепости («О ты, могуществом и славою надменный...») 81
- «При взорах я твоих...» (Эпитафия М. П. О...ну от его супруги. <1>) 385
- При встрече весны («Сердце, сжатое тоскою...») 132
- «Приди ко мне, Мальвина...» (Призывание Мальвины из Брайтона в Бат, или с приморского берега в загородной дом) 369

- Призывание Мальвины из Брайтона в Бат, или с приморского берега в загородной дом («Приди ко мне, Мальвина...») 369
- «Прими под сень твою спокойну...» (Воззвание благочестивого мужа к Мариину уединению) 314
- «Прими сей кипарис...» (Эпитафия М. П. О...ну от его супруги. <2.> Ему же) 385
- Прохожий и господский слуга («Шел некто близ палат, через господский двор...») 104
- Разговор между Аполлоном и музою бедного стихотворца («Что ты, муза, бессловесна?...») 101
- Разговор между мною и женщин<ами> («Сестрица душенька! какая радость нам!...») 229
- Разговор у общества со временем («Как, время, ты могло промчаться столь мгновенно?...») 103
- «Разлука — смерти образ лютой...» (На разлуку) 389
- Рондо («Капризы не беда! — твердит философ Сава...») 223
- Русская пословица («Везде к пословицам имеют веру...») 117
- С приморского берега («Светлое море...») 96
- С приморского берега («Тихое море...»; *Другие редакции*) 456
- «Свет померк в моих утомленных взорах...» ([Отрывок из перевода Сапфо]; *Сомнительное и отрывочное*) 445
- «Светлое море...» (С приморского берега) 96
- «Сердце, сжатое тоскою...» (При встрече весны) 132
- «Сестрица душенька! какая радость нам!...» (Разговор между мною и женщин<ами>) 229
- «Скажи мне, милый Джон, кто дал тебе искусство...» (Брату моему) 93
- Слеза 386
- Смерть и ея придворные («Когда-то смерть из царства теней...»; *Другие редакции*) 457
- Смерть и ея придворные («Когда-то смерть, правительница света...») 113
- «Солнце склонилось к западу...» (Подражание Мадагаскарской песни) 283
- Сон с корабля («Корабль быстрокрылый...») 366
- «Среди угрюмой тишины...» (Юному Поллуксу) 98
- «Средь громов, бурь, стихиев спора...» (На выступление российско-императорских войск; *Другие редакции*) 454

- «Средь сумраков nocturnal — чей слышен стон унылой?...» (На случай смерти Николая Петровича Хлебникова) 95
 Стансы («Блажен, кто воздухом одним с тобою дышит!...») 279
 Стансы на болезнь и на выздоровление Д. А. Л. («Что пасмурна погода...»; *Сомнительное и отрывочное*) 446
 [Стихи из письма к А. С. Шишкову] («Хоть бедность не порок...») 337
 Сумерки («Блеснул на западе румяный царь природы...») 84
 Счастливый Меналк («Теки, желанное светило!...») 358
- «Так! Нет тебя!.. И та, которая блистала...» (На смерть друга моего. <2.> Ей же) 82
 «Тебе ль, любимец муз счастливый...» (Графу Кутайсову, на сочиненные им в мой альбом стихи) 312
 «Теки, желанное светило!...» (Счастливый Меналк) 358
 Тем, которые предлагали мне писать гимны («Отвсюду бедством утесненна...») 119
 Темпераментология А. П. Буниной («Дурак упрям, болтлив, сердит и своенравен...») 393
 «Тихое море...» (С приморского берега; *Другие редакции*) 456
 «То Бога лучшее творенье...» (Экспромт на вопрос: кто из всего дышащего менее наслаждается жизнью?) 225
 Три друга («Три сплетшись повилики...») 365
 «Три сплетшись повилики...» (Три друга) 365
- «Увидя некогда Дамон...» (Видение Дамона) 88
 «Увянь, душистый лавр, зеленый...» (Отречение) 143
 «Ужель и ты!.. и ты...» (На кончину графа Александра Ивановича Кутайсова, в Бородинском сражении убитого 1812 года августа 26) 314
 «Узря простерта на плаще меня...» (На смерть капитана гвардейской артиллерии Ростислава Ивановича Захарова) 321
 «Умолкни, соловей! спорхни с высокой ивы...» (Ивану Ивановичу Дмитриеву, при посвящении ему следующих I сказки и III басен) 108
 «Упал палящий луч с зенита!...» (Лето; Четыре времени года) 237
 Упрек другу («Возможно ль, что и ты, — и ты...») 387
 Усердное призывание Александра от верноподданных его, торжествующих в С.-Петербурге взятие Парижа 1814 <года> апреля 15, 16 и 17 («Гряди, россиян упованье...») 351

Философия бабочки («В один приятный летний день...») 300

«Хвала тебе, сон мертвых крепкий!..» (Песнь смерти) 190

«Хоть бедность не порок...» ([Стихи из письма к А. С. Шишкову])

337

«Хотя б пирамиды воздвигли мы из злата...» (Надписи на врата, воздвигнутые в 1814 году для вшествия Александра Победоносного. 3) 354

«Хочу продерзость петь младого Фаетона...» (Падение Фаетона; Песнь первая) 248

Циклоп («Любовь! всесильная любовь, где средства в мире...») 61

«Чей вижу одр простерт в сей храмине унылой?...» (Мысль при гробе его императорского высочества Георгия, принца Голштейн-Ольденбургского) 334

Четыре времени года (2 стихотворения) 233

«Читая баснь паденья знаменита...» (И. А. Крылову, читавшему моего «Фаетона» в Беседе любителей русского слова) 278

«Что делаешь ты здесь, с открытой головою...» (Ливия) 66

«Что за виденье?...» (На случай детского пиршества, бывшего в Павловске 1810 года июня 16 дня) 217

«Что пасмурна погода...» (Стансы на болезнь и на выздоровление Д. А. Л.; *Сомнительное и отрывочное*) 446

«Что разум? что краса? приятств совокупленье?...» (Эпитафия супруге его превосходительства Ф. И. А<хвердова>, сделанная по его просьбе. <1>) 216

«Что ты, муза, бессловесна?...» (Разговор между Аполлоном и музою бедного стихотворца) 101

«Что хвалишься умом, счастливый...» (Гордость) 397

Чугунные и глиняные горшки («Какой-то мещанин, ведя горшками торг...») 115

«Шел некто близ палат, через господский двор...» (Прохожий и господский слуга) 104

Экспромт на вопрос: кто из всего дышущего менее наслаждается жизнью? («То Бога лучшее творенье...») 225

Эпитафия М. П. О...ну от его супруги (<1—2>) 385

Эпитафия супруге его превосходительства Ф. И. А<хвердова>, сделанная по его просьбе (<1—2>) 216

Юному Поллуксу («Среди угрюмой тишины...») 98

«Я ночи все не сплю, — томлюсь, — изнемогаю...» (Обещание страждущему бессонницею) 222

Бунина Анна Петровна

НЕОПЫТНАЯ МУЗА

Собрание стихотворений

Ответственный редактор МАКСИМ АМЕЛИН

Макет и верстка: Стас Валишин

ОБЪЕДИНЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

117105, Москва, Варшавское шоссе, д. 3.

Тел.: (495) 626-24-72; e-mail: izdatelstvo.ogi@yandex.ru

Книги издательства можно приобрести:

В РОЗНИЦУ В МОСКВЕ

Книжный магазин «Москва»,
м. «Пушкинская», «Тверская»,
ул. Тверская, д. 8.

Тел.: (495) 629-64-83, (495) 797-87-17

ТД «Библио-Глобус», м. «Лубянка»,
ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1.

Тел.: (495) 781-27-37

Московский дом книги,
м. «Арбатская», ул. Новый Арбат, д. 8.

Тел.: (495) 789-35-91

Дом книги «Молодая Гвардия»,
м. «Полянка», ул. Большая Полянка, д. 28.

Тел.: (495) 238-50-01.

Книжный магазин «Фаланстер»,
м. «Пушкинская», «Тверская»,
Малый Гнездииковский пер., д. 12/27.

Тел.: (495) 629-88-21

Сеть магазинов «Республика».

Тел.: (495) 251-65-27

В РОЗНИЦУ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Санкт-Петербургский Дом книги,
м. «Невский проспект», «Гостиный двор»,
Невский проспект, д. 28.

Тел.: (812) 448-23-55

Сеть магазинов «Буквоед».

Тел.: (812) 601-06-01.

Книжный магазин «Все свободны»,
наб. Мойки, 28. Тел.: (911) 977-40-47

ОПТОМ

КД «Б.С.Г.-Пресс», Москва,
Варшавское шоссе, д. 3.

Тел. (495) 626-24-72

«А. Симпозиум», Санкт-Петербург,
20-я линия В. О., д. 5/7.

Тел. (812) 325-66-61

Наши книги в электронном формате
можно найти по адресу:

www.bibliorossica.com/publishers.html

Подписано в печать 09.11.15. Формат 84×108/32.

Гарнитура Cambria. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Объем 17,5 п. л. Тираж 3000 экз. Заказ №

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

О

Щестьин.

Дидактическое Стихотворение

Писем 1^е

Где ты невидимый, въ пряслах не изтощивый,
Кривостый, Глазливый: То свѣтъ твой фреволъ змий;
То музой, Гекіевъ, та слова льпотой;
Предъ кльбъ Кривавъ мѣствъ Кимчисъ ломала свой,
Ато Чрошъ верже вѣтъ вѣруеть и кротость мѣствъ небеску.
Где ты?... светъи концы подѣ семъ мотъ безозвѣстку,
И Бросъ яркія лучи твоихъ огей,
Светѣ не мерцаемый на лицу мнѣ пролей!
Аи мнѣу раскисля иль мнѣу помятій темныхъ
Достойно возмоу воспѣтъ я щастіе смертныхъ;
Сей доблестный предметъ, всеобщу цѣль людеи,
Тѣкашуровъ внутри извѣстныхъ стѣдей.
А ты! поторо мнѣ къ подможью провиденья
Не рѣдко возыметь вѣжисъ Кисеодѣрмья!

Призывание Графини Бальманъ
Изъ Брайтона, въ Батъ.

Приди ко мнѣ Малвика! —
Ведикъ у снади! —
Приди ко мнѣ, — приди! —
Мнѣ мнѣ о томъ Боина,
И насъ турокъ. Снѣ оукина! —
Приди ко мнѣ Малвика, —
Приди ко мнѣ, — приди!

Когда надъ мною клубилъ Морския Волны,
Мнѣ днѣи провѣя о хладнѣ Брѣи. Брѣи, —
Ровуши, Брѣи, — и самъ днѣи поны:
Нѣтѣи въ каданъ, что двѣдѣи мнѣ мнѣ?
Мнѣи товарищи, О! Ведикъ Малвика!
Богуща мнѣи стѣи, и вѣи, и мнѣи, и рѣи, —
Кависнѣи слави, — Брѣи, —
Днѣи, — вѣи, — рѣи, — вѣи, —
Стѣи, — вѣи, — вѣи, — вѣи, —
Вѣи, — вѣи, — вѣи, — вѣи, —
Брѣи, — вѣи, — вѣи, — вѣи, —
Мнѣи, — вѣи, — вѣи, — вѣи, —

ПРАВИЛА ПОЭЗИИ.

НЕОПЫТНАЯ МУЗА.

А. Б.

9

16 S. 01.

Муза спасла меня отъ потопления.

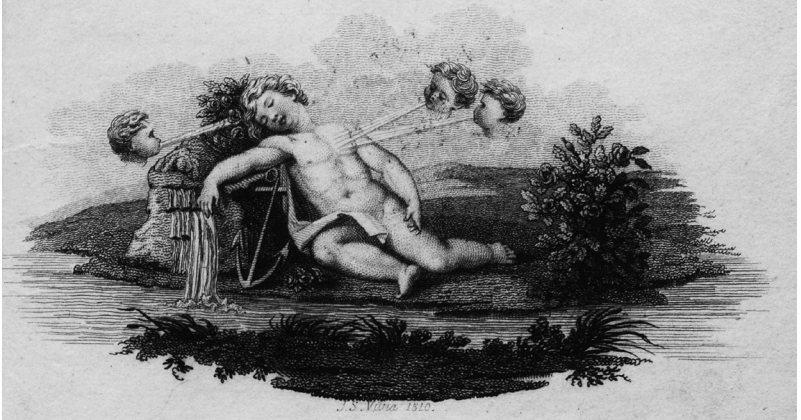
О

СЧАСТІИ,

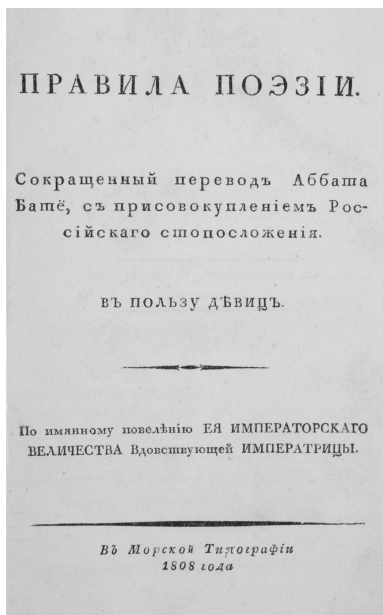
дидактическое стихотворение

А. Б.

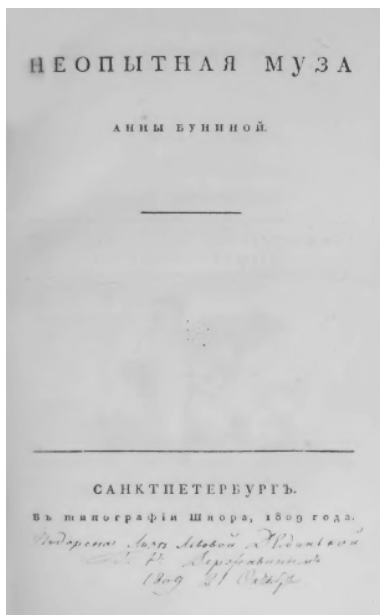

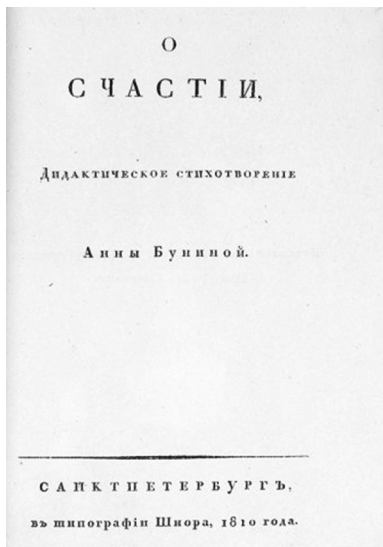
О счастии, дидактическое стихотворение А. Б. 1810.
Гравированный титул работы Дж. Саундерса

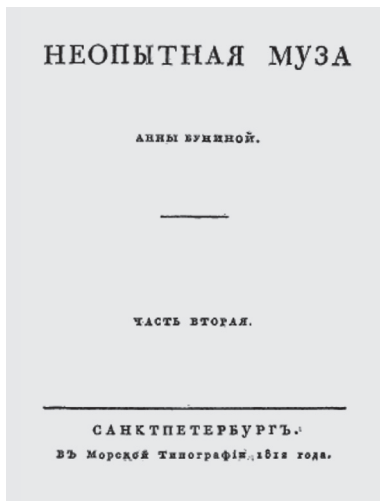
Правила поэзии. Сокращенный перевод из аббата Бат<т>ѣ, с присовокуплением российского стопосложения. 1808. Титульный лист

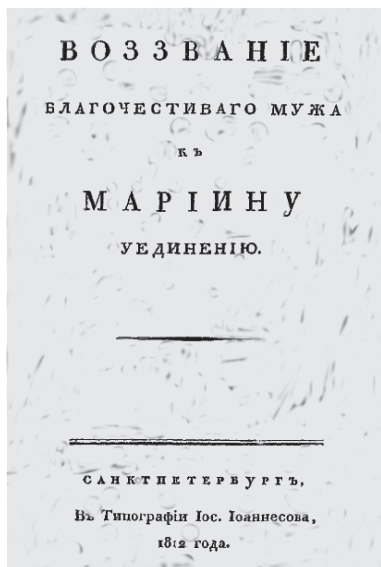
Неопытная муза Анны Буниной. 1809. Титульный лист с автографом Г. Р. Державина: «Подарена Лизе Львовоу Дядиной Г. Р. Державиной 21 октября» (Библиотека Пенсильванского университета. Филадельфия, США)

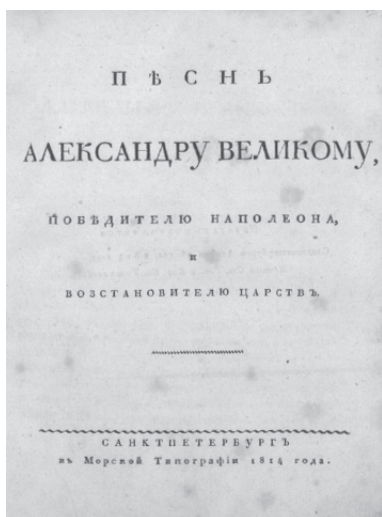
О счастіи, дидактическое стихотворение Анны Буниной. 1810. Титульный лист

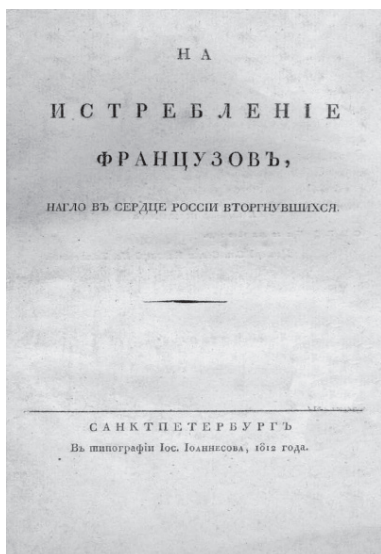
Неопытная муза Анны Буниной. Часть вторая. 1812. Титульный лист

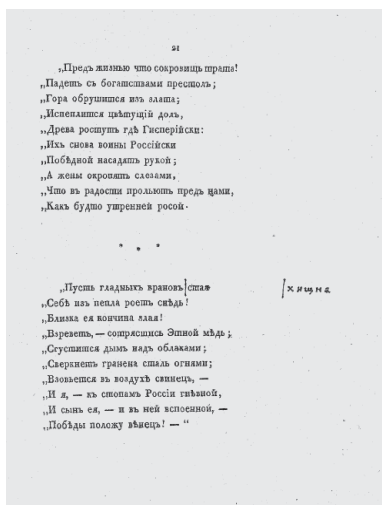
Воззвание благочестивого мужа к Мариину уединению. 1812.
Титульный лист

Песнь Александру Великому, победителю Наполеона и восстановителю царств. 1814.
Титульный лист

На истребление французов, нагло в сердце России вторгнувшихся. 1812.
Титульный лист

На истребление французов, нагло в сердце России вторгнувшихся. 1812.
Авторская правка на с. 21, не учтенная в «Собрании стихотворений» (Библиотека СПбГУ)

Въ Библиотекѣ
С. Петербургскаго Университета отъ сочинительницы
Приношение.

СОБРАНІЕ

СТИХОТВОРЕНІЙ

АННЫ БУНИНОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Россійской Академіи

1819 года.

Перекъ съ Англ. языка
Анна Бунина.

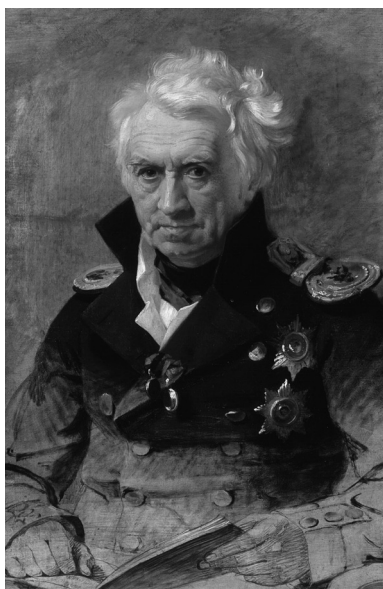
съ пер. Ганнибалъ, изданное въ
LONDON: PRINTED FOR T. CADELL AND
W. DAVIES IN THE STRAND, AND W. CRE-
ECH, EDINBURGH. 1814. VOL. III.

Г. Р. Державин. 1815. Портрет работы
А. А. Васильевского

И. А. Крылов. 1812. Портрет работы
Р. Н. Волкова

А. С. Шишков. 1826. Портрет работы Дж. Доу

Н. М. Карамзин. Первая половина 1800-х.
Портрет работы неизвестного художника

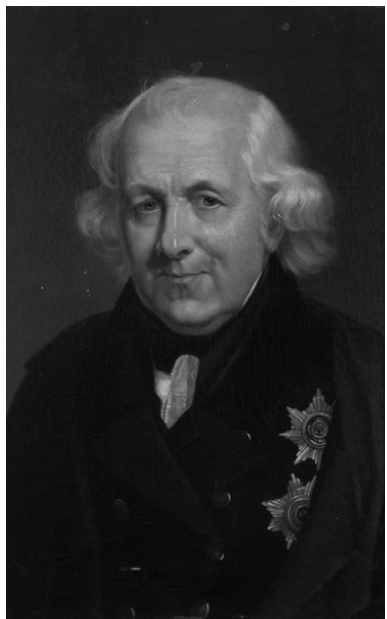

И. И. Дмитриев. Первая половина 1810-х.
Портрет работы неизвестного художника

Князь П. И. Шаликов. 1810-е. Портрет
работы неизвестного художника

Н. С. Мордвинов. 1826. Копия неизвестного
художника с портрета работы Дж. Доу

Н. И. Ахвердов. Первая половина
1810-х. Портрет работы А. Г. Варнека

Вдовствующая императрица Мария Феодоровна. 1825. Портрет работы Дж. Доу

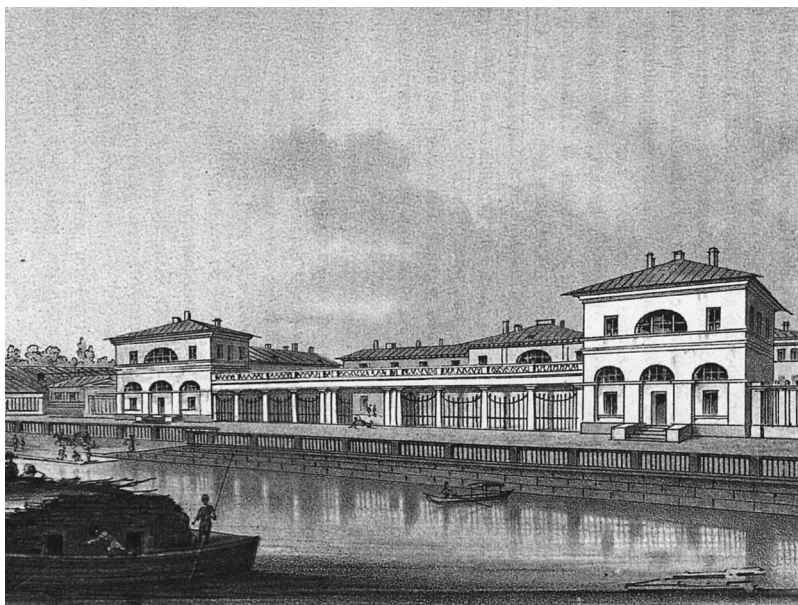
Императрица Елисавета Алексеевна. Середина 1800-х. Копия неизвестного художника с портрета работы Ж.-Л. Монье

М. В. де Бальмен. 1810-е. Портрет работы А.-Ф. Ризенера

В. И. Панаев. 1820-е. Портрет работы А. В. Тыранова

Дом Г. Р. Державина. 1810-е. Литография Н. К. Брезе по рисунку М. Н. Воробьева

Зал заседаний Беседы в Доме Г. Р. Державина. Современный вид

Императорский дворец в Павловске. Первая треть XIX в. Картина неизвестного художника

Вид на Южный Парад от реки Эйвон. 1804. Гравюра Ф. Льюиса по картине Дж. Нэйтса. То самое место, где Бунина жила в Бате (Англия) в 1816 г.

Дом Буниных в Урусове. Современный вид

Сохранившаяся часть надгробного памятника, поставленного П. П. Семеновым-Тян-Шанским в Урусове в 1900-е. Современный вид

АННА БУНИНА • НЕОПЫТНАЯ МУЗА

Имя Анны Петровны Буниной (1774—1829)

мало что говорит современным любителям поэзии.

Между тем она первая в России женщина-поэт, создавшая значительный корпус оригинальных стихотворений.

Стихи от случая к случаю сочинялись женщинами и до нее,

но никому прежде не доводилось вступать в литературное

соревнование с мужчинами на равных. Осознанно

и целенаправленно взявшись за создание женского

поэтического языка, способного выражать сложные

переживания и глубокие мысли, она выступила

как смелый экспериментатор, внедряющий новые стиховые

формы и раздвигающий жанровые и стилистические

границы. Ради творчества Бунина была вынуждена

пожертвовать многим: истратила свое наследство

на образование, пренебрегла браком (что в те времена —

поступок небывалый) и в итоге подорвала здоровье.

Ее поэзию, четко наметившую две линии — медитативно-

рассудочную (ахматовскую) и эмоционально-чувственную

(цветаевскую), высоко ценили Державин и Крылов,

Шишков и Карамзин, Кюхельбекер и Баратынский.

Впервые после почти двухсотлетнего перерыва

стихи Буниной возвращаются к читателям.

МОСКВА
Б.С.Г.-ПРЕСС

